This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 725.20 (3)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

Профессора ПЛАТОНОВА.

Читанныя въ 1898—99 учебн. году на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Военно-Юридической Академіи.

Выпускъ III-й.

Издали на правахъ рукописи слушатели Военно-Юридической Академіи

ПОРУЧИКИ

Блиновъ и фонъ-Заупахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Столичная Скоропечатня». Гороховая, 12.
1899.

Slav 725.20 (3)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 23 1960

Петръ Великій.

Предметомъ нашего курса будетъ царствованіе Петра Великаго и событія XVIII в.

Въ научныхъ трудахъ очень часто XVIII и XIX в.в. представляются особымъ періодомъ въ историческомъ развитіи нашей государственной жизни. Этому періоду усвоено нѣсколько названій: одни зовутъ его «Императорскимъ», другіе «Петербургскимъ», третьи просто называютъ это время Новой Русской Исторіей.

Новую Русскую Исторію обыкновенно начинаютъ, съ такъ называемой, эпохи преобразованій нашего общественнаго быта. Главнымъ дѣятелемъ этихъ преобразованій былъ Петръ Великій. Поэтому время его царствованія представляется нашему сознанію той гранью, которая отдѣляетъ старую Русь отъ преобразованной Россіи. Съ этой грани намъ и должно начать свое изученіе и прежде всего, стало быть, познакомиться съ сущностью преобразованій и съ преобразовательной дѣятельностью Петра.

Но дѣятельность Петра до сихъ поръ не имѣетъ въ нашемъ общественномъ сознаніи одной твердо установленной оцѣнки. На преобразованія Петра смотрѣли разно его современники, смотримъ разно и мы, люди XIX вѣка. Одни старались объяснить себѣ значеніе реформы для послѣдующей русской жизни, другіе занимались вопросомъ объ отношеніи этой реформы къ явленіямъ предшествовавшей эпохи, третьи судили личность и дѣятельность Петра съ нравственной точки зрѣнія.

Вѣдѣнію историка подлежатъ, строго говоря, только двѣ первыя категоріи мнѣній, какъ историческія по своему существу. Знакомясь съ ними, мы замѣчаемъ, что эти мнѣнія, иногда, рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Происходятъ такія несогласія отъ многихъ причинъ: во 1-хъ, преобразованія Петра, захватывая въ большей или меньшей степени всѣ стороны древне - р усской жизни, представляютъ собою такой сложный историческій фактъ, что всестороннее пониманіе его трудно дается отдѣльному уму. Во 2-хъ, не всѣ мнѣнія о реформахъ Петра выходятъ изъ одинаковыхъ основаній. Въ то время какъ одни изслѣдователи изучаютъ время Петра съ цѣлью достичь объективнаго историческаго вывода о его значеніи въ развитіи народной жизни, другіе стремятся въ преобразовательной дѣятельности начала XVIII в. найти оправданія тѣхъ или иныхъ своихъ воззрѣній на современные

общественные вопросы. Если первый пріемъ изученія слѣдуетъ назвать научнымъ, то второму всего приличнѣе названіе публицистическаго. Въ 3-хъ, общее развитіе науки Русской Исторіи всегда оказывало и будетъ оказывать вліяніе на представленія наши о Петрѣ. Чѣмъ больше мы будемъ знать нашу исторію, тѣмъ лучше мы будемъ понимать смыслъ преобразованій. Нѣтъ сомнѣнія, что мы находимся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наши предки и знаемъ больше чѣмъ они, но наши потомки тоже скажутъ и о насъ. Мы откинули много прежнихъ историческихъ заблужденій, но не имѣемъ права сказать, что знаемъ прошлое безошибочно,—наши потомки будутъ знать и больше, и вѣрнѣе насъ.

Но говоря такъ, я не хочу сказать, что мы не имѣемъ права изучать историческія явленія и обсуждать ихъ. Повинуясь присущему намъ духу, стремленію не только знать факты, но и логически связывать ихъ, мы строимъ наши выводы и знаемъ, что самыя наши ошибки облегчаютъ работу послѣдующимъ поколѣніямъ и помогутъ имъ приблизиться къ истинѣ, также какъ для насъ самихъ поучительны и труды и ошибки нашихъ предковъ.

Не мы первые начали разсуждать о Петрѣ Великомъ. Его дѣятельность уже обсуждали его современники. Ихъ взгляды смѣнялись взглядами ближайшаго потомства, судившаго по преданію, по наслышкѣ, а не по личнымъ впечатлѣніямъ. Затѣмъ мѣсто преданій заняли историческіе документы, Петръ сталъ предметомъ научнаго вѣдѣнія. Каждое поколѣніе несло съ собою свое особое міровоззрѣніе и относилось къ Петру по своему. Для насъ очень важно знать, какъ въ различное время видоизмѣнялось это отношеніе къ Петру нашего общества.

Современники Петра считали его одного причиною и двигателемъ той новизны, какую вносили въ жизнь его реформы. Эта новизна для однихъ была пріятна, потому что они видѣли въ ней осуществленіе своихъ желаній и симпатій; для другихъ она была ужаснымъ дѣломъ, ибо, какъ имъ казалось, подрывались основы стараго быта, освященныя стариннымъ Московскимъ правовѣріемъ. Равнодушнаго отношенія къ реформамъ не было ни у кого, такъ какъ реформы задѣвали всѣхъ. Но не всѣ одинаково рѣзко выражали свои взгляды. Пылкая смѣлая преданность Петру и его дѣлу отличаетъ многихъ его помощниковъ, страшная ненависть слышится въ отзывахъ о Петрѣ у многихъ поборниковъ старины Первые доходятъ до того, что зовутъ Петра „земнымъ богомъ“, вторые не страшатся называть его антихристомъ. И тѣ и другіе признаютъ въ Петрѣ страшную силу и мощь, и ни тѣ, и ни другіе не могутъ спокойно отнестись къ нему, потому что находятся подъ вліяніемъ его дѣятельности. И преданный Петру Нартовъ, двадцать лѣтъ ему служившій, и какой нибудь изувѣръ-раскольникъ, ненавидѣвшій Петра всѣмъ своимъ существомъ, одинаково поражены Петромъ и одинаково неспособны судить его безпристрастно. Когда умеръ Петръ и кончилась его реформаціонная дѣятельность, когда преемники, не понимая его, часто останавливали и портили начатое имъ, дѣло Петра не умерло и Россія не могла вернуться

въ прежнее состояніе. Плоды его дѣятельности—внѣшняя сила Россіи и новый порядокъ внутри страны были на глазахъ у каждаго, жгучая вражда недовольныхъ стала воспоминаніемъ. Но многіе, сознательно жившіе люди, и долго спустя послѣ смерти Петра продолжали ему удивляться неменьше современниковъ. Они жили въ созданной имъ гражданской обстановкѣ и пользовались культурой, которую онъ такъ старательно насаждалъ. Все, что они видѣли вокругъ себя въ общественной сферѣ, вело начало отъ Петра. О Петрѣ осталось много воспоминаній, о томъ же, что было до него, стали забывать. Если Петръ внесъ въ Россію свѣтъ просвѣщенія и создалъ ея политическую силу, то до него какъ думали, была «тьма и ничтожество». Такъ приблизительно характеризовалъ до-Петровскую Русь канцлеръ графъ Головкинъ, поднося Петру титулъ Императора въ 1721 г. Онъ выразился еще рѣзче, говоря, что геніемъ Петра мы «изъ небытія въ бытіе произведены». Въ послѣдующее время эта точка зрѣнія замѣчательно привилась: Ломоносовъ называлъ Петра «богомъ», ходячее стихотвореніе звало его «свѣтомъ» Россіи. Петра считали творцомъ всего, что находили хорошаго вокругъ себя. Видя во всѣхъ сферахъ общественной жизни начинанія Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественныхъ размѣровъ. Такъ было въ первой половинѣ XVIII в. Вспомнимъ, что тогда не существовало еще исторической науки, что возможность просвѣщенія данная Петромъ, создала еще немногихъ просвѣщенныхъ людей. Эти немногіе люди судили Петра по тому преданію, какое сохранилось въ обществѣ о времени преобразованій.

Но не все, что было въ Россіи послѣ Петра, было хорошо. Не всѣмъ, по крайней мѣрѣ, оставались довольны мыслящіе люди XVIII в. Они видѣли, напримѣръ, что усвоеніе западно-европейской образованности, начатое при Петрѣ, превращалось часто въ простое перениманіе культурной внѣшности. Они видѣли, что знакомство съ Западомъ, съ пользой, приносило къ намъ часто и пороки западно-европейскаго общества. Далеко не всѣ русскіе люди оказывались способными воспринять съ Запада здоровыя начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя однако съ глубокимъ невѣжествомъ изящную внѣшность европейскихъ щеголей. Въ сатирическихъ журналахъ, второй половины прошлаго вѣка, мы постоянно встрѣчаемъ нападки на этотъ разладъ внѣшности и внутренняго содержанія. Раздаются голоса противъ безтолковаго заимствованія западныхъ формъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе историческихъ знаній позволяетъ уже людямъ XVIII в. оглянуться назадъ, на до-Петровское время. И вотъ многіе передовые люди (князь Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ) темнымъ сторонамъ своей эпохи противопоставляютъ свѣтлыя стороны до-Петровской поры. Они не развѣнчиваютъ дѣятельности Петра, но и не боготворятъ его личности. Они рѣшаются критиковать его реформу и находятъ, что она была односторонней, привила намъ много хорошаго со стороны, но отняла отъ насъ много своего хорошаго. Къ такому выводу они приходятъ путемъ изученія прошлаго, но это изученіе далеко не спокойно: оно вызвано недостатками настоящаго и идеализируетъ прошлую жизнь. Однако эта идеализація направлена не противъ

самаго Петра, а противъ нѣкоторыхъ послѣдствій его реформы. Личность Петра и въ концѣ XVIII в. окружена такимъ же ореоломъ, какъ и вначалѣ столѣтія. Императрица Екатерина относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Находятся люди, посвящающіе всю жизнь собранію историческаго матеріала, служащаго къ прославленію Петра,—таковъ купецъ Голиковъ.

Во второй половинѣ XVIII в. зарождается уже наука Русской Исторіи. Но историки того времени или усердно собираютъ матеріалы для исторіи (какъ Миллеръ) или заняты изслѣдованіемъ древнѣйшихъ эпохъ русской жизни -(Ломоносовъ, Байеръ, Штритеръ, Татищевъ, Щербатовъ, Шлецеръ). Петръ еще внѣ предѣловъ ихъ вѣдѣнія. Первую научную оцѣнку получаетъ онъ отъ Карамзина.

Но Карамзинъ, какъ историкъ, принадлежитъ уже нашему вѣку. Ученый по критическимъ пріемамъ, художникъ по натурѣ и моралистъ по міровоззрѣнію, онъ представлялъ себѣ русскую историческую жизнь, какъ постепенное развитіе національно-государственнаго могущества. Къ этому могуществу велъ Россію рядъ талантливыхъ дѣятелей. Среди нихъ Петру принадлежало одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Но, читая «Исторію Государства Россійскаго» въ связи съ другими историческими трудами Карамзина, вы замѣчаете, что Петру, какъ дѣятелю, Карамзинъ предпочиталъ другого историческаго дѣятеля—Ивана III-го. Этотъ послѣдній сдѣлалъ свое княжество сильнымъ государствомъ и познакомилъ Русь съ западной Европой безо всякой ломки и насильственныхъ мѣръ. Петръ-же насиловалъ русскую природу и рѣзко ломалъ старый бытъ. Карамзинъ думалъ, что можно было бы обойтись и безъ этого. Своими взглядами Карамзинъ сталъ въ нѣкоторую связь, съ критическими воззрѣніями на Петра, упомянутыхъ нами людей XVIII в. Также, какъ они, онъ не показалъ исторической необходимости петровскихъ реформъ, но онъ уже намекалъ, что необходимость реформы чувствовалась и ранѣе Петра. Въ XVIII в., говорилъ онъ, сознавали, что нужно заимствовать съ Запада: «явился Петръ»,—и заимствованіе стало главнымъ средствомъ реформы. Но почему именно «явился Петръ», Карамзинъ еще не могъ сказать.

Въ эпоху Карамзина началось уже вполнѣ научное изслѣдованіе нашей старины. (Карамзину помогали цѣлые кружки ученыхъ людей, умѣвшихъ нетолько собирать, но изслѣдовать историческій матеріалъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ первой половинѣ XIX в. въ русскомъ обществѣ пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образованіе, рождался интересъ къ нашему прошлому, желаніе знать общій ходъ нашего историческаго развитія. Не будучи историкомъ, Пушкинъ желалъ работать надъ Исторіей Петра, но смерть помѣшала этому. Не будучи историкомъ, Чаадаевъ принялся размышлять надъ русской исторіей и пришелъ къ печальному выводу, что у насъ нѣтъ ни исторіи, ни культуры.

Обращаясь къ прошлому, русскіе образованные люди не имѣли спеціальныхъ историческихъ знаній и вносили въ толкованіе прошлаго тѣ точки зрѣнія, какія почерпали въ занятіяхъ нѣмецкой философіей, Германская метафизика XIX в. очень вліяла на русскую образованную

молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля. Подъ вліяніемъ его философіи, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Россіи образовались философскіе кружки, выработавшіе цѣльное міровоззрѣніе и имѣвшіе большое вліяніе на умственную жизнь русскаго общества средины нашего вѣка. Въ этихъ кружкахъ принципы германской философіи примѣнялись къ явленіямъ русской жизни и вырабатывалось, такимъ образомъ историческое міросозерцаніе. Самостоятельная мысль этихъ «людей 40-хъ годовъ», отправляясь отъ данныхъ германской философіи, приходила къ своимъ особымъ выводамъ, у разныхъ лицъ неодинаковымъ. Всѣ послѣдователи Гегеля между прочими философскими положеніями, выносили изъ его ученія двѣ мысли, которыя въ простомъ изложеніи выразятся такъ; 1-ая мысль: всѣ народы дѣлятся на историческіе и неисторическіе; первые участвуютъ въ общемъ міровомъ прогрессѣ, вторые стоятъ внѣ его и осуждены на вѣчное духовное рабство. 2-ая мысль: высшимъ выразителемъ мірового прогресса, его верхней (послѣдней) ступенью, является германская нація съ ея протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизація есть, такимъ образомъ, послѣднее слово мірового прогресса. Одни изъ русскихъ послѣдователей Гегеля вполнѣ раздѣляли эти воззрѣнія; для нихъ поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страною неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вѣчный застой. Эту «азіатскую страну» (такъ называлъ ее Бѣлинскій) Петръ Великій своей реформой пріобщилъ къ гуманной цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса. До Петра у насъ не было исторіи, не было разумной жизни. Петръ далъ намъ эту жизнь и поэтому его значеніе безконечно важно и высоко. Онъ не могъ имѣть никакой связи съ предъидущей русской жизнью, ибо дѣйствовалъ совсѣмъ противоположно ея основнымъ началамъ. Люди, думавшіе такъ, получили названіе западниковъ. Они, какъ легко замѣтить, сошлись совершенно съ тѣми современниками Петра, которые считали его земнымъ богомъ, произведшимъ Россію изъ небытія въ бытіе.

Но не всѣ люди 40-хъ годовъ думали такъ. Нѣкоторые, принимая теорію мірового прогресса Гегеля, по чувству патріотизма возмущались его мнѣніемъ, что германская цивилизація есть послѣдняя ступень прогресса и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видѣли причины, почему прогрессъ долженъ остановиться на германцахъ; изъ исторіи они выносили убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, имѣло свое историческое развитіе, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась отъ германской въ трехъ отношеніяхъ.

1) На западѣ, у Германцевъ, христіанство явилось въ формѣ католичества и затѣмъ протестантства; на востокѣ у славянъ — въ формѣ православія.

2) Древне-классическую культуру германцы восприняли изъ Рима въ формѣ латинской, Славяне изъ Византіи, въ формѣ греческой. Между той и другой культурой есть существенныя различія.

3) Наконецъ государственный бытъ въ древне-германскихъ государствахъ сложился путемъ завоеванія; у славянъ, и у русскихъ въ

частности, путемъ мирнымъ. Поэтому въ основаніи общественныхъ отношеній на западѣ лежитъ вѣковая вражда; у насъ ея нѣтъ.

Самостоятельное развитіе этихъ трехъ началъ составляло содерженіе древне-русской жизни. Такъ думали нѣкоторые болѣе самостоятельные послѣдователи германской философіи, получившіе названіе славянофиловъ. Наибольшаго развитія самостоятельная русская жизнь достигла въ эпоху Московскаго государства. Петръ нарушилъ это развитіе. Онъ своей насильственной реформой внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала западной германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложную дорогу заимствованій. Онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего «національнаго духа»- Чтобы остаться вѣрными этому національному духу, мы должны отречься отъ чуждыхъ западно-европейскихъ началъ и возвратиться къ самобытной старинѣ. Тогда, сознательно развивая національныя наши начала, мы своей цивилизаціей можемъ смѣнить германскую и станемъ въ общемъ міровомъ развитіи выше германцевъ.

Таковы воззрѣнія славянофиловъ. Петръ по ихъ мнѣнію, измѣнилъ прошлому, дѣйствовалъ противъ него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу нѣкоторыхъ его дѣлъ, но считали его реформу вредною въ самомъ ея существѣ и не національною. У нихъ, какъ и у западниковъ, Петръ былъ лишенъ всякой внутренней связи съ предшествовавшей ему исторической жизнью.

Вы, конечно, уже замѣтили, что ни одно изъ разсмотрѣнныхъ нами воззрѣній на Петра не было въ состояніи указать и объяснить внутреннюю связь его преобразованій съ предъидущей исторіей. Даже Карамзинъ не шелъ далѣе смутнаго намека. Эту связь Петра съ прошлымъ уловилъ чутьемъ въ 40-хъ годахъ Погодинъ, но не ранѣе, какъ въ 1863 г. онъ могъ высказать объ этомъ свои мысли. Причиной этому былъ отчасти недостатокъ историческаго матеріала, отчасти отсутствіе у Погодина цѣльнаго историческаго міросозерцанія.

Такое міросозерцаніе было внесено въ наши университеты въ концѣ 40-хъ годовъ, когда Погодинъ уже кончилъ свою профессорскую дѣятельность. Носители новыхъ историческихъ идей были молодые ученые, воззрѣнія которыхъ на нашу исторію въ то время назывались «теоріей родового быта». Впослѣдствіи же эти ученые стали извѣстны подъ собирательнымъ именемъ «историко-юридической школы» Они первые установили мысль о томъ, что реформы Петра явились необходимымъ слѣдствіемъ всего историческаго развитія русской жизни.

Воспитались эти ученые подъ вліяніемъ германской философіи и исторической науки. Вначалѣ нашего вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели, такъ называемой «германской исторической школы» внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворныя руководящія идеи и новые, точные методы изслѣдованія историческаго матеріала. Главной мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ обществъ не есть результатъ случайностей и единичной воли отдѣльныхъ лицъ; напротивъ, это развитіе совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ сила человѣка.

Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ XVIII в. Фр. Августъ Вольфъ въ своемъ трудѣ.

За нимъ послѣдовали историки, Нибуръ и Готфридъ Миллеръ, занимавшіеся исторіей Рима и Греціи; историки юристы Эйхгорнъ (историкъ древне-германскаго права) и Савиньи (историкъ римскаго права въ средніе вѣка). Ихъ направленіе создало въ Германіи къ половинѣ XIX вѣка блестящее положеніе исторической науки.

Подъ вліяніемъ германской науки воспитывались и наши ученые. Они усвоили себѣ всѣ выводы и воззрѣнія нѣмецкой исторической школы. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и философіей Гегеля. Хотя въ Германіи точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими умствованіями Гегеля и его послѣдователей, тѣмъ не менѣе, историки и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное развитіе человѣческихъ обществъ. И историки и Гегель отрицали случайность и ихъ воззрѣнія поэтому могли ужиться въ одной личности.

Эти воззрѣнія и были приложены къ русской исторіи нашими учеными. Первые сдѣлали это, въ своихъ лекціяхъ и печатныхъ трудахъ, профессора Московскаго университета С. М. Соловьевъ К. Д. Кавелинъ. Они думали показать въ русской исторической жизни органическое развитіе тѣхъ началъ, которыя были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени. Они полагали, что главнымъ содержаніемъ нашей исторической жизни была естественная смѣна однихъ формъ жизни другими. Подмѣтивъ порядокъ этой смѣны, они надѣялись найти законы нашего историческаго развитія. По ихъ мнѣнію, государственный порядокъ окончательно установленъ у насъ при Петрѣ Великомъ его дѣятельностью. Петръ Великій своими реформами отвѣчалъ на требованія національной жизни, которая ко времени Петра развилась уже до государственныхъ формъ бытія. Стало быть, дѣятельность Петра вытекла изъ исторической необходимости и была вполнѣ національной.

Такъ, въ первый разъ была установлена органическая связь преобразованій Петра съ общимъ ходомъ русской исторіи. Не трудно замѣтить, что эта связь чисто логическая, лишенная пока фактическаго содержанія. Непосредственнаго историческаго преемства между Русью XVII в. и эпохой Петра въ первыхъ трудахъ Соловьева и Кавелина указано не было. Это преемство вообще долго не давалось нашему ученому сознанію.

Стараясь сыскать это непосредственное преемство, какъ сами Соловьевъ и Кавелинъ, такъ и ихъ послѣдователи историки-юристы, обращаясь къ изученію до Петровской эпохи, склонны были думать, что Россія въ XVII в. дожила до государственнаго кризиса. «Древняя русская жизнь,—говоритъ Кавелинъ,—исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Она сдѣлала все что могла и, окончивъ свое призваніе, прекратилась». Петръ вывелъ Россію изъ этого кризиса на новый путь. По мнѣнію Соловьева, въ XVII в. наше государство дошло до полной несостоятельности, нрав-

ственной, экономической и административной и могло выйти на правильную дорогу только путемъ рѣзкой реформы (Ист. т. XIII). Эта реформа пришла съ Петромъ. Такъ судили о XVII в. и другіе изслѣдователи (Чичеринъ, Дмитріевъ и пр.). Въ обществѣ распространился взглядъ на Московскую Русь, какъ на страну застоя, не имѣвшую силъ для прогрессивнаго развитія. Эта страна дожила до полнаго разложенія, надо было крайнее усиліе для ея спасенія, и оно было сдѣлано Петромъ. Такимъ образомъ преобразованія Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тѣсно связаны съ предъидущей эпохой, но только съ темными, отрицательными ея сторонами, только съ кризисомъ стараго строя.

Но, такое пониманіе историческаго преемства между старой Русью и реформой, въ послѣднее время, замѣняется другимъ. Новую точку зрѣнія внесъ въ науку тотъ же Соловьевъ. Необходимо замѣтить, что его взгляды на реформу Петра, съ самаго начала его научной дѣятельности отличались нѣкоторой двойственностью. Въ одной изъ раннихъ своихъ статей («Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи», 1851 г.), говоря о критическомъ положеніи Московскаго государства въ XVII в., Соловьевъ не ограничивается только указаніемъ на явленія этого кризиса, но замѣчаетъ, что Государи XVII в., для удовлетворенія новыхъ нуждъ государства, начали рядъ *преобразованій*. «Въ теченіи XVII в., говоритъ онъ:—явно обозначились новыя потребности государства и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII в. въ такъ называемую эпоху преобразованій». Такимъ образомъ Петръ не только получилъ отъ стараго порядка одно сознаніе необходимости реформъ, но имѣлъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ ранѣе намѣченными путями. Словомъ онъ рѣшалъ старую, не имъ поставленную задачу и рѣшалъ ранѣе извѣстнымъ способомъ. Позднѣе Соловьевъ блистательно развилъ такой взглядъ въ своихъ «Чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ» въ 1872 г. Здѣсь онъ прямо называетъ Петра «сыномъ своего народа», выразителемъ народныхъ стремленій. Бросая общій взглядъ на весь ходъ нашей исторіи, онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ естественно развивалось у нашихъ предковъ сознаніе своей политической слабости, умственной отсталости и экономическаго безсилія, какъ постепенно дѣлались попытки исправить свое положеніе, какъ постоянно стремились лучшіе люди къ общенію съ Западомъ, какъ крѣпло въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости перемѣнъ: «народъ собрался въ дорогу, заканчиваетъ онъ—и ждалъ вождя». Этотъ вождь явился въ лицѣ Петра Великаго».

Высказанный послѣ долгаго и пристальнаго изученія фактовъ, этотъ взглядъ Соловьева поражаетъ и глубокой внутренней правдой и мастерствомъ изложенія. Не одинъ Соловьевъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ думалъ такъ объ историческомъ значеніи реформы (вспомнимъ Погодина), но одному Соловьеву удалось такъ убѣдительно и сильно формулировать свой взглядъ. Петръ продолжатель стараго движенія знакомаго древней Руси. Въ его реформѣ и направленіе и средства не новы: они даны предшествовавшей эпохой. Ново въ его реформѣ только

страшная энергія Петра, быстрота и рѣзкость преобразовательнаго движенія, беззавѣтная преданность идеѣ, безкорыстное служеніе дѣлу до самозабвенія. Ново только то, что внесъ въ реформу личный геній, личный характеръ Петра.

Такая точка зрѣнія дала теперь полное историческое содержаніе мысли объ органической связи реформы Петра съ общимъ ходомъ русской жизни. Эта мысль, какъ я указалъ, явилась у насъ чисто логическимъ путемъ, какъ a priori'ный выводъ изъ общаго историческаго созерцанія нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ трудахъ Соловьева этотъ историческій выводъ достигъ высшей степени своего развитія реформа Петра, такъ сказать, конкретно связалась съ предъидущими эпохами.

Развивая общее наше историческое сознаніе, идея Соловьева дала направленіе и многимъ частнымъ историческимъ изслѣдованіямъ: Историческія монографіи о XVII в. и времени Петра констатировали теперь связь преобразованій съ предъидущими эпохами и въ отдѣльныхъ сферахъ древне-русской жизни. Въ результатѣ такихъ монографій является всегда одинаковый выводъ, что Петръ непосредственно продолжалъ начинанія XVII в. и оставался всегда вѣренъ основнымъ началамъ нашего государственнаго быта, какъ онъ сложился въ XVII в. Пониманіе этого вѣка стало инымъ. Недалеко еще то время, когда эпоха первыхъ царей Романовыхъ представлялась временемъ общаго кризиса и разложенія, послѣдними минутами тупаго застоя, пришедшаго къ сознанію своей близкой погибели. Теперь представленія измѣнились; XVII в. представляется вѣкомъ сильнаго общественнаго броженія, когда сознавали потребность перемѣнъ, пробовали вводить перемѣны, спорили за нихъ, искали новаго пути, угадывали, что этотъ путь въ сближеніи съ Западомъ и уже тянулись къ Западу. Теперь ясно, что XVII в. подготовилъ почву для реформы и самаго Петра воспиталъ въ идеѣ реформы. Съ этой точки зрѣнія изученіе XVII в. получаетъ живой интересъ.

И такъ, научное пониманіе Петра Великаго остановилось пока на мысли, полнѣе всего высказанной Соловьевымъ. Наша наука успѣла связать Петра съ прошлымъ и объяснить необходимость его реформъ. Факты его дѣятельности собраны и обслѣдованы въ нѣсколькихъ ученыхъ трудахъ. Историческіе результаты дѣятельности Петра, политической и преобразовательной тоже не одинъ разъ указаны. Теперь мы можемъ изучать Петра вполнѣ научно.

Но, если наша историческая наука пришла къ воззрѣнію на Петра болѣе или менѣе опредѣленному и обоснованному, то въ нашемъ обществѣ еще невыработалось однообразнаго и прочнаго отношенія къ его преобразованіямъ. Въ текущей литературѣ и въ обществѣ до сихъ поръ крайне разнообразно судятъ о Петрѣ. Продолжающіеся, время отъ времени, немного запоздалые споры о степени національности и необходимости Петровыхъ реформъ; подымается довольно праздный вопросъ о томъ, полезна или вредна была реформа Петра въ ея цѣломъ. Всѣ эти мнѣнія, въ сущности, являются видоизмѣненными отголосками исторически слагавшихся воззрѣній на Петра, которыя я старался изложить вамъ въ хронологической послѣдовательности.

Если мы, еще разъ, мысленно переберемъ всѣ старые и новые взгляды на Петра, то легко замѣтимъ какъ разнообразны они, нетолько по содержанію, но и по тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задѣтые реформой судили о немъ не спокойно: въ основаніи ихъ отзывовъ лежало чувство, или крайней любви или ненависти. Чувство столько же руководило и тѣми людьми XVIII в., которые, какъ Щербатовъ, грустно смотрѣли на растлѣніе современныхъ нравовъ и считали его плохимъ результатомъ рѣзкой реформы. Петръ какъ бы логическая посылка отъ которой можно идти къ тѣмъ или другимъ философскимъ заключеніямъ о русской исторіи. Отъ вліянія метафизики не свободны и первые шаги изслѣдователей историко-юридической школы; но фактическое изученіе нашей исторіи, которое производилось ими очень добросовѣстно дало, нашимъ ученымъ возможность избавиться отъ предвзятыхъ доктринъ. Руководимые фактами, стремясь къ строго научному общенію, они создали научное отношеніе къ эпохѣ Петра Великаго.

Это научное отношеніе будетъ, конечно, далѣе развиваться въ нашей наукѣ. Но уже теперь плодомъ его является возможность основательно и свободно судить о Петрѣ. Его личность не оторвана отъ родной его почвы, онъ для насъ уже не Богъ и не антихристъ, онъ—опредѣленное лицо, съ громадными силами, съ высокими достоинствами, съ человѣческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполнѣ понимаемъ, что его личность и пороки—продуктъ его времени, а его дѣятельность и историческія заслуги—дѣло вѣчности.

Въ выше изложенномъ очеркѣ, историческаго развитія взглядовъ на Петра Великаго и его реформу, я старался показать, что послѣднимъ результатомъ изученія реформы было сознаніе крѣпкой ея внутренней связи съ предъидущимъ ходомъ нашей исторической жизни. Но мало только заявить о такой связи: необходимо указать въ чемъ и какъ она проявилась. Этого требуетъ самый элементарный историческій пріемъ изученія: приступая къ какому нибудь историческому факту, считаютъ необходимымъ возстановить его генетически, показать ту историческую обстановку, которою фактъ вызванъ и въ которой совершался. Иначе фактъ останется непонятнымъ.

И мы должны возстановить историческую обстановку реформъ Петра, посмотрѣть что засталъ на Руси Петръ, когда явился съ своей реформой, какой порядокъ былъ до реформы, какъ развился этотъ дороформенный порядокъ? Уяснивъ себѣ эти вопросы, мы получимъ уже твердую точку отправленія для изученія самаго Петра и будемъ въ состояніи правильно понять историческій смыслъ его дѣятельности.

Задача, предстоящая намъ, распадается на двѣ части. Мы должны изучить существеннѣйшія черты русской жизни въ ту минуту, когда началъ свою дѣятельность Петръ. Мы должны сдѣлать, выражаясь иначе, обзоръ внутренняго состоянія Московскаго Государства въ XVII ст. Но, такъ какъ внутреннее состояніе это понимается разно въ литературѣ, и примирить различныя воззрѣнія невозможно, то намъ необходимо свое собственное воззрѣніе оправдать и объяснить изъ общихъ

нашихъ взглядовъ на ходъ нашей исторіи. Этой необходимостью обусловливается вторая часть нашей задачи, намъ нужно дать общій обзоръ хода нашей исторіи, условиться въ томъ, какъ вообще мы будемъ представлять себѣ процессъ развитія русской исторической жизни.

Но я уже далъ общій обзоръ исторіи до Петра и только скажу нѣсколько словъ о XVII в.

Смута XVII в., расшатавъ всю землю и доведя ее до ужасовъ анархіи, на дѣлѣ доказала обществу необходимость того государственнаго порядка, которымъ прежде оно тяготилось. Въ XVII в. этотъ государственный порядокъ восторжествовалъ, сохраняя не смотря ни на что многія черты простого вотчиннаго владѣнія. Когда вы изучаете строй сѣверныхъ удѣльныхъ княжествъ и развившагося изъ нихъ государства Московскаго, параллельно съ хозяйственнымъ устройствомъ крупной боярской вотчины XVII в., васъ поражаетъ сходство внутренней организаціи въ этихъ трехъ видахъ русскагоз емельнаго владѣнія. Боярская вотчина—это миніатюра Московскаго Государства, органическая клѣточка воспроизводитъ здѣсь всю органическую ткань и по первому впечатлѣнію вы не знаете, что подумать: государство ли слагалось по образцу вотчины или частное вотчинное хозяйство по образцу государственнаго?

Но ясенъ здѣсь историческій процессъ, государство, въ данномъ случаѣ, родилось изъ вотчины и сохранило ея черты, сохранило, до нѣкоторой степени даже и въ XVII в.

Въ этомъ вѣкѣ мы видимъ уже полное торжество государственныхъ понятій и твердые шаги къ устройству государства; организуется областное управленіе государственнаго характера; вносится большая система въ устройство центральнаго управленія; замыкаются сословія; происходятъ кодификація и переработка дѣйствующаго права и т. д. Словомъ, снимается дѣтское платье и замѣняется новымъ, правда, мало еще совершеннымъ. Реформа Петра Великаго его совершенствуетъ, но въ сущности не замѣняетъ другимъ.

Въ успѣхахъ русской государственности и заключается историческое значеніе XVII в.: это—первый вѣкъ устроенія—не сложенія, а именно устроенія единаго русскаго государства, когда частный бытъ окончательно уступилъ мѣсто государственному.

Это отживаніе частнаго быта и смѣна его государственными началами жизни и составляетъ отличительное содержаніе XVII в. отъ вѣковъ предъидущихъ. Мы привыкли XVII в. отрывать и отъ послѣдующихъ вѣковъ. Мы считаемъ этотъ вѣкъ принадлежащимъ къ древней Руси и съ XVIII в. начинаемъ новую исторію. Для насъ грань между XVII и XVIII вв. даже ощутительнѣе чѣмъ грань между XVII в. и болѣе древними временами. Такое, не совсѣмъ точное представленіе держалось среди насъ подъ вліяніемъ научной литературы, поддерживается и до сихъ поръ нѣкоторыми историками.

Вспомнимъ, что для людей XVII в. реформа Петра заслонила прошлое, что, по ихъ мнѣнію, Петръ уничтожилъ сразу старыя начала московской жизни. Одни этому радовались, другіе жалѣли старину. Вспомнимъ далѣе, что западники XIX въ. считали XVII в.

временемъ наибольшаго и наиполнѣйшаго застоя, а славянофилы, напротивъ, временемъ наилучшаго выраженія самобытной цивилизаціи. И тѣ, и другіе думали, что порядокъ, господствовавшій тогда, въ корень уничтоженъ Петромъ. Вспомнимъ наконецъ, что представители науки рисовали XVII в. вѣкомъ государственнаго кризиса, который былъ исцѣленъ рѣзкимъ переворотомъ Петра. Если станемъ на любую изъ этихъ точекъ зрѣнія, мы поймемъ, что по вѣковымъ представленіямъ нашихъ предковъ, между XVII в. и реформою—цѣлая бездна. Я уже указывалъ, что теперь въ послѣднее время, таковой бездны не находятъ.

Вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ, многіе начинаютъ думать, что нетолько реформа Петра въ общемъ ея направленіи, но и всѣ основные факты нашего общественнаго и государственнаго строя XVIII в., за немногими. развѣ, исключеніями, покоятся на томъ базисѣ, какой создался въ XVII в. и существовалъ почти до нашихъ дней. Не рискуя много ошибиться, можно сказать, что строй XVIII в. начался еще въ XVII в., и то, что было создано въ этомъ вѣкѣ не разложилось въ реформѣ, а продолжало жить. Въ XVII в. слагался окончательно государственный бытъ; въ XVII разлагались и исчезали старыя общественныя формы частнаго быта. Явленія частнаго быта отличаютъ XVII ст. отъ позднѣйшаго времени; торжество государственныхъ началъ отличаетъ его отъ позднѣйшихъ эпохъ. Такимъ образомъ, это столѣтіе по справедливости можетъ назваться переходной эпохой отъ старой Россіи къ новой.

Намъ нѣтъ надобности подробно объяснять послѣднія слова послѣ того, что сказано о древней исторіи. Мы видѣли, что Московское Государство слагалось средствами частнаго быта и многими своими сторонами напоминало разросшуюся частную вотчину. Съ такими чертами частнаго владѣнія перешло оно и въ XVII в., но въ эту послѣднюю эпоху государственныя потребности настолько разрослись и осложнились, что требовали полнаго измѣненія тѣхъ установленій и учрежденій частнаго характера, которыми прежде управлялось государство—вотчина, и которыя теперь уже не удовлетворяли нуждамъ времени. И, дѣйствительно, эти установленія и учрежденія, примѣняясь къ новымъ условіямъ жизни, росли и видоизмѣнялись, теряя прежнія характерныя черты и получая чисто государственный характеръ. Въ этомъ собственно и состояло ихъ разложеніе. Тамъ гдѣ древнее установленіе не могло быть примѣнено къ требованіямъ государственной жизни, тамъ XVII в. не затруднялся замѣнить его новымъ, но дѣлалъ это очень осторожно, не отрываясь рѣзко отъ старины. Тамъ же, гдѣ древніе обычаи частнаго быта, могли удовлетворять вновь нарождавшимся нуждамъ государства, тамъ наши предки XVII в. оставались вѣрными старинѣ, развивали старыя начала, вносили въ нихъ свои поправки и эти старыя начала передавали XVIII вѣку и намъ. Главною задачею русскаго общества въ XVII в. было устроеніе и развитіе государственнаго порядка: эта задача разрѣшалась не безъ успѣха и XVII в.—несомнѣнно первый вѣкъ установленія *полной государственности* на Руси. Въ этомъ—значеніе XVII в. для по-

слѣдующаго времени. Не вполнѣ справясь со многими частями своей задачи, XVII в. завѣщалъ XVIII свое дѣло, передалъ ему и тѣ результаты, какихъ онъ уже достигъ. И весьма знаменательно, что, въ отношеніи государственнаго устройства реформы, Петра I-го и все послѣдующее время, нетолько не разрушили работы XVII в., но шли въ томъ же направленіи, какое имъ было указано; до нашего времени наша государственность покоится на тѣхъ основахъ, какія были созданы или развиты въ XVII ст.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ, которые покажутъ, что старая Русь нетолько не изжила себя ко времени Петра, но что и самъ Петръ въ своей дѣятельности былъ питомцемъ того же XVII в.

Верховная власть еще въ XVI в. чувствовала себя единой безконтрольной властью въ землѣ. Но она тогда нуждалась еще въ апологіи предъ лицемъ боярства, которое склонно было видѣть въ себѣ другую власть, подобную первой, и апологетомъ самодержавія явился Іоаннъ IV. Въ XVII в. апологія уже не нужна, самодержавіе всѣми признано, и царь Алексѣй Михайловичъ спокойно и величаво говоритъ: «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ и на западѣ, и на югѣ и на сѣверѣ вправду». Петръ слѣдуетъ своимъ предкамъ. Свою власть онъ рѣзко опредѣляетъ въ воинскомъ уставѣ такъ: «Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ». А въ «Правдѣ воли монаршей» самодержавіе Петра ищетъ своихъ теоретическихъ основаній въ западныхъ теоріяхъ Гуго Гроція и Гоббеса.

Далѣе, то боярство, противъ котораго въ XVI в. защищалъ Грозный—самодержавіе, въ XVII в. изъ родовой аристократіи превратилось въ высшій слой чиновничества и вымирало. Ему на смѣну XVII в. выдвинулъ средняго мелкаго дворянина и приказнаго дѣльца вовсе уже низкаго рода. XVIII в. образовалъ свой правящій классъ изъ этихъ же общественныхъ элементовъ, и въ этомъ отношеніи прошлый вѣкъ—послѣдователь XVII-го.

И касательно отношеній церкви къ государству XVII в. далъ прецеденты XVIII в. Въ прошломъ вѣкѣ узаконено было вмѣшательство государства въ церковныя дѣла и Синодъ сталъ въ зависимое положеніе отъ верховной власти Имперіи. Но уже въ XVII в., съ помощью восточныхъ патріарховъ, была проведена мысль о главенствѣ государя и въ области церковныхъ интересовъ, а въ дѣлѣ раскола, сперва не выходившаго изъ сферы церковной, государство подало руку церкви и, ставъ на сторонѣ церковной реформы, преслѣдовало раскольниковъ средствами государственными на ряду съ мѣрами церковной іерархіи.

Сословія наши въ XVII в. цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ были, наконецъ, обособлены. Появлялись опредѣленныя общественныя группы; переходъ изъ одной въ другую былъ закрытъ. Но XVII в., заканчивая этимъ дѣло предъидущихъ вѣковъ, внесъ въ сословныя отношенія и свою особенность. Онъ далъ рѣзкій перевѣсъ

дворянскому сословію, закрѣпостивъ ему массу крестьянства. Хотя въ началѣ XVII в. крестьянинъ былъ крѣпокъ скорѣе землѣ, чѣмъ помѣщику, но обстоятельства поставили это дѣло такъ, что въ концѣ этого вѣка закрѣпощеніе поземельное вполнѣ соединилось съ крѣпостью лицу, и положеніе крестьянина близко стало къ положенію древняго холопа. XVIII в. продолжалъ это дѣло обособленія сословныхъ группъ и развитія дворянскихъ правъ и по этому направленію, указанному XVII вѣкомъ, ушелъ очень далеко, сдѣлавъ дворянство высоко привилегированнымъ правящимъ классомъ.

Въ дѣлѣ организаціи войска XVII в. пошелъ далѣе въ сравненіи съ предъидущими. Внеся болѣе правильности въ дворянскую военную службу, правительство дѣятельно приглашало военныхъ иноземцевъ, которые и создавали у насъ, сверхъ дворянскаго ополченія, солдатскіе и рейтарскіе полки. Во время Ѳеодора Алексѣевича эти регулярные полки составляли уже цѣлое войско, и Петру принадлежитъ только честь превращенія въ такіе же регулярные полки дворянскаго ополченія и затѣмъ, усовершенствованіе регулярныхъ войскъ вообще.

И въ сферѣ податной реформы Петръ дѣйствовалъ не безъ вліянія XVII в. Перенося подать съ земли на душу, Петръ отвѣчалъ этимъ на неоднократныя попытки найти лучшую единицу податнаго обложенія вмѣсто пахотной земли, съ которой изстари платилась подать.

Я полагаю, что этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы утверждать, что направленіе русской жизни XVIII в. не произошло изъ одной реформы Петра, а вытекло, въ существенныхъ своихъ сторонахъ, изъ обстоятельствъ XVII вѣка.

XVII в. не былъ вѣкомъ только разложенія и упадка. Завершая подготовительную работу многихъ предъидущихъ вѣковъ, наши предки въ XVII в. приходили къ сознанію, что многое въ старомъ строѣ жизни несостоятельно. Они искали новыхъ путей, дѣлали частыя попытки реформъ, обращались съ распросами къ западной наукѣ и западной жизни, боролись во имя науки и культуры съ слѣпыми поклонниками старины и энергично продолжали свое дѣло болѣе и болѣе удаляясь отъ завѣтной старины.

Въ этой атмосферѣ, еще боязливой и непослѣдовательной реформы, выросъ Петръ. Онъ воспитался безсознательно на старыхъ началахъ жизни и впиталъ въ себя всѣ тѣ новыя вѣянія, которыми дышала прогрессивная часть Московскаго общества, которыя одинаково проникали во дворецъ, гдѣ забавлялись нѣмецкими комедіями и мистеріями и въ монастырь, гдѣ любимецъ царя Ртищевъ за полночь сиживалъ, бесѣдуя съ кружкомъ ученыхъ монаховъ. Петръ стоялъ во главѣ Московскихъ новаторовъ и въ своей приверженности къ реформѣ опередилъ ихъ всѣхъ.

Всю жизнь онъ реформировалъ: онъ видоизмѣнилъ проявленіе основныхъ началъ старой русской жизни, создалъ новые культурные классы на Руси, создалъ промышленность, создалъ блестящее положеніе отечеству въ Европѣ—сдѣлалъ словомъ, больше, чѣмъ кажется, можетъ сдѣлать человѣческая личность. Но при всемъ этомъ онъ

остался человѣкомъ своего XVII в., онъ чутко откликался на тѣ задачи, которыя ему ставилъ вѣкъ, но онъ не тронулъ ни одного изъ тѣхъ краеугольныхъ камней, на которые оперся въ XVII вѣкѣ нашъ государственный строй.

И такъ Московское Государство образовалось изъ удѣла, до XVII в. сохраняло характеръ огромной вотчины, и въ XVII вѣкѣ создавало окончательно государственный строй.

Теперь намъ слѣдуетъ уяснить себѣ, что засталъ и съ чего долженъ былъ начать Петръ Великій. Иначе говоря, слѣдуетъ ознакомиться съ положеніемъ Московской политики и жизни въ концѣ XVII вѣка. Однако, общій обзоръ этого положенія завлекъ бы насъ очень далеко. Не всѣ подробности до Петровской поры имѣютъ для насъ къ тому же одинаковую важность: мы интересуемся лишь тѣмъ, что относится къ реформѣ Петра. Поэтому нашъ обзоръ XVII в. мы должны принаровить къ такимъ рубрикамъ, на какія подѣлимъ различные факты дѣятельности Петра. Не трудно замѣтить, что главныхъ сторонъ его дѣятельности три: 1) онъ далъ Россіи новое политическое положеніе въ средѣ европейскихъ государствъ: 2) онъ реформировалъ въ большей или меньшей степени государственное устройство и управленіе, и 3) онъ внесъ въ нашу жизнь новыя культурныя начала. По этимъ тремъ рубрикамъ и разсмотримъ кратко факты XVII вѣка.

Внѣшняя политика Россіи до Петра руководилась не случаемъ, а весьма древней историческою традиціей. Еще въ XIII вѣкѣ создались тѣ обстоятельства, которыя направляли втеченіи многихъ вѣковъ и внѣшнія стремленія русскаго племени и государства и ихъ внутреннюю организацію. Въ началѣ XIII вѣка на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря появляются нѣмцы, тѣснятъ литовскія племена, а вмѣстѣ съ тѣмъ становятся врагами и для Руси (Псковъ и Новгородъ). Въ то же время начинается движеніе и Шведовъ на Русь. Подъ вліяніемъ опасности отъ нѣмцевъ племена литовскія организуются политически и, соединенныя Миндовгомъ выступаютъ на сцену исторіи, какъ враждебное Руси княжество. Литва подчиняетъ себѣ юго-западъ Руси и грозитъ ея Сѣверо-Востоку. На Юго-Востокѣ въ то же время образуется Золотая Орда, и ея иго начинаетъ тяготѣть надъ сѣверо-восточной Русью. Такимъ образомъ, почти одновременно, съ трехъ сторонъ, великорусское племя было окружено врагами, дѣйствовавшими наступательно. Главной задачей нашего племени стало поэтому самозащита, борьба не за свободу, (она была отнята татарами), а историческое существованіе, за цѣлость племени и религіи. Эта борьба продолжалась сотни лѣтъ. Благодаря ей племя должно было принять чисто военную государственную организацію и постоянно воевать «на три фронта», какъ выразился одинъ изслѣдователь.

Эта борьба и направила всю внѣшнюю политику Московскаго Государства съ его начала до конца, до Петра Великаго. Можно сказать, что много содержанія эта политика не имѣла: съ ближайшими сосѣдями Москва ведетъ постоянную, традиціонную борьбу, въ сношеніяхъ же съ дальними европейскими странами ищетъ увеличенія

средствъ для этой борьбы. Ко времени Петра борьба эта привела уже Русь къ громаднымъ политическимъ успѣхамъ, но задача—достиженіе полной безопасности и естественныхъ границъ—еще не была вполнѣ выполнена. По отношенію къ различнымъ врагамъ достигнуты были не одинакіе успѣхи.

Татары съ XIII в. въ качествѣ полныхъ господъ владѣли сѣверо-восточной Русью. Но ихъ отношеніе къ покоренной Руси и явное отсутствіе (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ) сильнаго непосредственнаго гнета позволяли Руси крѣпнуть и сливаться въ одно могущественное государство. Впервые это государство попробовало возстать на татаръ на Куликовомъ полѣ (1380), и попытка, будучи удачной, подняла національное самосознаніе Руси и содѣйствовала дальнѣйшему усиленію Москвы. Параллельно этому усиленію шло внутреннее разложеніе орды. Она слабѣла, и Москвѣ не нужно было второй Куликовской битвы чтобы свергнуть иго (1480) Орда распалась, ига не стало; но борьба съ татарами, за цѣлость границъ и безопасность жителей, продолжалась. Вмѣсто одной орды появилось нѣсколько, хотя и болѣе слабыхъ, чѣмъ прежняя. Москвѣ нужно было ихъ покорить, чтобы достичь своей безопасности. И вотъ, Иванъ Грозный покоряетъ Казанскую и Астраханскую Орды (1552—1556). Его совѣтники желаютъ, чтобы онъ покорилъ и Крымскую. Но умъ Грознаго понималъ, что Москвѣ не сладить съ Крымомъ (также думалъ и талантливый Стефанъ Баторій, когда сталъ королемъ Польши). Москву отъ Крыма отдѣляли трудно проходимыя степи; кромѣ того Крымъ былъ подчиненъ сильной тогда Турціи, съ которой воевать боялась не одна Москва. Вотъ почему Крымская Орда жила до прошлаго вѣка. Въ XVII в., послѣ Грознаго, Москва вела съ Крымомъ безпрерывную пограничную войну (подробности ея очень любопытны) и каждое лѣто готовила войска на южныхъ своихъ границахъ для защиты отъ татарскихъ набѣговъ. Но, кромѣ оборонительныхъ мѣръ, Москва дѣйствовала противъ Крыма и тѣмъ, что все болѣе и болѣе занимала южную степь своими крѣпостями и людьми. Она, такимъ образомъ, наступала на татаръ. Развитіе казачества на нижнемъ Дону въ XVII в. создало для Москвы новую боевую силу; уже въ первой половинѣ XVII в. казаки взяли турецко—татарскую крѣпость Азовъ, но не смѣли удержать ее за собой. Присоединеніе Малороссіи еще болѣе подвинуло Москву къ Крыму, и въ самомъ концѣ XVII в. (1687 — 1689) Московскія войска впервые предпринимаютъ походы на самый Крымъ. Однако удачи еще не было; мѣшала степь. На этомъ и остановилась Московская политика передъ Петромъ. Стефанъ Баторій въ XVI в. думалъ, и казаки въ XVII в. дѣломъ доказали, что Азовъ былъ слабѣйшимъ пунктомъ татаръ и турокъ, ихъ повелителей, на югѣ нынѣшней Россіи. Петръ своими глазами уже видѣвшій неудачный исходъ походовъ на Крымъ князя В. В. Голицына, направилъ свои силы не на Крымъ, а на Азовъ. Стало быть Петръ продолжалъ традиціонную политику Москвы. Въ отношеніи татаръ Москва достигла большихъ успѣховъ до Петра; Петръ же ими воспользовался.

Литва, въ первые два вѣка своего существованія (до смерти Витовта 1430 г.), энергично наступала на Русь и завладѣла массой русскихъ земель, отчего и сама получила характеръ государства, по населенію и культурѣ болѣе всего русскаго. Въ исходѣ XIV в. она была династически соединена съ Польшей, и результатомъ соединенія явилось сильное польско-католическое вліяніе. Протестъ противъ него русско-православнаго населенія повелъ ко внутренней борьбѣ въ Литвѣ. Эта борьба ослабила Литву и не устранила польскаго вліянія которое въ XVII в. восторжествовало: Литва стала нераздѣльной частью Польши (1569). До Витовта Москва уступала Литвѣ, и послѣ него вскорѣ роли перемѣнились: сильные московскіе государи Иванъ III и Василій III начинаютъ отбирать отъ Литвы русскія области и заявляютъ притязаніе на все русское, что принадлежало Литвѣ. Москва, такимъ образомъ, не безъ успѣха перешла въ наступленіе противъ Литвы. Но окончательное соединеніе въ XVI в. Литвы съ Польшей поставило противъ Москвы и Польшу. Соединеннымъ ихъ силамъ Москва, при Иванѣ Грозномъ, должна была уступить: борьба Ивана противъ Стефана Баторія была неудачна. Еще хуже для Москвы было время московской смуты начала XVII в. когда поляки владѣли самой Москвой. Но когда ихъ оттуда вытѣснили, и Московское государство оправилось отъ смуты, оно въ половинѣ XVII в. (съ 1654 г.) начинаетъ старую борьбу за русскія, подчиненныя Польшѣ, земли; царь Алексѣй Михайловичъ принимаетъ въ подданство Малороссію, ведетъ необыкновенно тяжкую войну за нее и оканчиваетъ блестящей побѣдою. Ослабѣвшая Польша и послѣ царя Алексѣя продолжаетъ уступать Москвѣ: миромъ 1686 г. она отдаетъ Москвѣ на вѣки то, что временно уступила царю Алексѣю Михайловичу. Отношенія, созданныя этимъ миромъ 1686 г., унаслѣдовалъ Петръ; при немъ ясно политическое преобладаніе Россіи надъ Польшей, но историческая задача—освобожденіе отъ Польши русскихъ земель—не закончена ни до него, ни при немъ,—она передана XVIII вѣку.

Нѣмцы и Шведы отняли отъ Литвы и Руси восточные берега Балтійскаго моря. Хотя Новгородъ и владѣлъ берегомъ финскаго залива, но не имѣя удобныхъ гаваней, зависѣлъ въ своей западной торговлѣ отъ нѣмцевъ. Подчинивъ Новгородъ и наслѣдовавъ всѣ его политическія отношенія, Москва почувствовала зависимость отъ нѣмцевъ; хотя она прогнала ганзейскихъ купцовъ и уничтожила ихъ торговлю на Руси, однако зависимость осталась, торговое вліяніе перешло къ ливонскимъ купцамъ. Преслѣдуя свои торговыя выгоды, Ливонія враждебно относилась къ русской торговлѣ. Враждебна она была вообще къ Руси, какъ къ сильной и опасной сосѣдкѣ. Она старалась поставить крѣпкую стѣну между Русью и западной Европой, зная, что усвоеніе Русью образованности усилитъ ея политическія силы. Но и Русь понимала это значеніе западной образованности, и знала, что лучшій путь для сближенія съ западомъ—Балтійское море (Бѣлое море лишено большаго значенія въ этомъ отношеніи, благодаря географическимъ условіямъ). Въ XVI Иванъ Грозный, пользуясь внутренней сла-

бостью Ливоніи, объявилъ ей войну съ ясной цѣлью завладѣть берегами моря.

Ливонія не выдержала войны и распалась, часть ея отдалась Польшѣ, часть—Швеціи. Иванъ Грозный не могъ выдержать борьбы съ этими державами и, нетолько потерялъ завоеванія, но потерялъ и свои города (1582—1583). Эти города вернулъ Борисъ Годуновъ, но въ смутное время они снова были заняты Шведами и по договору со Шведами 1617 г., Московское государство было совершенно отрѣзано отъ Балтійскаго моря. Этимъ очень гордился король Густавъ-Адольфъ. Въ XVII в., сперва слабая, а потомъ занятая Польшею, Русь не могла сдѣлать рѣшительнаго шага къ Балтійскому морю. Однако мысль о необходимости этого шага не умирала, а была передана Петру, который и воплотилъ ее въ дѣло. Въ этомъ отношеніи Петръ считалъ себя прямымъ преемникомъ Грознаго.

Нашъ краткій обзоръ нынѣшней политики Московскаго государства показываетъ, что преслѣдуя исконныя свои задачи, эта политика ко времени Петра слѣлала большіе, но не равномѣрные успѣхи. Болѣе успѣшно направлялась она противъ татаръ, не менѣе успѣшно противъ шведовъ, наслѣдовавшихъ нѣмцамъ на берегахъ Балтійскаго моря. Конечнаго разрѣшенія своихъ задачъ Москва не достигла. А такъ какъ эти задачи были не случайными затѣями того или другаго политическаго дѣятеля, а насущными потребностями нашего племени, вытекшими изъ вѣковыхъ условій его жизни, то они требовали своего конечнаго рѣшенія и при Петрѣ съ такою же силою какъ и до него. Вотъ почему Петръ и обратилъ большое вниманіе на эти задачи. Далѣе мы увидимъ, что наибольшее усиліе онъ употребилъ именно тамъ, гдѣ наименѣе успѣшно дѣйствовали до него, т. е въ борьбѣ за Балтійское море.

Въ черты государственнаго устройства и управленія XVII вѣка, Петръ, по общепринятому мнѣнію, внесъ своей дѣятельностью существенныя измѣненія. При ознакомленіи съ особенностями этого устройства до Петра, вы выносите представленіе о московскомъ государствѣ, какъ о такомъ, въ которомъ единодержавная власть государя достигла неограниченной полноты правъ. Группируя всѣ отрасли управленія непосредственно вокругъ себя, эта власть создала весьма сильную централизацію управленія, возлагая всѣ важнѣйшія ея функціи на московскія учрежденія (приказы и думу боярскую). Однако при такой централизаціи управленіе не было приведено въ стройную систему прочныхъ учрежденій и не совершалось на основаніи какихъ либо неизмѣнныхъ законоположеній. Примѣняясь къ удобствамъ чисто случайнымъ и внѣшнимъ, государи управляли Московскимъ государствомъ по такъ называемой «системѣ порученій». Они передавали какой либо кругъ дѣла непосредственно въ вѣдѣніе довѣреннаго лица; степень ихъ довѣрія опредѣляла степень полномочій этого лица; смотря по своимъ способностямъ это лицо могло совмѣстить подъ своей властью нѣсколько вѣдомствъ. Самое вѣдомство создавалось случайно; въ одномъ вѣдомствѣ сталкивались самыя разнородныя дѣла, съ другой стороны разныя вѣдомства, другъ другу не подчиненныя, вѣдали,

одинъ и тотъ же предметъ управленія. Такое смѣшеніе вѣдомствъ сложилось исторически и было обусловлено именно этой системой порученій. Не будучи связаны въ стройную систему, всѣ вѣдомства очень легко поддавались измѣненіямъ и часто ихъ вызывали. (Очеркъ Московскаго управленія, см. у Владимірскаго Буданова «Обзоръ Исторіи Русскаго Права», вып. I, и у А. Д. Градовскаго «Высшая администрація въ Россіи и Генералъ-прокуроры»). Строгаго разграниченія функцій не было и въ отношеніяхъ церкви и государства: государственная власть часто дѣйствовала въ сферѣ церковнаго управленія, какъ помощница іерархіи; въ свою очередь церковная администрація вѣдала нѣкоторые разряды свѣтскихъ лицъ, а церковный судъ часто вѣдалъ дѣла свѣтскаго характера. Однако такая путаница вѣдомствъ и отсутствіе цѣльныхъ и прочныхъ учрежденій не можетъ считаться признакомъ государственнаго разложенія: «Система централизаціонная не можетъ обойтись безъ прочныхъ институтовъ; она можетъ, подобно Москвѣ, держаться системою порученій. Въ государственномъ управленіи не будетъ единства, контроля, отношенія будутъ запутаны, но она будетъ существовать, сильная своей близостью къ верховной власти. (А. Д. Градовскій «Обл. Адм. Россіи«, 14).

Таково было положеніе управленія. Всматриваясь въ основныя черты общественнаго строя XVII в., мы замѣтимъ, что при полномъ отсутствіи воинственныхъ вкусовъ, общество Московское тѣмъ не менѣе усвоило себѣ общественный складъ. Высшіе классы его представляли собою государственное ополченіе: каждый дворянинъ былъ обязанъ участвовать въ немъ. Средніе слои общества—посадскіе люди—несли нѣкоторыя военныя повинности, но главнѣе всего денежную повинность «тягло», предназначаемое на покрытіе военныхъ издержекъ государства. Низшіе классы—крестьянство—частью участвовали въ тяглѣ, частью личнымъ трудомъ обезпечивали экономическое положеніе дворянства и тѣмъ давали ему возможность нести государственную службу. Каждое сословіе, такимъ образомъ, опредѣляло свое государственное положеніе тѣмъ или другимъ видомъ государственной повинности, а не размѣромъ своихъ правъ (отсюда и вопросъ о томъ, можно ли древне-русскіе общественные классы считать сословіями). Гарантій, исправнаго отбыванія повинностей, государственная власть искала въ цѣломъ рядѣ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ тому или другому сословію. Эти мѣры извѣстны подъ общимъ терминомъ «крѣпости» или «прикрѣпленія». Дворянство было прикрѣплено къ службѣ, а по службѣ къ тому городу, въ уѣздѣ котораго находилась земля дворянина. Посадское городское населеніе было прикрѣплено къ тяглу (подати), а по тяглу къ той общинѣ, вмѣстѣ съ которой посадскому приходилось платить. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, съ которой платили подать, и къ лицу землевладѣльца, которому служили личнымъ трудомъ. Благодаря этому прикрѣпленію къ государственнымъ повинностямъ организація сословій направлена была въ государственныхъ интересахъ. Мѣстные сословные союзы, городскія и сельскія податныя общины—имѣли финансовый характеръ: весь смыслъ

ихъ существованія сводился къ разверсткѣ податей между членами и къ круговой порукѣ въ ихъ уплатѣ. Дворянство же, въ своихъ мѣстныхъ городскихъ обществахъ, не имѣло почти совсѣмъ внутренней организаціи. Если же изрѣдка, какъ остатки учрежденій XVI в., и встрѣчались общины съ полнымъ самоуправленіемъ, то онѣ были и крайне рѣдки, и мелки по своему району. Такимъ образомъ можно сказать, что въ XVII в. въ Московскомъ государствѣ не было самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, не обусловленныхъ государственными повинностями.

Таковы тѣ отличительныя черты, которыя выступаютъ при первомъ знакомствѣ съ Московскимъ государствомъ въ XVII в. Если мы въ системѣ кратко ознакомимся съ фактами госуд. устройства и управленія того времени, то получимъ такую схему:

Во главѣ государства стоитъ Государь, лицо котораго является источникомъ всякой власти: законодательной, судебной и исполнительной. Онъ считается и верховнымъ покровителемъ церкви. Церковный соборъ 1666—67 г.г. прямо призналъ главенство власти государевой надъ властью патріаршей. Если иногда и кажется, что власть патріарха стоитъ рядомъ съ верховной, какъ было при патріархѣ Филаретѣ и патріархѣ Никонѣ, то это историческая случайность и слѣдствіе благоволѣнія государя къ патріарху. На дѣлѣ Московскіе государи пользуются безусловнымъ самодержавіемъ, но законодательство еще не опредѣляетъ существа ихъ власти до самой эпохи Петра.

Рядомъ съ верховной властью до второй половины XVII в. стояли земскіе соборы, являвшіе собой совѣтъ представителей всей земли. Историческія условія русской жизни ставили государственную власть въ XVII в. въ тѣсныя единенія съ представителями земщины. Патріархальный оттѣнокъ государственнаго строя, сохранявшійся въ XVII в., лишаетъ возможности точно опредѣлить юридическій характеръ нашихъ представительныхъ собраній: они одинаково далеки и отъ ограничительныхъ, и отъ совѣщательныхъ собраній на Западѣ. Авторитетъ ихъ постановленій вполнѣ сливался съ авторитетомъ верховной власти; ихъ постановленія въ безгосударное время (начало XVII в.), имѣли силу закона, а при государяхъ получали такую силу согласіемъ государя. Необходимо только замѣтить, что названіе земскихъ соборовъ «Обще-земскими» или «Всесословными» не всегда точно: они и составомъ и дѣятельностью не отражали въ себѣ всѣхъ классовъ общества. Крестьянство бывало на нихъ рѣдкимъ гостемъ, а податные классы представлялись менѣе полно, чѣмъ высшіе служилые. Дѣятельность соборовъ никогда не преслѣдовала узкихъ сословныхъ интересовъ и не была эгоистична, но силою историческихъ обстоятельствъ приводила къ лучшему обезпеченію интересовъ среднихъ слоевъ общества (дворянъ и посадскихъ), которые составляли въ то время главную политическую силу страны. Соборы прекратились за долго до Петра (съ 1653 ихъ не видно; въ 1682 г. были двѣ сословныя коммиссіи земскихъ представителей, но онѣ не соединились въ соборъ). Стало быть нельзя причины ихъ прекращенія видѣть въ Петрѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели.

Земскіе соборы были случайнымъ, экстреннымъ органомъ, помогавшимъ верховной власти въ дѣлѣ управленія. Такимъ-же, но постояннымъ органомъ была Боярская Дума. Историки этого учрежденія отмѣчаютъ нѣсколько моментовъ въ историческомъ развитіи Боярской Думы. Въ XV и XVI в.в., какъ доказываетъ В. О. Ключевскій, Дума стала оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ въ Московскомъ боярствѣ въ то время, когда въ это боярство вошла масса удѣльныхъ князей, перешедшихъ на службу къ Московскому князю. Эти князья полагали, что въ силу своего происхожденія и прежнихъ правъ самостоятельной власти, они могутъ соправительствовать съ Московскими государями. Однако эти послѣдніе не стояли на такой точкѣ зрѣнія и понимали служилыхъ князей какъ своихъ простыхъ слугъ. Вслѣдствіе этого между боярствомъ и Московскими государями произошелъ въ XVI в. рядъ недоразумѣній, завершившихся казнями Ивана Грознаго. Однако и при Грозномъ боярство составляло строго аристократическій классъ, наполнявшій думу почти исключительно своими членами. Но вслѣдствіе гоненія Ивана IV и послѣдующаго смутнаго времени родовитѣйшее боярство вымерло (Мстиславскіе, Шуйскіе, Бѣльскіе и др.), частью же обѣднѣло и сошло въ низшіе слои придворной знати (Одоевскіе, отчасти Голицыны, Ростовскіе и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ стали по личнымъ заслугамъ и качествамъ возвышаться и неродовитые люди. Въ XVII в. такимъ образомъ правящій классъ сталъ болѣе демократическимъ. И Дума боярская въ это время не наполнена только родовитѣйшими людьми, но состоитъ, по выраженію Ключевскаго, «изъ старшихъ членовъ боярскихъ фамилій и изъ выслужившихся приказныхъ дѣльцовъ». Въ XVI в. Дума была политическимъ органомъ притязательнаго боярства, въ XVII в. она стала главнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, простымъ совѣтомъ государя. Этотъ боярскій совѣтъ вѣдалъ всѣ стороны государственной жизни: вырабатывалъ законодательныя формы, являлся высшей инстанціей судебной и центральнымъ административнымъ учрежденіемъ, наконецъ вѣдалъ всѣ дипломатическія сношенія. Съ 1681 г. судебная дѣятельность думы была сосредоточена въ особой коммиссіи думы, которая носила названіе Расправной Палаты (Разрядной Палаты) и состояла изъ членовъ Думы. Другихъ постоянныхъ коммиссій или департаментовъ дума не имѣла, а всѣ дѣла рѣшала въ общихъ засѣданіяхъ. Какъ ни измѣнялся сословный составъ Думы въ XVI и XVII в., ея составъ чиновный былъ неизмѣненъ. Члены думы дѣлились на два разряда лицъ: болѣе аристократическій, или боярство, и болѣе демократическій, или думныхъ людей. Боярство дѣлилось на два чина,—бояръ и окольничьихъ, думные люди тоже на два,—думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Эти четыре чина были высшими чинами московскаго государства. Съ такимъ составомъ и характеромъ дѣятельности дума дожила до времени Петра и дѣйствовала какъ главная пружина управленія, еще въ первые годы его царствованія.

Думѣ были подчинены органы центральнаго управленія—Приказы. Число ихъ не было постояннымъ (отъ 40 до 50), системы въ распредѣленіи вѣдомствъ не соблюдалось, поэтому однородныя дѣла

вѣдались различными приказами и рѣдкіе приказы простирали свою дѣятельность на все государство. Вѣдомство каждаго приказа создавалось довольно случайно, вслѣдствіе исторически создавшейся потребности въ новомъ органѣ. Въ основаніи вѣдомства приказа полагались, поэтому, разнообразные предметы управленія. Одни приказы вѣдали во всѣхъ отношеніяхъ извѣстную мѣстность государства, (четь, или четверть Нижегородская, Костромская и др.); другіе вѣдали извѣстный разрядъ лицъ (Приказъ холопій—холоповъ, стрѣлецкій—стрѣлецкое войско и т. д.); третьи, наконецъ, завѣдывали опредѣленнымъ родомъ дѣла (разбойный—уголовной юстиціей, приказъ Большой Казны—финансами, разрядный—военными дѣлами, посольскій—дипломатическими сношеніями и т. д.). Рядомъ съ крупными приказами, (вродѣ упомянутыхъ), стояли мелкіе, въ родѣ Аптекарскаго, вѣдавшаго придворно-медицинскую часть, Каменнаго, наблюдавшаго за каменными постройками. Наконецъ одинаковымъ устройствомъ съ приказомъ пользовались тѣ дворцовыя учрежденія, которыя носили характеръ домашнихъ хозяйственныхъ конторъ государевой семьи (гастерскія палаты, панихидный приказъ). Вся эта масса разнородныхъ спутанныхъ приказовъ тяготила уже въ XVII в. московское правительство. Оно стремилось упорядочить и упростить свое центральное управленіе и достигало этого отчасти двумя путями: соединеніемъ однородныхъ приказовъ и подчиненіемъ нѣсколькихъ мелкихъ одному крупному. При этихъ соединеніяхъ отдѣльные приказы, однако, сохраняли свою особую внутреннюю организацію и соединеніе имѣло, такимъ образомъ, внѣшній характеръ. Организація всѣхъ приказовъ была приблизительно одинакова. Они состояли изъ присутствія и канцеляріи. Присутствіе состояло изъ начальника приказа (члены думы) и его «товарищей». Они назывались судьями и были подчиненными по отношенію къ начальнику; поэтому, будучи по формѣ коллегіальнымъ, приказное присутствіе на дѣлѣ таковымъ не было, дѣла рѣшались не большинствомъ присутствующихъ, а по усмотрѣнію старшаго. Въ мелкихъ приказахъ не было и коллегіальной формы, дѣла вѣдалъ одинъ начальникъ, безъ товарища. Канцелярія состояла изъ подъячихъ подъ начальствомъ дьяковъ; численность и тѣхъ и другихъ зависѣла отъ размѣровъ приказной дѣятельности.

Въ зависимости отъ приказовъ была вся областная администрація. Въ XVII в. выработался, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ однообразный типъ мѣстнаго управленія—воеводское управленіе. Въ городахъ и ихъ уѣздахъ, назначаемые изъ московскихъ приказовъ, (почему мѣстное управленіе и называлось приказнымъ), воеводы совмѣщали въ своемъ лицѣ и военную и гражданскую власть. Они являлись, какъ гражданская власть, и администраторами, и судьями. Всѣ стороны мѣстной жизни подлежали ихъ вѣдѣнію.

Воеводы имѣли свою канцелярію («Приказная Изба») и если вѣдали большой городъ и уѣздъ, то имѣли «товарищей», въ видѣ «меньшихъ», «вторыхъ» воеводъ или дьяковъ. Руководясь инструкціей приказа, воевода пользовался большою властью въ своемъ городѣ, и въ то же время вполнѣ зависѣлъ отъ приказа. Слѣдя за дѣятельностью

воеводъ въ XVII в., можно сказать, что къ концу вѣка ихъ власть росла по отношенію къ населенію и кругъ дѣятельности увеличивался Правительственный элементъ въ областяхъ, такимъ образомъ, пріобрѣталъ все больше значенія, установленное же въ XVI в. самоуправленіе съуживалось все болѣе и болѣе; но отношенія приказнаго управленія и земскихъ властей въ теченіи всего XVII в. оставались неупорядоченными, и эта задача внесенія порядка выпала на долю уже Петра.

Населеніе принимало участіе въ мѣстномъ управленіи слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, оно изъ тяглыхъ слоевъ своихъ поставляло выборныхъ людей въ полное распоряженіе администраціи, въ качествѣ ея помощниковъ для сбора казенныхъ доходовъ (голова и цѣловальники таможенные, кабацкіе и др.). Во 2-хъ всѣ классы населенія извѣстнаго уѣзда выбирали «губнаго старосту» и его помощниковъ для огражденія безопасности и преслѣдованія уголовныхъ преступленій въ уѣздѣ. Выбранный и обезпечиваемый земщиной губной староста поступалъ подъ начальство какого либо Московскаго приказа, исполнялъ его инструкціи, былъ обязанъ отчетомъ и отвѣтственностью приказу, а не избирателямъ. Все это дѣлало его изъ власти земской—властью правительственной, сообщало ему одинаковый характеръ съ воеводой. Московское правительство даже замѣняло иногда воеводъ губными старостами, возлагая на нихъ всѣ обязанности воеводы (1661—1679 г.).

Институтъ губныхъ старостъ распространенъ былъ во всемъ государствѣ, существуя рядомъ съ воеводскимъ управленіемъ, и дожилъ до времени Петра. Въ 3-хъ, податныя общины Московскаго государства для сбора податей и для завѣдыванія своими хозяйственными дѣлами выбирали «земскихъ старостъ». Это самоуправленіе существовало во всѣхъ общинахъ, на пространствѣ всего XVII в. Сначала оно соединяло вмѣстѣ и городскихъ и сельскихъ податныхъ людей. Но къ концу XVII в. замѣтно отдѣленіе городскихъ (посадскихъ) общинъ отъ сельскихъ (крестьянскихъ). Это финансовое самоуправленіе находилось подъ контролемъ и воеводъ и приказовъ. Въ 4-хъ, наконецъ, со времени Ивана IV и до конца XVII в. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сѣверныхъ, по преимуществу) отсутствовало приказное управленіе и замѣнялось полнымъ самоуправленіемъ. Во главѣ управленія въ этихъ мѣстностяхъ стояли «излюбленныя головы, иначе «земскіе судьи» съ помощниками (сотскими, пятидесятскими и т. д.) ихъ вѣдѣнію подлежали судъ, администрація и финансы въ ихъ округѣ. Такихъ самоуправляющихся округовъ въ XVII в. было очень немного, а въ концѣ вѣка они стали и совсѣмъ рѣдкими архаизмами. Приказное управленіе вытѣснило эту форму самоуправленія изъ уѣздовъ и кое гдѣ терпѣло въ мелкихъ общинахъ, на такъ называемыхъ черныхъ земляхъ.

Въ такомъ видѣ представляются намъ формы московскаго управленія передъ началомъ реформы Петра. Для того, чтобы закончить обзоръ государственнаго устройства и управленія слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о сословіяхъ XVII в.

Дворянство до-Петровской эпохи представляется обыкновенно какъ классъ лицъ, обязанныхъ государству личной (по преимуществу военной) службой и обезпеченныхъ за это государственной зем-

лей въ видѣ большихъ или меньшихъ помѣстій. Земельное хозяйство дворянина было построено на трудѣ зависимыхъ отъ него крестьянъ. Находясь въ такой политической и экономической обстановкѣ, дворянство въ XVII в. достигаетъ ряда улучшеній въ своемъ бытѣ. Съ одной стороны, съ вымираніемъ и упадкомъ стараго боярства, верхнимъ слоямъ дворянства открывается доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ.

Во второй половинѣ XVII в. многія первостепенныя правительственныя лица выходятъ изъ рядовъ простаго дворянства (Ордынъ-Нащокинъ). Съ другой стороны, экономическое положеніе дворянства лучше обезпечивается: законодательнымъ путемъ крестьянство окончательно прикрѣпляется къ землѣ и лицу землевладѣльца. (Уложеніемъ крестьяне прикрѣпляются окончательно къ землѣ, въ 60-хъ годахъ XVII в. побѣгъ крестьянина считается преступленіемъ и вызываетъ законодательную кару, а практика въ теченіи всего XVII в., развиваетъ обычай, показывающій, что крестьянинъ прикрѣпленъ нетолько къ землѣ, но и къ лицу владѣльца; этотъ обычай—продажа крестьянъ безъ земли). Вмѣстѣ съ тѣмъ, права дворянъ на помѣстья постоянно растутъ, расширяется право распоряженія помѣстьемъ, помѣстье дѣлается наслѣдственнымъ владѣніемъ и очень сближается съ наслѣдственной собственностью дворянъ—вотчиною. Наконецъ, военная служба перестаетъ быть исключительной повинностью дворянъ: образуется солдатское войско (рейтарскіе, драгунскіе и солдатскіе полки), состоящее изъ иностранцевъ и русскихъ людей низшихъ классовъ; въ этомъ войскѣ дворяне являются офицерами и этимъ войскомъ часто замѣняются дворянскія ополченія. Петръ Великій уже застаетъ дворянство въ качествѣ высшаго класса русскаго общества изъ котораго выходитъ весь составъ высшей и низшей администраціи. Прежній же высшій классъ—боярство не дожилъ до Петра въ старомъ родовитомъ составѣ и правительственномъ значеніи.

Городское населеніе, въ качествѣ особаго замкнутаго общественнаго класса, было сформировано только Уложеніемъ. Состоя изъ торговыхъ и промышленныхъ людей, этотъ классъ возбуждалъ правительственныя заботы во второй половинѣ XVII в. Правительство старалось о развитіи русской торговли и промысловъ. Идеи меркантилизма, господствовавшія въ то время на западѣ, появились и у насъ: Ордынъ-Нащокинъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ съ ними, и это отразилось въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г., который, заключая въ себѣ законодательство о торговлѣ и торговомъ классѣ, высказывалъ высокое понятіе о торговлѣ, какъ факторѣ общественнаго благосостоянія. Но, развитію русской внѣшней торговли мѣшало отсутствіе собственныхъ гаваней, удобныхъ сухопутныхъ дорогъ и конкуренція иностранныхъ купцовъ, которой не могли выдерживать русскіе. Промышленность же и внутренняя торговля въ русскихъ городахъ не могли развиваться потому успѣшно, что главные потребители - достаточные дворянскіе классы или группировались въ центрѣ государства—Москвѣ, или были разсѣяны по своимъ усадьбамъ и тамъ производили все необходимое имъ трудомъ и умѣніемъ своихъ крестьянъ и холоповъ.

Поэтому городская жизнь не могла быть развита, городское населеніе не могло быть многочисленно. Только на сѣверѣ государства (на Волгѣ и на дорогѣ къ Архангельскому порту) встрѣчаемъ богатые города какъ исключеніе.

Крестьянство, какъ уже было сказано, къ концу XVII в. стало въ полную зависимость отъ лица землевладѣльцевъ. По отношенію къ послѣднимъ оно мало чѣмъ отличалось отъ холоповъ въ смыслѣ подчиненности; но государство продолжало видѣть въ крестьянахъ общественный классъ и облагало ихъ податью. Въ то же время государство стремилось и холоповъ ввести въ государственное тягло и на нѣкоторые ихъ разряды налагало государственные платежи. А владѣльцы холоповъ стали устраивать своихъ холоповъ на пашнѣ и давали имъ во владѣніе дворы. На дѣлѣ въ концѣ XVII в. и крестьяне владѣльческіе и холопы, представляли изъ себя зависимыхъ земледѣльцевъ, обложенныхъ государственной податью. Разница была только въ юридической формѣ зависимости тѣхъ и другихъ владѣльцевъ. Такъ, еще до Петра произошло полное сближеніе крестьянства съ холопствомъ. Но крестьяне, жившіе на дворцовыхъ (государевыхъ) и черныхъ (государственныхъ) земляхъ были далеки отъ такого сближенія: они составляли классъ полноправныхъ гражданъ, хотя и у нихъ каждый былъ прикрѣпленъ къ своей общинѣ.

Время Петра Великаго.

ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ПЕТРА

(1672—1676—1682—1689).

Изученіе первыхъ лѣтъ жизни Петра имѣетъ большую важность въ томъ отношеніи, что позволяетъ намъ понять въ какой обстановкѣ развивался характеръ Петра, какія впечатлѣнія вынесъ Петръ изъ своего дѣтства, какъ шла его умственная жизнь, какія отношенія сложились въ немъ къ средѣ его воспитавшей. Существуетъ мнѣніе, что бурное дѣтство было причиной всѣхъ дальнѣйшихъ рѣзкостей въ поведеніи Петра и вызвало въ немъ жгучее озлобленіе противъ старины, стоявшей помѣхою на его дорогѣ. Далѣе мы увидимъ, что въ этомъ мнѣніи много правды. Самъ Петръ иногда съ горечью отзывался о своихъ дѣтскихъ годахъ.

Петръ былъ младшимъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Царь Алексѣй былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, (1648—1669), во второй—на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной (съ 1671 года). Отъ перваго брака у него было 13 дѣтей. Многіе изъ нихъ умерли еще при жизни отца и изъ сыновей только Ѳеодоръ и Иванъ его пережили. Но оба они были болѣзненными; у Ѳеодора была цынга, Иванъ страдалъ глазами, заикался, былъ слабъ тѣломъ и разсудкомъ. Быть можетъ мысль остаться безъ наслѣдниковъ побудила царя Алексѣя спѣшить вторымъ бракомъ. Свою вторую жену Наталью Кирилловну царь встрѣтилъ въ домѣ Артамона Сергѣе-

вича Матвѣева, гдѣ она росла и воспитывалась въ обстановкѣ реформаціонной. Увлекшись красивой и умной дѣвушкой, царь обѣщалъ найти ей жениха и скоро самъ присватался къ ней. Въ 1672 г. 30 Мая у нихъ родился крѣпкій и здоровый мальчикъ, нарѣченный Петромъ. Рожденіе его окружено роемъ легендъ, неизвѣстно когда развившихся. Говорили, что Симеонъ Полоцкій предсказывалъ еще до рожденія Петра, его великую будущность; что юродивый заранѣе опредѣлилъ сколько онъ проживетъ; что въ церкви дьяконъ, не зная еще о рожденіи Петра, въ минуту его рожденія возгласилъ о его здравіи и т. д.

Царь Алексѣй былъ очень радъ рожденію сына. Рады были и родственники его молодой жены, Матвѣевъ и семья Нарышкиныхъ. Не знатные до тѣхъ поръ дворяне, (про Наталью Кирилловну ея враги говорили, что прежде, чѣмъ стать царицей она «въ лаптяхъ ходила»). Нарышкины съ женитьбой царя приблизились ко двору и стали играть не малую роль въ придворной жизни. Ихъ возвышеніе было враждебно встрѣчено родственниками царя по первой его женѣ —Милославскими. Рожденіе Петра увеличило эту вражду первой и второй семей царя и сообщило ей новый характеръ. Для Милославскихъ рожденье Петра не могло быть праздникомъ, и вотъ почему: хотя наслѣдникомъ престола всегда считался, а съ 1674 г. офиціально объявленъ былъ царевичъ Ѳеодоръ, тѣмъ не менѣе, при болѣзненности его и Ивана, и Петръ могъ имѣть надежду на престолъ. Если-бы царствовалъ Ѳеодоръ или Иванъ, политическое вліяніе всецѣло принадлежало бы ихъ роднѣ Милославскимъ; если-же власть перешла-бы къ Петру, опека надъ нимъ и вліяніе на дѣла принадлежали бы матери Петра и Нарышкинымъ. Благодаря такому положенію обстоятельствъ, съ рожденіемъ Петра семейный разладъ Милославскихъ и Нарышкиныхъ терялъ узкій семейный характеръ и получалъ болѣе широкое политическое значеніе.

Отсутствіе родственной любви и непріязнь между Милославскими и Нарышкиными существовала и при жизни царя Алексѣя; но онъ сдерживалъ эту непріязнь своимъ личнымъ авторитетомъ, хотя увѣренно можно сказать, что и его авторитетъ не могъ примирить враждующія стороны. При полной противоположности интересовъ, родня царя расходилась и взглядами и воспитаніемъ. Старшія дѣти царя (особенно Ѳеодоръ и четвертая дочь Софья) получили блестящее по тому времени воспитаніе подъ руководствомъ С. Полоцкаго. Въ этомъ воспитаніи силенъ былъ элементъ церковный, дѣйствовало польское вліяніе, замѣтное на южно-русскихъ монахахъ. Напротивъ, Нарышкина вышла изъ такой среды (Матвѣевы), которая, при отсутствіи богословскаго направленія, впитала въ себя вліяніе западно-европейской культуры. Это различіе направленій могло только усиливать вражду. Столкновеніе было неизбѣжно.

Въ Январѣ 1676 г. умеръ царь Алексѣй. Ему было только 47 лѣтъ, его ранней смерти нельзя было предусмотрѣть. Поэтому обѣ семейныя партіи были застигнуты катастрофою врасплохъ. На престолъ вступилъ 14-лѣтній Ѳеодоръ, но дѣла нѣкоторое время оставались въ рукахъ Матвѣева: царствовалъ представитель одной семейной пар-

тіи, управлялъ представитель другой. Такъ случилось потому, что въ послѣдніе годы царя Алексѣя, родственники его второй жены были ближе къ царю и дѣламъ, чѣмъ Милославскіе. Однако скоро Милославскіе взяли верхъ; интригами способнѣйшаго изъ Милославскихъ Ивана Михайловича и вліятельнаго боярина Богдана Матвѣевича Хитрово, Матвѣевъ былъ удаленъ въ далекую ссылку (Пустозерскъ). Дѣлами завладѣли Милославскіе. Но при дворѣ, кромѣ Милославскихъ и Нарышкиныхъ образовалась третья партія. Подъ руководствомъ старыхъ бояръ Хитрово и Юрія Алексѣевича Долгорукаго, нѣкоторыя лица, съ бояриномъ Иваномъ Максимовичемъ Языковымъ во главѣ, завладѣли симпатіей царя Ѳеодора и отстранили отъ него всѣ другія вліянія. Потерявъ надежду видѣть потомство у царя и понимая приближеніе господства, (въ случаѣ смерти Ѳеодора) или Нарышкиныхъ или Милославскихъ, партія Языкова впослѣдствіи стала искать сближенія съ Нарышкинами. Вотъ почему въ концѣ царствованія Ѳеодора былъ возвращенъ изъ ссылки Матвѣевъ. Вотъ почему, когда умеръ Ѳеодоръ (27 Апрѣля 1682 г.) восторжествовали Нарышкины, а не Милославскіе. Сложная игра придворныхъ партій, соединившая интересы стороны Языкова со стороной Нарышкиныхъ, повела къ тому, что помимо старшаго, больного и неспособнаго Ивана, царемъ былъ избранъ младшій братъ, царевичъ Петръ.

Послѣ смерти Ѳеодора, царя приходилось избирать, потому что не было закономъ установленнаго престолонаслѣдія. По дѣйствовавшему обычаю отцу наслѣдовалъ сынъ, но у Ѳеодора не было дѣтей. Въ давнопрошедшихъ вѣкахъ случалось, наслѣдовали и братъ брату (сыновья Калиты, напр.), но это была уже ветхая, потерявшая обязательную силу старина, на ней трудно было обосновать права Ивана. Патріархъ, Языковъ съ прочимъ боярствомъ, Нарышкины—хотѣли Петра. Десятилѣтній здоровый Петръ и въ самомъ дѣлѣ своей личностью представлялся болѣе способнымъ занять престолъ, чѣмъ полумертвый и тоже малолѣтній Иванъ (ему было 15 лѣтъ). Петръ былъ избранъ въ цари. Но обычаемъ была въ Московскомъ государствѣ узаконена форма царскаго избранія—посредствомъ земскаго собора. Соборомъ избрали Бориса Годунова и Михаила Ѳеодоровича, за отсутствіе собора упрекали царя В. И. Шуйскаго его современники. Въ данномъ случаѣ, при избраніи Петра къ созыву собора не прибѣгли. Рѣшили дѣло патріархъ съ боярской думой, послѣ того какъ толпа народа (Московское вѣче, если умѣстно это архаическое выраженіе) крикомъ рѣшила, что желаетъ въ цари Петра. Такая форма избранія мало давала гарантій для будущаго, тѣмъ болѣе что время было очень смутное. Милославскіе не могли помириться съ неудачей; ихъ сторонники открыто кричали на площади въ пользу Ивана, а не Петра; не всѣ стрѣльцы съ одинаковой охотой присягали Петру; во дворцѣ боялись рѣзкихъ партійныхъ столкновеній, бояре носили панцыри подъ одеждой.

Тѣмъ не менѣе Петръ сталъ царемъ. Опека надъ нимъ, по Московскому обычаю принадлежала его матери. Царица Наталья Кирилловна стала центромъ правительства. Но подлѣ нея не было искренно преданныхъ помощниковъ и руководителей: Матвѣевъ еще не вернулся

въ Москву изъ ссылки, братья царицы не отличались, необходимыми для правленія, способностями и опытомъ. Такимъ образомъ, новое правительство было слабо. Этимъ и воспользовалась сторона Милославскихъ, среди которыхъ было много выдающихся лицъ.

Главнымъ представителемъ этой партіи была царевна Софія, ученица Симеона Полоцкаго, личность безусловно умная и энергичная, которой душно было въ тѣсной полумонашеской обстановкѣ, окружавшей московскихъ царевенъ: образованіе расширило ея умственный кругозоръ, выработало въ ней широкіе запросы жизни, а отсутствіе стѣсняющаго внѣшняго авторитета родительской власти позволило Софьѣ искать отвѣты на эти вопросы внѣ терема. Она тѣсной сердечной связью сблизилась съ замѣчательнѣйшею личностью того времени княземъ В. В. Голицынымъ и вмѣшивалась въ общественную жизнь Кровными узами привязанная къ дворцовой партіи Милославскихъ, Софія проникласъ ея интересами. Какъ сильная и страстная натура, она лучше и сильнѣе всѣхъ чувствовала эти интересы и стала руководительницею этой партіи. Противники (т. е. Нарышкины и болѣе всѣхъ Наталья Кирилловна) были ей ненавистны, какъ обидчики ея и ея родныхъ. Въ то же время очень развитое честолюбіе Софіи показывало ей возможность, въ случаѣ воцаренія Ивана, стать во главѣ государства опекуншею неспособнаго брата, замѣнить ему мать, управлять государствомъ. Съ воцареніемъ Петра мѣсто это было занято Натальей Кирилловной, которая видѣла, конечно, въ Софьѣ свою соперницу; отсюда взаимная ненависть мачихи и падчерицы. Кромѣ Софьи, у Милославскихъ былъ другой способный человѣкъ, И. М. Милославскій, падкій на интригу, изворотливый и лишенный твердыхъ нравственныхъ понятій. За Милославскихъ стоялъ родовитый Гедиминовичъ, князь И. А. Хованскій, который не столько дружилъ съ Милославскими, сколько не любилъ ихъ противниковъ. Но Хованскій и Голицынъ не были дѣятельными участниками той политической интриги, которая была ведена въ Маѣ 1682 г. преимущественно Софьей и Милославскими противъ Нарышкиныхъ.

Въ послѣдніе дни царя Ѳеодора и въ первые дни царствованія Петра московскіе стрѣльцы пришли въ нѣкоторое движеніе. Стрѣлецкое войско было переформировано въ полки, носившіе названіе по фамиліямъ полковниковъ. Жило оно изолированно отъ прочаго населенія Москвы, въ особыхъ «стрѣлецкихъ слободахъ» въ разныхъ частяхъ города. И сами стрѣльцы и ихъ семьи, помимо службы занимались промыслами и мелкой торговлей. Поэтому стрѣльцы, имѣя военную организацію, въ то же время не были замкнуто-живущимъ военнымъ сословіемъ, а сохраняли живыя связи съ остальнымъ Московскимъ населеніемъ. Въ началѣ 1682 г. главнымъ начальникомъ стрѣлецкаго войска былъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, «развалина отъ старости и паралича», какъ характеризуетъ его С. М. Соловьевъ. Онъ не могъ поддержать должной дисциплины. Полковники стрѣлецкіе начали притѣснять стрѣльцовъ, стрѣльцы на злоупотребленіе властью отвѣчали нарушеніемъ порядка. Въ грубой формѣ заявляютъ они протестъ противъ притѣсненій, подавая съ ругательствами челобитья на началь-

никовъ и употребляя силу для освобожденія наказанныхъ товарищей. Это движеніе началось еще при Ѳеодорѣ, а при новомъ правительствѣ выразилось довольно рѣзко: сразу отъ 16 полковъ подана была во дворецъ челобитная на полковниковъ съ угрозою, если не накажутъ полковниковъ, расправиться съ ними самосудомъ. Правительство Натальи Кирилловны сдѣлало промахъ: вмѣсто спокойнаго изслѣдованія дѣла, оно съ испугу уступило стрѣльцамъ и, уволивъ полковниковъ, взыскало съ нихъ всѣ денежныя къ нимъ претензіи стрѣльцовъ. Уступка разнуздала стрѣльцовъ окончательно, дисциплины не стало, самосудомъ расправлялись они со всѣми непріятными имъ начальниками. Полный безпорядокъ царилъ въ слободахъ. Съ перемѣною правительства стрѣльцы почувствовали, что они—сила, которой боятся даже во дворцѣ.

Всѣми этими обстоятельствами воспользовалась партія Милославскихъ, чтобы направить движеніе въ свою пользу, сообщить ему политическій характеръ, котораго оно до сихъ поръ не имѣло. Черезъ преданныхъ себѣ стрѣльцовъ (Циклера и др.) эта партія постаралась возбудить неудовольствіе полковъ противъ правительства Петра, перенести ихъ вниманіе отъ своихъ стрѣлецкихъ дѣлъ на политическое положеніе. Стрѣльцамъ усердно разсказывали, что за малолѣтнимъ Петромъ стоятъ бояре—«измѣнники», которые не хотятъ ему добра и государствомъ управляютъ въ свою пользу, а другимъ во вредъ; этимъ измѣнники злоумышляютъ на царскую семью, т. е. на царя Ивана и на Милославскихъ. Стрѣльцы вѣрили всѣмъ этимъ слухамъ и главными измѣнниками считали (конечно по наущенію Милославскихъ) Матвѣева, Нарышкиныхъ и Языкова. Они явно грозили «свернуть шею» этимъ лицамъ и готовы были стать за царя и за благополучіе царской семьи. Милославскимъ, такимъ образомъ, удалось настроить стрѣльцовъ противъ своихъ политическихъ противниковъ. Между стрѣльцами былъ распространенъ списокъ измѣнниковъ, которыхъ слѣдовало истребить; но Милославскіе ждали еще пріѣзда въ Москву опаснѣйшаго своего противника Матвѣева, чтобы истребить и его, и потому удерживали стрѣльцовъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Матвѣевъ пріѣхалъ 11-го Мая и, хотя былъ предупрежденъ о волненіяхъ стрѣльцовъ, но не придалъ имъ большаго значенія и не принялъ предосторожностей.

15 Мая произошелъ, такъ называемый, стрѣлецкій бунтъ. Милославскіе дали знать утромъ этого дня въ стрѣлецкія слободы, что измѣнники задушили царя Ивана. Стрѣльцовъ звали въ Кремль. Въ боевомъ порядкѣ выступили стрѣлецкіе полки въ Кремль, успѣли занять Кремлевскія ворота, прекратили сношенія его съ остальнымъ городомъ и подступили ко дворцу. Во дворцѣ собрались, услыша о приближеніи стрѣльцовъ, бояре бывшіе въ Кремлѣ, и патріархъ. Изъ криковъ стрѣльцовъ они знали зачѣмъ явилось стрѣлецкое войско. знали, что они считали царя Ивана убитымъ. Поэтому на дворцовомъ совѣтѣ было рѣшено показать стрѣльцамъ и Ивана и Петра, чтобы сразу убѣдить ихъ въ полномъ отсутствіи всякой измѣны и смуты во дворцѣ. Царица Наталья вывела обоихъ братьевъ на Красное крыльцо, и стрѣльцы, вступивъ въ разговоръ съ самимъ Иваномъ,

услышали отъ него, что «его никто не изводитъ, и жаловаться ему не на кого». Эти слова показали стрѣльцамъ, что они жертва чьего то обмана, что измѣнниковъ нѣтъ, и истреблять некого. Старикъ Матвѣевъ умѣлой и сдержанной рѣчью успѣлъ успокоить стрѣльцовъ настолько, что они хотѣли разойтись. Но Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій испортилъ дѣло. Будучи, послѣ отца своего Юрья, вторымъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа и думая, что теперь стрѣльцы смирились совсѣмъ, онъ отнесся къ толпѣ съ бранью и грубо приказывалъ ей расходиться. Стрѣльцы, разсердясь, и подстрекаемые людьми изъ партій Милославскихъ, бросились на него, убили его, и опьяненные первымъ убійствомъ, бросились во дворецъ искать другихъ «измѣнниковъ». Матвѣева они схватили на глазахъ царицы Натальи и Петра (нѣкоторые разсказывали, что даже выхватили изъ ихъ рукъ) и разсѣкли на части. За Матвѣевымъ были схвачены и убиты бояре кн. Г. Г. Ромодановскій, А. Кир. Нарышкинъ и др. лица. Особенно искали стрѣльцы ненавистнаго Милославскимъ Ив. Кир. Нарышкина, способнѣйшаго брата царицы, но не нашли, хотя обыскали весь дворецъ. Убійства совершались и внѣ дворца. Въ своемъ домѣ былъ убитъ кн. Юрій Долгорукій. На улицѣ найденъ и потомъ казненъ Ив. Макс. Языковъ, представитель третьей дворцовой партіи. Надъ трупами убитыхъ стрѣльцы ругались до поздняго вечера и, оставивъ караулы въ Кремлѣ, разошлись по домамъ.

16 Мая возобновились сцены убійства. Стрѣльцы истребили всѣхъ тѣхъ, кого сторона Милославскихъ считала измѣнниками. Но желаемаго Ив. Кир. Нарышкина не нашли и въ этотъ день,—онъ искусно прятался во дворцѣ. 17 Мая утромъ стрѣльцы настоятельно потребовали его выдачи, какъ послѣдняго уцѣлѣвшаго измѣнника. Чтобы прекратить мятежъ, во дворцѣ нашли необходимымъ выдать Ивана Кирилловича. Онъ причастился и предался стрѣльцамъ; его пытали и убили. Этимъ окончился мятежъ.

Петръ и его мать были потрясены смертью родныхъ, ужасами рѣзни, которая совершалась на ихъ глазахъ и оскорбленіями, которыя получали они отъ грубыхъ стрѣльцовъ. Около нихъ не осталось ни одного помощника и совѣтника: всѣ ихъ сторонники были истреблены, а уцѣлѣвшіе попрятались. У Милославскихъ, такимъ образомъ, исчезли ихъ политическіе противники. Хозяевами дѣлъ становились теперь они, Милославскіе, представительницею власти стала Софья, потому что Наталья Кирилловна удалилась отъ дѣлъ. Въ тѣ дни ее грозили даже «выгнать изъ дворца». Вступленіе во власть со стороны Милославскихъ выразилось тотчасъ же послѣ бунта тѣмъ, что мѣста, занятыя прежде въ высшей московской администраціи людьми близкими къ Нарышкинымъ, еще до окончанія бунта перешли къ сторонникамъ Софіи. Князь В. В. Голицынъ получилъ начальство надъ Посольскимъ Приказомъ; князь Ив. Андр. Хованскій съ сыномъ Андреемъ стали начальниками Стрѣлецкаго Приказа (т. е. всѣхъ стрѣлецкихъ войскъ). Иноземскій и Рейтарскій Приказы подчинены были Ив. Мих. Милославскому.

Но, завладѣвъ фактически властью, уничтоживъ однихъ и устра-

нивъ отъ дѣлъ другихъ своихъ враговъ, Софья и ея сторонники не заручились еще никакимъ юридическимъ основаніемъ своего господствующаго положенія. Такимъ юридическимъ основаніемъ могло быть воцареніе царя Ивана и передача опеки надъ нимъ какому нибудь лицу его семьи. Этого Софья достигла помощью тѣхъ же стрѣльцовъ. Конечно, по наущенію ея сторонниковъ, стрѣльцы били челомъ о томъ, чтобы царствовалъ не одинъ Петръ, а оба брата. Боярская дума и высшее духовенство, боясь повторенія стрѣлецкаго бунта, 26 Мая провозгласили первымъ царемъ Ивана, а Петра—вторымъ. Немедленно затѣмъ стрѣльцы били челомъ о томъ, чтобы правленіе поручено было, по молодости царей, Софьѣ. 29-го Мая Софья согласилась править. Мятежныхъ, но вѣрныхъ ей стрѣльцовъ, Софья угощала во дворцѣ. Такимъ образомъ партія Софьи достигла оффиціальнаго признанія своего политическаго главенства.

Однако все населеніе Москвы и сами стрѣльцы сознавали, что стрѣлецкое движеніе, хотя и вознаграждалось правительствомъ, было все таки незаконнымъ дѣломъ, бунтомъ. Сами стрѣльцы, поэтому, боялись наказанія въ будущемъ, когда правительство усилится и найдетъ помимо нихъ опору въ обществѣ и внѣшнюю силу. Стараясь избѣжать этого, стрѣльцы требуютъ гарантій своей безопасности, оффиціальнаго признанія своей правоты. Правительство не отказываетъ и въ этомъ. Оно признаетъ, что стрѣльцы не бунтовали, а только искореняли измѣну. Такое признаніе и было засвидѣтельствовано всенародно въ видѣ особыхъ надписей на каменномъ столбѣ, который стрѣльцы соорудили на Красной площади въ память майскихъ событій.

Постройка такого памятника, прославлявшаго мятежные подвиги, еще болѣе показала народу, что положеніе дѣлъ въ Москвѣ ненормально, и что стрѣльцы, до поры до времени, единственная сила, внушающая боязнь даже дворцу. Этой грозной силой задумали воспользоваться, нѣкоторые расколоучители. Находясь подъ церковнымъ проклятіемъ, (церк. соборъ 1666—1667 г. изрекъ анаѳему на раскольниковъ), раскольники задумали избавиться отъ проклятія и возстановить «старое благочестіе» въ русской церкви тѣмъ же путемъ, какимъ Милославскіе достигли власти, т. е. помощью стрѣльцовъ. Расколоучители повели въ стрѣлецкихъ слободахъ дѣятельную и успѣшную агитацію для этой цѣли. Результатомъ ея было новое волненіе значительной части только что успокоившихся стрѣльцовъ. Черезъ своего начальника И. А. Хованскаго, стрѣльцы требуютъ пересмотра вѣроисповѣднаго вопроса. Хованскій, нѣсколько сочувствовавшій раскольникамъ, далъ ходъ этому требованію и правительство, опасаясь отказомъ раздражить стрѣльцовъ, назначило на 5 Іюля въ Грановитой Палатѣ дворца диспутъ между православной іерархіей и расколоучителями. Этотъ диспутъ вызвалъ уличные безпорядки, на самомъ диспутѣ спорили долго и, благодаря отсутствію опредѣленнаго плана преній, не пришли ни къ какому результату. Тѣмъ не менѣе раскольники провозгласили побѣду. Масса московскаго населенія съ напряженнымъ вниманіемъ ожидавшая исхода диспута, была введена въ немалый соблазнъ и рядомъ скандаловъ, и отсутствіемъ твердой

власти, не смогшей поддержать порядка, и неизвѣстностью—гдѣ же церковная истина? Правительство же было смущено тѣмъ, что въ этотъ день ясно увидѣло какъ ненадежно стрѣлецкое войско; стрѣльцы оскорбляли Софью когда она вмѣшивалась въ диспутъ, поддерживали раскольниковъ («промѣняли государство на шестерыхъ чернецовъ», какъ выразилась Софья), и слушались обожаемаго ими Хованскаго гораздо болѣе, чѣмъ повиновались правительству. Послѣ диспута у Софьи стало двѣ заботы: лишить раскольниковъ стрѣлецкой поддержки и обуздать Хованскаго, который могъ злоупотребить привязанностью стрѣльцовъ. Перваго Софья скоро достигла. Увѣщаніями и подачками она склонила стрѣльцовъ отстать отъ расколоучителей. Одного изъ нихъ казнили (Никиту Пустосвята), другихъ сослали. Не такъ легко было свести счеты съ Хованскимъ.

Прямо смѣстить Хованскаго Софья боялась, потому что это могло раздражить стрѣльцовъ и повести къ новымъ безпорядкамъ. Терпѣть же его во главѣ военной силы казалось невозможнымъ. Помимо того безтактнаго поведенія, какимъ онъ отличался во время раскольничьяго движенія, Хованскій велъ себя дурно и въ послѣдующее время,—онъ льстилъ стрѣльцамъ, уронилъ дисциплину, ходили слухи, что онъ грозилъ устранить Милославскихъ отъ власти. Во дворцѣ даже ходилъ слухъ, что Хованскій хочетъ завладѣть царствомъ для себя и для сына. И. М. Милославскій такъ былъ напуганъ что не жилъ въ Москвѣ. Боялась и Софья. 20 Августа вся царская семья уѣхала изъ Москвы, считая себя не безопасной въ Кремлѣ. Послѣ многихъ переѣздовъ изъ села въ село, изъ монастыря въ монастырь, Софья въ селѣ Воздвиженскомъ праздновала свои имянины, 17 Сентября. Туда къ этому дню съѣхалось много Московской знати, и вотъ 17-го, послѣ обѣдни и пріема поздравленій, цари съ боярами «сидѣли» о дѣлѣ Хованскаго. Боярская Дума выслушала «докладъ» или обвинительный актъ, въ которомъ Хованскій былъ обвиняемъ въ преступленіяхъ по службѣ и въ умыслѣ на жизнь государей. Послѣдній пунктъ обвиненій былъ основанъ на подметномъ письмѣ, которое брошено было на имя государей у дворцовыхъ воротъ, а написано было, говорятъ, И. М. Милославскимъ. Дума приговорила Хованскаго и сына его Андрея къ смертной казни. Ихъ арестовали недалеко отъ села Воздвиженскаго, привезли туда и въ тотъ же день казнили. Судъ, приговоръ и казнь послѣдовали въ одинъ и тотъ же день, внезапно, неожиданно. Очевидно Софья боялась помѣхи со стороны стрѣльцовъ, боясь ихъ волненія, она 17-го же Сентября извѣстила ихъ грамотой, что Хованскіе казнены, и прибавляла, что на самихъ стрѣльцахъ царскаго гнѣва нѣтъ.

Но стрѣльцы не повѣрили. Они думали, что за Хованскимъ наказаніе постигнетъ и ихъ. Поэтому они подняли бунтъ; по слухамъ, ожидая нападенія на Москву царскихъ войскъ, они привели городъ въ осадное положеніе и приготовились къ вооруженной защитѣ. Это заставило правительство удалиться въ Троицкую Лавру (бывшую первоклассной крѣпостью того времени) и собирать дворянское ополченіе изъ городовъ. Военныя приготовленія правительства показали стрѣль-

цамъ ихъ собственную слабость, невозможность сопротивленія и необходимость покориться. Черезъ посредство остававшагося въ Москвѣ патріарха, просятъ они прощенія у Софьи. Софья даетъ имъ прощеніе съ однимъ условіемъ: стрѣльцы должны вполнѣ повиноваться начальству и не мѣшаться не въ свои дѣла; 8-го Октября стрѣльцы даютъ въ этомъ клятву. Они просятъ позволенія сломать тотъ почетный столбъ, который былъ поставленъ въ память майскихъ подвиговъ. Теперь въ глазахъ ихъ самихъ и правительства майскіе подвиги не заслуга, а измѣна.

Такъ кончилось смутное время, тянувшееся съ Мая по Октябрь 1682 г. Вначалѣ Ноября дворъ возвратился въ Москву; настало такъ называемое «Правленіе царевны Софіи» (1682—1689).

Таковы были придворныя и политическія обстоятельства, въ которыхъ родился и провелъ годы дѣтства Петръ. Съ началомъ правленія Софьи, началось его отрочество. Посмотримъ что мы знаемъ достовѣрнаго о дѣтствѣ Петра.

О первыхъ дняхъ жизни царевича сохранилось много любопытныхъ свѣдѣній. Его рожденіе вызвало рядъ придворныхъ праздниковъ. Крестили царевича только 29 Іюня въ Чудовомъ монастырѣ, и крестнымъ отцемъ его былъ царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ. По древнему обычаю, съ новорожденнаго «снялц мѣру» и въ ея величину написали икону апостола Петра (поэтому мы знаемъ, что Петръ былъ 11 вершковъ длины и 3 вершка ширины при своемъ рожденіи). Новорожденнаго окружили цѣлымъ штатомъ мамъ и няней; кормила его кормилица, Ненила Ерофѣева. По нѣкоторымъ отзывамъ, Петръ былъ очень крѣпокъ физически съ дѣтства «возрастенъ и красенъ и крѣпокъ тѣломъ». Очень рано его стали забавлять игрушки, и эти игрушки почти исключительно имѣли военный характеръ. По расходнымъ дворцовымъ книгамъ мы знаемъ, что Петру постоянно дѣлали въ придворныхъ мастерскихъ и покупали на рынкахъ луки, деревянныя ружья и пистолеты, барабаны, игрушечныя знамена и т. д. Этимъ оружіемъ царевичъ и самъ тѣшился, и вооружалъ «потѣшныхъ ребятокъ», т. е. своихъ сверстниковъ изъ семей придворной знати, всегда окружавшихъ малолѣтнихъ царевичей. Отецъ Петра допустилъ къ нему, какъ говорятъ нѣкоторые современники, военнаго иностранца Менезіуса, который руководилъ его военными забавами. Этотъ Менезіусъ, кажется, былъ дѣйствительнымъ начальникомъ солдатскаго полка, называемаго Петровымъ, по имени своего номинальнаго полковника— Петра. Номинальный полковникъ, говорятъ, былъ любимцемъ отца. Если бы царь Алексѣй жилъ болѣе, можно бы было ручаться, что Петръ получилъ бы такое же прекрасное, по времени, образованіе, какъ его братъ Ѳедоръ. Но царь Алексѣй умеръ когда Петру не исполнилось и четырехъ лѣтъ. Вотъ почему Петръ остался безъ правильнаго образованія. Нѣкоторые (И. Е. Забѣлинъ) думаютъ, что начало обученія Петра положилъ еще его отецъ. Такое мнѣніе основывается на томъ, что 1 Декабря 1675 г. начали кого то учить грамотѣ въ царской семьѣ, какъ это ясно изъ книгъ Тайнаго Приказа. Но въ царской семьѣ не начинали учить дѣтей раньше 5 лѣтъ, а

Петру тогда было только $3^1/_2$ года. Съ другой стороны, первый извѣстный намъ учитель Петра—Никита Моисеевичъ Зотовъ былъ опредѣленъ къ нему уже царемъ Ѳедоромъ. Поэтому, такое мнѣніе о раннемъ обученіи Петра сомнительно. Достовѣрнѣе, что Петръ впервые сѣлъ за азбуку подъ руководствомъ Зотова пяти лѣтъ отъ роду. Этого Зотова, по рекомендаціи окольничаго Соковнина, назначилъ къ Петру его крестный отецъ, царь Ѳедоръ, очень любившій своего брата. Зотовъ ранѣе былъ приказнымъ дьякомъ и при назначеніи къ Петру подвергся экзамену, читалъ и писалъ въ присутствіи царя и былъ одобренъ какъ самимъ царемъ, такъ и извѣстнымъ Симеономъ Полоцкимъ. Курсъ ученія въ древней Руси начинался азбукой, продолжался чтеніемъ и изученіемъ Часослова, Псалтиря, Апостольскихъ дѣяній и Евангелія. Обученіе письму шло позже чтенія. Петръ началъ учиться письму, кажется въ началѣ 1680 г. и никогда не умѣлъ писать порядочнымъ почеркомъ. Кромѣ письма и чтенія Зотовъ ничему не училъ Петра (ошибиться здѣсь можно только относительно ариѳметики, которую Петръ узналъ довольно рано и неизвѣстно отъ кого). Но Зотовъ, какъ пособіе при обученіи, употреблялъ иллюстраціи, привозимыя въ Москву изъ за границы и извѣстныя подъ именемъ «потѣшныхъ фряжскихъ или нѣмецкихъ листовъ». Эти листы, изображая историческія или этнографическія сцены, могли дать много умственной пищи ребенку. Кромѣ того Зотовъ ознакомилъ Петра съ событіями русской исторіи, показывая и поясняя ему лѣтописи, украшенныя тысячами (буквально) историческихъ рисунковъ. Что Зотовъ и при отсутствіи широкаго образованія и ума велъ свое дѣло добросовѣстно и тепло, доказывается неизмѣннымъ расположеніемъ къ нему Петра, не забывавшаго своего учителя.

Чѣмъ больше становился Петръ, тѣмъ хуже становилась его обстановка. При отцѣ любимый и ласкаемый, при Ѳедорѣ Петръ вмѣстѣ съ матерью раздѣлялъ ея опалу. Хотя Ѳедоръ его и любилъ, но борьба придворныхъ партій отстраняла его и его мать отъ царя. Начиная понимать разговоры окружающихъ, Петръ узналъ отъ нихъ, конечно, о семейной враждѣ, о гоненіяхъ на его мать и на близкихъ ей людей. Онъ учился не любить Милославскихъ, видѣть въ нихъ враговъ и притѣснителей. Десяти лѣтъ избранный царемъ, онъ въ 1682 году пережилъ рядъ тяжелыхъ минутъ. Онъ видѣлъ бунтъ стрѣльцовъ; старика Матвѣева, говорятъ, стрѣльцы вырвали изъ его рукъ; дядя Иванъ Нарышкинъ былъ имъ выданъ на его глазахъ; онъ видѣлъ рѣку крови; его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти: Петръ такъ былъ потрясенъ «майскими днями» 1683 г., что отъ испуга у него явились и остались на всю жизнь конвульсивныя движенія головы и лица. («sa tête branle continuellement, bien qu'il ne soit âgé que de vingt ans»,—пишетъ о немъ видѣвшій его современникъ). Чувство непріязни къ Милославскимъ, воспитанное раньше, перешло въ ненависть, когда Петръ узналъ насколько они виноваты въ стрѣлецкихъ движеніяхъ. Съ ненавистью относился онъ и къ стрѣльцамъ, называя ихъ «сѣменемъ Ивана Михайловича» (т. е. Милославскаго), потому что съ представленіемъ о

стрѣльцахъ у него соединилось воспоминаніе объ ихъ бунтахъ 1682 года.

Такъ неспокойно кончилось дѣтство Петра. Въ немъ—начало его военныхъ забавъ, въ немъ тяжелыя, даже ужасныя минуты, повліявшія на всю жизнь Петра. Въ дѣтствѣ Петра, наконецъ, нѣтъ начатковъ правильнаго образованія, его учатъ «грамотѣ», прочія свѣдѣнія приходятъ случайно, усваиваются мимоходомъ.

Обратимся къ правленію царевны Софьи.

При ней главными дѣятелями партій, Софьи или Милославскихъ, являются бояринъ князь В. В. Голицынъ и думный дьякъ Шакловитый. Первый былъ начальникомъ Посольскаго Приказа, главнымъ правительственнымъ дѣятелемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ Москвы и во внутреннемъ управленіи. Второй былъ начальникомъ стрѣлецкаго войска и главнымъ стражемъ интересовъ Софьи, оберегателемъ господствовавшей партіи. Шакловитый былъ вѣрнымъ слугою Софьи, а Голицынъ не только служилъ царевнѣ, но былъ ею любимъ. Личность князя В. В. Голицына—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей XVII в. Иностранцы, знавшіе его, говорятъ о немъ съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ, какъ объ очень образованномъ и гуманномъ человѣкѣ. Дѣйствительно, Голицынъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ, слѣдовалъ во всѣхъ мелочахъ жизни западно-европейскимъ образцамъ, домъ его былъ устроенъ на европейскій ладъ. По характеру своего образованія онъ близокъ былъ къ малорусскому образованному монашеству и находился до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ польско-католическимъ. Гуманность Голицына обращала на себя вниманіе современниковъ, ему приписывали широкіе проекты освобожденія крестьянъ отъ частной зависимости. Внутренняя правительственная дѣятельность, времени Софьи, отмѣчена мягкостью нѣкоторыхъ мѣропріятій, быть можетъ благодаря вліянію Голицына. При Софьѣ было смягчено законодательство о несостоятельныхъ должникахъ, были смягчены нѣкоторыя уголовныя кары, отмѣнена была варварская казнь—закапываніе въ землю заживо. Но въ той сферѣ, гдѣ сильно было вліяніе не Голицына, а патріарха,—въ отношеніи къ раскольникамъ—не замѣтно было большой гуманности, расколъ преслѣдовался по прежнему строго.

Но главнымъ поприщемъ Голицына была дипломатическая дѣятельность. Враждебныя отношенія Москвы къ Турціи и татарамъ не прекращались, хотя въ 1681 году и было заключено перемиріе на 20 лѣтъ. Турція въ то время была въ войнѣ съ Австріей и Польшей и Польша искала союза съ Россіей противъ Турціи. Польскій король Янъ Собѣсскій, дѣятельный врагъ Турокъ, очень расчитывалъ на русскую помощь и очень желалъ привлечь Москву къ Австро-Польскому союзу. Но Москва, съ самой Польшей находясь только въ перемиріи, соглашалась подать помощь лишь по заключеніи вѣчнаго мира. Въ 1686 г. Янъ Собѣсскій согласился на вѣчный миръ, по которому на вѣки уступилъ Москвѣ все, что она завоевала у Польши въ XVII в. (важнѣе всего Кіевъ). Этотъ миръ 1686 года былъ очень крупною дипломатическою побѣдой, которою Москва обязана была

В. В. Голицыну. Но по этому миру Москва должна была начать войну съ Турціей и Крымомъ, ей подчиненнымъ. Рѣшено было идти походомъ на Крымъ. Поневолѣ принялъ Голицынъ начальство надъ войсками и сдѣлалъ на Крымъ два похода (1687—1689). Оба они были неудачны (только во второй разъ, въ 1689 г. русскіе успѣли дойти черезъ степь до крымскаго перешейка, но не могли проникнуть далѣе). Не имѣя военныхъ способностей, Голицынъ не могъ справиться съ трудностями степныхъ походовъ, потерялъ много людей, возбудилъ ропотъ войска, и навлекъ со стороны Петра обвиненіе въ нерадѣніи. Впрочемъ до низверженія Софьи, ея правительство старалось скрыть неудачу, торжествовало переходъ черезъ степи къ Перекопу какъ побѣду и осыпало наградами Голицына и войска. Но неудача была ясна для всѣхъ: ниже увидимъ, что Петръ воспользовался ею и оставилъ въ покоѣ Крымъ въ своемъ наступленіи на югъ.

Такова была внѣшняя дѣятельность правительства Софіи. Государственные вопросы развивались своимъ чередомъ; семейная вражда въ то же время шла своимъ чередомъ и сплеталась съ другими обстоятельствами общественной жизни въ очень сложныя комбинаціи общественнаго движенія въ Москвѣ.

Правила дѣлами одна часть царской семьи, власть которой воплощала къ себѣ Софья. Она знала, что въ другой части царской семьи первымъ человѣкомъ была царица Наталья. Обѣ женщины враждовали другъ противъ друга, сильно и сознательно вдохновляли ненавистью къ врагу и своихъ близкихъ. Одна (Софья) жила настоящимъ, знала, что власть ея падетъ скоро, съ совершеннолѣтіемъ Петра, и не желала этого. Другая (Наталья Кирилловна) была лишена власти, была въ опалѣ и знала, что скоро сынъ возвратитъ ей надлежащее мѣсто во дворцѣ; всѣ ея надежды были въ будущемъ. Семейная вражда породила двѣ враждебныя партіи людей, связавшихъ себя съ той или другой частью царской семьи и враждовавшихъ изъ-за вліянія, изъ за карьеры и личнаго возвышенія. Эта борьба была уже не семейной, но политическою враждой. Личное чувство любви поставило Голицына около Софьи; онъ не чувствовалъ ненависти къ Нарышкинымъ, но сознаніе, что они считаютъ его своимъ врагомъ и въ будущемъ не пощадятъ, заставляло его въ отчаяніи желать вслухъ смерти царицы Натальи. Но сначала и до конца онъ не былъ активнымъ участникомъ борьбы, стоялъ далеко не въ центрѣ политическихъ интригъ. Велъ интригу Шакловитый, человѣкъ безнравственный и злобный, службою Софьѣ строившій свою личную карьеру. Шакловитый спокойно выражалъ сожалѣніе, что не всѣ Нарышкины побиты въ 1682 г.; онъ сознательно стремился поправить такую ошибку и, при случаѣ уничтоживъ враговъ, укрѣпить Софью на престолѣ, а себя на службѣ. И много лицъ думали, какъ онъ, помогая Софьѣ, устроиться самимъ. На противоположной сторонѣ, у Натальи Кирилловны было не меньше друзей. Во главѣ ея партіи стояли два человѣка: братъ царицы Левъ Кир. Нарышкинъ, сдержанный, умный, но мало образованный и не привыкшій къ широкой дѣятельности человѣкъ,—и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, «дядька» (т. е. воспитатель) Петра. Это былъ

человѣкъ, по образованію мало уступавшій своему двоюродному брату князю В. В. Голицину. Не уступалъ онъ ему и умомъ, и общей нравственной высотой, но онъ былъ жертвою грустной привычки—пьянства. Бояре въ ссорѣ упрекали его, что онъ «весь налитъ виномъ», въ народѣ шелъ говоръ, что князь Борисъ «и государя (т. е. Петра) пить научилъ». Слабость эта много мѣшала ему и въ жизни и въ службѣ; однако, охраняя интересы Петра противъ Софьи, князь Борисъ явился боевымъ руководителемъ партіи Нарышкиныхъ, и доставилъ Петру побѣду въ послѣднемъ столкновеніи 1689 г. Партія Нарышкиныхъ, какъ и партія Софьи, имѣла многихъ приверженцевъ во всѣхъ слояхѣ общества, даже среди бывшихъ помощниковъ Милославскихъ—стрѣльцовъ. И чѣмъ ближе подходило время совершеннолѣтія Петра, тѣмъ болѣе примыкало къ партіи Нарышкиныхъ дальновидныхъ людей, предвидѣвшихъ въ чью пользу разрѣшится семейная политическая борьба.

Но рядомъ съ политической борьбой, въ Москвѣ въ то время шла борьба религіозная: появилось еретическое мнѣніе, что пресуществленіе св. Даровъ совершается за литургіей не во время молитвы іерея, призывающей св. Духа, а во время произнесенія словъ І. Христа («Пріимите, ядите...). Это католическое мнѣніе, появившееся въ Малороссіи подъ польскимъ вліяніемъ было принесено въ Москву извѣстнымъ С. Полоцкимъ; затѣмъ поддерживалось его ученикомъ, русскимъ ученымъ монахомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ и тѣми русскими, которые получили образованіе въ южно-русскихъ школахъ. Шумные споры, шедшіе въ Москвѣ объ этомъ предметѣ при патр. Іоакимѣ (1674—1690), перешли и въ литературу, С. Медвѣдевъ написалъ въ защиту своей «хлѣбопоклоннической ереси» книгу «Манна». Въ отвѣтъ на нее представители православія, греки братья Лихуды написали книгу «Акосъ». За этими трудами явились и другіе. Богословскій споръ окончился только въ 1690 г. церковнымъ соборомъ, осудившимъ ересь, и гоненіемъ на малорусскихъ ученыхъ, которые спѣшили уѣхать изъ Москвы. Слѣдя за развитіемъ этого богословскаго спора, мы замѣчаемъ, что представители ереси (С. Медвѣдевъ и др.) очень близки къ царевнѣ Софьѣ, воспитанной въ ихъ же духѣ, къ В. В. Голицыну и др. лицамъ стороны Милославскихъ. Близость къ правительству даже помогаетъ еретикамъ распространять свои взгляды. Напротивъ, православный патріархъ стремится опереться въ борьбѣ съ ними на сторону Петра. Ересь только тогда подвергается церковному осужденію, когда власть, съ 1689 г. переходитъ къ Нарышкинымъ. Такимъ образомъ, различныя религіозныя направленія примкнули въ своей борьбѣ къ готовымъ политическимъ партіямъ и въ нихъ искали себѣ опоры. С. Медвѣдевъ поэтому пострадалъ одновременно и какъ еретикъ, и какъ политическій преступникъ, приверженецъ Софьи.

Споръ о пресуществленіи привлекъ вниманіе нетолько русскаго общества, но и католической іерархіи. Желая торжества ереси, католичество послало въ Москву своихъ представителей іезуитовъ, которые высматривали положеніе дѣла, готовясь воспользоваться въ своихъ цѣляхъ всякимъ удобнымъ случаемъ. Въ Москвѣ, вѣроятно

ихъ стараніями, появились католическія книги. Князь В. В. Голицынъ дружилъ съ іезуитами и старался добыть имъ позволеніе жить постоянно въ Москвѣ. Трудно сказать въ точности, каковы были надежды католичества, но нѣтъ сомнѣнія, что католическая пропаганда цѣплялась за сильнѣйшую партію 80-хъ годовъ XVII в., имѣя виды на Россію. Въ то же время юноша Петръ подпалъ иноземному вліянію совсѣмъ иного сорта. Далекій отъ богословскихъ тонкостей, онъ былъ враждебенъ католичеству, не интересовался протестантскимъ богословіемъ, но увлекался западно-европейской культурой въ томъ ея складѣ, какой сложился въ протестантскихъ государствахъ. Съ паденіемъ Софьи, католическія попытки пропаганды на Руси пали, іезуиты были прогнаны изъ Москвы, а съ реформой Петра протестантская культура стала широко вліять на Русь.

Такъ, рядомъ съ борьбой семейной, политической и церковной, въ концѣ XVII в. разрѣшился вопросъ о формѣ вліянія на Москву западно-европейской культуры. Разрѣшили его тѣ вліянія, подъ которыми Петръ находился въ годы отрочества и юности. Посмотримъ на первые шаги этихъ вліяній.

Въ дѣтствѣ, какъ мы видимъ, Петръ не получилъ никакого образованія, кромѣ простой грамотности и кое-какихъ историческихъ свѣдѣній. Забавы его носили ребячески военный характеръ. Обстановка жизни сообщила ему нѣсколько тяжелыхъ впечатлѣній. Будучи царемъ, онъ въ то же время находился подъ опалой съ 10 лѣтъ и съ матерью долженъ былъ жить въ потѣшныхъ подмосковныхъ селахъ, а не въ Кремлевскомъ дворцѣ. Такое грустное положеніе лишало его возможности получить правильное дальнѣйшее образованіе и въ то же время освобождало отъ путъ придворнаго этикета. Не имѣя духовной пищи, но имѣя много времени и свободы, Петръ самъ долженъ былъ искать занятій и развлеченій. Можно думать, что мать никогда не стѣсняла любимаго, единственнаго сына, и что воспитатель Петра, князь Борисъ Голицынъ не слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Мы не видимъ, чтобы Петръ особенно подчинялся материнскому авторитету въ своихъ вкусахъ и занятіяхъ, чтобы Петра занимали другіе. Онъ самъ выбираетъ себѣ товарищей изъ тѣснаго круга придворныхъ и дворовыхъ служителей царицына двора и самъ съ этими товарищами ищетъ себѣ потѣхъ. Отрочество Петра отмѣчено самодѣятельностью, и эта самодѣятельность шла въ двухъ направленіяхъ: 1) Петръ предавался по-прежнему военнымъ забавамъ, 2) онъ стремился къ самообразованію.

Съ 1683 г. вмѣсто «потѣшныхъ ребятокъ» около Петра видимъ «потѣшные полки» («потѣшные», ибо стояли въ потѣшныхъ селахъ, а не потому, что служили только для потѣхи). Въ Ноябрѣ 1683 г. Петръ начинаетъ реформировать Преображенскій полкъ изъ охочихъ людей (до послѣднихъ лѣтъ своихъ Петръ помнилъ, что первымъ охотникомъ былъ придворный конюхъ Сергѣй Бухвостовъ). Въ отношеніи этого потѣшнаго полка Петръ былъ не государемъ, а товарищемъ-соратникомъ, учившимся наравнѣ съ прочими солдатами военному дѣлу. Съ разрѣшенія, конечно, матери и съ одобренія, быть можетъ, Б. Голи-

цына (даже, быть можетъ, съ нѣкоторымъ его содѣйствіемъ),—Петръ, какъ говорится, и днюетъ и ночуетъ со своими потѣшными. Предпринимаются маневры и небольшіе походы, на Яузѣ строится потѣшная крѣпость (1685 г.), названная Пресбургомъ, словомъ, практически изучается военное дѣло, не по старымъ русскимъ образцамъ, а по тому порядку регулярной солдатской службы, какой въ XVII в. былъ заимствованъ Москвою съ Запада. Эти военныя «потѣхи» требуютъ военныхъ припасовъ и денежныхъ средствъ, которые и отпускаются Петру изъ Московскихъ Приказовъ. Правительство Софьи не видитъ для себя никакой опасности въ такихъ «потѣхахъ марсовыхъ» и не мѣшаетъ развитію потѣшныхъ войскъ. Оно испугалось этихъ войскъ позже, когда изъ потѣшныхъ выросла солидная военная сила. Но ростилъ Петръ эту силу безпрепятственно. Не слѣдуетъ думать, что Петръ забавлялся съ одною дворовою челядью. Вмѣстѣ съ нимъ въ рядахъ потѣшныхъ были и товарищи его изъ высшихъ классовъ общества. Стоявшій внѣ придворнаго этикета, Петръ мѣшалъ родовитыхъ людей и простолюдиновъ въ одну «дружину», по выраженію С. М. Соловьева, и изъ этой дружины безсознательно готовилъ себѣ кругъ преданныхъ сотрудниковъ въ будущемъ. Военное дѣло и личность Петра сплочивали разнородные аристократическіе и демократическіе элементы въ одно общество съ однимъ направленіемъ. Покуда это общество забавлялось, позже оно стало работать съ Петромъ.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ организовались военныя игры Петра, пробудилось въ немъ сознательное стремленіе учиться. Самообученіе нѣсколько отвлекло Петра отъ исключительно военныхъ забавъ, сдѣлало шире его умственный кругозоръ и практическую дѣятельность. Лишенный правильнаго образованія, Петръ однако росъ въ кругу, далеко не вполнѣ невѣжественномъ. Нарышкины изъ дома Матвѣева вынесли нѣкоторое знакомство съ западной культурой. Сынъ А. С. Матвѣева, близкій къ Петру, былъ образованъ на европейскій ладъ. У Петра былъ нѣмецъ докторъ. Словомъ, не только не было національной замкнутости, но была нѣкоторая привычка къ нѣмцамъ, знакомство съ ними, симпатія къ Западу. Эта привычка и симпатія перешли и къ Петру и облегчили ему сближеніе съ иноземцами и ихъ наукой. Сближеніе это произошло около 1688 г. такимъ образомъ. Въ предисловіи къ Морскому регламенту самъ Петръ разсказываетъ, что кн. Я. Долгорукій привезъ ему въ подарокъ изъ-за границы астролябію и никто не зналъ какъ сладить съ иностраннымъ инструментомъ; тогда нашли Петру знающаго человѣка, голландца Франца Тиммермана, который объяснилъ, что для употребленія астролябіи нужно знать геометрію и др. науки. У этого-то Тиммермана Петръ «гораздо съ охотою присталъ учиться геометріи и фортификаціи». Въ то же время онъ нашелъ въ селѣ Измайловѣ старый англійскій ботъ, валявшійся въ амбарѣ. Тиммерманъ объяснилъ Петру, что на этомъ ботѣ можно ходить противъ вѣтра, лавировать (чего русскіе не умѣли). Петръ заинтересовался и нашелъ человѣка (какъ и Тиммермана—изъ нѣмецкой слободы), голландца Карштенъ-Бранта, который сталъ учить

Петра управленію парусами. Сперва учились на узенькой Яузѣ, а потомъ въ селѣ Измайловѣ на прудѣ.

Искусство навигаціи такъ увлекло Петра, что стало въ немъ страстью. Къ изученію этого дѣла онъ отнесся очень серьезно. Въ 1688 г. недовольный тѣмъ, что негдѣ плавать подъ Москвой, онъ переноситъ свою забаву на Переяславское озеро (въ 100 слишкомъ верстахъ отъ Москвы на сѣверъ). Мать согласилась на отъѣздъ Петра, и Петръ принялся въ Переяславлѣ строить суда съ помощью мастеровъ голландцевъ. Въ это время онъ ничего не хотѣлъ знать, кромѣ математики, военнаго дѣла и корабельныхъ забавъ. Но ему уже шелъ 17 годъ. онъ былъ очень развитъ и физически, и умственно. Его мать вправѣ была ждать, что достигшій совершеннолѣтія сынъ обратитъ вниманіе на государственныя дѣла и устранитъ отъ нихъ ненавистныхъ Милославскихъ. Но Петръ не интересовался этимъ и не думалъ бросать свое ученье и забавы для политики. Чтобы остепенить его, мать его женила (27 Января 1689 г.) на Евдокіи Ѳедоровнѣ Лопухиной, къ которой Петръ не имѣлъ влеченія. Подчиняясь волѣ матери, Петръ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ свадьбы уѣхалъ въ Переяславль отъ матери и жены къ кораблямъ. Но лѣтомъ этого 1689 года онъ былъ вызванъ матерью въ Москву, потому что неизбѣжна была борьба съ Милославскимъ.

Переяславскими потѣхами и женитьбой окончился періодъ отроческой жизни Петра. Теперь онъ взрослый юноша, привыкшій къ военному дѣлу, привыкающій къ кораблестроенію, самъ себя образовывающій,—не богословски, какъ были образованы его отецъ и братья, а полупрактически, полутеоретически, преимущественно въ области точныхъ и прикладныхъ знаній. У него нѣтъ привычки къ этикету, есть привычка къ иноземцамъ—его учителямъ, у него демократическій кругъ товарищества. Онъ привыкъ къ занятіямъ и труду, но не доросъ еще до общественной дѣятельности, много обѣщая, какъ способная личность, онъ возбуждаетъ неудовольствіе и безпокойство близкихъ, потому что занятъ только забавами и странными для царя забавами. Его интересы, какъ государя, берегутъ другіе, другіе выбираютъ минуту для послѣдней борьбы съ узурпаторами его власти, другіе руководятъ дѣйствіями Петра въ этой борьбѣ.

Эти другіе были: Наталья Кирилловна, ея братъ Левъ Нарышкинъ и, кажется, больше всего «дядька» Петра, князь Б. Голицынъ. Въ 1689 г. когда Петру минуло 17 лѣтъ, онъ могъ уже какъ взрослый, упразднить регентство Софьи. Неудача второго Крымскаго похода 1689 г., возбудила общее недовольство и дала удобный поводъ къ дѣйствіямъ противъ нея. Соображая эти обстоятельства, партія Петра приготовилась дѣйствовать; руководителемъ въ этихъ приготовленіяхъ, по довольно распространенному мнѣнію, былъ князь Б. Голицынъ.

Но прямо начать дѣло противъ Софьи не рѣшались. Въ то же время и Софья, понимая, что время близится къ развязкѣ, что слѣдуетъ отдать власть Петру, и не желая этого, не рѣшалась на какія нибудь рѣзкія мѣры для укрѣпленія себя на престолѣ. Ей очень хотѣлось изъ правительницы стать самодержицей, иначе говоря, вѣн-

чаться на царство. Еще въ 1687 г. она и Шакловитый думали достигнуть этой цѣли помощью стрѣлецкаго войска. Но стрѣльцы не хотѣли поднимать новый бунтъ противъ Нарышкиныхъ и требовать незаконнаго восшествія на престолъ Софьи. Лишенная въ этомъ дѣлѣ сочувствія стрѣльцовъ, Софья отказывается отъ мысли о вѣнчаніи, но рѣшается самозванно именовать себя «самодержицей» въ офиціальныхъ актахъ. Узнавъ объ этомъ, Нарышкины громко протестуютъ; раздается ропотъ и въ народѣ противъ этого нововведенія. Чтобы удержать власть, Софьѣ остается одно: привлечь къ себѣ народную симпатію и въ то же время возбудить народъ противъ Петра и Нарышкиныхъ. Вотъ почему и Софья и ея вѣрный слуга Шакловитый клевещутъ народу на своихъ противниковъ и употребляютъ всѣ средства, чтобы поссорить съ ними народъ, особенно стрѣльцовъ. Но стрѣльцы весьма мало поддавались рѣчамъ Софьи, и это лишало ее храбрости. Со страхомъ слѣдила она за поведеніемъ Нарышкиныхъ и ждала отъ нихъ нападенія. А между тѣмъ отношенія двухъ сторонъ съ часу на часъ обострялись.

Петръ, вызванный матерью изъ Переяславля въ Москву, лѣтомъ 1689 г., началъ показывать Софьѣ свою власть. Въ Іюлѣ онъ запретилъ Софьѣ участвовать въ крестномъ ходѣ, а когда она не послушалась, самъ уѣхалъ изъ хода, устроивъ такимъ образомъ сестрѣ гласную непріятность. Въ концѣ Іюля онъ едва согласился на выдачу наградъ участникамъ Крымскаго похода и не принялъ Московскихъ военноначальниковъ, когда они являлись къ нему благодарить за награды. Когда Софья, напуганная выходками Петра, стала возбуждать стрѣльцовъ съ надеждой найти въ нихъ поддержку и защиту, Петръ не задумался арестовать на время стрѣлецкаго начальника Шакловитаго.

Петръ, или, вѣрнѣе, руководившія имъ лица, опасались стрѣлецкаго движенія въ пользу Софьи. Находясь въ Преображенскомъ, они внимательно слѣдили за положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ стрѣльцовъ въ Москвѣ черезъ преданныхъ имъ лицъ. Въ то же время и Софья боялась дальнѣйшихъ непріятностей со стороны Петра и посылала въ Преображенское своихъ лазутчиковъ. Отношенія къ началу Августа 1689 года стали до того натянуты, что всѣ ждали открытаго разрыва. Но ни та, ни другая сторона не хотѣла быть начинающей, за то обѣ старательно приготовлялись къ оборонѣ.

Разрывъ произошелъ такимъ образомъ: 7 Августа вечеромъ Софья собрала въ Кремлѣ значительную вооруженную силу. Говорятъ, что ее напугалъ слухъ о томъ, что въ ночь съ 7 на 8 Августа Петръ съ потѣшными явится въ Москву и лишитъ Софью власти. Стрѣльцовъ, призванныхъ въ Кремль, волновали въ пользу Софьи и противъ Петра, нѣсколько преданныхъ правительницѣ лицъ. Видя военныя приготовленія, въ Кремлѣ, слыша зажигательныя рѣчи противъ Петра, приверженцы царя (въ числѣ ихъ были и стрѣльцы) дали ему знать объ опасности. Но они преувеличили опасность и сообщили Петру, что на него съ матерью стрѣльцы «идутъ бунтомъ» и замышляютъ на нихъ смертное «убійство». Петръ прямо съ постели бросился на лошадь и съ тремя провожатыми ускакалъ изъ Преображенскаго въ Троиц-

кую Лавру. Въ слѣдующіе дни, начиная съ 8 Августа, въ Лавру съѣхались всѣ Нарышкины, всѣ бывшія на сторонѣ Петра знатныя и чиновныя лица; явилась и вооруженная сила,—потѣшные и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ. Съ отъѣздомъ Петра и его двора въ Лавру насталъ открытый разрывъ.

Изъ Лавры Петръ и руководящія имъ лица, потребовали отъ Софьи отчета въ вооруженіяхъ 7 Августа и присылки депутацій отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. Не отпустивъ стрѣльцовъ, Софья отправила къ Петру патріарха (Іоакима), какъ посредника для перемирія. Но преданный Петру патріархъ не вернулся въ Москву. Петръ вторично потребовалъ представителей отъ стрѣльцовъ и отъ тяглыхъ людей Москвы. На этотъ разъ они явились въ Лавру наперекоръ желаніямъ Софьи. Видя, что сопротивляться Петру невозможно, что въ стрѣльцахъ нѣтъ поддержки, Софья сама ѣдетъ къ Троицѣ мириться съ Петромъ. Но ее возвращаютъ съ дороги именемъ Петра и угрозой, если она пріѣдетъ къ Троицѣ, обойтись съ нею «нечестно». Возвратясь въ Москву, Софья пробуетъ поднять стрѣльцовъ и народъ на Петра, но терпитъ неудачу. Стрѣльцы сами заставляютъ Софью выдать Петру Шакловитаго, котораго онъ потребовалъ. Лишается Софья и князя В. В. Голицына; послѣ выдачи Шакловитаго Голицынъ добровольно явился въ Лавру.

Ему отъ Петра была объявлена ссылка въ Каргополь (позднѣе въ Пинегу) за самоуправство въ управленіи и за нерадѣніе въ Крымскомъ походѣ. Шакловитый подвергся допросу и пыткѣ, повинился во многихъ умыслахъ противъ Петра въ пользу Софьи, выдалъ многихъ единомышленниковъ, но не признался въ умыслѣ на жизнь Петра. Съ нѣкоторыми близкими ему стрѣльцами онъ былъ казненъ (11 сентября). Не избѣгъ казни и преданный Софьѣ Сильвестръ Медвѣдевъ. Обвиненный, какъ еретикъ и государственный преступникъ, онъ сперва былъ приговоренъ къ ссылкѣ, но позднѣе (1691), вслѣдствіе новыхъ на него обвиненій казненъ.

Вмѣстѣ съ участью друзей Софьи, рѣшилась и ея участь. Расправляясь съ этими друзьями, Петръ писалъ своему брату Ивану письмо о своихъ намѣреніяхъ: «Теперь, государь братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ, Богомъ врученное намъ царство править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами, въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ». Такъ высказывалъ Петръ свое желаніе отстранить Софью и вступить во власть; а немного позднѣе этого письма Софья получила отъ Петра прямое приказаніе — идти въ монастырь. Повинуясь необходимости, она переѣхала на житье въ Новодѣвичій монастырь (подъ Москвой), но въ монахини не постриглась.

Такъ, осенью 1689 г. кончилось правленіе Софьи. Цари стали править безъ опеки, или, точнѣе, при больномъ и слабоумномъ Иванѣ, правилъ одинъ Петръ съ своими близкими.

ГОДЫ 1689—1698.

Съ 1689 года Петръ сталъ самостоятельнымъ правителемъ безъ всякой видимой опеки надъ его личностью. Но только съ 1698 года приблизительно можемъ мы замѣтить съ его стороны опредѣленныя стремленія къ государственной и культурной реформѣ. До тѣхъ же поръ Петръ заканчиваетъ свое образованіе и только пріучается къ политической дѣятельности. Вотъ почему время съ 1689 по 1698 г. мы выдѣляемъ въ особый періодъ, который и разсмотримъ въ бѣгломъ очеркѣ.

Съ паденіемъ Софьи главными лицами въ правительствѣ стали царица Наталья и патріархъ Іоакимъ. Иностранныя сношенія (посольскій приказъ) были поручены Льву Кирилловичу Нарышкину. Прежде вліятельный, Борисъ Голицынъ, потерялъ теперь свое вліяніе, благодаря тому, что его заподозрили въ желаніи смягчить участь кн. В. В. Голицына. Самъ Петръ, оставивъ дѣла на руки матери и родныхъ, возвратился къ потѣхамъ и кораблестроенію. Если же иногда онъ и вмѣшивался въ жизнь двора и государства, то при столкновеніяхъ съ взглядами своей матери и патріарха, долженъ былъ имъ уступать. Такъ, новое правительство обнаруживало рѣзкое нерасположеніе къ иноземцамъ (вѣроятно подъ вліяніемъ патріарха), несмотря на то, что Петръ лично къ нимъ благоволилъ. По смерти же патріарха Іоакима (1690 г.) на его мѣсто былъ избранъ Адріанъ положительно противъ воли Петра, предлагавшаго другое лицо.

Петръ за то совершенно самостоятельно устраивалъ свою личную жизнь. Въ эти годы онъ окончательно сблизился съ иноземцами. Прежде они являлись около него, какъ учителя и мастера, необходимые для устройства потѣхъ, и только. Теперь же мы видимъ около Петра иностранцевъ—друзей, сотрудниковъ и наставниковъ въ дѣлѣ, товарищей въ пирушкахъ и весельѣ. Замѣтнѣе прочихъ изъ такихъ иностранцевъ были шотландецъ Патрикъ Гордонъ, въ то время уже генералъ русской службы, и швейцарецъ Францъ Лефортъ, полковникъ русской службы. Первый былъ очень умнымъ и образованнымъ инженеромъ артиллеристомъ. Всегда серьезный, но любезный и остроумный, всегда слѣдящій за наукой и политикой, Гордонъ былъ слишкомъ старъ, чтобы стать товарищемъ Петру (въ 1689 г., когда съ нимъ познакомился Петръ, ему было 54 года). Но Гордонъ привлекъ къ себѣ Петра своимъ умѣніемъ обходиться съ людьми и по своимъ знаніямъ и уму сталъ его руководителемъ во всѣхъ серьезныхъ начинаніяхъ. Петръ до самой смерти Гордона выказывалъ ему свое ува-

---

*) О первыхъ годахъ жизни Петра см. 1) Погодина «17 первыхъ лѣтъ въ жизни Имп.. Петра В.» М. 1875 г. 2) Забѣлина «Опыты изуч. рус. древ. и исторіи» Ч. I. М, 1872 г. 3) Соловьева «Ист. Рос.» Т. XIII и XIV. 4) Щебальскаго «Чтенія изъ рус. Ист. съ исхода XVII в. М. 1864—68. 5) Аристова «Моск. смуты въ правленіи цар. Софьи Алексѣевны». Варшава 71 г.

женіе и привязанность. Но ближе и сердечнѣе сошелся Петръ около того же 1689 г. съ Лефортомъ. Это былъ не совсѣмъ уже молодой человѣкъ (род. 1653 г.), но живость характера и рѣдкая веселость и общительность позволила Лефорту стать другомъ юноши - царя. Далекій отъ серьезной науки, Лефортъ однако же имѣлъ общее образованіе и могъ дѣйствовать на Петра развивающимъ образомъ. Ему именно приписываютъ нѣкоторые изслѣдователи наибольшую роль въ развитіи у Петра стремленія къ Западу. Думаютъ, что Лефортъ доказывая царю превосходство западно-европейской культуры, развилъ въ немъ слишкомъ пренебрежительное отношеніе ко всему родному. Но и безъ Лефорта, по своей страстности Петръ могъ воспитать въ себѣ это пренебреженіе.

Преимущественно черезъ Гордона и Лефорта Петръ ознакомился съ бытомъ Нѣмецкой Слободы. Иноземцы въ XVII в. были выселены изъ Москвы въ подгородную слободу, которая и получила названіе нѣмецкой. Ко времени Петра слобода эта успѣла обстроиться и выглядѣла наряднымъ западно-европейскимъ городкомъ. Иноземцы жили въ ней, конечно, на западный ладъ. Въ эту то европейскую обстановку и попалъ Петръ, ѣздя въ гости къ своимъ знакомымъ иностранцамъ. Лефортъ, который пользовался въ слободѣ большой извѣстностью и любовью, ввелъ Петра запросто во многіе дома, и Петръ безъ церемоніи гостилъ и веселился у «нѣмцевъ». Слобода оказала на него большое вліяніе, онъ увлекся новыми для него формами жизни и отношеній, отбросилъ этикетъ, которымъ была окружена личность государя, щеголялъ въ нѣмецкомъ платьѣ, танцовалъ «нѣмецкіе» танцы, шумно пировалъ въ «нѣмецкихъ» домахъ. Онъ даже присутствовалъ на католическомъ богослуженіи въ слободѣ, что по древне-русскимъ понятіямъ, было для него вовсе неприлично. Сдѣлавшись въ слободѣ обычнымъ гостемъ, Петръ нашелъ тамъ и предметъ сердечнаго увлеченія—дочь виноторговца Анну Монсъ. Мало по малу Петръ, не выѣзжая изъ Россіи, въ слободѣ ознакомился съ бытомъ западно-европейцевъ и воспиталъ въ себѣ привычку къ западнымъ формамъ жизни. Вотъ почему историки придаютъ важное значеніе вліянію на Петра нѣмецкой слободы. Она явилась для Петра первымъ уголкомъ Европы и завлекла его къ дальнѣйшему знакомству съ Европою.

Но съ увлеченіемъ слободою не прекратились прежнія увлеченія Петра—воинскія потѣхи и кораблестроеніе. Въ 1690 г, мы видимъ большіе маневры въ селѣ Семеновскомъ, въ 1691 г.—большіе маневры подъ Пресбургомъ, потѣшной крѣпостью на Яузѣ. Все лѣто 1692 г. Петръ проводитъ въ Переяславлѣ, куда пріѣзжаетъ и весь Московскій дворъ на спускъ корабля. Въ 1693 г. Петръ съ разрѣшенія матери ѣдетъ въ Архангельскъ, съ увлеченіемъ катается по морю и основываетъ въ Архангельскѣ верфь для постройки кораблей. Море, въ первый разъ видѣнное Петромъ, влечетъ его къ себѣ. Онъ возвращается и въ слѣдующемъ году въ Архангельскъ. Мать его, царица Наталья, умерла въ началѣ 1694 г. и Петръ сталъ теперь вполнѣ самостоятеленъ. Но онъ еще не принимается за дѣла,—все лѣто проводитъ на Бѣломъ морѣ и чуть не гибнетъ во время бури на дорогѣ въ Соловки.

Въ Архангельскѣ съ нимъ теперь значительная свита, Петръ строитъ большой корабль, Гордонъ носитъ званіе контръ-адмирала будущаго флота. Словомъ, затѣвается серьезный флотъ на Бѣломъ морѣ. Въ томъ же 1694 г. мы видимъ послѣдніе потѣшные маневры подъ деревней Кожуховымъ, которые нѣсколькимъ участникамъ стоили жизни.

Такъ кончилъ Петръ свои потѣхи. Постепенно охота къ лодкамъ довела его до мысли о флотѣ на Бѣломъ морѣ, постепенно игра въ солдаты привела къ сформированію регулярныхъ полковъ и къ серьезнымъ военнымъ маневрамъ. Потѣхи теряли потѣшный характеръ, царь уже не тѣшился только, но и работалъ. Мало по малу складывались въ немъ и политическіе планы—борьба съ турками и татарами.

Въ свои 20—22 года Петръ много зналъ и много умѣлъ сравнительно съ окружающими. Самоучкой или подъ случайнымъ руководствомъ онъ познакомился съ военными и математическими науками, съ кораблестроеніемъ и военнымъ дѣломъ. Руки его были въ мозоляхъ отъ топора и пилы, физическая дѣятельность и подвижность укрѣпила и безъ того здоровое тѣло. Напряженная физическая и умственная работа вызывала какъ реакцію, стремленіе отдохнуть и повеселиться. Нравы той эпохи и особенности окружавшей Петра среды обусловили нѣсколько грубоватый характеръ веселыхъ отдохновеній Петра. Не довольствуясь семейными вечеринками въ нѣмецкой слободѣ Петръ любилъ кутнуть въ холостой компаніи. Эта компанія даже получила нѣкоторую постоянную организацію и называлась «всешутѣйшимъ соборомъ»; предсѣдателемъ ея былъ бывшій учитель Петра, Никита Зотовъ, носившій званіе «Ганикита, всешутѣйшаго пресбургскаго, яузскаго и кокуйскаго патріарха». Служила эта компанія, какъ сама выражалась «Бахусу и Ивашкѣ Хмѣльницкому». Съ этой компаніей Петръ устраивалъ иногда сумасбродныя забавы (напр. публично въ 1694 г. отпраздновалъ свадьбу шута Тургенева съ шутовскимъ церемоніаломъ). На святкахъ съ ней Петръ ѣздилъ веселиться въ дома своихъ придворныхъ. Но жестокой ошибкой было бы думать, что эти забавы и компанія отвлекали Петра отъ дѣла. И самъ Петръ и его окружающіе умѣли работать и «дѣлу отдавали время, а потѣхѣ часъ».

Однако дружба Петра съ иноземцами, эксцентричность его поведенія и забавъ, равнодушіе и презрѣніе къ старымъ обычаямъ и этикету дворца вызывали у многихъ Москвичей осужденіе,—въ Петрѣ видѣли большого грѣховодника. И не только поведеніе Петра, но и самый его характеръ не всѣмъ могъ понравиться. Въ природѣ Петра, богатой и страстной, событія дѣтства развили долю зла и жестокости. Воспитаніе не могло сдержать эти темныя стороны характера, потому что воспитанія у Петра не было. Вотъ отчего Петръ былъ скоръ на слово и руку. Онъ страшно вспыхивалъ, иногда отъ пустяковъ, и давалъ волю гнѣву, причемъ иногда бывалъ жестокъ. Его современники оставили намъ свидѣтельства, что Петръ многихъ пугалъ однимъ своимъ видомъ, огнемъ своихъ глазъ. Примѣры его жестокости увидимъ на судьбѣ стрѣльцовъ. Петръ вообще казался грознымъ царемъ уже въ своей молодости.

Таковъ былъ царь Петръ, когда постоянныя нападенія татаръ на Русь и обязательства, принятыя въ отношеніи союзниковъ, вызвали въ Московскомъ правительствѣ мысль о необходимости возобновить военныя дѣйствія противъ турокъ и татаръ. Въ 1695 г. война началась снова походомъ Петра на крѣпость Азовъ. Мы уже видѣли причины, по которымъ въ Москвѣ отказались отъ мысли нападенія на Крымъ. Видѣли также, что еще въ XVI и XVII в. Азовъ считался удобнымъ пунктомъ нападенія. Но мы не знаемъ, когда и у кого явилась мысль Азовскаго похода. Въ народѣ считали виновникомъ похода Лефорта, но насколько это справедливо, сказать трудно. Еще въ 1694 г. во время «Кожуховскаго похода». австрійскій дипломатическій агентъ доносилъ изъ Москвы цесарю, что Петръ готовится къ войнѣ съ Турціей. Но самъ Петръ писалъ въ своихъ письмахъ, что у него подъ Кожуховымъ «ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было». Во всякомъ случаѣ мысль о походѣ явилась очень скоро послѣ Кожуховскихъ маневровъ: уже съ самаго начала 1695 г. готовили дворянское войско къ походу на Крымъ (этотъ мнимый походъ на Крымъ долженъ былъ отвлечь вниманіе непріятеля отъ Азова). Весною же регулярныя Московскія войска въ числѣ 30 тыс. человѣкъ Окою и Волгою на судахъ дошли до Царицына, оттуда перешли на Донъ и явились подъ Азовомъ. Но сильный Азовъ, получая провіантъ и подкрѣпленія съ моря, не сдался. Штурмы не удавались; русское войско страдало отъ недостатка провіанта и отъ многовластія (имъ командовали Гордонъ, Лефортъ и Головинъ). Петръ, бывшій самъ въ войскѣ въ качествѣ бомбардира Преображенскаго полка, убѣдился, что Азова не взять безъ флота, который бы отрѣзалъ крѣпость отъ помощи съ моря. Русскіе отступили въ сентябрѣ 1695 г.

Неудача, не смотря на попытки ее скрыть, огласилась. Потери Петра были не меньше потерь Голицына въ 1687 г. 1689 г. Недовольство въ народѣ противъ иноземцевъ, которымъ приписывали неудачу, было очень велико. Петръ не палъ духомъ, не прогналъ иноземцевъ и не оставилъ предпріятія. Впервые показалъ онъ здѣсь всю силу своей энергіи и въ одну зиму, съ помощью иноземцевъ, построилъ на Дону въ Воронежѣ, цѣлый флотъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ. Части галеръ и струговъ строили плотники и солдаты въ Москвѣ, и въ лѣсныхъ мѣстахъ, близкихъ къ Дону. Эти части свозились въ Воронежъ и изъ нихъ собирались уже цѣлыя суда. Много препятствій и неудачъ преодолѣлъ царь, ставшій въ это время единодержавнымъ царемъ (братъ Петра царь Иванъ умеръ 29 января 1696 г.). На Пасхѣ 1696 г. нъ Воронежѣ были уже готовы 30 морскихъ судовъ и болѣе 1000 рѣчныхъ барокъ для перевозки войскъ. Въ Маѣ изъ Воронежа Дономъ двинулось русское войско къ Азову и вторично осадило его. На этотъ разъ осада была полной, ибо флотъ Петра не допускалъ къ Азову турецкихъ кораблей. На сушѣ, подъ единоличнымъ начальствомъ боярина Шеина, дѣла шли счастливо. Петръ самъ присутствовалъ въ войскѣ (въ чинѣ капитана) и, наконецъ, дождался счастливой минуты,—18 Іюля Азовъ сдался на капитуляцію.

Какъ тяжела была раньше неудача, такъ велика была радость въ Москвѣ при полученіи извѣстія о побѣдѣ. Радовался и самъ Петръ, въ успѣхѣ онъ видѣлъ оправданіе своей предшествовавшей дѣятельности, своихъ «потѣхъ». Побѣда была отпразднована въ Москвѣ торжественнымъ вступленіемъ войскъ въ Москву, празднествами и большими наградами. Торжественно были извѣщены и союзники о русской побѣдѣ. Въ Польшѣ и на западѣ не ждали такого успѣха Петра и были имъ поражены. Слухъ о взятіи Азова прошелъ по всей Европѣ. Польскіе дипломаты плохо скрывали свой страхъ, внушаемый имъ политическими успѣхами сосѣдки—Москвы. Сами Москвичи со времени царя Алексѣя не видали такихъ побѣдъ и находились подъ обаяніемъ взятія Азова.

И послѣ побѣды, какъ послѣ неудачи, Петръ не опустилъ рукъ. Зима 1696—7 г.г. прошла въ заботахъ объ укрѣпленіи Азова и о построеніи флота для Азовскаго моря. Въ Азовъ рѣшено переселить 3000 семей изъ волжскихъ городовъ и 3000 стрѣлецкаго войска. Построеніе флота рѣшено было совершить силами и средствами всего государства; такимъ образомъ создалась своеобразная земская повинность,—съ каждыхъ 10000 крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ свѣтскимъ владѣльцамъ, правительство желало получить снаряженный корабль; съ каждыхъ 8000 крестьянскихъ дворовъ духовныхъ владѣльцевъ—то-же самое. Городское сословіе всего государства должно было снарядить 12 кораблей. Для этой цѣли землевладѣльцы должны были съѣхаться въ Москву, образовать компаніи («кумпанства»), разверстать издержки и повинности и готовить корабли въ 1698 году. Правительство же снабжало кумпанства инструкціями и необходимыми чертежами.

Заботясь о привлеченіи въ Россію техниковъ иностранцевъ Петръ рѣшился, для лучшаго утвержденія въ Россіи морского дѣла, создать и русскихъ техниковъ, для чего послалъ заграницу знатную молодежь «учиться архитектуры и управленія корабельнаго». Пятьдесятъ молодыхъ придворныхъ были посланы въ Италію, Англію и Голландію, т. е. въ страны, знаменитыя тогда развитіемъ мореплаванія.

Высшее Московское общество было непріятно поражено этимъ новшествомъ; Петръ не только самъ сдружился съ нѣмцами, но желаетъ, какъ видно, сдружить и другихъ. Еще больше поражены были русскіе люди, когда узнали, что самъ Петръ ѣдетъ за границу.

Но раньше, чѣмъ царь успѣлъ собраться въ дорогу, произошелъ рядъ тревожныхъ событій. Въ 1697 г. простой монахъ Аврамій подалъ царю рукопись, наполненную упреками Петру. Аврамій писалъ, что Петръ ведетъ себя «печально и плачевно», уклонился въ потѣхи, а государствомъ правятъ дьяки-мздоимцы. На эти упреки Петръ отвѣтилъ строгимъ слѣдствіемъ и ссылкою Аврамія съ его друзьями. Еще ранѣе Петръ за что то пыталъ дядю своей жены П. А. Лопухина; другіе Лопухины были разосланы изъ Москвы. Очевидно, и они были недовольны за что то Петромъ. Такъ, ко времени возмужанія Петра, выростало и недовольство имъ въ разныхъ слояхъ общества.

Въ нѣкоторыхъ же кружкахъ недовольство перешло въ опредѣленный умыселъ убить Петра. Слѣдствіе, произведенное предъ самымъ отъѣздомъ его заграницу, выяснило, что главными заговорщиками на жизнь государя были бояре Соковнинъ и Пушкинъ и стрѣлецкій полковникъ Циклеръ. Мотивами убійства они выставляли жестокости и новшества Петра и желали возмутить стрѣльцовъ. Циклеръ оговорилъ въ соучастіи и Софью. По этому дѣлу виновные подверглись казни. Повѣривъ соучастію Софьи и видя въ заговорѣ противъ себя сѣмя, посѣянное Ив. Мих. Милославскимъ, Петръ отомстилъ и Софьѣ и Милославскому (уже умершему въ 1685 г.) тѣмъ, что велѣлъ съ безчестіемъ вырыть гробъ Милославскаго и подставить его подъ плаху такъ, чтобы при казни заговорщиковъ на него текла кровь казненныхъ.

Послѣ этой свирѣпой мести, устранивъ изъ Москвы подозрительныхъ лицъ для государственной и своей безопасности, Петръ отправился за границу.

Путешествіе совершалъ онъ инкогнито, въ свитѣ «великаго посольства», подъ именемъ Петра Алексѣевича Михайлова, урядника Преображенскаго полка. Отправленіе великаго посольства къ западнымъ державамъ (Германіи, Англіи, Голландіи, Даніи, Бранденбургу, также къ Римскому Папѣ и въ Венецію) рѣшено было еще въ 1696 г. Цѣль посольства состояла «въ подтвержденіи древней дружбы и любви» съ европейскими монархами и «въ ослабленіи враговъ Креста Господня» т. е. въ достиженіи союза противъ турокъ. Во главѣ посольства стояли генералы Францъ Лефортъ и Федоръ Алексѣевичъ Головинъ. При нихъ состояло 50 человѣкъ свиты. Мы незнаемъ, какъ тогда Петръ объяснялъ цѣли своего собственнаго путешествія. Современники судили о небывалой поѣздкѣ русскаго царя въ чужія земли самымъ различнымъ образомъ,—одни говорили, что Петръ ѣдетъ въ Римъ молиться ап. Петру и Павлу, другіе, что онъ просто хочетъ развлечься, нѣкоторые думали, что Петра за границу увлекъ Лефортъ. Самъ Петръ впослѣдствіи, вспоминая свою поѣздку, писалъ, что поѣхалъ учиться морскому дѣлу. Это объясненіе конечно всего вѣрнѣе, но оно слишкомъ узко. Не одному морскому дѣлу хотѣлъ учиться Петръ, какъ мы увидимъ ниже.

Москву и государство Петръ оставилъ на руки боярской думы. Это не было при немъ неизвѣданною новизною: царь и раньше по долгу не бывалъ въ Москвѣ, уѣзжая въ Архангельскъ и подъ Азовъ. Офиціально считалось, что государь не уѣзжалъ; дѣла рѣшались его именемъ, бояре не получили никакихъ особыхъ полномочій. Нѣкоторые изслѣдователи замѣчаютъ, что единственною экстренною мѣрой при отъѣздѣ Петра было удаленіе изъ Москвы подозрительныхъ лицъ (въ родѣ Лопухиныхъ).

Для достиженія цѣли—союза противъ турокъ—посольство должно было отправиться прежде всего въ Вѣну. Но такъ какъ русскій резидентъ въ Вѣнѣ какъ разъ въ это время успѣлъ продолжить союзъ съ императоромъ на три года, то посольство, минуя Вѣну, отправилось въ Сѣверную Германію моремъ черезъ Ригу и Либаву. Въ Ригѣ,

принадлежавшей шведамъ, Петръ получилъ рядъ непріятныхъ впечатлѣній и отъ населенія (которое дорого продавало продукты русскимъ) и отъ шведской администраціи. Губернаторъ Риги (Дальбергъ) не допустилъ русскихъ къ осмотру Рижскихъ укрѣпленій, а Петръ посмотрѣлъ на это, какъ на оскорбленіе. Въ Курляндіи за то пріемъ былъ радушнѣе, а въ Пруссіи (тогда еще въ Бранденбургскомъ курфюршествѣ) курфюрстъ Фридрихъ встрѣтилъ русское посольство чрезвычайно привѣтливо. Къ Кенигсбергѣ для Петра и пословъ данъ былъ рядъ праздниковъ. Между весельемъ Петръ серьезно занимался изученіемъ артиллеріи и получилъ отъ прусскихъ спеціалистовъ дипломъ, признававшій его за «искуснаго огнестрѣльнаго художника». Русское посольство между тѣмъ вело съ Бранденбургскимъ правительствомъ оживленные переговоры о союзѣ; но русскіе желали союза противъ турокъ, а пруссаки—противъ Шведовъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Послѣ нѣкоторыхъ экскурсій по Германіи Петръ отправился въ Голландію ранѣе своихъ спутниковъ. На дорогѣ туда встрѣтился онъ съ двумя курфюрстинами (Ганноверской и Бранденбургской), которыя оставили намъ характеристику Петра. «У него прекрасныя черты лица и благородная осанка—пишетъ одна изъ нихъ; онъ обладаетъ большою живостью ума; отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Этотъ государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ.» Грубость Петра выражалась въ отсутствіи той свѣтской выдержки къ какой привыкли германскія принцессы. При началѣ бесѣды съ принцессами Петръ очень сконфузился, закрывалъ лицо руками. «Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно», замѣтила другая курфюрстина. Этой свѣтской выдержкой Петръ не овладѣлъ вполнѣ, кажется, никогда, но впослѣдствіи онъ потерялъ свою робость и застѣнчивость.

Въ Голландіи Петръ прежде всего направился въ городокъ Саардамъ (Саандамъ); тамъ были знаменитыя корабельныя верфи, о которыхъ Петръ слышалъ еще въ Россіи. Въ Саардамѣ принялся онъ плотничать и на досугѣ кататься по морю. Но его инкогнито, плохо соблюдавшееся и въ Германіи, было нарушено и здѣсь; въ Петрѣ Михайловѣ узнали царя Петра, и весь городъ стремился посмотрѣть на диковиннаго гостя. Петръ сердился, жаловался, даже билъ назойливыхъ зѣвакъ, но ему толпа не давала ни спокойно работать на верфи, ни отдыхать въ въ его скромномъ домикѣ. (Этотъ домикъ въ Ноябрѣ 1886 г. переданъ Нидерландами въ даръ Россіи и принятъ нашимъ правительствомъ). Разсерженный Петръ, пробывъ въ Саардамѣ всего недѣлю, переѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ оставался съ половины Августа 1697 до Января 1698 г., лишь на короткое время выѣзжая въ Гаагу и др. города. Въ Амстердамѣ учился кораблестроенію на Остъ-Индской верфи и достигъ значительныхъ успѣховъ. Но онъ остался недоволенъ голландскимъ кораблестроеніемъ. Уже въ Россіи онъ на-

учился плотничать, въ Голландіи же искалъ изучить теорію корабле строенія. Но Голландцы строили суда навыкомъ, не умѣя составлять корабельныхъ чертежей, не зная теоріи корабельнаго искусства. Это то и сердило Петра: «зѣло ему стало противно,—писалъ онъ самъ о себѣ:—что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ».Случайно узналъ онъ, что теорія судостроенія выработана у англичанъ, рѣшился поѣхать въ Англію; въ Москву же послалъ приказъ подчинить голландскихъ мастеровъ на Воронежской верфи мастерамъ датскимъ и венеціанскимъ.

Неудачу потерпѣлъ Петръ въ занятіяхъ морскимъ дѣломъ, неудачу потерпѣло и посольство русское въ Гаагѣ, — Голландія отклонила отъ себя всякое участіе въ войнѣ противъ турокъ. Съ чувствомъ неудовольствія оставлялъ Петръ Голландію, но въ ней тѣмъ не менѣе онъ многому научился. Одновременно съ работами на верфи, онъ занимался математикою, астрономіей, рисованіемъ и гравированіемъ. Онъ посѣщалъ разные музеи, слушалъ лекціи медицины, интересовался всѣми отраслями положительныхъ знаній, присматривался къ различнымъ механическимъ усовершенствованіямъ, знакомился съ морскими промыслами (напр. китоловными). Привыкая къ особенностямъ блестящей, зажиточной и образованной голландской жизни, Петръ пріобрѣталъ массу новыхъ культурныхъ впечатлѣній, развивался и образовывался.

Въ Англіи, куда Петръ переѣхалъ безъ посольства въ началѣ 1698 г., повторилось то же самое что и въ Голландіи,—Петръ учился теоріи судостроенія и военному дѣлу, катался по Темзѣ и присматривался къ англійской жизни, вращаясь въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Англійскіе инженеры, техники, моряки производили на Петра лучшее впечатлѣніе, чѣмъ голландскіе, и онъ усердно приглашалъ ихъ въ Россію. За то, политическая и придворная жизнь въ Англіи мало интересовала Петра (тоже было и въ Голландіи), и высшее англійское общество имѣло основаніе считать Петра «мизантропомъ» и «морякомъ». Избѣгая придворныхъ церемоній, Петръ держалъ себя такъ свободно и странно для монарха, что встрѣтилъ осужденіе со стороны англійскаго двора,—которому «надоѣли причуды царя», какъ писалъ одинъ дипломатъ.

Въ Апрѣлѣ 1698 г. Петръ вернулся въ Голландію, къ посольству, чтобы съ нимъ ѣхать въ Вѣну, до которой, (чрезъ Лейпцигъ и Дрезденъ) доѣхалъ только въ Іюнѣ и прожилъ тамъ около мѣсяца. Встрѣченный императоромъ Леопольдомъ очень радушно, онъ осматривалъ Вѣну, а между тѣмъ дѣятельно шли переговоры русскихъ и Вѣнскихъ дипломатовъ о войнѣ съ турками. Съ удивленіемъ и досадой видѣлъ Петръ, что австрійскіе политики не только не раздѣляютъ его завоевательныхъ видовъ на Турцію, но даже не желаютъ продолженія и той вялой войны, какую вели до тѣхъ поръ. Русскіе говорили, что если уже Императоръ желаетъ мира, то слѣдуетъ заключать его въ интересахъ не одной Австріи а всѣхъ союзниковъ. Но и эта мысль не находила въ Вѣнѣ сочувствія. Петръ убѣдился, что коалиція противъ турокъ, о которой онъ мечталъ, невозможна, что слѣдуетъ и

Россіи мириться съ Турціей, если она не хочетъ воевать съ ними одинъ на одинъ.

Въ Іюлѣ царь думалъ ѣхать изъ Вѣны въ Италію, но получилъ извѣстія изъ Москвы о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ. Хотя скоро пришло донесеніе, что бунтъ подавленъ, однако Петръ поспѣшилъ домой. На дорогѣ въ Москву, проѣзжая черезъ Польшу, Петръ видѣлся съ новымъ польскимъ королемъ Августомъ (въ то же время и курфюрстомъ саксонскимъ). Встрѣча ихъ была очень дружественна (Россія сильно поддерживала Августа при выборахъ на польскій престолъ). Августъ предложилъ Петру союзъ противъ Швеціи, и Петръ, наученный неудачею своихъ противотурецкихъ плановъ, не отвѣтилъ такимъ отказомъ, какъ отвѣтилъ раньше Пруссіи. Онъ въ принципѣ согласился на союзъ. Такъ, заграницу повезъ онъ мысль объ изгнаніи изъ Европы турокъ, а изъ за границы привезъ мысль о борьбѣ со Швеціей за Балтійское море.

Что же дало Петру заграничное путешествіе? Результаты его очень велики: во 1-хъ, оно послужило для сближенія Московскаго государства съ Западной Европою, во 2-хъ, окончательно выработало личность и направленіе самаго Петра.

Пользуясь пребываніемъ заграницей царя, европейскія правительства спѣшили извлечь изъ сношеній съ нимъ всевозможныя выгоды для своихъ странъ. Дипломатическія сношенія Россіи съ Западомъ пошли гораздо живѣе со времени путешествія Петра. Русскіе дипломаты и учащаяся молодежь, явившаяся на Западъ вмѣстѣ съ посольствомъ и отдѣльно отъ него, знакомили европейцевъ съ Россіей. Въ свою очередь иностранцы толпами потянулись на Русь, вслѣдствіе приглашеній самого Петра и его уполномоченныхъ. Необычный фактъ путешествія Московскаго царя возбудилъ любопытство всего Западно-европейскаго общества и къ личности царя и къ его народу. Въ Германскихъ университетахъ темою диспутовъ ставили поѣздку Петра и будущее просвѣщеніе Россіи, какъ результатъ этой поѣздки. Философъ Лейбницъ, составлялъ просвѣтительные проекты для преобразованія Руси. Европа, видя поведеніе Петра, догадывалась, что результатомъ просвѣщенія самого Петра будетъ просвѣщеніе его государства. Поэтому, поѣздка Петра стала весьма популярнымъ предметомъ для политическихъ и культурныхъ разсужденій.

Для самаго Петра путешествіе было послѣднимъ актомъ самообразованія. Онъ желалъ получить свѣдѣнія по судостроенію, а получилъ сверхъ того массу впечатлѣній, массу знаній. Болѣе года пробылъ онъ заграницей, всегда въ толпѣ, среди разнообразныхъ лицъ, среди разныхъ національныхъ культуръ. Онъ не только увидѣлъ культурное и матеріальное превосходство богатѣйшихъ странъ Запада надъ своей бѣдной Русью, но и сжился съ обычаями этихъ странъ, сталъ въ нихъ какъ бы своимъ человѣкомъ и не могъ вернуться къ старому міровоззрѣнію. Сознавая превосходство Запада, онъ рѣшился приблизить къ нему свое государство путемъ реформы. Смѣло можно сказать, что Петръ, какъ реформаторъ, созрѣлъ за границей. Но все воспитаніе Петра, вся его жизнь въ Москвѣ обусловили собою нѣкото-

рую односторонность въ его заграничномъ самообразованіи: покоритель Азова и создатель русскаго флота, Петръ далеко стоялъ отъ вопросовъ внутренняго управленія Московскаго государства. И заграницей Петра завлекало морское и военное дѣло, культура и промышленность, но сравнительно весьма мало занимало общественное устройство и управленіе Запада. По возвращеніи въ Москву, Петръ немедленно начинаетъ реформы, окончательно порываетъ со старыми традиціями; но его первые шаги на пути реформъ, не касаются еще государственнаго быта. Онъ является съ культурными новшествами по преимуществу и съ большою рѣзкостью проводитъ ихъ въ жизнь. Къ реформѣ государственнаго устройства и управленія онъ переходитъ гораздо позднѣе.

25-го Августа 1698 года вернулся Петръ въ Москву изъ путешествія. Въ этотъ день онъ не былъ во дворцѣ, не видѣлъ жены; вечеръ провелъ въ нѣмецкой слободѣ, оттуда уѣхалъ въ свое Преображенское. На слѣдующій день, на торжественномъ пріемѣ боярства въ Преображенскомъ, онъ началъ рѣзать боярскія бороды и окорачивать длинные кафтаны. Брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья были объявлены обязательными. Не желавшіе брить бородъ скоро стали платить за нихъ ежегодную пошлину, относительно же ношенія нѣмецкаго платья не существовало никакихъ послабленій для лицъ дворянскаго и городскаго сословія, одно крестьянство осталось въ старомъ нарядѣ, да духовныя лица. Старыя русскія воззрѣнія не одобряли брадобритія и перемѣны одежды, въ бородѣ видѣли внѣшній знакъ внутренняго благочестія, безбородаго человѣка считали не благочестивымъ и развратнымъ. Московскіе патріархи, даже послѣдній Адріанъ, запрещали брадобритіе, Московскій же царь Петръ дѣлалъ его обязательнымъ, не стѣсняясь авторитетомъ церковныхъ властей. Рѣзкое противорѣчіе мѣры царя съ давними привычками народа и проповѣдью русской іерархіи придало этой мѣрѣ характеръ важнаго и крутого переворота и возбудило народное неудовольствіе и глухое противодѣйствіе въ массѣ. Но и болѣе рѣзкіе поступки молодаго монарха не замедлили явиться глазамъ народа. Немедля по возвращеніи изъ заграницы Петръ возобновилъ слѣдствіе о томъ бунтѣ стрѣльцовъ, который заставилъ его прервать путешествіе.

Бунтъ этотъ возникъ такимъ образомъ. Стрѣлецкіе полки по взятіи Азова были посланы туда для гарнизонной службы. Не привыкнувъ къ долгимъ отлучкамъ изъ Москвы, оставивъ тамъ семьи и промыслы, стрѣльцы тяготились дальней и долгой службой и ждали возвращенія въ Москву. Но изъ Азова ихъ перевели къ польской границѣ, а въ Азовъ на мѣсто ушедшихъ двинули изъ Москвы всѣхъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые еще оставались тамъ. Въ Москвѣ не осталось ни одного стрѣлецкаго полка, и вотъ среди стрѣльцовъ на польской границѣ разнесся слухъ, что ихъ навсегда вывели изъ столицы и что стрѣлецкому войску грозитъ опасность уничтоженія. Этотъ слухъ волнуетъ стрѣльцовъ,—виновниками такого несчастія они считаютъ бояръ и иностранцевъ, завладѣвшихъ дѣлами въ Москвѣ. Они рѣшаются силой, противозаконно возвратиться въ Москву и на дорогѣ

(подъ Воскресенскимъ монастыремъ) сталкиваются съ регулярными войсками, высланными противъ нихъ. Дѣло дошло до битвы, которой стрѣльцы не выдержали и сдались. Бояринъ Шеинъ произвелъ розыскъ о бунтѣ, многихъ повѣсилъ, остальныхъ бросилъ въ тюрьмы.

Петръ остался недоволенъ розыскомъ Шеина и началъ новое слѣдствіе. Въ Преображенскомъ начались ужасающія пытки стрѣльцовъ. Отъ стрѣльцовъ пытками добились новыхъ показаній о цѣляхъ бунта: нѣкоторые признались, что въ ихъ дѣлѣ замѣшана царевна Софья, что въ ея пользу стрѣльцы желали произвести переворотъ. Трудно сказать, насколько это обвиненіе Софьи было справедливо, а не вымучено пытками, но Петръ ему повѣрилъ и страшно мстилъ сестрѣ и каралъ бунтовщиковъ. Софья, по показанію современника, была предана суду народныхъ представителей. Приговора суда мы не знаемъ, но знаемъ дальнѣйшую судьбу царевны. Она была пострижена въ монахини и заключена въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ жила съ 1689 г. Предъ самыми ея окнами Петръ повѣсилъ стрѣльцовъ. Всего же въ Москвѣ и Преображенскомъ было казнено далеко за тысячу человѣкъ. Петръ самъ рубилъ головы стрѣльцамъ и заставлялъ тоже дѣлать своихъ приближенныхъ и придворныхъ. Ужасы, пережитые тогда Москвою, трудно разсказать: С. М. Соловьевъ характеризуетъ осенніе дни 1698 г., какъ время «террора».

Рядомъ съ казнями стрѣльцовъ и уничтоженіемъ стрѣлецкаго войска, Петръ переживалъ и семейную драму. Еще будучи заграницей, Петръ уговаривалъ свою жену постричься добровольно. Она не согласилась. Теперь Петръ отправилъ ее въ Суздаль, гдѣ она спустя нѣсколько мѣсяцевъ была пострижена въ монахини подъ именемъ Елены (іюнь 1699 г.) Царевичъ Алексѣй остался на рукахъ у тетки Натальи Алексѣевны.

Рядъ ошеломляющихъ событій 1698 г. страшно подѣйствовалъ и на Московское общество и на самаго Петра. Въ обществѣ слышался ропотъ на жестокости, на новшества Петра; на иностранцевъ, сбившихъ Петра съ пути. На голоса общественнаго неудовольствія Петръ отвѣчалъ репрессіями; онъ не уступалъ ни шагу на новомъ пути, безъ пощады рвалъ всякую связь съ прошлымъ, жилъ самъ и другихъ заставлялъ жить по новому. И эта борьба съ общественнымъ мнѣніемъ оставляла въ немъ глубокіе слѣды: отъ пытки и серьезнаго труда переходя къ пиру и отдыху, Петръ чувствовалъ себя неспокойно, раздражался, терялъ самообладаніе. Если бы онъ высказывался легче и обнаруживалъ яснѣе свой внутренній міръ, онъ разсказалъ бы, конечно, какихъ душевныхъ мукъ стоила ему вторая половина (1698 г.) когда онъ впервые разсчитался со старымъ порядкомъ и сталъ проводить свои культурныя новшества.

А политическія событія и внутренняя жизнь государства шли своимъ чередомъ. Обращаясь къ управленію государствомъ, Петръ въ Январѣ 1699 г. проводитъ довольно крупную общественную реформу: онъ даетъ право самоуправленія тяглымъ общинамъ посредствомъ выборныхъ Бурмистерскихъ Палатъ. Эти палаты (а за ними и всѣ тяглые

люди) изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ и подчинены Московской Бурмистерской Палатѣ, также выборной. Въ концѣ того же 1699 г. Петръ измѣняетъ способъ лѣтосчисленія. Наши предки вели счетъ отъ сотворенія міра и начало года съ 1-го Сентября. (По старому счету 1-е Сент. 1699 г. было 1 Сент. 7208 г.). Петръ предписалъ 1 Января этого 7208 г. отпраздновать какъ Новый годъ, и этотъ Январь считать первымъ мѣсяцемъ 1700 г. отъ Рожд. Хр. Въ перемѣнѣ календаря Петръ опирался на примѣръ православныхъ славянъ и грековъ, чувствуя, что отмѣна стараго обычая многимъ непонравится.

Такъ въ видѣ отдѣльныхъ мѣръ Петръ начиналъ свои реформы. Одновременно съ этимъ намѣчалъ онъ и новое направленіе своей внѣшней политики. Подготовительный къ дѣятельности періодъ кончался. Петръ сформировался и принимался за тяжелое бремя самостоятельнаго управленія, самостоятельной политики. Рождалась великая эпоха нашей исторической жизни.

Дѣятельность Петра съ 1700 г.

Съ 1700 г. Петръ началъ Шведскую войну, (главное дѣло его внѣшней политики). Съ 1700 г. Петръ является уже вполнѣ созрѣвшимъ правителемъ-реформаторомъ. Хронологическій обзоръ его жизни имѣвшій цѣлью прослѣдить развитіе личности и взглядовъ Петра и обстановку этого развитія, мы можемъ теперь замѣнить систематическимъ обзоромъ дѣятельности преобразователя. Общеизвѣстность событій времени Петра избавляетъ насъ отъ необходимости излагать подробности этихъ событій: мы будемъ слѣдить лишь за общимъ ходомъ, смысломъ и связью ихъ, обращая вниманіе преимущественно на результаты, достигнутые Петромъ. Это даетъ намъ возможность въ цѣломъ отмѣтить сущность преобразовательной дѣятельности Петра.

Первоначально обратимся къ внѣшней политикѣ, затѣмъ разсмотримъ внутреннія реформы, и наконецъ, попробуемъ дать характеристику самаго преобразователя и ту степень успѣха и общественнаго сочувствія, какою пользовалась его дѣятельность.

I. Внѣшняя политика Петра.

Выше было сказано, что заграничное путешествіе показало Петру невозможность коалиціи противъ Турокъ и необходимость коалиціи противъ Шведовъ. Сильно занятый, до путешествія, мыслью объ изгнаніи Турокъ изъ Европы (мечта эта могла воспитаться на политическихъ неудачахъ Москвы въ XVII в.), Петръ затѣмъ сильно мечтаетъ о пріобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря, (мечта эта привела Ивана Грознаго къ тяжелой неудачѣ). Соблазнительнымъ показалось Петру предложеніе Августа о союзѣ противъ Шведовъ, но онъ соглашался на него только принципіально, потому что не вполнѣ надѣялся на миръ съ Турками, а Турецкая война исключала возможность всякой иной.

Возвратясь въ Москву, Петръ хлопочетъ о мирѣ съ турками, что-бы не быть покинутымъ нѣмцами союзниками. Въ концѣ 1698 г.

думный дьякъ Возницынъ заключаетъ съ Турками перемиріе, а лѣтомъ 1699 г. другой думный дьякъ Украинцевъ на русскомъ кораблѣ отправленъ въ Константинополь для заключенія мира. Но переговоры о мирѣ затянулись почти на цѣлый годъ и это обстоятельство связывало Петру руки. Во время препирательствъ Украинцева съ Турками, въ Москву явились послы отъ Августа Саксонско-Польскаго, чтобы окончательно выработать условія коалиціи противъ Швеціи. Иниціаторомъ коалиціи былъ Августъ, искавшій союза не съ однимъ Петромъ, но и съ Даніей. Сосѣднія со Швеціей державы желали лишить ее преобладанія на Балтійскомъ морѣ и земель, занятыхъ шведами на востокъ и югъ отъ Балтики. Эти желанія державъ вдохновили шведскаго эмигранта Паткуля къ возбужденію коалиціи противъ его бывшаго правительства. Будучи жертвою «редукцій», т. е. конфискаціи дворянскихъ земель, предпринятой шведскими королями съ цѣлью добить ослабѣвшую аристократію, Паткуль бѣжалъ изъ Швеціи и желалъ отомстить Шведскому правительству отнятіемъ Лифляндіи (родины Паткуля). Думая не безъ основанія найти поддержку у Августа, Паткуль къ нему обратился со своимъ планомъ союза противъ Швеціи. Августъ ухватился за этотъ планъ, привлекъ къ союзу Данію и отправилъ Паткуля въ Москву привлекать Петра.

Въ Преображенскомъ, осенью 1699 г., происходили, въ глубокой тайнѣ, переговоры о союзѣ. Результатомъ ихъ явился союзный договоръ Петра съ Августомъ, по которому Петръ обязывался вступить въ войну со Швеціей, но оставлялъ за собою право начать военныя дѣйствія не ранѣе заключенія мира съ Турками. Такое направленіе далъ Петръ своей дальнѣйшей политикѣ. Можно съ достовѣрностью сказать, что при самомъ началѣ войны со Швеціей, у Петра была единственная цѣль—завладѣть берегомъ Финскаго залива, пріобрѣсти море съ удобною гаванью. Союзники Петра думали эксплоатировать силы Россіи въ свою пользу, получить русскія войска въ свое распоряженіе и направить ихъ для завоеванія южныхъ шведскихъ областей на восточномъ берегу Балтійскаго моря, они не желали усиленія Россіи и боялись, что Петръ будетъ дѣйствовать на сѣверѣ въ своихъ, исключительно, видахъ. Боязнь ихъ была основательной: вѣрный традиціямъ родины, Петръ немедленно послѣ заключенія договора начинаетъ военныя развѣдки въ окрестностяхъ Нарвы, важнѣйшей шведской крѣпости на Финскомъ заливѣ (съ этой цѣлью въ Мартѣ 1700 г. посланъ въ Нарву Кормчинъ). Очевидно, Петръ думаетъ о пріобрѣтеніи ближайшихъ къ Руси балтійскихъ береговъ, а не о простой помощи союзникамъ,

Но, готовясь къ войнѣ, Московское правительство и самъ Петръ настолько искусно скрываютъ свои планы, что участіе Россіи въ союзѣ противъ Швеціи долго остается тайною. Германская и шведская дипломатія могла ловить только смутные слухи о намѣреніи Петра объявить шведамъ войну, а Шведскій резидентъ въ Москвѣ (Книперкронъ) усердно доносилъ своему правительству о миролюбіи и дружескихъ чувствахъ Петра. Петръ ласкалъ Книперкрона, обѣщалъ ему, если Августъ возьметъ у Шведовъ Ригу, «вырвать» ее у

короля (не договаривая, въ чью пользу): въ то же время Петръ отправилъ въ Швецію посла Хилкова съ дружественными увѣреніями. Это было въ іюнѣ 1700 г.; миръ съ турками еще не былъ заключенъ.

Между тѣмъ Данія и Августъ начали военныя дѣйствія; датскія войска заняли герцогство Голштейнъ-Готторпское, союзное Швеціи; Августъ осаждалъ Ригу. На Шведскомъ престолѣ былъ молодой, 18-ти лѣтній государь Карлъ VII, проявлявшій признаки государственныхъ способностей въ меньшей степени, чѣмъ охоту къ шумнымъ забавамъ. Для враговъ Швеціи одна личность Карла представлялась уже хорошимъ шансомъ успѣха. Но, узнавъ о нападеніи враговъ, Карлъ неожиданно оставилъ свои мальчишества, тайно пріѣхалъ къ войску, переправился съ нимъ къ Копенгагену и заставилъ Датчанъ заключить миръ (въ Травендалѣ 8 Августа 1700 г.). Данія отпала отъ коалиціи, Августъ не имѣлъ успѣха подъ Ригою. Въ эту-то минуту Петръ началъ войну не зная еще о Травендальскомъ мирѣ и о томъ огромномъ впечатлѣніи какое произвели военныя способности Карла.

18-го Августа Петръ узналъ о мирѣ съ Турціей, 19 объявилъ войну и 22-го выступилъ съ войсками изъ Москвы къ Нарвѣ. Петръ рѣшилъ трудиться для себя, а не помогать войсками союзникамъ. Нарва была осаждена сильнымъ русскимъ войскомъ (35—40 т. чел.). Но Петръ началъ компанію подъ осень; погода мѣшала военнымъ операціямъ; бездорожье оставляло войско безъ хлѣба и фуража. Недостатки военной организаціи давали себя знать: хотя войска, стоявшія подъ Нарвой были регулярныя, новаго строя; но самъ Петръ сознавался, что они были «необучены» т. е. плохи. Кромѣ того, офицерами въ большинствѣ были иностранцы, нелюбимые солдатами, плохо знавшіе русскій языкъ, а надъ всей арміей не было одной власти. Петръ поручилъ команду русскому генералу Головину и рекомендованному нѣмцами, французу, герцогу де-Круи. И самъ Петръ не отказывался отъ распоряженій военными дѣйствіями. Было, такимъ образомъ, многоначаліе. При всѣхъ этихъ условіяхъ среди русскихъ войскъ естественно возникала боязнь столкновенія съ арміей Карла, покрытою лаврами недавнихъ побѣдъ въ Даніи.

А Карлъ послѣ разгрома Даніи шелъ на Петра. Русскіе подъ Нарвою узнали о приближеніи шведовъ уже тогда, когда Карлъ былъ всего въ 20—25 верстахъ отъ Нарвы. Петръ немедленно уѣхалъ изъ войска, оставивъ команду де-Круи. Зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можемъ объяснить его отъѣздъ малодушіемъ, вѣрнѣе думать, что Петръ считалъ дѣло подъ Нарвою проиграннымъ и уѣхалъ готовить государство къ оборонѣ отъ шведскаго нашествія. 20 ноября 1700 г. Карлъ дѣйствительно разбилъ русскую армію, отнялъ артиллерію и захватилъ генераловъ. Петръ спѣшилъ укрѣпить Новгородъ и Псковъ, поручилъ Рѣпнину собрать остатки возвратившейся разбитой арміи и ждалъ Карла на границахъ Московскаго государства.

Но ошибка Карла спасла Петра отъ дальнѣйшихъ бѣдъ. Карлъ не воспользовался своей побѣдой и не пошелъ на Москву. Часть голосовъ въ его военномъ совѣтѣ высказалась за походъ въ Россію, но

Карлъ близоруко смотрѣлъ на силы Петра, считалъ его слабымъ врагомъ,—и отправился на Августа. Петръ могъ вздохнуть свободнѣй. Но положеніе все таки было тяжело: армія была разстроена, артиллеріи не было, пораженіе дурно вліяло на настроеніе духа внутри государства и уничтожило престижъ Россіи заграницей. Рядомъ съ дифирамбами Карлу, Западно-Европейская публицистика разразилась градомъ насмѣшекъ надъ слабостью Москвы и Петра. Была пущена въ обращеніе медаль, изображавшая съ одной стороны осаду Нарвы и Петра, грѣющагося при пушечномъ огнѣ (подпись взята изъ Библіи: «бѣже Петръ стоя и грѣяся»), а съ другой стороны Петра и русскихъ позорно бѣгущихъ отъ Нарвы (подпись оттуда же: «исшедъ вонъ каяся горько»).

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пораженія у Петра мелькнула мысль искать мира, но Петръ не нашелъ ни у кого заграницей охоты помочь Россіи и взять на себя посредничество между ею и Швеціей. Однако и самъ Петръ недолго останавливался на мысли о прекращеніи войны; онъ дѣятельно готовилъ новыя войска; рекрутскіе наборы (со всѣхъ сословій) дали ему много людей, страшная энергія помогла ему устроить изъ нихъ армію; обрусѣлому нѣмцу Виніусу, Петръ поручилъ изготовленіе новыхъ пушекъ. Мѣдь, которою Московское государство было далеко не богато, доставали между прочимъ изъ церковныхъ колоколовъ, взятыхъ въ казну. Въ теченіе года Виніусъ успѣлъ изготовить 300 пушекъ. Къ лѣту 1701 г. у Петра, такимъ образомъ, снова явились средства продолжать войну.

Въ февралѣ 1701 г. Петръ близъ Динабурга въ м. Биржахъ видѣлся съ королемъ Августомъ, на котораго теперь обратился Карлъ XII. Петръ и Августъ условились продолжать борьбу съ Швеціей, причемъ Петръ обязался помогать Августу войсками, отдавалъ ему въ случаѣ успѣха Эстляндію и Лифляндію, но оставлялъ себѣ свободу дѣйствій въ Ингріи и Кареліи и въ завоеваніи этихъ областей полагалъ свою конечную цѣль. Лѣтомъ 1701 г. начались военныя дѣйствія у Финскаго залива и въ Польшѣ. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Петръ дѣлилъ свои силы на двое,—на сѣверѣ онъ дѣйствовалъ за себя, въ Польшѣ помогалъ Августу.

На сѣверѣ у Финскаго залива дѣла шли удачно для Петра. Слабыя силы, оставленныя Карломъ для защиты Эстляндіи и Лифляндіи, не могли отразить русскихъ войскъ. Въ 1701 и 1702 г.г. Шереметьевъ съ большой арміей опустошалъ эти области и два раза разбилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха (при Эрестферѣ въ декабрѣ 1701 и Гуммельсгофѣ въ іюлѣ 1702 г.). Первыя побѣды очень радовали Петра. Самъ онъ не принималъ постояннаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ. Онъ оставилъ на свою долю трудное дѣло организаціи государственной защиты и военныхъ силъ. Онъ ѣздилъ изъ конца въ конецъ по Россіи: въ Архангельскѣ принималъ мѣры противъ нападенія Шведовъ съ моря, въ Москвѣ слѣдилъ за общимъ ходомъ военныхъ приготовленій, въ Воронежѣ удостовѣрялся годенъ ли недавно сооруженный флотъ, для защиты южныхъ областей въ случаѣ нападенія Турокъ. Ежегодно появлялся онъ и на театрѣ войны. Въ

1702 г. Петръ изъ Архангельска безъ дорогъ чрезъ лѣса и болота прошелъ до Ладожскаго озера и протащилъ съ собою двѣ яхты (слѣды рубленныхъ имъ просѣкъ видны до сихъ поръ). Явившись къ истокамъ Невы и соединясь съ корпусомъ Апраксина, Петръ взялъ здѣсь шведскую крѣпость Нотебургъ (древніе Новгородцы владѣли имъ и звали его Орѣшкомъ; Петръ назвалъ его Шлюссельбургомъ т. е. ключемъ къ морю). Весною 1703 г., послѣ поѣздки въ Воронежъ, Петръ снова явился на Невѣ съ войсками Шереметьева, взялъ укрѣпленіе Ніеншанцъ (вблизи отъ устьевъ Невы) и основалъ при морѣ укрѣпленную гавань Петербургъ (въ маѣ 1703 г.). Мѣсто было выбрано для первой русской гавани не безъ разсчета: во-первыхъ—восточный берегъ Финскаго залива есть ближайшій къ Руси пунктъ Балтійскаго поморья (о Ригѣ Петръ тогда еще не могъ мечтать), а во-вторыхъ—Нева, на которой основанъ былъ портъ, представляетъ прямой конецъ естественной системы водныхъ путей, лежащихъ внутри Россіи. Петръ очень дорожилъ новой гаванью и всѣ дальнѣйшія военныя операціи на сѣверѣ направлялъ къ тому, чтобы обезпечить обладаніе Петербургомъ. Съ этой цѣлью шло систематическое завоеваніе южнаго берега Финскаго залива: были взяты Копорье, Ямы (Ямбургъ) Нарва. Въ 1704 г. былъ взятъ самимъ Петромъ Дерптъ. На Финскомъ заливѣ Петръ завелъ флотъ (верфь была устроена въ Олонцѣ), а въ новый портъ приглашались иностранные корабли, чтобы тотчасъ начать и торговлю съ Западомъ новымъ путемъ.

На другомъ театрѣ войны, въ Польшѣ, дѣла шли не такъ удачно. Лѣтомъ 1701 г. соединенныя Русско-Саксонскія войска были разбиты Карломъ, который, тѣсня Августа въ Польшѣ, добился «детронизаціи» Августа и возвелъ на польскій престолъ Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Но многіе паны держались Августа и въ Польшѣ настало междоусобіе. Въ 1705 г. Петръ, послѣ успѣховъ своихъ на Балтійскомъ побережьѣ, рѣшился поддержать Августа серьезно, чтобы не потерять съ его паденіемъ и послѣдняго союзника. Русская армія въ 60.000 человѣкъ вошла въ Курляндію и Польшу. Но, послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ русскихъ, Карлъ принудилъ главныя силы русской арміи отступить отъ Гродно къ Кіеву, и только военный талантъ Меншикова, берегшаго солдатъ по приказу Петра, далъ возможность русскимъ сохранить артиллерію и боевой порядокъ. Саксонскія же войска (съ вспомогательнымъ русскимъ корпусомъ) были разбиты Карломъ въ Силезіи. Въ 1706 г. неудачи продолжались: Карлъ напалъ на Августа въ самой Саксоніи и принудилъ его къ заключенію мира (въ Альтранштадтѣ), по которому Августъ отказался отъ польской короны и отъ союза съ Петромъ (при этомъ Паткуль былъ выданъ Карлу). Петръ остался безъ союзниковъ, въ единоборствѣ съ такимъ королемъ, который пріобрѣлъ въ Европѣ славу непобѣдимаго.

Положеніе Петра представлялось ему самому крайне тяжелымъ: въ письмахъ своихъ въ то время онъ подписывался «печали исполненный Петръ». Но и съ печалью въ сердцѣ, онъ не потерялъ своей энергіи. Ожидая врага съ юго-запада, Петръ укрѣплялъ границы и въ то же время старался въ самой Польшѣ найти опору противъ Карла и его

союзника короля Станислава. Петръ вошелъ въ сношеніе съ панами недовольными Станиславомъ и искалъ человѣка, котораго можно было бы противопоставить Лещинскому въ качествѣ претендента въ короли польскіе. Но эти старанія не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ Альтранштадтскаго мира Карлъ въ 1707 г. перешелъ въ Польшу и распоряжался ею.

Только въ декабрѣ 1707 г. началъ онъ наступленіе противъ Петра и занялъ Гродно (черезъ два часа послѣ отъѣзда изъ Гродно Петра). Русскіе отступили. Ясно было, что наступалъ кризисъ войны подходили рѣшительныя минуты. Карлъ изъ Гродна могъ двинуться или на сѣверъ, чтобы отнять у Петра завоеванія на берегахъ Балтійскаго моря, или на сѣверо-востокъ, на Москву, съ цѣлью въ корнѣ подорвать силы Петра. Петръ не зналъ, чего ждать. Москву укрѣпляли подъ руководствомъ царевича Алексѣя Петровича, южная армія была поручена Менщикову, заботы о завоеванномъ прибалтійскомъ краѣ взялъ на себя Петръ. Онъ удалился съ юга въ Петербургъ въ тяжеломъ угнетенномъ настроеніи духа. Болѣя тѣломъ и духомъ, тревожно ожидая развязки войны, онъ просилъ Менщикова не вызывать его изъ Петербурга безъ крайней надобности и требовалъ, чтобы Менщиковъ держался противъ Карла съ крайней осторожностью. Однако Петръ скоро самъ оставилъ Петербургъ и принялъ дѣятельное участіе въ компаніи 1708 г.

Эта компанія 1708 г. далеко не была проигрышемъ для русскихъ. Карлъ началъ наступленіе къ Москвѣ, съ боя завладѣлъ переправой чрезъ Березину (при Головчинѣ), дошелъ до Могилева и ждалъ соединенія съ вспомогательнымъ корпусомъ Левенгаупта, который изъ Лифляндіи шелъ на помощь къ королю съ большими запасами продовольствія, но благодаря стратегическимъ оплошностямъ Карла, часть его войска была поражена при м. Добромъ княз. Голицынымъ, а весь корпусъ Левенгаупта былъ на голову разбитъ Петромъ, при деревнѣ Лѣсной, 28 Сентября 1708 г. Всѣ запасы попали въ руки русскихъ. Теперь вся надежда Карла была на Малороссію, гдѣ онъ разсчитывалъ найти запасы и союзника въ лицѣ Гетмана Мазепы. Побѣда при Лѣсной была большимъ успѣхомъ Петра: онъ называлъ день 28 Сентября „начальнымъ днемъ нашего добра“ и это была правда,—перевѣсъ военнаго счастья сталъ переходить замѣтно на сторону Петра съ этого 1708 г.

Карлъ и въ Малороссіи потерпѣлъ неудачу. Малороссія, во второй половинѣ XVII в. присоединенная къ Москвѣ, жила до времени Петра неспокойной внутреннею жизнью, въ ней постоянно шло броженіе, была рознь общественныхъ классовъ. Задачей Москвы было уничтоженіе этой розни, но Московскія мѣры не всѣхъ удовлетворяли; если низшіе классы малороссіянъ были довольны смѣной польскаго господства на Московское, то высшій классъ—казачья старшина скорѣе желалъ занять мѣсто польскаго панства въ Малороссіи и сочувствовалъ польскому строю жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе Москвы крѣпче взять въ руки Малороссію и получить большій контроль въ малорусскихъ дѣлахъ не нравилось многимъ малороссіянамъ. Мало-

россійскіе Гетманы всегда бывали въ трудномъ положеніи: съ одной стороны Москва требующая строгаго подчиненія, съ другой стороны малорусское общество требующее автономіи; съ одной стороны Москва требующая порядка, съ другой внутренній раздоръ, партіи, стремящіяся къ господству въ странѣ. Эти обстоятельства дѣлали Гетмановъ жертвою самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ вліяній, происковъ, интригъ,—и въ результатѣ «послѣ Богдана Хмѣльницкаго, какъ говоритъ С. М. Соловьевъ, не было ни одного Гетмана въ Малороссіи, который бы спокойно кончилъ жизнь свою въ гетманскомъ достоинствѣ». Въ теченіе десятилѣтняго гетманства Мазепа не только умѣлъ держать въ рукахъ Малорусское общество, но успѣлъ и въ Москвѣ заслужить рѣдкое довѣріе Петра. Петръ не вѣрилъ многочисленнымъ доносамъ на Мазепу, а самъ Мазепа умѣлъ убѣдительно оправдываться отъ обвиненій. Когда Карлъ въ 1707 г. рѣшилъ идти на Россію, то Мазепа былъ убѣжденъ, что Петру не справиться съ врагомъ и разсчитывалъ, что если Малороссія останется вѣрною побѣжденной Москвѣ, то побѣдители Карлъ и Станиславъ Лещинскій, не пощадятъ ни Мазепы, ни Малороссіи. Если же Малороссія перейдетъ ранѣе на ту сторону, чья побѣда вѣроятнѣе, то такой переходъ обезпечитъ въ будущемъ и самостоятельность внутренней жизни Малороссіи и высокое положеніе Гетмана. По этимъ соображеніямъ, какъ объясняютъ наши историки, Мазепа рѣшилъ отложиться отъ Московскаго государства и стать союзникомъ Карла. При такомъ шагѣ онъ надѣялся на сочувствіе всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ режимомъ Москвы. Гетманъ думалъ, что за нимъ пойдетъ вся Малороссія.

Долго велъ онъ тайные переговоры объ отпаденіи съ польскимъ дворомъ и Карломъ. Хотя въ Москву и шли доносы объ измѣнѣ Гетмана, но имъ Петръ не вѣрилъ, потому что вѣрилъ Мазепѣ. Извѣстный доносъ Кочубея (генеральнаго судьи) и Искры (Полтавскаго полковника) кончился пыткою и казнью ихъ обоихъ въ 1708 г. Но осенью того же 1708 г., когда Карлъ съ войсками пошелъ въ Малороссію, Мазепа принужденъ былъ открыть свою игру и прямо примкнуть къ одному изъ противниковъ. Боясь неудачи задуманнаго шага, Мазепа долго колебался и сказывался больнымъ, когда получалъ приказанія отъ Петра дѣйствовать противъ Шведовъ. Наконецъ, когда притворяться было уже нельзя, онъ уѣхалъ изъ своей столицы Батурина и съ отрядомъ казаковъ присталъ къ шведскому войску. Его измѣна для Петра была неожиданна и не только для Петра, но и для массы малороссіянъ. Никто не могъ сказать, пойдетъ ли Малороссія за Гетманомъ или останется вѣрной Руси. Въ такихъ обстоятельствахъ русскій главнокомандующій Меншиковъ проявилъ замѣчательную ловкость: 29 октября 1708 г. Мазепа соединился съ Карломъ, а уже 31-го преданный Мазепѣ Батуринъ былъ взятъ русскими штурмомъ и сожженъ. Центръ предполагаемаго возстанія былъ уничтоженъ, вся Малороссія почувствовала энергію и силу русскихъ. Черезъ недѣлю въ Глуховѣ казаки избрали новаго Гетмана (Ивана Скоропадскаго); Мазепа какъ измѣнникъ, былъ преданъ анаѳемѣ духовенствомъ. Малороссія фактически оказалась въ рукахъ

Петра, а Малороссійскіе крестьяне начали народную войну противъ наступавшихъ шведовъ. Такъ неудачно окончился для Карла 1708 г.

Но Шведы сохраняли престижъ непобѣдимости и казались грознымъ врагомъ. Петръ боялся, что турки воспользуются пребываніемъ этого грознаго врага на Югѣ Руси и начнутъ войну съ своей стороны; на это твердо надѣялся и Карлъ. Поэтому Петръ зимою 1708—9 г. принялъ всѣ мѣры обороны отъ турокъ, лично побывалъ въ Воронежѣ и Азовѣ, а къ лѣту 1709 г., прибылъ къ арміи Меншикова. Хотя въ дѣйствіяхъ противъ шведовъ Петръ держался крайне осторожно, не рискуя вступать въ открытыя столкновенія съ Карломъ, однако онъ рѣшился открытымъ боемъ выручить осажденный шведами городъ Полтаву. 27 Іюнь 1709 г. произошло знаменитое сраженіе при Полтавѣ. Эта генеральная битва кончилась полнымъ бѣгствомъ шведовъ на Югъ, къ Днѣпру. Самъ Карлъ успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ и уйти въ Бендеры, въ Турецкія владѣнія; но вся его армія у Днѣпра (у Переволочны) положила оружіе и была взята въ плѣнъ.

Полтавская побѣда совершенно сломила могущество Швеціи: у нея не осталось арміи, у Карла не стало прежняго обаянія, раньше торжествовавшій надъ всѣми врагами, а теперь разбитый Петромъ онъ сразу передалъ Петру и Московскому государству то политическое значеніе, которымъ до тѣхъ поръ пользовалась Швеція. И Петръ съумѣлъ воспользоваться плодами побѣды. Естественнымъ образомъ, онъ перенесъ военныя операціи къ Балтійскому морю и въ 1710 г. взялъ Выборгъ, Ригу и Ревель. Русскіе стали твердой ногой на Балтійскомъ побережьѣ, существованіе Петербурга обезпечивалось. Въ то же время вмѣстѣ съ военными успѣхами Петръ сдѣлалъ и большіе политическіе успѣхи. Пораженіе Карла подняло противъ Швеціи войну; сѣверо-Германскіе владѣтели тоже стали принимать живое дипломатическое участіе въ великой сѣверной войнѣ, не вступая пока открыто въ борьбу со Швеціей. Среди всѣхъ союзниковъ первое мѣсто теперь стало принадлежать Россіи и Петру. Петръ сдѣлался гегемономъ сѣверной Европы и самъ чувствовалъ, что онъ сильнѣйшій и вліятельнѣйшій монархъ Сѣвера. Ниже мы увидимъ, что тревожный для союзниковъ Петра вопросъ о его неожиданной гегемоніи повелъ къ охлажденію между Петромъ и остальными членами коалиціи. Но политическое преобладаніе Россіи оставалось неизмѣннымъ съ 1709 г. несмотря даже на неудачи Петра въ извѣстномъ Прутскомъ походѣ.

Прутскій походъ 1711 г. получилъ свое названіе оттого, что развязка русско турецкой войны 1710—1711 произошла на берегахъ рѣки Прута. Эта русско-турецкая война была результатомъ дипломатической дѣятельности Карла XII и дружественнаго ему французскаго двора. Карлъ жилъ въ Турціи послѣ Полтавскаго пораженія, и ему не разъ грозила выдача въ руки Петра. Россія требовала выдачи Карла, а онъ доказывалъ туркамъ своевременность и необходимость для Турокъ воевать съ Петромъ. Результатомъ его настояній былъ дипломатическій разрывъ Турціи съ Россіей. Петръ объявилъ Турціи (въ Ноябрѣ 1710 г.) войну и задумалъ вести ее наступательно. Онъ разсчитывалъ на помощь турецкихъ славянъ, на союзъ съ вассаль-

ными турецкими владѣтелями (господарями) Молдавія и Валахіи и на поддержку Польши. Весною 1711 г. Петръ поспѣшилъ въ походъ думая раньше турокъ завладѣть Молдавіею, Валахіею и переправами черезъ Дунай. Но никто изъ союзниковъ не явился на помощь во время. Присоединеніе къ Петру молдавскаго господаря Кантемира не спасло русскую армію отъ голода, переходъ черезъ степи истомилъ людей. Къ довершенію всего Турки ранѣе перешли Дунай и на берегу Прута окружили громадными силами армію Петра. По недостатку провіанта и воды (русскіе были отрѣзаны отъ Прута), нельзя было держаться на мѣстѣ; по сравнительной малочисленности войска невозможно было съ успѣхомъ пробиваться сквозь Турокъ. Петръ вступилъ въ переговоры о мирѣ съ великимъ визиремъ. Отправляя къ нему довѣренныхъ лицъ, Петръ далъ имъ полномочіе, для освобожденія войска и заключенія мира, уступить Азовъ, всѣ завоеванія на Балтійскомъ морѣ (если турки потребуютъ этого для Карла) даже Псковъ; но Петръ желалъ, чтобы Петербургъ и восточный берегъ Финскаго залива оставался во что бы то ни стало въ рукахъ русскихъ. Однако уступлено было гораздо меньше того, на что готовъ былъ Петръ. Случилось такъ благодаря тому, что турки сами желали окончить войну, въ которую были втянуты сторонними вліяніями. Кромѣ того, дѣлу пособили ловкость русскаго дипломата Шафирова и богатые подарки, посланные Петромъ визирю. Миръ былъ заключенъ и русская армія освобождена на такихъ условіяхъ: Петръ отдавалъ Турціи Азовъ и нѣкоторые укрѣпленные пункты близь Чернаго моря, отказывался отъ вмѣшательства въ дѣла Польши (необходимо замѣтить, что тогда уже были проекты раздѣла Польши, пользовавшіеся сочувствіемъ Петра); наконецъ, Петръ давалъ Карлу свободный проѣздъ въ Швецію. Хотя Петръ возвратился въ Россію «не безъ печали», по его собственнымъ словамъ, но его избавленіе отъ плѣна и сравнительно легкія условія мира съ Турціей могли казаться даже удачей. Онъ дешево отдѣлался отъ Турокъ и продолжалъ удерживать то высокое политическое положеніе въ кругу европейскихъ государствъ, какое дала ему Полтавская побѣда.

Окончаніе шведской войны.

Послѣ компаніи 1709 г. война со шведами въ общемъ шла вяло. Для Петра существовало два театра войны со Швеціей: какъ сильнѣйшій членъ коалиціи противъ Карла, онъ участвовалъ въ общихъ союзническихъ предпріятіяхъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, гдѣ были шведскія провинціи (Померанія), въ то же время дѣйствовалъ и особо отъ союзниковъ, завоевывая Финляндію.

Пріобрѣтеніе Финляндіи для Петра казалось важнымъ дѣломъ «двухъ ради причинъ главнѣйшихъ (такъ писалъ онъ адмиралу Апраксину): первое—было-бы что при мирѣ уступить... другое, что сія провинція есть матка Швеціи, какъ самъ вѣдаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль». Въ 1713—1715 годахъ русскія войска и флотъ овладѣли Финляндіей и стали грозить самой Швеціи. Такимъ образомъ на этомъ театрѣ войны Петръ имѣлъ положительный успѣхъ.

Менѣе удачно шли дѣла съ союзниками. Военныя дѣйствія противъ шведовъ на югѣ отъ Балтійскаго моря были, правда, не безъ удачъ: шведы теряли свои сѣверо-германскія владѣнія. Но дипломатическія недоразумѣнія и столкновенія мѣшали единству союзныхъ дѣйствій. Когда послѣ Прутскаго похода Петръ въ 1711 и 1712 г.г. пріѣзжалъ въ Германію, ему удалось тѣснѣе сблизиться съ Пруссіей, но прочими своими союзниками онъ уже былъ недоволенъ за ихъ неискренность и неумѣніе согласно вести войну. Но въ то же самое время и дипломатія и западно европейская публицистика были въ свою очередь недовольны Петромъ; онѣ ему приписывали завоевательные виды на Германію, въ его дипломатахъ видѣли диктаторскія замашки и боялись вступленія русскихъ вспомогательныхъ войскъ въ Германію. И послѣ неудачи на Прутѣ Петръ своимъ могуществомъ былъ страшенъ Европѣ.

Отъ союза съ Петромъ однако не отказывались. Съ участіемъ русскихъ союзники вытѣснили шведовъ окончательно изъ ихъ германскихъ владѣній въ 1715 и 1717 г.г. Не помогло Шведамъ и присутствіе самаго Карла, который въ 1714 году вернулся изъ Турціи. Одновременно со взятіемъ у нихъ послѣдней крѣпости въ Германіи (Висмара) союзники задумали высадку въ самую Швецію и отдали союзные флоты подъ личное начальство Петра; но высадка не состоялась благодаря крупнымъ недоразумѣніямъ между Петромъ и союзниками. Петръ думалъ занять Висмаръ своими войсками, желая передать его герцогу Макленбургскому, за котораго выдалъ замужъ свою племянницу Екатерину Ивановну. Но датская и германская дипломатія воспротивилась занятію Висмара, ибо видѣла въ этомъ желаніе русскихъ овладѣть и Мекленбургомъ и Висмаромъ. Въ то время (1716 г.) страхъ передъ Петромъ на западѣ достигъ своего апогея. Петръ, дѣйствительно, держалъ себя съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства и давалъ понять союзникамъ свои силы. Благодаря этому онъ сталъ любимымъ предметомъ массы политическихъ памфлетовъ, которые приписывали ему самые чудовищные завоевательные планы.

Опасенія прессы раздѣляла и дипломатія: англійскіе дипломаты дѣлали представленія германскому императору о необходимости удалить русскихъ изъ Германіи; датчане желали, чтобъ Петръ со своими войсками оставилъ Данію, гдѣ онъ былъ въ 1716 г.; въ Германіи требовали выхода русскихъ изъ Мекленбурга, Петръ всюду видѣлъ страхъ и недоброжелательство, то скрытое, то явное. Понимая, что при такихъ условіяхъ нѣтъ возможности дѣйствовать противъ Швеціи рѣшительно и разсерженный недопущеніемъ русскихъ въ Висмаръ, Петръ пришелъ къ мысли дѣйствовать отдѣльно отъ союзниковъ. Голштинскій дипломатъ, баронъ Герцъ, взялся быть посредникомъ между Петромъ и Карломъ. Но пока это посредничество не привело еще къ опредѣленнымъ результатамъ. Петръ вступилъ въ оживленныя сношенія съ Франціей, которая до тѣхъ поръ держала сторону Швеціи, а къ Россіи была враждебна, потому что Москва дружила съ ея врагомъ, Германскимъ Императоромъ. Въ 1717 г. Петръ предпринялъ даже поѣздку черезъ Голландію во Францію съ надеждой заключить

и политическій и брачный союзъ съ французскимъ королемъ (маленькимъ Людовикомъ XV). Но пребываніе Петра въ Парижѣ, представляющее любопытный эпизодъ въ личной жизни Петра, не привело ни къ чему. Онъ добился только обѣщанія Франціи отступить отъ дружескихъ договоровъ со Швеціей. Возвратившись въ Голландію, Петръ возобновилъ переговоры съ Герцемъ объ отдѣльномъ мирѣ между Швеціей и Россіей. На 1718 годъ былъ назначенъ русско-шведскій конгрессъ на Аландскихъ островахъ.

Конгрессъ этотъ состоялся (съ нашей стороны были на конгрессѣ Врюсъ и Остерманъ). Обѣ стороны желали мира, но объ условіяхъ его не могли сговориться очень долго. Когда же пришли къ соглашенію, смерть Карла XII помѣшала дѣлу. Послѣ Карла на престолъ Швеціи была избрана его сестра Ульрика-Элеонора и правленіе перешло въ руки аристократіи. Переговоры о мирѣ были прерваны и возобновилась война. Но теперь Петръ сталъ дѣйствовать крайне рѣшительно. Не смотря на поддержку Англіи, оказанную Швеціи, Петръ ежегодно съ 1719, 1720 и 1721 годахъ посылалъ русскіе корпуса въ самую Швецію и этимъ принудилъ Шведское правительство возобновить мирные переговоры. Въ 1721 году состоялся съѣздъ русскихъ и шведскихъ дипломатовъ въ Ништадтѣ (недалеко отъ Або), и 30-го Августа 1721 года миръ былъ заключенъ. Его условія были таковы: Петръ получалъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и Карелію, возвращалъ Швеціи Финляндію, уплачивалъ два милліона ефимковъ (голландскихъ талеровъ) въ 4 года и не принималъ на себя никакихъ обязательствъ противъ прежнихъ союзниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ миромъ и торжественно праздновалъ заключеніе его.

Значеніе этого мира для Московскаго государства опредѣляется кратко: Россія становилась главною державой на сѣверѣ Европы, окончательно входила въ кругъ европейскихъ державъ, связывала себя съ ними общими политическими интересами и получала возможность свободнаго сообщенія со всѣмъ западомъ посредствомъ новопріобрѣтенныхъ границъ. Усиленіе политическаго могущества Руси и новыя условія политической жизни, созданныя миромъ, были поняты и Петромъ и его сотрудниками. Во время торжественнаго празднованія мира 22 Октября 1721 года, сенатъ поднесъ Петру титулъ императора, отца отечества и Великаго. Петръ принялъ титулъ Императора. Московское государство такимъ образомъ, стало Всероссійской Имперіей, и эта перемѣна послужила внѣшнимъ знакомъ перелома, совершившагося въ исторической жизни Руси.

Русскій государь, по сознанію русскихъ современниковъ, имѣлъ право именоваться императоромъ. Но западно-европейскія историческія традиціи, вамъ конечно извѣстныя, признавали этотъ титулъ за однимъ лишь Императоромъ Священной Римской Имперіи (Германскимъ). Поэтому на западѣ новый титулъ Петра не былъ признанъ сразу. Только Пруссія и Нидерланды признали его немедленно; въ 1723 г. признала Швеція; Австрія и Англія стали его признавать только съ 1742 г. Франція и Испанія и того позже съ 1745 г.

Чтобы окончить обзоръ внѣшней политики Петра Великаго, слѣ-

дуетъ упомянуть о его отношеніяхъ къ Востоку. Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе игралъ Востокъ въ экономическомъ развитіи Европы, какъ упорно стремились европейцы узнать пути къ конечной цѣли торговыхъ вождѣленій—Индіи. Въ XVI и XVII. в.в. въ Москвѣ являлись иноземцы, искавшіе путей на Востокъ. Отчасти благодаря имъ, отчасти благодаря собственному торговому опыту, въ Москвѣ умѣли цѣнить значеніе Востока и путей, къ нему ведущихъ. Петръ, высоко ставившій торговлю, какъ рычагъ общественнаго благосостоянія, не упустилъ изъ виду и торговли съ Востокомъ. Съ 1715 г. онъ старался производить развѣдки о водныхъ путяхъ въ Азіи, которые вели бы къ Индіи (съ подобными цѣлями были посланы въ 1715 г. Волынскій въ Персію, въ 1716 г. Бековичъ—Черкасскій въ Хиву). Въ концѣ концовъ Петръ остановился на мысли о пріобрѣтеніи береговъ Каспійскаго моря, какъ базиса для Азіатской торговли. Съ этой цѣлью какъ только кончена была Шведская война, Петръ объявилъ войну Персіи. Въ 1722—23 гг. русскіе взяли Дербентъ и Баку. Въ началѣ кампаніи Петръ самъ былъ на театрѣ войны, но въ 1723 г. вернулся въ Петербургъ, гдѣ и заключенъ былъ осенью того же года мирный договоръ съ Персіею, по которому Россія пріобрѣла взятые города и все западное побережье Каспійскаго моря.

II. Внутренняя дѣятельность Петра Великаго.

Эта дѣятельность выразилась въ рядѣ общественныхъ реформъ, значительно измѣнившихъ древне-русскій общественный бытъ, но какъ мы уже говорили выше, не измѣнившихъ главнѣйшихъ основаній государственнаго строя созданнаго до Петра. Изложить систематически внутреннія реформы Петра Великаго несравненно легче, чѣмъ въ стройной хронологической картинѣ представлять ихъ постепенный ходъ. Петръ реформировалъ общественное устройство и управленіе не по строгому заранѣе составленному плану преобразованій, а отрывочными постановленіями, отдѣльными мѣрами, между походами и военными заботами. Лишь въ послѣдніе годы царствованія, когда война уже не требовала чрезмѣрныхъ усилій и средствъ, Петръ пристальнѣй взглянулъ на внутреннее устройство и стремился привести въ систему рядъ разновременныхъ отдѣльныхъ мѣропріятій.

Невозможно, впрочемъ, было и ждать отъ Петра заранѣе составленнаго и теоретически разработаннаго плана преобразовательной дѣятельности. Его воспитаніе и жизнь не могли выработать въ немъ наклонности къ отвлеченному мышленію: по всему своему складу онъ былъ практическимъ дѣятелемъ, не любившимъ ничего абстрактнаго. И среди его сотрудниковъ, запечатлѣнныхъ такимъ же практическимъ направленіемъ, мы не видимъ человѣка, который бы могъ стать авторомъ плана общихъ преобразованій. Правда изъ за границы предлагались Петру отвлеченныя теоріи общественнаго переустройства: Лейбницъ сочинилъ для царя проектъ преобразованій, были и другіе усердные доктринеры. Но здравый смыслъ преобразователя удержалъ его отъ пересадки на русскую почву совершенно чуждыхъ ей доктринъ Если Петръ и перенесъ на Русь коллегіальное устройство административныхъ органовъ, то это потому, что вездѣ на западѣ онъ видѣлъ

эту форму управленія и считалъ ее единственною нормальной и пригодною гдѣ бы то ни было. Но если бы даже и была въ головѣ Петра какая нибудь предрѣшенная система преобразованій, онъ врядъ ли бы могъ выполнить ее послѣдовательно. Нужно помнить, что война со Швеціей поглощала всѣ силы царя и народа. Можно ли было при этомъ условіи предаться систематической реформѣ, когда военныя нужды обусловливали собою всю внутреннюю дѣятельность правительства.

Такимъ образомъ Петръ велъ свои реформы безъ заранѣе составленнаго плана и сообразуясь съ военными потребностями въ своей дѣятельности. Идея общаго народнаго блага обусловливала всю дѣятельность Преобразователя. Войну со Швеціей онъ предпринялъ съ глубокимъ пониманіемъ національныхъ интересовъ и въ побѣдахъ искалъ не личной славы, а лучшихъ условій для культурнаго и экономическаго преуспѣянія Руси. И внутреннюю дѣятельность свою Петръ направлялъ къ достиженію народнаго блага. Но когда Шведская война стала главнымъ дѣломъ Петра и требовала громадныхъ усилій, тогда Петръ поневолѣ отдался ей, и внутренняя дѣятельность его сама собою стала въ зависимость отъ военныхъ потребностей. Война требовала войскъ, Петръ искалъ средствъ для лучшей организаціи военныхъ силъ, и это повело къ реформѣ военной и къ реформѣ дворянскихъ службъ. Война требовала средствъ; Петръ искалъ путей, которыми бы можно было поднять платежныя силы (иначе говоря, экономическое состояніе), государства, и это повело къ податной реформѣ, къ поощренію промышленности и торговли, въ которыхъ Петръ всегда видѣлъ могущественный источникъ народнаго благосостоянія; такъ подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ Петръ совершилъ рядъ нововведеній: одни нововведенія вызывали необходимо другія, и уже тогда, когда война стала менѣе тяжела, Петръ могъ все, совершенное имъ внутри государства, привести въ одну систему, закончить новое административное устройство и дать своему дѣлу стройный видъ. Таковъ былъ ходъ внутренней дѣятельности Петра. Понятно, какъ трудно сдѣлать изложеніе его реформъ въ связномъ хронологическомъ перечнѣ: этотъ перечень обратится въ нестройный каталогъ отдѣльн. указовъ, въ несвязное описаніе отдѣльныхъ установленій. Для нашей цѣли—изучить общее содержаніе общественныхъ преобразованій Петра — гораздо удобнѣе систематическій обзоръ реформъ. Мы разсмотримъ ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) мѣры относительно сословій, 2) мѣры относительно управленія, 3) военное устройство, 4) мѣры для развитія промышленности и торговли, и наконецъ 5) мѣры относительно церковнаго управленія.

1) Мѣры относительно сословій.

Проведенныя Петромъ Великимъ мѣры относительно сословій многимъ кажутся полною реформою всего общественнаго строя; на самомъ же дѣлѣ Петръ не измѣнилъ основнаго положенія сословій въ государствѣ, не снялъ съ нихъ прежнихъ сословныхъ повинностей не тронулъ прежнихъ ихъ прерогативъ. Онъ далъ только новую организацію государственнымъ повинностямъ разныхъ сословій, почему замѣнилась нѣсколько и организація самыхъ сословій, получивъ большую опредѣленность. Одно

только малочисленное на Руси городское сословіе существенно измѣнило свое положеніе, благодаря исключительнымъ заботамъ Петра о его развитіи. Разсмотрѣніе законодательныхъ мѣръ по отдѣльнымъ сословіямъ покажетъ намъ справедливость высказаннаго положенія.

Дворянство въ XVII в., какъ мы уже имѣли случай показать, являлось высшимъ общественнымъ классомъ; оно было повинно государству личною, преимущественно военною службою, и въ воздаяніе за нее пользовалось правомъ личнаго землевладѣнія (вотчиннаго и помѣстнаго); съ вымираніемъ стараго боярства,—дворянство получало все большее и большее административное значеніе: изъ него выходила почти вся московская администрація. Такимъ образомъ дворяне были до Петра классомъ военнымъ, административнымъ и землевладѣльческимъ. Но какъ военный классъ, дворянство въ XVII в. не удовлетворяло уже потребностямъ времени, потому что нестройныя дворянскія ополченія не могли бороться съ регулярными войсками европейцевъ; въ то же время дворянскія войска отличались плохой подвижностью, медленно собирались; съ успѣхомъ они могли нести только мѣстную оборонительную службу на границахъ. Московское правительство поэтому стало заводить въ XVII в. регулярные полки, набирая въ нихъ солдатъ вербовкой изъ «гулящихъ людей». Но и эти полки имѣли свои недостатки. Въ нихъ дворянство являлось уже въ качествѣ офицеровъ. Такимъ образомъ, военная повинность дворянства уже до Петра нуждалась въ переустройствѣ. Въ качествѣ администраторовъ, до Петровскіе дворяне не обладали ни какой спеціальной подготовкой и не оставались постоянно въ гражданскихъ должностяхъ, потому что не существовало тогда и раздѣленія должностей военныхъ и гражданскихъ. Если такимъ образомъ дворянскія повинности государству организованы были неудовлетворительно, то дворянское землевладѣніе, напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе развивалось. Дворяне въ концѣ XVII в. (1676 г.) достигли права наслѣдовать помѣстья по закону, какъ прежде наслѣдовали ихъ по обычаю; съ другой стороны власть помѣщиковъ надъ крестьянами росла болѣе и болѣе,—дворяне совершенно сравняли своихъ крестьянъ съ холопами, посаженными на пашню («задворные люди»).

Петръ задался мыслью дать лучшую организацію службѣ дворянъ и достигъ этого такимъ образомъ: онъ съ страшною строгостью привлекалъ дворянъ къ отбыванію государственной службы и, какъ прежде, требовалъ безсрочной службы, пока хватало силъ. Не менѣе двухъ третей дворянъ должно было служить въ арміи и флотѣ, не болѣе одной трети допускалось къ гражданской службѣ, которая при Петрѣ обособилась отъ военной. Подроставшихъ дворянъ требовали на смотры, которые производилъ часто самъ государь въ Москвѣ или Петербургѣ. На смотрахъ ихъ опредѣляли въ тотъ или другой родъ службы или посылали учиться въ русскія и заграничныя школы. Первоначальное же образованіе сдѣлано было обязательнымъ для всѣхъ молодыхъ дворянъ (по указамъ 1714 и 1723 гг.). Они должны были до 15 лѣтъ обучиться грамотѣ, цыфири и геометріи въ нарочно для того устроенныхъ школахъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Уклонив-

шійся отъ обязательнаго обученія терялъ право жениться. Поступая на службу дворянинъ дѣлался солдатомъ гвардіи или даже арміи. Онъ служилъ вмѣстѣ съ людьми изъ низшихъ классовъ общества, которые поступали въ службу по рекрутскимъ наборамъ. Отъ его личныхъ способностей и усердія зависѣло выбиться въ офицеры; личная заслуга выдвигала въ офицеры и простого крестьянина—солдата. Ни одинъ дворянинъ не могъ стать офицеромъ, если не былъ солдатомъ, но всякій офицеръ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, становился дворяниномъ. Такъ вполнѣ сознательно Петръ поставилъ основаніемъ службы личную выслугу вмѣсто стараго основанія родовитости. Но это не было новостью, личная выслуга признавалась уже и въ XVII в., Петръ далъ ей только окончательный перевѣсъ, и это пополнило ряды дворянства новыми дворянскими родами. Вся масса служилыхъ дворянъ поставлена была въ прямое подчиненіе Сенату вмѣсто прежняго Разряднаго Приказа, и Сенатъ вѣдалъ дворянство черезъ особаго чиновника «герольдмейстера». Прежніе дворянскіе «чины» были уничтожены (прежде они были сословными группами: дворяне Московскіе, городскіе, дѣти боярскія); вмѣсто нихъ появилась лѣстница служебныхъ чиновъ (собственно должностей), опредѣленная извѣстною «табелью о рангахъ» 1722 г. Прежде принадлежность къ извѣстному числу обусловливалась происхожденіемъ человѣка, при Петрѣ стала обусловливаться личными заслугами. Внѣ служебныхъ должностей всѣ дворяне слились въ одну сословную массу и получили общее названіе шляхетства (кажется, съ 1712 г.).

Такимъ образомъ, служба дворянъ стала правильнѣе и тяжелѣе; поступая въ полки, они отрывались отъ мѣстности, были регулярнымъ войскомъ, служили безъ перемежекъ, съ рѣдкими отпусками домой, и не могли укрываться легко отъ службы. Измѣнилась, словомъ, организація государственной повинности дворянъ, но существо повинности (военной и административной) осталось прежнимъ.

За то прочнѣе стало вознагражденіе за службу. При Петрѣ уже не видимъ раздачи помѣстій служилымъ людямъ: если кому нибудь дается земля, то въ вотчину, т. е. въ наслѣдственную собственность. Мало того, законодательство Петра превратило и старыя помѣстья въ вотчины, расширивъ право распоряженія ими. При Петрѣ законъ уже не знаетъ различія между помѣстнымъ и вотчиннымъ владѣніемъ: оно различается только по происхожденію. Кто можетъ доказать право собственности на землю, тотъ вотчинникъ; кто помнитъ, что его наслѣдственная земля принадлежитъ государству и отдана его предкамъ во владѣніе, тотъ помѣщикъ. Но превративъ закономъ помѣстья въ вотчины, Петръ на вотчины смотрѣлъ, какъ на помѣстья считая ихъ владѣніями, существующими въ интересахъ государства. Прежде для государственной пользы не дозволялось дробить помѣстій при передачѣ ихъ въ потомство. Теперь Петръ въ тѣхъ же видахъ распространилъ это правило и на вотчины. Указомъ 1714 г. марта 23-го онъ запретилъ дворянамъ дробить земельныя владѣнія при завѣщаніи сыновьямъ. «Кто имѣетъ нѣсколько сыновей, можетъ отдать недвижимое одному изъ нихъ, кому хочетъ», говорилъ указъ 23 марта.

Если же не было завѣщанія, наслѣдовалъ старшій сынъ; поэтому нѣкоторые изслѣдователи нѣсколько неправильно называютъ законъ Петра о единонаслѣдіи закономъ о маіоратѣ. Но этотъ законъ, соблюдавшійся дворянствомъ относительно помѣстій, вызвалъ сильное противодѣйствіе дворянъ, когда былъ перенесенъ на вотчины. Начались злоупотребленія, обходъ закона, «ненависти и ссоры» въ дворянскихъ семьяхъ, и въ 1731 г. императрица Анна отмѣнила законъ Петра и вмѣстѣ уничтожила всякое различіе вотчинъ и помѣстій. Но этимъ послѣднимъ распоряженіемъ она докончила лишь то, что призналъ Петръ, за трудности службы давшій дворянству больше правъ на помѣстья.

Но помимо расширенія землевладѣльческихъ правъ, сдѣлавшихъ болѣе прочнымъ обладаніе помѣстьями, дворянство при Петрѣ крѣпче завладѣло и крестьянами. Этотъ вопросъ объ отношеніи дворянъ къ крестьянамъ приводитъ насъ къ вопросу объ общемъ положеніи послѣднихъ при Петрѣ.

Крестьяне.

Мы уже видимъ, что созданное въ XVII в. прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ концѣ вѣка въ практикѣ перешло въ личную зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Крестьяне, какъ холопы, продавались безъ земли. Въ то же самое время лично зависимые люди холопы, по волѣ господъ, садились на пашню и своей жизнью и хозяйствомъ ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ. Правительство еще до Петра замѣтило такихъ холоповъ («задворныхъ людей») и облагало ихъ, наравнѣ съ крестьянами, государственными податями. Выходило такъ, что землевладѣльцы стремились сравнять крестьянъ съ холопами, а правительство холоповъ съ крестьянами. Результатомъ этого было то обстоятельство, что и крестьяне и холопы чрезвычайно сблизились между собою на дѣлѣ, хотя строго различались по закону. Петръ засталъ это положеніе и смѣшалъ крестьянство съ холопствомъ въ одинъ податной и зависимый отъ землевладѣльцевъ классъ. На этомъ основаніи многіе думаютъ, что Петръ вмѣсто бывшаго прикрѣпленія къ землѣ создалъ крѣпостное право на крестьянъ. Но предъидущее изложеніе показываетъ, что это невѣрно: на дѣлѣ крестьянинъ становился въ личную крѣпость отъ землевладѣльца еще до Петра. Съ другой стороны, въ законодательствѣ Петра нѣтъ ни одного указа отмѣняющаго прикрѣпленіе къ землѣ и устанавливающаго крѣпостную зависимость личную: крестьянинъ и при Петрѣ оставался гражданиномъ.

Смѣшеніе крестьянъ и холоповъ произошло не на основаніи прямаго объ этомъ закона, а какъ слѣдствіе податной реформы Петра. До Петра прямыя подати взимались или съ обработанной земли или съ двора. Петръ вмѣсто поземельной и подворной подати ввелъ подушную. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это произошло такъ: Петръ желалъ размѣстить армію на постоянныя квартиры въ различныхъ губерніяхъ и содержаніе полковъ возложить на населеніе того округа, гдѣ стоялъ полкъ. Для этого признано было нужнымъ высчитать сумму, необходимую для содержанія полка, перечислить всѣхъ податныхъ лицъ въ округѣ и разсчитать, сколько каждое лицо повинно

было внести денегъ на содержаніе войска. Съ 1718 по 1722 г. производилась перепись податнаго населенія: сперва считали крестьянъ и холопей пахатныхъ, потомъ предписано было заносить въ «ревизскія сказки» и непахатныхъ зависимыхъ людей; наконецъ стали записывать и «гулящихъ» (не приписанныхъ къ сословіямъ) людей. Эта перепись носила названіе ревизіи, а переписанные люди получили названіе «ревизскихъ душъ». Всякая ревизская душа облагалась одинаковой податью, а отвѣтственность въ исправномъ поступленіи подати возлагалась на землевладѣльца. Этимъ самымъ землевладѣлецъ получалъ совершенно равную власть и надъ крестьяниномъ и надъ холопомъ. Здѣсь и заключалось основаніе послѣдовавшаго за этимъ фактическаго уравненія крестьянъ съ холопами. Но по закону крестьянинъ рабомъ не становился; владѣльческіе крестьяне сохраняли гражданскіе права: за ними законъ признавалъ гражданскую правоспособность и дѣеспособность, они могли вступать даже съ казною въ подряды и договоры. Въ глазахъ законодателя и холопы уравнивались съ крестьянами. Но на практикѣ податная отвѣтственность землевладѣльца за крестьянъ и право суда надъ крестьянами, существовавшее помимо закона, по обычаю, давали помѣщикамъ такую власть надъ крестьяниномъ, что въ ихъ глазахъ крестьянинъ становился равнымъ холопу. Уже при Петрѣ началась продажа крестьянъ безъ земли не только семьями, но и въ розницу, и Петръ напрасно прилагалъ старанія прекратить этотъ обычай.

Такимъ образомъ при Петрѣ, какъ и ранѣе, законъ понималъ крестьянъ, какъ гражданъ, и въ то же время холоповъ стремился привести въ одно положеніе съ крестьянами подъ однимъ общимъ терминомъ «подданныхъ» шляхетства. Но шляхетство, получая отъ правительства власть надъ «подданными», смотрѣло на крестьянъ, какъ на холоповъ, и на практикѣ обращалось со всѣми своими «подданными» какъ съ холопами. Стало быть, новыхъ началъ въ положеніи крестьянъ владѣльческихъ при Петрѣ внесено не было. Новостью являлась при Петрѣ лишь система подушной подати, замѣняющая древнее прикрѣпленіе къ землѣ, началомъ личной (податной) зависимости крестьянина отъ землевладѣльца. Но эта личная зависимость существовала и въ XVII в. уже до Петра.

Крестьяне владѣльческіе не одни составляли крестьянское сословіе. Кромѣ нихъ, въ качествѣ податного класса гражданъ, при Петрѣ существовали: 1, крестьяне черные или черносошные, жившіе на государственныхъ, черныхъ земляхъ и оставшіеся при Петрѣ въ томъ же свободномъ состояніи, въ какомъ были ранѣе; 2, крестьяне монастырскіе, при Петрѣ изъятые изъ управленія монастырей и переданные въ казенное управленіе, а потомъ въ вѣдѣніе Синода (впослѣдствіи они получили названіе экономическихъ, потому что были переданы въ коллегію экономіи); 3, крестьяне дворцовые, обязанные различными повинностями вѣдомству двора государева; 4, крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, этотъ разрядъ крестьянъ созданъ былъ указомъ Петра 1721 г., которымъ разрѣшалось владѣльцамъ фабрикъ (и дворянамъ и не дворянамъ) покупать деревни и людей

къ фабрикамъ, наконецъ, 5, однодворцы—классъ измельчавшихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, когда то поселенныхъ по южнымъ, преимущественно, границамъ Московскаго государства для ихъ защиты. При Петрѣ они были записаны въ ревизію, платили подушныя подати, но сохраняли право личнаго землевладѣнія и владѣнія крестьянами.

Городское сословіе, состоявшее въ XVII в. изъ торговыхъ людей (купечества и посадскихъ городскихъ податныхъ обывателей), было замкнуто лишь въ половинѣ XVII в. и было ничтожно и своею численностью и промышленною дѣятельностью. Петръ же въ городскомъ торговопромышленномъ классѣ видѣлъ, по примѣру западныхъ меркантилистовъ, главный факторъ народнаго богатства. Понятно, какія старанія долженъ былъ онъ приложить къ тому, чтобы поднять городской классъ до желаемой степени развитія. Его мѣры для поднятія русской промышленности и торговли мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; въ глазахъ Петра къ такому поднятію должна была вести и правильная организація городского сословія, которая позволила бы городамъ преуспѣвать въ торговлѣ и производствахъ. Еще въ 1699 г, онъ далъ городамъ самоуправленіе, но Бурмистерскія Палаты не давали никакой организаціи сословію, ихъ избравшему. Этой организаціи города достигли лишь въ концѣ царствованія Петра.

Руководясь западно-европейскими формами городского устройства, Петръ въ началѣ 1720 г. учредилъ въ Петербургѣ главный магистратъ которому поручилъ вѣдать городское сословіе повсемѣстно, и далъ Магистрату въ слѣдующемъ году Регламентъ, въ которомъ изложены были основанія городского устройства. Города раздѣлялись по числу жителей на 5 классовъ; граждане каждаго города на два основныхъ класса: гражданъ регулярныхъ и нерегулярныхъ.

Регулярные граждане дѣлились на двѣ гильдіи: къ первой гильдіи принадлежали банкиры, купцы, доктора и антекаря, шкипера, живописцы и ювелиры, художники и ученые. Вторую гильдію составляли мелочные торговцы и ремесленники, устроенные въ цехи.

Нерегулярными гражданами были «подлые», (т. е. низкаго происхожденія люди: чернорабочіе, наймиты, поденщики).

Лица иныхъ сословій (духовные, дворяне, крестьяне), живущіе постоянно въ городѣ въ число гражданъ не входили, они только «числились въ гражданствѣ» и не участвовали въ городскомъ самоуправленіи.

Городомъ управляла выборная коллегія, Магистратъ. Ее избирали изъ своей среды только регулярные граждане. Подлые же люди избирали своихъ старостъ, представлявшихъ интересы ихъ въ Магистратѣ. Магистратъ, подчиненный Главному Магистрату, вѣдалъ хозяйство города и смотрѣлъ за порядкомъ. Главной его цѣлью было развитіе торговли и промысловъ въ городѣ и въ его рукахъ находилась большая власть. Подъ вѣдѣніемъ Магистрата было цеховое управленіе,—во главѣ каждаго ремесленнаго цеха стоялъ старшина (альдерманъ), выбранный изъ мастеровъ; на его рукахъ было управленіе цеховыми дѣлами. На званіе мастера-ремесленника нужно было сдавать экзаменъ; безъ экзамена нельзя было открыть никакого производства.

Давъ городскому сословію стройную организацію, Петръ не только оставилъ ему всѣ старыя права, какими пользовались горожане до него, но далъ и новыя: регулярные граждане хотя и сохранили характеръ тяглаго сословія, но были избавлены отъ подушной подати и рекрутской повинности; въ 1722 г. Петръ снялъ съ горожанъ и личную службу по казеннымъ надобностямъ, которою горожане тяготились до Петра; наконецъ горожане получили право владѣть крѣпостными людьми и землею, наравнѣ съ дворянствомъ, если были фабрикантами и заводчиками. Такимъ образомъ Петръ создалъ городскому сословію довольно привиллегированное положеніе. Онъ внесъ въ городской бытъ совершенно новую организацію. Но новы были только формы: благосклонное же отношеніе правительства къ горожанамъ замѣтно и въ XVII в., особенно во второй его половинѣ.

И такъ, обзоръ сословныхъ реформъ показываетъ намъ, что Петръ многое измѣнилъ въ сословной жизни и отношеніяхъ. Шляхетство стало правильнѣе служить и получило лучшее обезпеченіе за свою службу; крестьянство слилось съ холопствомъ въ одну податную категорію и, не теряя граждан. личности, стало подъ личную власть помѣщика; горожане получили организацію, права самоуправленія и нѣкоторыя привиллегіи. Внѣшнія формы общественныхъ отношеній очень измѣнились, но въ существѣ общественный строй остался старымъ: государство сохранило свое высокое административное и экономическое положеніе, крестьяне по прежнему относились къ государству посредствомъ землевладѣльца, а городскому сословію по прежнему принадлежала далеко не главная роль въ развитіи народнаго хозяйства.

2) Мѣры относительно управленія.

Административныя реформы Петра развивались также, какъ и сословныя мѣры, безъ строгой системы, путемъ частныхъ нововведеній въ центральномъ и мѣстномъ управленіи. Однако легко можно замѣтить, что сперва вниманіе Петра было занято преимущественно переустройствомъ областныхъ учрежденій, а затѣмъ перешло на организацію управленія центральнаго. Это видно уже изъ простого хронологическаго перечня крупныхъ установленій Петра въ сферѣ администраціи. Въ 1702 г. произошло уничтоженіе старыхъ губныхъ старостъ и замѣна ихъ воеводами, управлявшими совмѣстно съ присутствіемъ изъ выборныхъ (отъ уѣзда) дворянъ; въ 1708 г. послѣдовало раздѣленіе Россіи на губерніи, во главѣ которыхъ были поставлены Губернаторы. При нихъ, въ качествѣ совѣтниковъ и помощниковъ были учреждены съ 1713 г. ландраты, т. е. дворяне, избиравшіеся по провинціямъ (губерніи дѣлились на провинціи, провинціи на уѣзды); кромѣ ландратовъ дворяне въ каждомъ уѣздѣ для управленія уѣздомъ избирали земскаго коммиссара. Въ 1719 г. ландраты были уничтожены, но земскіе коммиссары остались; государство было подѣлено вновь на 12 губерній и 43 провинціи. Такимъ образомъ если мы вспомнимъ знакомыя намъ Бурмистерскія Палаты 1699 г. и Городскіе Магистраты 1720 г., то скажемъ, что Петръ во все время своей дѣятельности трудился надъ переустройствомъ мѣстнаго управленія. Крупныя же реформы въ центральномъ управленіи

начались лишь съ 1711 г.,—въ этомъ году былъ учрежденъ Сенатъ; въ 1718 г. устроены коллегіи, въ 1722 г. окончательно установлена должность генералъ-прокурора. Такъ заботы о мѣстной администраціи шли впереди заботъ о центральной администраціи. Существуетъ по этому мнѣніе, что Петръ желалъ всю тяжесть управленія перенести изъ центра государства въ области; но потерпѣвъ неудачу вслѣдствіе недостатка въ областяхъ способныхъ людей, обратился къ устройству центральныхъ органовъ администраціи, которымъ подчинилъ всѣ мѣстныя учрежденія и передалъ всѣ стороны государственнаго управленія.

Въ систематическомъ изложеніи администрація, созданная Петромъ, представится въ такомъ видѣ:

Во главѣ всего управленія съ 1711 г. стоитъ Сенатъ. Около 1700 г. старая Боярская дума исчезаетъ, какъ постоянное учрежденіе, и замѣняется ближней канцеляріей государя, въ которой, какъ въ старину, происходятъ иногда совѣщанія бояръ. Во время своихъ безпрестанныхъ поѣздокъ, веденіе государственнныхъ дѣлъ въ Москвѣ Петръ поручалъ не учрежденію а нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ изъ старыхъ думныхъ чиновъ (Петръ никому не давалъ этихъ чиновъ, но и не отнималъ ихъ у имѣвшихъ) и лицамъ новыхъ чиновъ и званій. Но въ 1711 г., отправляясь въ Прутскій походъ, Петръ ввѣряетъ государство не лицамъ, а вновь основанному учрежденію. Это учрежденіе—Сенатъ. Его существованіе, какъ объявлялъ самъ Петръ, вызванно именно «отлучками» государя и Петръ повелѣвалъ всѣмъ слушаться Сената, какъ его самаго. Такимъ образомъ, миссія Сената первоначально была временной, но съ возвращеніемъ Петра къ дѣламъ Сенатъ не былъ упраздненъ, а сталъ постояннымъ учрежденіемъ. Въ его организаціи при Петрѣ замѣчаютъ три фазиса: съ 1711 до 1718 г. Сенатъ былъ собраніемъ лицъ, назначенныхъ спеціально для присутствованія въ немъ; съ 1718 по 1722 г. Сенатъ дѣлается собраніемъ президентовъ Коллегіи; съ 1722 г. Сенатъ получаетъ смѣшанный составъ, въ него входятъ нѣкоторые президенты Коллегій (военной, морской, иностранной) и въ то же время въ немъ есть члены, носящіе одно только званіе Сенаторовъ и чуждые коллегіямъ.

Вѣдомство Сената состояло въ контролѣ надъ администраціей, въ разрѣшеніи дѣлъ, выходящихъ изъ компетенціи коллегій, въ общемъ направленіи административнаго механизма. Сенатъ былъ такимъ образомъ высшимъ административнымъ органомъ въ государствѣ. Ему въ послѣдніе годы Петра присвоена была и судебная функція,—Сенатъ сталъ высшей судебной инстанціей. Относительно того, присуща ли была Сенату законодательная дѣятельность, существуютъ разные оттѣнки взглядовъ. Одни (Петровскій, «о Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго») полагаютъ, что Сенатъ въ первое время имѣлъ законодательную власть и иногда даже отмѣнялъ указы самаго Петра. Другіе (Владимірскій-Будановъ въ критической статьѣ «Учрежденіе Правит. Сената») доказываютъ, что законодательная функція никогда Сенату не принадлежала. Но всѣ признаютъ, что Петръ, видоизмѣняя положеніе Сената въ 1772 г. лишилъ его законодательной власти, ясно, что Петръ рядомъ съ собою, какъ съ единственнымъ

источникомъ законодательной власти въ государствѣ, не могъ поставить собранія съ законодательными правами. По этому, если и признавать за Сенатомъ законодательную функцію, то слѣдуетъ признавать ее случайнымъ и исключительнымъ явленіемъ.

Отъ разницы представленій о вѣдомствѣ Сената зависитъ и разница въ представленіяхъ о государственномъ значеніи Сената. Одни считаютъ Сенатъ безусловно высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ, объединяющимъ и направляющимъ всю администрацію и не знающимъ надъ собою иной власти, кромѣ государевой (Градовскій, Петровскій). Другіе полагаютъ, что контролируя и направляя администрацію, Сенатъ самъ подвергался контролю и зависѣлъ отъ «верховныхъ господъ министровъ», (т е. приближенныхъ къ Петру лицъ, управляющихъ войсками флотомъ и иностранн. дѣлами) и отъ генералъ-прокурора, представителя особы государя въ Сенатѣ (Владим.-Будановъ, Дмитріевъ.)

Должность генералъ-прокурора, учрежденная въ 1722 г. должна была по мысли Петра, служить связью между верховной властью и центральными органами управленія и средствомъ для контроля надъ Сенатомъ. Петръ испыталъ много средствъ контроля: сперва за Сенатомъ смотрѣлъ генералъ-ревизоръ (1715), затѣмъ въ Сенатѣ дежурили съ цѣлью ускоренія дѣлъ и охраненія порядка въ засѣданіяхъ Штабъ-офицеры гвардіи (1721); средствомъ контроля были и обязательные протоколы засѣданій; наконецъ была учреждена прокуратура. Генералъ-прокуроръ докладывалъ государю дѣла Сената, а Сенату передавалъ волю государя; онъ могъ остановить рѣшеніе Сената; указы Сената получали силу только съ его согласія; онъ слѣдилъ за исполненіемъ этихъ указовъ (иначе говоря, за всей администраціей), онъ, наконецъ, начальствовалъ надъ канцеляріей Сената. Такое значеніе генералъ-прокурора сдѣлало его самымъ властнымъ лицомъ во всей администраціи, тѣмъ болѣе, что первый генералъ-прокуроръ Ягужинскій, человѣкъ способный и дѣятельный, умѣлъ сообщить своей должности необыкновенный престижъ. Современники считали генер.-прокурора начальникомъ Сената и первымъ лицомъ въ Имперіи послѣ Монарха. Такой взглядъ раздѣляется и теперь тѣми, кто склоненъ принимать значеніе Сената. Напротивъ, нѣкоторые (Градовскій въ своей книгѣ «Высшая администрація Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры») думаютъ, что сливаясь съ Сенатомъ въ органическое цѣлое и внѣ Сената не имѣя никакого значенія, генералъ-прокуроръ только поднималъ еще выше государственное значеніе самаго Сената.

Подъ вѣдѣніемъ Сената стоялъ рядъ центральныхъ, учрежденій, извѣстныхъ подъ названіемъ Коллегій. Онѣ были учреждены въ 1718 г. и окончательно сформированы въ 1720 г. Коллегіи замѣнили собою старые Приказы. Съ учрежденіемъ Сената онъ мало по малу усваивалъ себѣ функціи главнѣйшихъ Приказовъ, и эти послѣдніе (напр. Разрядъ) замѣнялись «столами» Сената. Мелкіе же Приказы превращались въ канцеляріи и конторы разныхъ наименованій и сохраняли прежнюю организацію. Приблизительно съ 1711 г. Петръ задумалъ устроить центральное управленіе по образцамъ западно-европейскимъ. Вполнѣ сознательно онъ желалъ перенести на Русь шведское кол-

легіальное устройство. Коллегіальную систему рекомендовалъ ему и теоретикъ Лейбницъ. Заграницу были посланы люди для изученія бюрократическихъ формъ и канцелярской практики; изъ заграницы выписывали опытныхъ канцеляристовъ, чтобъ организовать съ ихъ помощью новыя учрежденія. Но этимъ иностранцамъ Петръ не давалъ въ Коллегіяхъ начальническаго положенія, и они не поднимались выше вице-президентовъ; президентами же коллегій назначались русскіе люди.

Съ 1719 г. Коллегіи начали свою дѣятельность и каждая сама для себя составляла уставъ, опредѣлявшій ея вѣдомство и дѣлопроизводство (эти уставы получили названіе Регламентовъ).

Всѣхъ Коллегій учреждено было двѣнадцать:

1) Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ.
2) Коллегія Военная.
3) Коллегія Адмиралтейская (морская).
4) Штатсъ-Коллегія (вѣдомство расходовъ).
5) Камеръ-Коллегія (вѣдомство доходовъ).
6) Юстицъ-Коллегія (судебная).
7) Ревизіонъ-Коллегія (финансовый контроль).
8) Коммерцъ-Коллегія (торговля).
9) Мануфактуръ-Коллегія (промышленная).
10) Бергъ-Коллегія (горнаго дѣла).
11) Вотчинная Коллегія (землевладѣніе).
12) Главный Магистратъ (городск. управ.).

Послѣднія три Коллегіи образованы были позже остальныхъ. Вновь основанныя учрежденія не замѣнили однако всѣхъ старыхъ Приказовъ. Приказы продолжали существовать или подъ именемъ Канцелярій или подъ прежнимъ именемъ Приказовъ. (медицинская канцелярія, сибирскій Приказъ).

Коллегіи были подчинены Сенату, который посылалъ имъ свои указы; въ свою очередь мѣстные органы управленія были ниже Коллегій и повиновались имъ. Но съ одной стороны не всѣ Коллегіи одинаково подчинялись Сенату. (Военная и морская были самостоятельнѣе прочихъ); съ другой стороны не всѣ Коллегіи имѣли отношенія къ областнымъ органамъ управленія. Надъ провинціальными властями въ качествѣ прямой высшей инстанціи стояли только Камеръ и Юстицъ-Коллегіи и Главный Магистратъ. Такимъ образомъ и центральные и мѣстные органы управленія не представляли строгой и стройной іерархіи.

Каждая Коллегія состояла, какъ и Приказъ XVII в., изъ присутствія и канцеляріи. Присутствіе состояло изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ, ассесоровъ и 2-хъ секретарей, которые были начальниками канцеляріи. Всего въ присутствіи было не болѣе 13 членовъ, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Всматриваясь въ различія между Коллегіями и старыми Приказами, мы видимъ, что система Коллегій значительно упростила прежнюю путаницу вѣдомствъ, но не уничтожила того смѣшенія личнаго начала съ Коллегіальнымъ, которое лежало въ основаніи прежняго центральнаго управленія. Какъ въ приказахъ при ихъ коллегіальной формѣ личное начало имѣло мѣсто въ лицѣ властнаго предсѣдателя,

такъ въ Коллегіяхъ вліятельные президенты и приставленные къ Коллегіямъ для общаго контроля прокуроры нарушали коллегіальный строй своимъ личнымъ вліяніемъ и на дѣлѣ замѣняли иногда коллегіальную дѣятельность единоличною.

Областное управленіе.

Областное управленіе, много разъ измѣняясь въ своихъ частностяхъ, приняло въ 1719 году слѣдующія окончательныя формы. Вся Россія была подѣлена на губерніи, губерніи на провинціи, провинціи на уѣзды. Во главѣ губерніи стоитъ губернаторъ, во главѣ провинціи воевода или вице-губернаторъ, въ уѣздѣ финансовое и полицейское управленіе возложено на выбираемаго дворянами земскаго коммиссара, который подчинялся воеводѣ и въ то же время былъ отвѣтственъ предъ своими избирателями. При Петрѣ Великомъ были попытки отдѣлить судъ отъ администраціи (мысль для этой эпохи замѣчательная); но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ,—съ 1722 г. администрація снова участвуетъ въ дѣлѣ суда. Въ каждой губерніи былъ Надворный судъ подъ предсѣдательствомъ губернатора; въ каждой провинціи дѣйствовалъ провинціальный судъ, подъ предсѣдательствомъ воеводы.

Всѣ эти мѣстныя учрежденія, носившія характеръ единоличной, а не коллегіальной власти, касались лишь дворянъ и черезъ нихъ подчиненныхъ имъ крестьянъ; стало быть земское представительство введенное въ областную администрацію въ видѣ ландратовъ и сельскихъ коммиссаровъ, не было обще-земскимъ, а было сословнымъ; въ уѣздѣ оно было дворянскимъ, въ городахъ гильдейскимъ и цеховымъ, какъ мы это видѣли въ обзорѣ городского устройства. Такой-же характеръ единоличнаго управленія съ участіемъ сословнаго представительства носила администрація и до Петра, какъ мы это уже видѣли.

Вся масса вновь созданныхъ при Петрѣ учрежденій не состояла въ такой строгой іерархической системѣ, какъ учрежденія древней Руси. Прежде, въ XVII в., все въ уѣздѣ было въ зависимости отъ воеводы, воевода былъ въ зависимости отъ Приказа, Приказъ отъ Боярской думы. Въ Петровскихъ учрежденіяхъ такого цѣльнаго іерархическаго порядка нѣтъ: губернаторы, завися отъ Коллегій, въ то же время находятся въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ Сенатомъ; городскіе Магистраты, минуя губернаторовъ, относятся къ Главному Магистрату. Съ достаточнымъ основаніемъ можно думать, что въ прямомъ подчиненіи Сенату находились не однѣ Коллегіи, но и вся областная администрація, городская и губернская.

Такимъ образомъ Сенатъ объединялъ и контролировалъ различныя отрасли управленія. Элементами связывавшими всю администрацію и служившими для контроля были Фискалы (контролеры финансовые и отчасти судебные) и Прокуроры (ревизоры административные), они состояли при всѣхъ учрежденіяхъ и были подчинены генералъ-прокурору, бывшему какъ бы связью между государемъ и сенатомъ, а также органомъ верховнаго контроля. Такова была въ общихъ чертахъ система Петровской администраціи.

Въ ней новы всѣ учрежденія и по именамъ и по внѣшней орга-

низаціи, ново стремленіе законодателя разграничить вѣдомства, ввести дѣятельный контроль; новымъ представлялась Петру и коллегіальная система, о которой онъ такъ старался. Но изслѣдователи замѣчаютъ, что при всей новости формъ и при томъ условіи, что новыя формы администраціи были явно не національны и пахли иноземнымъ духомъ, учрежденія Петра все таки стали очень популярны на Руси въ XVIII в. Объясняютъ это тѣмъ, что въ администраціи Петра «старая Россія вся сказалась въ преобразованныхъ учрежденіяхъ». И въ самомъ дѣлѣ, основанія административной системы остались прежнія, Петръ оставилъ все управленіе Россіи въ рукахъ почти исключительно дворянскихъ, а дворянство и въ XVII в. несло на себѣ всю администрацію. Петръ смѣшалъ въ администраціи коллегіальное начало съ единоличнымъ, такъ было и раньше. Петръ, какъ прежде, управлялъ «системою порученій», приказавъ администрацію Сенату съ генералъ-прокуроромъ. Такъ при новыхъ формахъ осталась старая сущность (см. Градовскаго «Высшая администрація Россіи и генералъ-прокуроры).

III. Военное устройство.

Московское правительство XVII вѣка располагало сотнями тысячъ вооруженнаго люда и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавало отсутствіе правильной организаціи и боевой годности въ своихъ войскахъ. О недостаткахъ дворянскаго ополченія, мало подвижнаго и лишеннаго правильной военной подготовки, мы уже говорили. Упоминали мы и о томъ, что уже въ XVII в. въ Москвѣ старались устроить правильныя войска, увеличивая число стрѣлецкихъ полковъ и образуя полки «иноземнаго строя» (солдатскіе, рейтарскіе, драгунскіе) изъ людей разныхъ общественныхъ состояній. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ достигнуты были большіе результаты: солдатскіе полки ко времени Петра выросли уже до размѣровъ внушительной военной силы. Однако и у стрѣлецкихъ и у регулярныхъ полковъ былъ одинъ крупный, съ военной точки зрѣнія, недостатокъ: и стрѣльцы (въ большей степени) и солдаты (въ меньшей степени) не были только военными людьми, занимались не одною службою. Поселенные на казенныхъ земляхъ, имѣя право жениться и заниматься промыслами, солдаты и особенно стрѣльцы стали полувоеннымъ, полупромышленнымъ сословіемъ. При такихъ условіяхъ боевая готовность ихъ и военныя качества не могли быть высокими.

Петръ видоизмѣнилъ организацію войскъ. Воспользовавшись старымъ военнымъ матеріаломъ, онъ сдѣлалъ регулярные полки господствующимъ, даже исключительнымъ типомъ военной организаціи (только Малороссійскіе и Донскіе казаки сохранили старое устройство). Кромѣ того, измѣнивъ бытъ солдатъ, онъ иначе, чѣмъ прежде, сталъ пополнять войска. Только въ этомъ отношеніи онъ и можетъ считаться творцомъ новой русской арміи. Давая ему такое названіе, мы должны помнить, что регулярная армія (совершенная или нѣтъ,—другой вопросъ) создавалась уже въ XVII вѣкѣ.

Петръ привязалъ солдата исключительно къ службѣ, оторвавъ его отъ дома и промысла. Воинская повинность при немъ перестала быть повинностью однихъ дворянъ, стрѣлецкихъ и солдатскихъ дѣтей,

да праздныхъ и охотниковъ. Повинность эта легла теперь на всѣ классы общества, кромѣ духовенства и гражданъ, принадлежащихъ, къ гильдіямъ. Дворяне всѣ обязаны были служить безсрочными солдатами и офицерами, кромѣ немощныхъ и командированныхъ въ гражданскую службу. Съ крестьянъ же и горожанъ производились правильные рекрутскіе наборы, которые въ началѣ Шведской войны были очень часты и давали Петру громадные контингенты рекрутъ. Въ 1715 г. Сенатъ постановилъ, какъ норму для наборовъ, брать одного рекрута съ 75 дворовъ владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ. Вѣроятно такая же приблизительно норма была и для казенныхъ крестьянъ и горожанъ. Рекруты изъ податныхъ классовъ въ войскахъ становились на одинаковомъ положеніи съ солдатами-дворянами, усваивали одинаковую военную технику, и вся масса служащаго люда составляла однородное войско, не уступавшее своими боевыми качествами лучшимъ европейскимъ войскамъ.

Результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи крайне энергичною. дѣятельностью Петра были блестящи: въ концѣ его царствованія русская регулярная армія состояла изъ 210.000 человѣкъ. Кромѣ того было около 100.000 казачьихъ войскъ. Во флотѣ числилось 48 линейныхъ кораблей, 787 галеръ и мелкихъ судовъ, и 28.000 человѣкъ.

IV. Мѣры для развитія народнаго хозяйства.

Заботы о народномъ хозяйствѣ въ дѣятельности Петра Великаго занимали очень видное мѣсто. Присутствіе такихъ заботъ мы замѣчаемъ и въ XVII в. И предшественники Петра были озабочены поднятіемъ экономическаго благосостоянія Руси, расшатаннаго смутою XVI—XVII в. в. Но до Петра не было достигнуто никакихъ результатовъ въ этомъ отношеніи. Государственные финансы, бывшіе для Московскаго правительства вѣрнымъ показателемъ народнаго благосостоянія, и до Петра и въ первое время его царствованія были въ неудовлетворительномъ положеніи. Петръ нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ. Забота о пополненіи государственной казны постояннымъ бременемъ лежала на немъ и привела Петра къ той мысли, что поднять финансы страны возможно только путемъ коренныхъ улучшеній народнаго хозяйства. Путь къ такимъ улучшеніямъ Петръ видѣлъ въ развитіи національной промышленности и торговли. Къ развитію торговли и промышленности онъ и направлялъ всю свою экономическую политику. Въ этомъ отношеніи онъ отдавалъ дань идеямъ своего вѣка, создавшимъ на Западѣ извѣстную меркантильно-покровительственную систему. Въ стремленіи Петра создать на Руси торговлю и промышленность и этимъ указать народу новый источникъ богатства,—въ этомъ стремленіи и заключалась новизна экономическихъ мѣръ Петра. До него въ XVII в. только немногія личности (Крижаничъ, Ордынъ-Нащекинъ), мечтали подъ вліяніемъ западно-европейской жизни, объ экономическихъ реформахъ на Руси. Само правительство, издавая новоторговый уставъ 1667 года высказывало мысль о важномъ значеніи торговли въ государственной жизни. Но сознанная потребность не повела за собою почти никакихъ практическихъ мѣръ къ ея удовлетворенію до времени преобразованій.

Трудно сказать, когда именно явилась у Петра мысль о необходимости развивать на Руси промышленно-торговую дѣятельность. Всего вѣроятнѣе, что онъ усвоилъ ее уже въ первое заграничное путешествіе. Уже въ 1699 г. онъ заботился о торговомъ и промышленномъ классѣ (Бурмистерскія Палаты), а въ замѣчательномъ манифестѣ 1702 г., которымъ Петръ вызывалъ въ Россію иностранцевъ, ясно выражена уже идея о громадномъ значеніи въ государственной жизни торговли и промышленности. Съ теченіемъ времени Петръ все опредѣленнѣе и энергичнѣе шелъ къ поставленной цѣли, сдѣлавъ ее одною изъ главныхъ задачъ своей внутренней дѣятельности. Мы видимъ рядъ многообразныхъ мѣръ преобразователя, направленныхъ къ развитію экономической жизни. Изложеніе ихъ заняло бы слишкомъ много времени. И мы ограничимся перечисленіемъ важнѣйшихъ изъ нихъ:

а) Петръ постоянно предпринималъ развѣдки съ цѣлью узнать лучше тѣ природныя богатства, которыми обладала Россія. При немъ было найдено много такихъ богатствъ: серебряныя и другія руды, вызвавшія развитіе горно-заводскаго промысла; селитра, торфъ, каменный уголь и т. д. Такъ Петръ создавалъ новые виды промышленно-торговаго труда,

б) Петръ всячески поощрялъ развитіе промышленности. Онъ вызывалъ иностранцевъ техниковъ, ставилъ ихъ въ превосходное положеніе въ Россіи, давалъ массу льготъ съ однимъ непремѣннымъ условіемъ: учить русскихъ своему производству. Онъ посылалъ русскихъ заграницу для изученія разныхъ отраслей западной промышленности. И дома, въ цехахъ, мастера должны были правильно обучать своихъ учениковъ. Пользу техническаго образованія и самой промышленности Петръ усиленно доказывалъ въ своихъ указахъ. Предпринимателямъ онъ давалъ всякія льготы, между прочимъ право владѣть землей и крестьянами. Иногда же правительство само являлось иниціаторомъ въ томъ или другомъ родѣ производства и, основавъ промышленное дѣло, сдавало его эксплоатацію частному лицу. Но, создавая льготное положеніе для промышленниковъ, Петръ надо всею промышленностью учредилъ строгій надзоръ и слѣдилъ, какъ за добросовѣстностью производства, такъ и затѣмъ, чтобы оно согласовалось съ видами правительства. Такой надзоръ нерѣдко переходилъ въ мелочную регламентацію производства (точно была опредѣлена, напримѣръ, обязательная ширина холста и суконъ) и клонился къ пользамъ промышленности. Результаты дѣятельности Петра въ отношеніи промышленности выразились въ томъ, что въ Россіи при Петрѣ основалось болѣе 200 фабрикъ и заводовъ и положено было начало многимъ отраслямъ производства, существующимъ и въ наши дни (горное дѣло и пр.).

в) Петръ поощрялъ всѣми мѣрами русскую торговлю. Какъ въ отношеніи къ промышленности, такъ и въ отношеніи къ торговлѣ Петръ держался покровительственной системы, стремясь развить торговлю на столько, чтобы вывозъ изъ Россіи товаровъ превышалъ ввозъ ихъ въ Россію. Какъ Петръ стремился путемъ указовъ объяснить подданнымъ пользу развитія промысловъ, такъ старался онъ возбудить на нихъ и торговую предпріимчивость. По выраженію одного

изслѣдователя при Петрѣ «престолъ часто обращался въ каѳедру», съ которой монархъ объяснялъ народу начала общественнаго прогресса. Такую же регламентацію, какая прилагалась къ промышленному дѣлу, Петръ прилагалъ и къ дѣлу торговли. Онъ настойчиво рекомендовалъ торгующему люду составлять торговыя компаніи, на манеръ западно-европейскихъ. Построивъ Петербургъ, онъ искусственно отвлекалъ товары отъ Архангельскаго порта къ Петербургскому. Заботясь о томъ, чтобы русскіе купцы сами торговали заграницей, Петръ стремится завести русскій торговый флотъ. Не надѣясь на скорые торговые успѣхи малочисленнаго городского сословія, представлявшагося Петру «разсыпанной храминой» Петръ привлекаетъ къ торговлѣ и прочіе классы населенія. Онъ доказываетъ, что и дворянину можно безъ позора заниматься торговыми и промышленными дѣлами. Понимая значеніе путей сообщенія для торговли, Петръ спѣшилъ соединить свою новую гавань Петербургъ съ центромъ государства водными путями, устроилъ (въ 1711 г.) Вышневолоцкій каналъ а послѣ Ладожскій.

Однако, Петръ не дождался результатовъ своей торговой политики. Оживилась внутренняя торговля, устроились кое какія внутреннія торговыя компаніи, явился даже русскій купецъ (Соловьевъ), торговавшій въ Амстердамѣ; но въ общемъ дѣло внѣшней русской торговли не измѣнилось замѣтно, и русскій вывозъ оставался преимущественно въ рукахъ иноземцевъ. Не было замѣтныхъ успѣховъ и въ торговлѣ съ востокомъ, которая очень занимала Петра. Однако при отсутствіи рѣзкихъ измѣненій въ торговой жизни Руси, оживленіе торговли произошло уже на глазахъ Петра и онъ до конца не бросалъ своихъ надеждъ.

Но заботясь объ увеличеніи народнаго благосостоянія, Петръ не могъ выжидать пока улучшеніе народнаго хозяйства естественнымъ путемъ увеличитъ государственные доходы. Война требовала большихъ средствъ. Потребности государственной казны становились, такимъ образомъ, въ коллизію съ интересами народнаго хозяйства. Петръ противъ желанія былъ вынужденъ увеличивать доходы казны и болѣе эксплоатировать платежныя силы народа, создавая новые налоги и строже взыскивая старыя подати. Поэтому, при постоянныхъ заботахъ Петра объ увеличеніи народнаго благосостоянія экономическое положеніе народа очень терпѣло отъ финансовыхъ мѣръ правительства. По мнѣнію податного народа, при Петрѣ стало тяжелѣе жить: «тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы». И по соображеніямъ изслѣдователей при Петрѣ подати были увеличены значительно. Къ увеличенію податныхъ тягостей присоединились злоупотребленія администраціи, взимавшей подати. Хотя Петръ страшно каралъ за эти злоупотребленія, однако совсѣмъ прекратить ихъ не могъ. Народъ отъ государственныхъ тяготъ или уходилъ въ казаки, или брелъ въ предѣлы Польши, и побѣги при Петрѣ приняли большіе размѣры.

Но государственные доходы Петру все таки удалось значительно увеличить. Это было достигнуто путемъ увеличенія косвенныхъ налоговъ и реформы прямой подати. Что касается до косвенныхъ нало-

говъ, то Петръ нетолько не уменьшилъ старыхъ платежей, но нашелъ еще и новые предметы обложенія. Послѣ 1700 г. соляные промыслы, пчельники, рыбныя ловли, мельницы—стали оброчными статьями государственной казны. Система казенныхъ монополій (напр. питейной и табачной) процвѣтала при Петрѣ и была связана съ системой откуповъ. Нуждаясь въ средствахъ, Петръ изобрѣталъ иногда странные съ нашей точки зрѣнія, налоги: пошлиной были обложены бороды тѣхъ лицъ, которые не желали бриться; пошлины брали съ бань, очень высокую цѣну брали за дубовые гробы, продажа которыхъ стала казенной монополіей; раскольники должны были нести двойной податной окладъ. Такимъ образомъ, нетолько реальныя потребности, но и предметы нравственнаго міра стали источникомъ казеннаго дохода. При Петрѣ была создана особенная должность «прибыльщиковъ», на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ въ казну доходовъ и изысканіе новыхъ предметовъ обложенія (изъ такихъ прибыльщиковъ особенно замѣтенъ Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, придумавшій гербовую бумагу). Въ 1710 г. у Петра явилась мысль даже объ общемъ и постоянномъ подоходномъ налогѣ, не приведенная однако въ дѣло. И безъ того косвенные налоги при Петрѣ, насколько можно судить по нѣкоторымъ извѣстіямъ, составляли большую часть доходовъ государства.

Другую половину (около 5-ти милліоновъ рублей) доставляла прямая подушная подать. Ея установленіе мы уже разсмотрѣли. Въ первую податную ревизію было записано около 6,000,000 душъ. Изъ нихъ каждый помѣщичій крестьянинъ платилъ 70 к. въ годъ, крестьянинъ государственный—114 к., горожанинъ 120 к. По разсчету (который можно произвести лишь приблизительно) подушная подать была гораздо тяжелѣе прежнихъ подворныхъ и поземельныхъ податей и давала правительству гораздо большую, сравнительно со сборами XVII в., сумму.

Благодаря своимъ финансовымъ мѣрамъ Петръ увеличилъ значительно сумму государственнаго дохода. Въ 1710 г. казна получила 3,134,000 р., а по исчисленію же 1722 г. доходы возросли до 7,859,000 р., а по исчисленію 1725 г.—до 10,186,000 р. Громадные дефициты первыхъ лѣтъ XVII в. уменьшились къ концу царствованія Петра, хотя и на склонѣ своихъ лѣтъ Петръ не переставалъ нуждаться въ деньгахъ.

И такъ экономическая и финансовая политика Петра привела къ различнымъ результатамъ. Руководимый мыслью улучшить обстановку и расширить сферу дѣятельности народнаго труда, Петръ былъ поставленъ въ трудное положеніе: финансовые интересы страны прямо противорѣчили экономическимъ потребностямъ населенія. Стараясь поднять экономическое благосостояніе народа, Петръ въ то же время былъ вынужденъ сильно эксплоатировать его платежную способность. Военныя и другія нужды государства требовали немедленнаго удовлетворенія, немедленныхъ и усиленныхъ сборовъ, а экономическое положеніе народа можно было поднять лишь продолжительными усиліями. Вотъ почему Петръ добился болѣе осязательнаго результата въ томъ, что требовало скораго разрѣшенія, въ финансахъ; между

тѣмъ какъ въ дѣлѣ экономическихъ реформъ онъ успѣлъ посѣять только сѣмена плодотворныхъ начинаній и почти не видѣлъ ихъ всходовъ; напротивъ чувствовалъ, что его финансовыя мѣры иногда еще болѣе разстраиваютъ то самое народное хозяйство, процвѣтанія котораго онъ искренно и сильно желалъ.

При всѣхъ неудачахъ въ этой сферѣ, Петръ сдѣлалъ однако большой шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками: въ XVII в только смутно чувствовали необходимость экономической реформы и лишь немногіе люди сознавали по какому пути она должна идти. Петръ сдѣлалъ эту реформу одной изъ главныхъ задачъ правительственной дѣятельности, ясно поставилъ вопросъ и указалъ гдѣ и какъ надо искать его разрѣшенія. Въ этомъ его большая заслуга.

V. Мѣры относительно церковнаго управленія.

Эпоха Петра Великаго въ жизни русской церкви полна историческимъ содержаніемъ. Во 1—уяснилось и приняло новыя формы, какъ отношеніе церкви къ государству, такъ и церковное управленіе. Во 2—внутренняя церковная жизнь была отмѣчена борьбою богословскихъ взглядовъ (напр., знакомый намъ споръ о пресуществленіи между великорусскимъ и малорусскимъ духовенствомъ и другія разногласія). Въ 3—оживилась литературная дѣятельность представителей церкви. Въ своемъ изложеніи мы коснемся только перваго изъ указанныхъ пунктовъ, потому что второй имѣетъ спеціальный церковно-историческій интересъ, а третій разсматривается въ исторіи литературы.

Разсмотримъ сперва тѣ мѣры Петра, которыми устанавливались отношенія церкви къ государству и общій порядокъ церковнаго управленія; затѣмъ перейдемъ къ частнымъ мѣрамъ относительно церковныхъ дѣлъ и духовенства.

А. Отношеніе церкви къ государству до Петра въ Московскомъ государствѣ не было точно опредѣлено, хотя на церковномъ соборѣ 1666—67 г. и было принципіально признано главенство свѣтской власти и отрицалось право іерарховъ мѣшаться въ свѣтскія дѣла. Московскій государь считался верховнымъ покровителемъ церкви и принималъ активное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Но и церковныя власти призывались къ участію въ государственномъ управленіи и вліяли на него. Борьбы церковной и свѣтской властей, знакомой западу, Русь не знала (не было ее, строго говоря, и при Никонѣ). Громадный нравственный авторитетъ патріарховъ Московскихъ не стремился замѣнить собою авторитетъ государственной власти и если раздавался со стороны русскаго іерарха голосъ протеста, (напримѣръ. митрополита Филиппа противъ Іоанна IV), то онъ не сходилъ никогда съ нравственной почвы.

Петръ выросъ не подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ богословской науки и не въ такой благочестивой обстановкѣ, какъ росли его братья и сестры. Съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни онъ сошелся съ «еретиками нѣмцами» и, хотя остался православнымъ, по убѣжденіямъ, человѣкомъ, однако свободнѣе относился ко многимъ обрядностямъ, чѣмъ обыкновенные Московскіе люди, и казался зара-

женнымъ «ересью» въ глазахъ старозавѣтныхъ ревнителей благочестія. Можно съ увѣренностью сказать, что Петръ и отъ своей матери и отъ консервативнаго патріарха Іоакима (1690) не разъ встрѣчалъ осужденіе за свои привычки и знакомство съ еретиками. При патріархѣ Адріанѣ (1690 — 1700), слабомъ и несмѣломъ человѣкѣ, Петръ встрѣтилъ не болѣе сочувствія своимъ новшествамъ: вслѣдъ за Іоакимомъ и Адріанъ запрещалъ брадобритіе, а Петръ думалъ сдѣлать его обязательнымъ. При первыхъ рѣшительныхъ нововведеніяхъ Петра, всѣ протестующіе противъ нихъ, видя въ нихъ ересь, искали нравственной опоры въ авторитетѣ церкви и негодовали на Адріана, который малодушно молчалъ по ихъ мнѣнію тогда, когда бы слѣдовало стать за правовѣріе. Адріанъ дѣйствительно, не мѣшалъ Петру и молчалъ, но онъ не сочувствовалъ реформамъ и его молчаніе въ сущности было пассивной формой оппозиціи. И слабый по личности патріархъ становился этимъ не удобенъ для Петра, какъ центръ, объединяющее начало всѣхъ протестовъ, какъ естественный представитель не только церковнаго, но и общественнаго консерватизма. А патріархъ, крѣпкій волею и духомъ могъ бы явиться могучимъ противникомъ Петра, если бы сталъ на сторону консервативнаго Московскаго міровоззрѣнія, осуждавшаго на неподвижность всю общественную жизнь.

Понимая эту опасность, Петръ послѣ смерти Адріана не спѣшилъ избраніемъ новаго патріарха, а «мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола» назначилъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, ученаго малоросса. Управленіе же патріаршимъ хозяйствомъ перешло въ руки особо назначенныхъ свѣтскихъ лицъ. Нѣтъ нужды предполагать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что уже тотчасъ послѣ смерти Адріана Петръ рѣшился упразднить патріаршество. Вѣрнѣе думать, что Петръ просто не зналъ, что дѣлать съ избраніемъ патріарха. Къ великорусскому духовенству Петръ относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, потому что много разъ убѣждался, какъ сильно несочувствуетъ оно реформамъ. Даже лучшіе представители древней русской іерархіи, которые съумѣли понять всю національность внѣшней политики Петра и помогали ему какъ могли (Митрофаній Воронежскій, Тихонъ Казанскій, Іовъ Новгородскій),—и тѣ были противъ культурныхъ новшествъ Петра. Выбрать патріарха изъ среды великорусскихъ іерарховъ, для Петра значило создать себѣ грознаго противника. Малорусское духовенство держало себя иначе: оно само подвергалось вліянію западной культуры и науки и сочувствовало новшествамъ Петра. Но поставить малоросса патріархомъ было невозможно потому, что во время патріарха Іоакима малорусскіе богословы были скомпрометированы въ глазахъ Московскаго общества, какъ люди съ латинскими заблужденіями; за это на нихъ было воздвигнуто даже гоненіе. Возведеніе малоросса на патріаршій престолъ повело бы, поэтому, къ общему соблазну. Въ такихъ обстоятельствахъ Петръ и рѣшилъ остаться безъ патріарха.

Установился временно такой порядокъ церковнаго управленія: во главѣ церковной администраціи стояли: мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и особое учрежденіе—Монастырскій Приказъ съ свѣтскими

лицами во главѣ; верховнымъ авторитетомъ въ дѣлахъ религіи признавался соборъ іерарховъ; самъ Петръ, какъ и прежніе государи, былъ покровителемъ церкви и принималъ живое участіе въ ея управленіи. Это участіе Петра привело къ тому, что въ церковной жизни важную роль стали играть архіереи малороссы, прежде гонимые, не смотря на протесты и на Руси и на православномъ Востокѣ. Петръ постоянно выдвигалъ на архіерейскія каѳедры малорусскихъ ученыхъ монаховъ. Великорусское малообразованное и враждебное реформѣ духовенство не могло явиться помощникомъ Петру, тогда какъ малороссіяне, имѣвшіе болѣе широкій умственный кругозоръ и выросшіе въ странѣ, гдѣ православіе вынуждено было на дѣятельную борьбу съ католицизмомъ, воспитали въ себѣ лучшее пониманіе задачъ духовенства и привычку къ широкой дѣятельности. Въ своихъ епархіяхъ они не сидѣли сложа руки, а обращали въ православіе инородцевъ, дѣйствовали противъ раскола, заводили школы, заботились о бытѣ и нравственности духовенства, находили время и для литературной дѣятельности. Понятно, что они болѣе отвѣчали желаніямъ преобразователя и Петръ цѣнилъ ихъ болѣе, чѣмъ тѣхъ духовныхъ великоруссовъ, узкіе взгляды которыхъ часто становились ему на дорогѣ. Можно привести длинный рядъ именъ малороссовъ архіереевъ, занявшихъ видныя мѣста въ русской іерархіи. Но особенно замѣчательны изъ нихъ помянутый выше Стефанъ Яворскій, св. Дмитрій, митрополитъ Ростовскій и, наконецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, при Петрѣ— епископъ Псковскій, впослѣдствіи архіепископъ Новгородскій. Это былъ очень способный, живой и энергичный человѣкъ, склонный къ практической дѣятельности гораздо болѣе, чѣмъ къ отвлеченной наукѣ, однако все же образованный и изучившій богословскую науку не только въ Кіевской Академіи, но и въ католическихъ коллегіяхъ Львова, Кракова и даже Рима. Схоластическое богословіе католическихъ школъ не повліяло на живой умъ Ѳеофана, напротивъ, поселило въ нёмъ непріязнь къ схоластикѣ и католичеству. Не получая удовлетворенія въ православной богословской наукѣ, тогда еще плохо разработанной, Ѳеофанъ отъ католическихъ доктринъ обратился къ изученію протестанскаго богословія и, увлекаясь имъ, усвоилъ нѣкоторыя протестантскія воззрѣнія, хотя былъ православнымъ монахомъ. Эта наклонность къ протестантскому міровоззрѣнію съ одной стороны отразилось на богословскихъ трактатахъ Ѳеофана, а съ другой стороны помогла ему сблизится съ Петромъ въ воззрѣніяхъ на реформу. Царь, воспитавшійся на протестантской культурѣ, и монахъ, закончившій свое образованіе на протестантскомъ богословіи, прекрасно поняли другъ друга. Познакомившись съ Ѳеоѳаномъ въ Кіевѣ, въ 1706 г., Петръ въ 1716 вызвалъ его въ Петербургъ, сдѣлалъ его своею правою рукой, въ дѣлѣ церковнаго управленія, и защищалъ отъ всѣхъ нападковъ со стороны прочаго духовенства, замѣтившаго въ любимцѣ Петра протестантскій духъ. Ѳеофанъ же въ своихъ знаменитыхъ проповѣдяхъ явился истолкователемъ и апологетомъ реформъ Петра, а въ своей практической дѣятельности былъ искреннимъ и способнымъ его помощникомъ.

Ѳеоѳану и принадлежитъ разработка и можетъ быть даже и инициатива новаго плана церковнаго управленія, на которомъ остановился Петръ. Болѣе двадцати лѣтъ (1700—1721) продолжался тотъ странный порядокъ, при которомъ русская церковь управлялась безъ патріарха. Наконецъ 14 Февраля 1721 г. совершилось открытіе «Святѣйшаго Правительствующаго Синода». Эта духовная коллегія замѣнила собой навсегда патріаршую власть. Въ руководство ея былъ данъ духовный Регламентъ, составленный Ѳеоѳаномъ и редактированный самимъ Петромъ. Въ Регламентѣ откровенно указывалось на несовершенство единиоличнаго управленія патріарха и на политическія неудобства, проистекающія отъ преувеличенія авторитета патріаршей власти въ дѣлахъ государственныхъ. Коллегіальная форма церковнаго управленія рекомендовалась какъ наилучшая во всѣхъ отношеніяхъ. Составъ синода по Регламенту опредѣляется такъ: президентъ (Ѳеоѳанъ Прокоповичъ и Ѳеодосій Яновскій), четыре совѣтника и четыре ассесора (въ число ихъ входили представители и чернаго и бѣлаго духовенства). Замѣтимъ, что составъ синода былъ аналогиченъ съ составомъ свѣтскихъ коллегій. Лица, состоявшіе при Синодѣ, были таковы же, какъ и при коллегіяхъ: представителемъ особы государя въ синодѣ былъ оберъ-прокуроръ, при синодѣ было и цѣлое вѣдомство фискаловъ или инквизиторовъ. Внѣшняя организація синода была, словомъ, взята съ общаго типа организаціи коллегій.

Говоря о положеніи синода въ государствѣ, слѣдуетъ строго различать роль синода въ сферѣ церкви отъ роли его въ общей системѣ государственнаго управленія. Значеніе синода въ церковной жизни ясно опредѣляетъ его Регламентъ: по выраженію котораго синодъ имѣетъ «силу и власть патріаршескую». Всѣ сферы вѣдѣнія и вся полнота церковной власти патріарха присущи синоду. Ему передана и епархія патріарха, бывшая подъ его личнымъ управленіемъ. Этой епархіей синодъ управлялъ черезъ особую коллегію, получившую названіе династеріи или консисторіи. (По образцу этой консисторіи были постепенно устроены консисторіи и въ епархіяхъ всѣхъ архіереевъ). Такъ, въ церковныхъ дѣлахъ синодъ вполнѣ замѣнилъ патріарха.

Но въ сферѣ государственнаго управленія синодъ не вполнѣ наслѣдовалъ патріаршій авторитетъ. О значеніи синода въ общемъ составѣ администраціи при Петрѣ существуютъ у насъ разнообразныя мнѣнія. Одни полагаютъ, что «синодъ во всемъ былъ сравненъ съ сенатомъ и наряду съ нимъ непосредственно подчиненъ государю» (такого мнѣнія держится, напримѣръ, П. Знаменскій въ своемъ руководствѣ къ Русской Церковной Исторіи). Другіе же думаютъ, что при Петрѣ, на практикѣ, государственное значеніе синода стояло ниже значенія сената. Хотя синодъ и стремился стать независимо отъ сената, однако послѣдній, разсматривая синодъ какъ обыкновенную коллегію по духовнымъ дѣламъ, считалъ его себѣ подчиненнымъ. Такой взглядъ сената оправдывался общей мыслью преобразователя, положенной въ основу церковной реформы,—съ учрежденіемъ синода церковь становилась въ зависимость не отъ лица государя, какъ прежде, а

отъ государства; управленіе ею было введено въ общій административный порядокъ и сенатъ, управлявшій дѣлами церкви до учрежденія синода, могъ считать себя высшимъ по отношенію къ синоду, какъ верховный административный органъ въ государствѣ. (Такой взглядъ высказанъ въ одной изъ политическихъ статей Владимірскаго-Буданова). При отсутствіи у насъ солидныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, трудно рѣшить какое мнѣніе справедливѣе. Ясно одно, что политическое значеніе синода никогда не поднималось такъ высоко, какъ высоко стоялъ авторитетъ патріарховъ.

Такъ, учрежденіемъ Синода, Петръ вышелъ изъ того затрудненія, въ какомъ стоялъ много лѣтъ. Его церковно-административная реформа сохранила въ русской церкви авторитетную власть, но лишила эту власть того политическаго вліянія, съ какимъ могли дѣйствовать патріархи. Вопросъ объ отношеніи церкви и государства былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго и восточные іерархи признали вполнѣ законною смѣну патріарха Синодомъ. Но эти же восточные греческіе іерархи при царѣ Алексѣѣ уже рѣшили въ принципѣ тотъ же вопросъ и въ томъ же направленіи. Поэтому церковныя преобразованія Петра, являясь рѣзкою новинкой по своей формѣ, были построены на старомъ принципѣ, завѣщанномъ Петру Московской Русью. И здѣсь, какъ въ другихъ реформахъ Петра, мы встрѣчаемся съ непрерываемостью историческихъ традицій.

Б. Что касается до частныхъ мѣропріятій по дѣламъ церкви и вѣры въ эпоху Петра, то мы можемъ лишь кратко упомянуть о главнѣйшихъ изъ нихъ, именно: о церковномъ судѣ и землевладѣніи, о духовенствѣ черномъ и бѣломъ, объ отношеніи правительства къ иновѣрцамъ и расколу.

Церковная юрисдикція была при Петрѣ очень ограничена: масса дѣлъ отъ церковныхъ судовъ отошла въ суды свѣтскіе (даже судъ о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви не могъ быть безъ участія свѣтской власти). Для суда надъ церковными людьми, по искамъ отъ свѣтскихъ лицъ, былъ учрежденъ между прочимъ, въ 1701 г. Монастырскій Приказъ съ свѣтскими судьями. Въ такомъ ограниченіи судебной функціи духовенства можно видѣть тѣсную связь съ мѣропріятіями Уложенія 1649 г. въ которыхъ сказалась та же тенденція.

Такую же тѣсную связь съ древней Русью можно видѣть и въ мѣрахъ Петра относительно недвижимыхъ церковныхъ имуществъ. Земельныя вотчины духовенства при Петрѣ сперва подверглись строгому контролю государственной власти, затѣмъ были изъяты изъ хозяйственнаго вѣдѣнія духовенства. Управленіе ими было передано Монастырскому Приказу, онѣ обратились какъ бы въ государственное имущество, часть доходовъ съ котораго шла на содержаніе монастырей и владыкъ. Такъ пробовалъ Петръ разрѣшить вѣковой вопросъ о земельныхъ владѣніяхъ духовенства на Руси. На рубежѣ XV и XVI вв право монастырей владѣть вотчинами отрицалось частью самаго монашества (Нилъ Сорскій); къ концу XVII в. само правительство обратило вниманіе на быстрое отчужденіе земель изъ рукъ служилыхъ людей въ руки духовенства и стремилось, если не вовсе прекратить, то

ограничить это отчужденіе. Въ XVII в. земскія челобитья настойчиво указывали на вредъ такого отчужденія для государства и дворянскаго класса: государство теряло земли и повинности съ нихъ; дворяне становились безземельны. Въ 1649 г. въ Уложеніи явился наконецъ законъ, запрещавшій духовенству дальнѣйшее пріобрѣтеніе земель. Но Уложеніе еще не рѣшилось возвратить государству тѣ земли, которыми владѣло духовенство. На это рѣшился Петръ.

Заботясь о поднятіи нравственности и благосостоянія въ средѣ духовенства, Петръ съ особымъ вниманіемъ относился къ быту бѣлаго духовенства бѣднаго и малообразованнаго, «ничѣмъ отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣннаго», по выраженію современника. Рядомъ указовъ Петръ старался очистить среду духовенства тѣмъ, что насильно отвлекалъ лишнихъ его членовъ къ другимъ сословіямъ и занятіямъ и преслѣдовалъ дурные его элементы (бродячее духовенство). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ старался лучше обезпечить приходское духовенство уменьшеніемъ числа и увеличеніемъ района прихода. Нравственность духовенства онъ думалъ поднять образованіемъ и строгимъ контролемъ. Однако всѣ эти мѣры не дали большихъ результатовъ.

Къ Монашеству Петръ относился нетолько съ меньшей заботой, но даже съ нѣкоторой враждой. Она исходила изъ того убѣжденія Петра, что монахи были одной изъ причинъ народнаго недовольства противъ реформы и стояли въ оппозиціи. Человѣкъ съ практическимъ направленіемъ, Петръ плохо понималъ смыслъ современнаго ему монашества и думалъ, что въ монахи большинство идетъ «отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть». Не работая монахи, по мнѣнію Петра, «поѣдаютъ чужіе труды» и въ бездѣйствіи плодятъ ереси и суевѣрія и занимаются не своимъ дѣломъ: возбуждаютъ народъ противъ новшества. При такомъ взглядѣ Петра понятно стремленіе его къ сокращенію числа монастырей и монаховъ, къ строгому контролю надъ ними и ограниченію ихъ правъ и льготъ. У монастырей были отняты ихъ поземельные доходы, число монаховъ было ограничено штатами, не только бродяжничество, но и переходъ изъ одного монастыря въ другой запрещался, личность каждаго монаха была поставлена подъ строгій контроль настоятелей; занятія въ кельяхъ письмомъ запрещены, общеніе монаховъ съ мірянами затруднено. Въ концѣ царствованія Петръ высказывалъ свой взглядъ на общественное значеніе монастырей въ «объявленіи» о монашествѣ (1724). По этому взгляду, монастыри должны имѣть назначеніе благотворительное (въ монастыри и помѣщались на призрѣніе нищіе, больные, инвалиды и раненые), а кромѣ того, монастыри должны были служить къ приготовленію людей къ высшимъ духовнымъ должностямъ и для пріюта людямъ, которые склонны къ благочестивой созерцательной жизни. Всей своей дѣятельностью относительно монастырей Петръ и стремился поставить ихъ въ соотвѣтствіе съ указанными цѣлями.

Въ эпоху Петра отношеніе правительства и церкви къ иновѣрцамъ стало мягче, чѣмъ было въ XVII в. Къ западно-европейцамъ относились съ нетерпимостью. Но и при Петрѣ къ протестантамъ благоволили

болѣе, чѣмъ къ католикамъ. Отношеніе Петра къ послѣднимъ обусловливалось не одними религіозными мотивами, но и политическими: на притѣсненія православныхъ въ Польшѣ Петръ отвѣчалъ угрозами воздвигнуть гоненіе на католиковъ. Но въ 1721 г. синодъ издалъ важное постановленіе о допущеніи браковъ православныхъ съ неправославными и съ протестантами и католиками одинаково.

Политическими мотивами руководился отчасти Петръ и по отношенію къ русскому расколу. Пока онъ видѣлъ въ расколѣ исключительно религіозную секту, онъ относился къ нему довольно мягко: не трогая вѣрованій раскольниковъ, хотя съ 1714 г. и велѣлъ съ нихъ брать двойной подушный окладъ. Но когда онъ увидѣлъ, что религіозный консерватизмъ раскольниковъ ведетъ къ консерватизму гражданскому, и что раскольники являются рѣзкими противниками его гражданской дѣятельности, тогда Петръ измѣнилъ свое отношеніе къ расколу. Во вторую половину царствованія Петра репрессіи шли рядомъ съ вѣротерпимостью: раскольниковъ преслѣдовали какъ гражданскихъ противниковъ господствующей церкви, въ концѣ же царствованія и религіозная терпимость какъ будто бы уменьшилась, послѣдовало ограниченіе гражданскихъ правъ всѣхъ безъ исключенія раскольниковъ, замѣшанныхъ и не замѣшанныхъ въ политическія дѣла. Въ 1722 г. раскольникамъ данъ былъ даже особый нарядъ, въ особенностяхъ котораго видна была какъ бы насмѣшка надъ расколомъ.

Отношеніе народа къ дѣятельности Петра.

Мы окончили нашъ обзоръ преобразовательной дѣятельности Петра. Она касалась всѣхъ сторонъ общественной жизни и всѣхъ классовъ Московскаго общества. Поэтому люди всѣхъ направленій и положеній почувствовали одинаково реформу Петра и задѣтые ею такъ или иначе, высказывали свое отношеніе и въ преобразованію и къ преобразователю. Отношеніе это было разнообразно. Не всѣ понимали къ чему стремился Петръ, не всѣ могли сознательно отнестись къ преобразованіямъ. Массѣ реформы казались страннымъ, ненужнымъ и непонятнымъ дѣломъ. Народъ не могъ уловить въ дѣятельности Петра исторической традиціи, какую ловимъ теперь мы, и поэтому считалъ реформу ненаціональной и приписывалъ ее личному капризу своего царя. Однако много отдѣльныхъ лицъ, нетолько изъ высшихъ слоевъ общества, но и изъ народной массы умѣли сочувствовать Петру вполнѣ или отчасти. Эти люди являлись дѣятельными сотрудниками государя и апологетами его преобразованій. Такъ, въ эпоху Петра образовалось въ его государствѣ двѣ стороны людей: противниковъ и сторонниковъ реформы. Посмотримъ на тѣхъ и на другихъ.

Противниковъ реформы мы уже отмѣтили когда говорили о первыхъ шагахъ преобразованій, въ 1698 г. стрѣлецкій розыскъ и рѣзкія нововведенія Петра, по возвращеніи изъ заграницы, сразу возбудили вниманіе народа, который былъ удивленъ и жестокостью государя и его нѣмецкими еретическими замашками. Въ обществѣ пошли оживленные толки, о которыхъ мы знаемъ довольно изъ дѣлъ Тайнаго Приказа, (Преображенскаго) занимавшагося слѣдствіями политическаго

характера. И въ Москвѣ и въ областяхъ роптали на Петра за то, что «бороды брѣетъ и съ нѣмцами водится и вѣра стала нѣмецкая». По мнѣнію многихъ Петръ обусурманился «ожидовился;» за близость къ нѣмцамъ и расположеніе Петра къ дѣвицѣ Монсъ, знакомой ему черезъ Лефорта, въ народѣ звали Петра «Лефортовымъ зятемъ». Соображая «чего ждать отъ басурмана», не удивлялись, что Петръ оказался жестокимъ въ стрѣлецкомъ розыскѣ. Однако проявленіе этой жестокости поражало народное воображеніе, даже бабы разсказывали между собой, что «котораго дня государь и князь Романовскій крови изопьетъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся». Позже, когда съ началомъ шведской войны очень усилились подати и повинности, происходили частые рекрутскіе наборы и служба дворянъ стала тяжелой, это напряженіе государственныхъ силъ объясняли не политическими потребностями, а личнымъ капризомъ и жестокостью Петра. Ему желали смерти, потому что думали: «какъ бы Петра убили, такъ бы и служба минула и черни бы легче было». Но Петръ жилъ и требовалъ отъ народа усиленнаго труда. Непривыкшіе къ такому труду съ отчаяніемъ восклицали: «Міроѣдъ, весь міръ поѣлъ. На него, кутилку, переводу нѣтъ, только переводитъ добрыя головы». Петръ казался врагомъ, «онъ дворянъ всѣхъ выволокъ на службу, крестьянъ раззорилъ съ домами», побралъ ихъ въ солдаты, а женъ ихъ «осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ». «Если онъ долго станетъ жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ»—говорили въ народѣ.

Такимъ образомъ и личность Петра и его культурные вкусы и политическая дѣятельность были непоняты массой и возбуждали неудовольствіе. Не понимая происходящаго всѣ недовольные съ недоумѣніемъ ставили себѣ вопросъ о Петрѣ: «какой онъ царь?» и не находили сразу отвѣта. Поведеніе Петра, для массы загадочное, ничѣмъ не похожее на старый традиціонный чинъ жизни Московскихъ государей, приводило къ другому вопросу: «никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ?» И многіе на это рѣшались утверждать о Петрѣ что «это не государь, что нынѣ владѣетъ». Дойдя доэтой страшной догадки, народная фантазія принялась усиленно работать, чтобы отвѣтить себѣ кто же такой Петръ, или тотъ, «кто нынѣ владѣетъ?».

Уже въ первые годы XVIII в. появилось нѣсколько отвѣтовъ. Заграничная поѣздка Петра дала предлогъ къ одному отвѣту, «нѣмецкія» привычки Петра создали другой. На почвѣ религіознаго консерватизма выросъ третій отвѣтъ, столько же легендарный, сколько и первые два. Во 1) стали разсказывать, что Петръ во время поѣздки заграницу былъ плѣненъ въ Швеціи и тамъ «закладенъ въ столбъ», а на Русь выпущенъ вмѣсто него царствовать нѣмчипъ, который и владѣетъ царствомъ. Варіантами къ этой легендѣ служили разсказы о томъ, что Петръ въ Швеціи не закладенъ въ столбъ, а посаженъ въ бочку и пущенъ въ море. Существовалъ разсказъ и такой, что въ бочкѣ погибъ за Петра вѣрный стрѣлецъ, а Петръ живъ, скоро вернется на Русь и прогонитъ самозванца-нѣмчина. Во 2) ходила въ народѣ легенда о томъ, будто Петръ родился отъ «нѣмки беззаконной; онъ замѣненный. И какъ

царица Наталья Кириловна стала отходить сего свѣта, и въ то число говорила: ты, де, не сынъ мой, замѣненный». На чемъ основалось такое объясненіе происхожденія Петра высказывали наивно сами разскащики легенды: «велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ нѣмки». Въ 3), наконецъ, въ средѣ, кажется раскольничьей, выросло убѣжденіе, что Петръ антихристъ, потому что гонитъ православіе «разрушаетъ вѣру христіанскую». Получивъ широкое распространеніе въ темной массѣ народа, всѣ эти легенды спутывались и варіировались безъ конца и соединялись въ одно опредѣленіе Петра: «онъ не государь-латышъ: поста никакого не имѣетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы».

Но недовольство народа не переходило въ общее открытое сопротивленіе Петру. Народъ правда уходилъ отъ тяжестей государственной жизни цѣлыми массами, въ казаки, въ Сибирь, даже въ Польшу. Однако обаяніе грозной личности Петра, отсутствіе самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, наконецъ отсутствіе единодушнаго отношенія къ Петру и реформѣ привели къ тому, что противъ реформъ Петра были лишь отдѣльныя мѣстныя вспышки. Въ 1705 г. произошелъ бунтъ въ Астрахани, не имѣвшій, ни твердой организаціи, ни ясно сознанной цѣли. Бунтовщики объявили, что встали за вѣру, но не противъ Петра, а противъ бояръ, воеводъ и нѣмцевъ, утѣснителей и вѣры и народа. Предъ бунтомъ въ Астрахани ходили самые нелѣпые слухи о положеніи дѣлъ въ государствѣ: такъ, Астраханцы спѣшили выдать замужъ дочерей, боясь, что будутъ присланы обывательные женихи-нѣмцы изъ Казани. Бунтъ былъ подавленъ въ 1706 г. Въ 1707 г. вспыхнулъ одинъ бунтъ среди инородцевъ (башкиръ) и другой на Дону у казаковъ подъ предводительствомъ атамана Булавина. Казачье движеніе было очень серьезно и обхватило обширный районъ: казаки штурмовали неудачно Азовъ и приближались къ Тамбову. Направлялось неудовольствіе казаковъ противъ той государственной опеки, которой съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе, подпадали прежде вольныя казачьи общины. При Петрѣ правительственный контроль надъ казаками былъ сразу усиленъ: Петръ потребовалъ отъ нихъ всѣхъ бѣжавшихъ на Донъ въ недавніе года возвратить обратно въ государство, кромѣ того запретилъ казакамъ заводить новыя поселенія (городки) безъ его указа. Когда же казаки не исполнили этихъ требованій, Петръ для ихъ исполненія отправилъ на Донъ вооруженную силу. Не знавшіе прежде такого крутого отношенія со стороны Москвы, казаки возстали противъ государства за свою отжившую вольность, но были усмирены. Булавинъ кончилъ самоубійствомъ, бунтовщики сильно поплатились и весь Донъ былъ раззоренъ. Петръ, очень серьезно посмотрѣвшій на казачій бунтъ, не отступилъ передъ строгой репрессіей и не ослабилъ правительственнаго контроля надъ казачествомъ.

Этими явленіями и ограничился протестъ населенія противъ новшествъ Петра. Намъ этотъ протестъ, и активный и пассивный, можетъ показаться ничтожнымъ; но Петръ всю свою жизнь прожилъ подъ давленіемъ несочувствія къ нему и къ его завѣтнымъ стремленіямъ со стороны мало-развитого общества.

Сторонники и сотрудники Петра являлись, безъ сомнѣнія, меньшинствомъ въ русскомъ обществѣ. Но воспитанные въ школѣ Петра и поставленные имъ у власти, они прониклись взглядами своего воспитателя и послѣ его смерти не дали государству уклониться на путь реакціи. Стремленіе къ реакціи было сильно въ обществѣ и при Петрѣ. Послѣ него оно могло высказаться свободнѣе, могло надѣяться на успѣхъ. Побѣда надъ нимъ принадлежитъ «птенцамъ» Петра и въ этомъ ихъ крупное историческое значеніе. Но птенцы Петра отличаются такимъ разнообразіемъ происхожденія, характеровъ, способностей и дѣятельности, что дать ихъ общую характеристику—нѣтъ возможности. У нихъ есть, пожалуй, единственная общая черта—практическій характеръ воспитанія и дѣятельности. Поэтому ихъ можно назвать школою практическихъ дѣльцевъ, но характеризовать эту школу, по ея дѣятельности и направленію, трудно. Въ нашемъ обзорѣ мы можемъ лишь назвать виднѣйшихъ помощниковъ преобразователя.

Съ нѣкоторыми мы уже встрѣчались въ предшествующемъ изложеніи напр., съ Александромъ Даниловичемъ Меньшиковымъ. Онъ былъ весьма низкаго происхожденія и за свои способности, изъ потѣшныхъ солдатъ, сталъ правою рукой Петра. Чрезвычайная воспріимчивость, ясность мысли, разностороннія способности—давали ему возможность понимать и исполнять лучше другихъ то, чего хотѣлъ Петръ, который одѣлилъ его большими полномочіями и Меньшиковъ сталъ вторымъ послѣ Петра лицомъ въ государствѣ. Онъ работалъ во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности и многимъ казались настолько большими значеніе Меньшикова и его способности, что по ихъ мнѣнію, дѣла стали бы, еслибы не было Меньшикова. Армія видѣла въ Меньшиковѣ талантливаго полководца. Но любовью онъ не пользовался за свою гордость, заносчивость и лихоимство. Послѣдній порокъ привлекалъ вниманіе и Петра: Меньшикову не разъ грозила ссылка, не разъ государь собственно-ручно бивалъ его, въ концѣ царствованія Петра Меньшиковъ находился подъ формальнымъ слѣдствіемъ. Но любовь къ нему Петра и нужда, которую чувствовалъ Петръ въ его способностяхъ, заставляли держать Меньшикова на высотѣ того положенія, какого онъ достигъ въ государствѣ. Спасало его и заступничество супруги Петра—Екатерины, жившей, до брака съ Петромъ, въ домѣ Меньшикова.

Были и другіе замѣтные сотрудники Петра, взятые имъ изъ низшихъ слоевъ общества. Таковы, напримѣръ,—оставившій по себѣ добрую память, генералъ-прокуроръ Сената Ягужинскій и дипломатъ баронъ Шафировъ. Оба они были не русскіе, а только обрусѣлые люди съ довольно темнымъ происхожденіемъ. Выдвинули ихъ недюжинныя личныя способности, разбирать которыя Петръ былъ большой мастеръ. Большинство сотрудниковъ Петра достигло высокаго государственнаго положенія именно личными заслугами и талантами, а не аристократичностью происхожденія. Великій канцлеръ, графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, дипломаты, Петръ Андреевичъ Толстой, Матвѣевъ, Неплюевъ, Артемій Волынскій—далеко не отличались родовитостью и вышли изъ

рядовъ не «родословнаго» дворянства XVII вѣка; ихъ роды или вовсе не играли роли до Петра или стали замѣтны (вслѣдствіе личной выслуги) очень незадолго до Петра. Изъ людей «родословныхъ», на высокихъ административныхъ постахъ, при Петрѣ удержались представители трехъ фамилій: Борисъ Петровичъ Шереметьевъ, ставшій графомъ и фельдмаршаломъ; князья Голицынъ, Дмитрій Михайловичъ, сенаторъ и Михаилъ Михаиловичъ фельдмаршалъ и князья Долгорукіе, изъ которыхъ сенаторъ Яковъ Ѳедоровичъ сталъ героемъ историческихъ преданій, какъ образецъ высокой честности и безстрашія, онъ рѣзко противорѣчилъ иногда распоряженіямъ Петра и въ глаза Петру высказывалъ, напримѣръ, что царь Алексѣй стоялъ выше царя Петра по внутренней государственной дѣятельности. (Изъ родословныхъ лицъ необходимо еще упомянуть кн. Никиту Ивановича Рѣпнина, фельдмаршала).

Такъ разнообразенъ былъ по своему соціальному составу, ближайшій къ Петру кругъ его помощниковъ. И знатный и незнатный, и русскій и обрусѣлый иноплеменникъ, одинаково могъ подняться до непосредственной близости къ царю-реформатору. Поднимались до такой близости и иностранцы, случайно явившіеся въ Россіи и ей чуждые; но Петръ, лаская ихъ и довѣряя имъ, не ставилъ ихъ на первыя мѣста: вездѣ надъ ними возвышался русскій человѣкъ, хотя бы и меньше иностранца знавшій дѣло. (На назначеніе Брюса президентомъ, а нетолько вице-президентомъ бергъ-Коллегіи, указываютъ какъ на рѣдкое исключеніе этого правила). Изъ иностранцевъ, занявшихъ видное положеніе въ Россіи, слѣдуетъ назвать упомянутаго графа Брюса отчасти ученаго, отчасти военнаго дѣятеля, отчасти и дипломата; далѣе барона Остермана, дипломата и администратора, способности котораго Петръ по справедливости ставилъ высоко, наконецъ Миниха, который явился въ Россію только въ 1721 г. и завѣдывалъ, въ качествѣ инженера, постройкой Ладожскаго канала.

Вся среда окружавшая Петра, при разнообразіи дѣятельности, отличалась, какъ мы уже замѣтили, разнообразіемъ характеровъ и взглядовъ. Въ то время, какъ одни—руководились личными стремленіями и заботами исключительно о своей карьерѣ (иностранцы), другіе жили болѣе широкими интересами, имѣли опредѣленные взгляды и на служебную дѣятельность (Меньшиковъ и кн. Яковъ Долгорукій въ этомъ отношеніи рѣзко противоположны во взглядахъ на самую реформу, дѣятелями которой они были.). Далеко не всѣ они относились одинаково къ тому, что совершалось на ихъ глазахъ и ихъ же трудами: въ то время какъ Борисъ Шереметьевъ душою преданъ былъ культурной реформѣ и помимо настояній Петра самъ стремился къ западно-европейскому образованію, Голицыны были поклонниками староотеческихъ преданій и не одобряли ни слѣпого поклоненія Западу, ни близкаго общенія съ иностранцами.

Однако, авторитетъ могучаго государя, привычка къ долгому совмѣстному служебному и житейскому общенію, привычка къ новымъ формамъ государственной жизни и дѣятельности соединили всю эту разноплеменную и разнохарактерную дружину Петра въ плотный одно-

родный кругъ практическихъ государственныхъ дѣльцовъ. Не во всемъ понимая и раздѣляя планы Петра, его дружина вела однако государство по пути реформы и послѣ смерти реформатора-государя. Если въ частностяхъ постановленія Петра и нарушались, если его предначертанія исполнялись не вполнѣ, все-же птенцы Петра не допустили торжества реакціи и обратнаго превращенія Россійской Имперіи въ Московское Государство.

Всѣ, перечисленные нами люди, дѣйствовали на широкой государственной аренѣ, стояли надъ обществомъ. Въ самомъ обществѣ, въ разныхъ его слояхъ, находились лица, преклонявшіяся и передъ Петромъ и передъ его реформой; и такихъ людей было не мало. Необычайное распространеніе въ обществѣ XVIII в. дифирамбовъ личности и дѣламъ Петра, составленныхъ современниками реформы, свидѣтельствуетъ о томъ, что сочувствіе Петру было очень сильно среди болѣе или менѣе образованныхъ русскихъ людей. У нѣкоторыхъ это сочувствіе было вполнѣ сознательно, и явилось слѣдствіемъ того, что сами эти люди своимъ умственнымъ развитіемъ были обязаны тѣмъ новымъ условіямъ жизни, какія создалъ Петръ. Таковъ былъ, напримѣръ, Василій Никитичъ Татищевъ администраторъ географъ, даже философъ, одинъ изъ первыхъ серьезно-образованныхъ людей на Руси, теперь извѣстстный болѣе по своей Исторіи Россіи и другимъ сочиненіямъ ученаго и публицистическаго характера. Таковъ былъ и зажиточный крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго, Иванъ Посошковъ, сперва «хромавшій раскольничьимъ недугомъ» и не довольный Петромъ, а затѣмъ поклонникъ и Петра и реформы. Въ своихъ литературныхъ трудахъ (главный—«Книга о скудости и богатствѣ»), наблюдательный и умный мужикъ съ одной стороны является апологетомъ Петра, съ другой стороны, желающимъ по мѣрѣ силъ, помочь и правительству и обществу своимъ практическимъ совѣтомъ по разнымъ вопросамъ общественной жизни. Такія личности, какъ Татищевъ и Посошковъ. дѣйствуя въ совершенно различныхъ сферахъ общества, выполняли одно и то же назначеніе: они являлись хранителями новыхъ началъ общественной жизни, получившихъ силу съ Петромъ; они своими трудами, рѣчами и жизнью распространяли эти начала среди косной и недовѣрчивой массы и, увлекая многихъ за собой, были дѣйствительными сотрудниками Петра.

Хотя и достаточно было у Петра такихъ сотрудниковъ, однако они оставались въ меньшинствѣ передъ косною массою народа. Въ концѣ уже царствованія Петра Посошковъ съ грустью замѣчалъ, что «видимъ мы всѣ, какъ Великій нашъ Монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору еще и самъ—десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ дѣло его скоро будетъ? «Если дѣло Петра и не пропало съ кончиной его, а стало жить въ исторіи, то причина этого не въ непосредственномъ сочувствіи общества, а въ полномъ соотвѣтствіи реформы съ вѣковыми задачами и потребностями націи.

Семейныя отношенія Петра.

Приведенныя слова Посошкова до нѣкоторой степени, можно приложить и къ семейной жизни Петра; Великій Монархъ не встрѣчалъ полнаго сочувствія себѣ и въ семейномъ кругу. Мы видѣли, что въ молодости поведеніе и разница взглядовъ далеко отвели его отъ первой жены —Евдокіи Ѳедоровны. Онъ нашелъ себѣ другую привязанность и дошелъ до открытаго разрыва съ родней жены Лопухиными. По возвращеніи изъ за границы онъ, въ 1698 г., постригъ свою жену, открыто ему несочувствовавшую. Съ тѣхъ поръ она жила въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ подъ именемъ Елены, но далека была отъ вѣрности вынужденнымъ обѣтамъ монашества.

Отъ брака съ Евдокіей у Петра былъ сынъ Алексѣй, родившійся въ 1690 г. До 9-ти лѣтъ онъ жилъ при матери и, конечно, воспитывался въ несочувствіи отцу. Послѣ постриженія матери онъ остался на попеченіи сестеръ отца въ старомъ Московскомъ дворцѣ, въ старозавѣтной обстановкѣ царевичей. Петръ, при своихъ постоянныхъ заботахъ и поѣздкахъ, мало обращалъ вниманія на воспитаніе сына; иногда мелькали у царевича воспитатели-иностранцы, обсуждался планъ образованія царевича заграницей, но не былъ приведенъ въ исполненіе и воспитатели мало повліяли на Алексѣя; за то подѣйствовала среда. Отъ духовника царевича до послѣдняго товарища его забавъ, возлѣ Алексѣя собрались люди стараго закала, ненавистники реформъ, боявшіеся и не любившіе Петра. Въ старомъ забытомъ дворцѣ уцѣлѣла и старая по направленію среда. Царевичъ впиталъ въ себя дореформенные взгляды, дореформенную науку богословскую и дореформенные вкусы: стремленіе къ внѣшнему благочестію, созерцательному бездѣйствію и чувственнымъ удовольствіямъ. Дряблая натура сына еще болѣе усиливала его рѣзкую противоположность отцу. Боясь отца, царевичъ не любилъ его и даже желалъ ему скорой смерти; быть съ отцомъ для Алексѣя было «хуже каторги» по его признанію. А чѣмъ больше росъ царевичъ, тѣмъ чаще тревожилъ его отецъ. Петръ привлекалъ его къ дѣлу, думалъ практическимъ трудомъ воспитать въ сынѣ достойнаго себѣ помощника и наслѣдника, давалъ ему порученія важнаго характера, и часто возилъ его съ собой. Но съ первыхъ же шаговъ онъ убѣдился, что сынъ, хотя и уменъ, но къ дѣлу неспособенъ, потому что бездѣятеленъ по натурѣ и враждебенъ отцу по взглядамъ, несочувствуетъ ни трудовой жизни, ни предпріятіямъ отца. Петръ думалъ силою передѣлать сына, даже «бивалъ» его,—и безуспѣшно. Сынъ оставался пассивнымъ, но упорнымъ противникомъ.

Въ 1711 г. Петръ устроилъ женитьбу сына на принцессѣ Вольфенбюттельской Софіи-Шарлотѣ. Нужно думать, что этимъ онъ еще надѣялся передѣлать сына, измѣнивъ условія его жизни и открывъ доступъ вліянію на сына культурной женщины. Царевичъ хорошо относился къ женѣ, но не измѣнился. Когда у Алексѣя родился сынъ Петръ, и умерла жена (1715 г.) тогда царь Петръ сталъ иначе смотрѣть на сына, съ рожденіемъ внука можно было устранить сына отъ престола, ибо являлся другой наслѣдникъ. Кромѣ того Петръ могъ расчитывать самъ имѣть сыновей: въ 1712 г. онъ вступилъ формально во второй бракъ.

Женился онъ на женщинѣ, съ которой уже нѣсколько лѣтъ жилъ душа въ душу. Она была дочерью простого Лифляндца, Самуила Скавронскаго. Въ Лифляндіи попала въ плѣнъ къ русскимъ, долго жила у Меньшикова, въ его домѣ стала извѣстна Петру и прочно овладѣла его привязанностью. Принявъ православіе, она получила имя Екатерины Алексѣевны Михайловой (а ранѣе называлась Василевской) и еще до 1712 г. подарила Петру дочерей Анну и Елизавету.

Екатерина была подходящимъ Петру человѣкомъ: скорѣе сердцемъ чѣмъ умомъ, понимала она всѣ взгляды, вкусы и желанія Петра, откликалась на все, что интересовало мужа и съ замѣчательной энергіей умѣла быть вездѣ, гдѣ былъ мужъ, переносить все то, что переносилъ онъ. Она создала Петру незнакомый ему ранѣе семейный очагъ, достигла крѣпкаго вліянія на него и будучи неустанной помощницей и спутницей государя и дома, и въ походахъ, добилась формальнаго замужества съ Петромъ. Вліянію Екатерины нѣкоторые склонны приписывать рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ Петра къ царевичу Алексѣю.

Поворотъ этотъ состоялъ въ томъ, что Петръ послѣ смерти жены Алексѣя передалъ сыну обширное письмо, въ которомъ указывалъ ему на его неспособность къ дѣламъ и требовалъ, или исправиться, или отказаться отъ надежды наслѣдовать престолъ. Въ необходимости дать отвѣтъ отцу, царевичъ обратился за совѣтомъ къ пріятелямъ и тѣ посовѣтывали ему отказаться отъ престола, лицемѣрно, для избѣжанія дальнѣйшихъ непріятностей въ случаѣ упорства. Царевичъ такъ и сдѣлалъ. Но для Петра не было секретомъ, что всѣ недовольные ходомъ дѣлъ видятъ въ консервативныхъ привычкахъ царевича надежду на возвращеніе старыхъ порядковъ и поэтому послѣ Петра могутъ возвести Алексѣя на престолъ, не смотря на его теперешній отказъ. Петръ потребовалъ отъ сына не простого отказа отъ престола, а постриженія въ монахи (что лишало его возможности вступить на тронъ) или требовалъ, чтобы тотъ принялся за дѣло. Но Алексѣй на это отвѣтилъ, что готовъ идти въ монахи и отвѣтилъ снова лицемѣрно. Петръ отложилъ рѣшеніе этого вопроса, не рѣшаясь на постриженіе сына, далъ царевичу полгода на размышленіе и вскорѣ уѣхалъ за границу.

Прошло полгода и въ 1716 г. Петръ изъ Даніи потребовалъ у сына отвѣта и звалъ его къ себѣ въ томъ случаѣ, если онъ раздумалъ идти въ монахи. Подъ видомъ поѣздки за границу къ отцу, царевичъ отправился изъ Россіи и бѣжалъ въ Австрію къ императору Карлу VI, у котораго просилъ защиты отъ отца. Карлъ скрылъ его въ Неаполѣ. Но въ 1717 г. посланные Петромъ на розыски царевича Толстой и Румянцевъ и нашли его и убѣдили добровольно вернуться въ Россію. Алексѣй пріѣхалъ въ Москву въ 1718 г. и въ присутствіи многочисленнаго народа, собраннаго во дворецъ, получилъ отъ отца прощеніе подъ двумя условіями: онъ отрекся отъ престола и назвалъ тѣхъ лицъ, по совѣту которыхъ бѣжалъ.

Слѣдствіе напряженное надъ этими лицами, вскрыло всю обстановку прежней жизни царевича и дало такіе результаты, какихъ Петръ врядъ ли ожидалъ. Онъ узналъ о непримиримой враждѣ сына

и къ самому Петру и ко всей его дѣятельности, узналъ, что его сына окружали лица рѣзко оппозиціоннаго направленія, что они настраивали Алексѣя современемъ дѣйствовать противъ отца и что Алексѣй готовъ былъ на это. Рядомъ съ этимъ открылися рядъ скандаловъ, въ которыхъ позорно участвовали родственныя Петру лица и даже его первая жена. Розыскъ повелъ къ суду, къ строгимъ приговорамъ: много лицъ было казнено, Евдокія Лопухина заключена въ Новой Ладогѣ. Хотя слѣдствіе не открыло заговора противъ Петра со стороны царевича, однако дало Петру полное юридическое основаніе взять назадъ свое прощеніе сыну и передать царевича суду какъ государственнаго преступника.

Судъ состоялъ изъ высшихъ сановниковъ (болѣе ста), допросилъ царевича и при допросахъ подвергъ его пыткѣ. Результатомъ судебнаго слѣдствія былъ смертный приговоръ церевичу. Но судьба не допустила привести его въ исполненіе: царевичъ, измученный страшными нравственными потрясеніями и, быть можетъ, пыткой, умеръ въ Петропавловской крѣпости 27 Іюня 1718 года.

Петръ лишился старшаго сына. Младшіе сыновья его отъ второго брака, Петръ и Павелъ, умерли въ младенчествѣ. Остался одинъ внукъ Петръ Алексѣевичъ и дочери Анна и Елизавета, оставались также племянницы Екатерина и Анна Іоанновна. При такомъ положеніи своей семьи, Петръ, въ 1721 г. издалъ указъ о порядкѣ престолонаслѣдія, которымъ отмѣнялся прежній обычай наслѣдованія по семейному старшинству и устанавливался новый: царствующій государь имѣетъ право назначить своимъ наслѣдникомъ кого угодно и лишить престола назначенное лицо, если оно окажется недостойнымъ. Этотъ законъ Петра послѣ его смерти не разъ подвергалъ колебаніямъ судьбу русскаго престола, а для самого Петра не пригодился, потому что Петръ умирая не назначилъ никого своимъ преемникомъ. Косвеннымъ образомъ, какъ думали, Петръ указалъ на свою жену, какъ на избранную наслѣдницу: въ 1724 г. Екатерина была коронована въ Москвѣ Петромъ весьма торжественно въ ознаменованіе ея заслугъ предъ государствомъ и супругомъ.

Замѣтимъ, что законъ о престолонаслѣдіи, шедшій противъ вѣковаго обычая, потребовалъ обстоятельнаго оправданія въ глазахъ народа и вызвалъ любопытнѣйшій трактатъ Ѳеоѳана Прокоповича «Правда воли монаршей». Въ немъ оправдывалось право монарха съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія—даже съ точки зрѣнія теорій Гуго-Гроція и Гоббеса.

Историческое значеніе дѣятельности Петра Великаго. Мы приступили къ изложенію эпохи преобразованій съ тѣмъ убѣжденіемъ, что эта эпоха была обусловлена всѣмъ ходомъ предшествовавшей исторической жизни Россіи. Мы ознакомились по этому съ существенными чертами до-Петровской жизни, какъ она сложилась къ тому моменту когда началъ свою дѣятельность Петръ. Мы изучили затѣмъ воспитаніе и обстановку дѣтства и юности Петра, чтобы ознакомиться съ тѣмъ какъ развилась личность преобразователя. И наконецъ, мы разсмотрѣли сущность реформаціонной дѣятельности Петра во всѣхъ ея направленіяхъ.

Къ какому выводу приведетъ насъ наше изученіе Петра? Была ли дѣятельность его дѣятельностью традиціонной, или же она была рѣзкимъ неожиданнымъ и неподготовленнымъ переворотомъ въ государственной жизни Руси?

Отвѣтъ довольно ясенъ! Реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ, Петръ не былъ «царемъ-революціонеромъ», какъ его иногда любятъ называть.

Прежде всего, дѣятельность Петра не была переворотомъ политическимъ: во внѣшней политикѣ Петръ строго шелъ по старымъ путямъ, боролся со старыми врагами, достигъ небывалаго успѣха на западѣ, но не упразднилъ своими успѣхами старыхъ политическихъ задачъ по отношенію къ Польшѣ и къ Турціи. Онъ много сдѣлалъ для достиженія завѣтныхъ помысловъ Московской Руси, но не додѣлалъ всего. Покореніе Крыма и раздѣлы Польши при Екатеринѣ II были слѣдующимъ шагомъ впередъ со стороны нашей націи, прямо продолжавшимъ дѣло Петра и старой Руси. Въ политикѣ внутренней Петръ недалеко ушелъ отъ XVII вѣка. Государственное устройство осталось прежнимъ: полнота верховной власти, формулированная царемъ Алексѣемъ, въ словахъ Дѣяній Апостольскихъ, получила болѣе пространное опредѣленіе при Петрѣ въ Регламентѣ воинскомъ, въ указахъ, наконецъ въ философскихъ трактатахъ Ѳеофана Прокоповича. Земское самоуправленіе, не имѣвшее политическаго характера и имѣвшее характеръ сословный до Петра, осталось такимъ и при Петрѣ. Надъ органами сословнаго самоуправленія, какъ и раньше, стояли учрежденія бюрократическаго характера, и хотя формы администраціи были измѣнены, общій типъ ея оставался неизмѣннымъ, какъ и до Петра, было, смѣшеніе началъ личнаго съ коллегіальнымъ, бюрократическаго съ сословнымъ.

Дѣятельность Петра не была и общественнымъ переворотомъ. Государственное положеніе сословій и ихъ взаимныя отношенія не потерпѣли существенныхъ измѣненій. Прикрѣпленіе сословій къ государственнымъ повинностямъ осталось во всей силѣ, измѣнился только порядокъ измѣненія этихъ повинностей. Дворянство при Петрѣ не достигло еще права владѣнія людьми, какъ сословной привилегіи, а владѣло крестьянскимъ трудомъ лишь на томъ основаніи, что нуждалось въ обезпеченіи за свою службу. Крестьяне не потеряли гражданской личности и не считались еще полными крѣпостными. Жизнь закрѣпощала ихъ все болѣе, но какъ мы видѣли, началось это еще до Петра, а кончилось уже послѣ него.

Въ экономической политикѣ Петра, въ ея задачахъ также не возможно видѣть крутой переворотъ. Петръ ясно опредѣлилъ ту задачу, къ рѣшенію которой невѣрными шагами шли и до него—задачу поднятія производительныхъ силъ страны. Его программа развитія національной промышленности и торговли была знакома въ XVII в. теоретически—Крижаничу, практически — Ордыну-Нащокину. Результаты, достигнутые Петромъ, не поставили народное хозяйство на новое основаніе. Главнымъ источникомъ народнаго богатства и при Петрѣ остался земледѣльческій трудъ и Россія имѣя послѣ Петра

230 фабрикъ и заводовъ, была всетаки земледѣльческой страной, съ очень слабымъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ.

И въ культурномъ отношеніи Петръ не внесъ въ русскую жизнь новыхъ откровеній. Старые культурные идеалы были тронуты до него; въ XVII в. вопросъ о новыхъ началахъ культурной жизни сталъ рѣзко-выраженнымъ вопросомъ. Царь Алексѣй, отчасти и царь Ѳедоръ, вполнѣ являлись уже представителями новаго направленія. Царь Петръ въ этомъ прямой ихъ преемникъ. Но его предшественники были ученики кіевскихъ богослововъ и схоластиковъ, а Петръ былъ ученикъ западно-европейцевъ, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространеніи своихъ знаній въ народѣ, а Петръ считалъ это однимъ изъ главныхъ своихъ дѣлъ. Этимъ онъ существенно отличался отъ государей XVII вѣка. Такъ, по отношенію къ своему прошлому Петръ не былъ творцемъ культурнаго вопроса, но былъ первымъ человѣкомъ, рѣшившимся осуществить культурную реформу. Результаты его дѣятельности были велики: онъ далъ своему народу полную возможность матеріальнаго и духовнаго общенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Но не слѣдуетъ однако, преувеличивать этихъ результатовъ. При Петрѣ образованіе коснулось только высшихъ слоевъ общества и то слабо; народная же масса осталась при своемъ старомъ міровоззрѣніи.

Если такимъ образомъ дѣятельность Петра не вносила, по сравненію съ прошлымъ, ничего радикально-новаго, то почему же реформы Петра пріобрѣли у потомства и даже современниковъ Петра репутацію коренного государственнаго переворота? Почему Петръ дѣйствовавшій традиціонно, въ глазахъ русскаго общества сталъ монархомъ-революціонеромъ?

На это есть двѣ категоріи причинъ. Одна въ отношеніи общества къ Петру, другая въ самомъ Петрѣ.

На русское общество реформы Петра рѣшительныя и широкія, произвели страшное впечатлѣніе послѣ осторожной и медлительной политики московскаго правительства. Въ обществѣ не было того сознанія исторической традиціи, какое жило въ геніальномъ Петрѣ. Близорукіе московскіе люди объяснили себѣ и внѣшнія предпріятія и внутреннія нововведенія государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частныя нововведенія они противополагали частнымъ же обычаямъ старины и выносили убѣжденіе, что Петръ безжалостно рушилъ ихъ старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественное мнѣніе они не видѣли общей сущности стараго и новаго. Общественная мысль еще не отвлекалась до сознанія основныхъ началъ русской государственной и общественной жизни и обсуждала только [illegible] фасадъ. Вотъ почему современникамъ Петра, при [illegible] возможности [illegible] нововведеніяхъ и крупныхъ и [illegible] [illegible] ввести [illegible] всю старую жизнь, [illegible] [illegible] стараго порядка. Видоизмѣ[illegible] [illegible] за полное его уничтоженіе.

[illegible] руководствовалъ [illegible] Петръ. [illegible] показали, что Петръ не

просто видоизмѣняетъ старые порядки, но питаетъ къ нимъ страстную вражду и борется съ ними ожесточенно. Онъ и улучшалъ старину и гналъ ее и принудительно замѣнялъ новыми порядками. Это неспокойное отношеніе къ своему дѣлу, боевой характеръ дѣятельности, ненужныя жестокости, принудительность и строгость мѣропріятій—все это явилось у Петра какъ результатъ впечатлѣній его дѣтства и молодости. Выросшій среди борьбы и вражды, видѣвъ и открытые бунты и тайную оппозицію, Петръ вступилъ на путь реформъ далеко не со спокойнымъ духомъ. Онъ ненавидѣлъ ту среду, которая отравляла его дѣтство и тѣ темныя стороны старой жизни, которыя сдѣлали возможной эту среду. Поэтому, уничтожая и видоизмѣняя старые порядки, онъ, въ свою дѣятельность монарха вносилъ личныя чувства пострадавшаго человѣка. Принужденный бороться за свою власть и самостоятельность, при началѣ правленія, Петръ сохранилъ боевые пріемы навсегда. Встрѣченный открытою враждою сначала, чувствуя противъ себя и потомъ открытое противодѣйствіе въ обществѣ, Петръ все время боролся за то, во что вѣрилъ и что считалъ полезнымъ. Въ этомъ—объясненіе тѣхъ особенностей въ реформаціонной дѣятельности Петра, которыя сообщили его реформѣ черты рѣзкаго, насильственнаго переворота.

Однако по существу своему реформа эта не была переворотомъ.

Событія XVIII столѣтія.

Время отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы.

(1725—1741 г.).

Въ первыя 16—17 лѣтъ, прошедшихъ со смерти Петра Великаго, судьбы русскаго престола нельзя было назвать благополучными: на немъ смѣнилось пять монарховъ. Россія пережила нѣсколько дворцовыхъ переворотовъ; у власти стояли иногда люди, чуждые странѣ, недостойные власти по эгоистическимъ склонностямъ. Причины, обусловившія эту эпоху переворотовъ и временщиковъ, укоренились съ одной стороны въ состояніи царской семьи, а съ другой—въ особенностяхъ той среды, которая управляла дѣлами. Чтобы ознакомиться съ этими причинами, обратимся прежде всего къ разсмотрѣнію обстоятельствъ дворцовой жизни и престолонаслѣдія отъ Петра до Елизаветы.

Дворцовыя событія съ 1725 по 1741 г.

Закономъ 1721 г., какъ мы видѣли, отмѣнялся обычный порядокъ престолонаслѣдія, дѣйствовавшій въ Московской Руси, и монарху представлялось право назначенія наслѣдника. При такомъ порядкѣ важное значеніе получало завѣщаніе монарха. Но Петръ умеръ отъ

случайной простуды, сломившей его расшатанное трудами здоровье, умеръ всего 52-хъ лѣтъ, и не оставилъ никакого завѣщанія. Вельможи и «господа Сенатъ», собравшіеся во дворцѣ, въ ночь на 28 января 1725 года, въ виду неминуемой кончины Петра, отъ кабинета-секретаря Макарова, узнали, что Петръ не выразилъ своей воли о наслѣдникѣ. Приходилось подумать, кѣмъ замѣнить умиравшаго императора.

Петръ оставлялъ послѣ себя жену, внука Петра Алексѣевича, двухъ дочерей, и двухъ племянницъ. Естественно, что жена Екатерина Алексѣевна и внукъ Петръ Алексѣевичъ сочтены были за ближайшихъ кандидатовъ, но голоса присутствующихъ во дворцѣ вельможъ раздѣлились: одни желали Екатерину провозгласить императрицей, другіе въ Петрѣ видѣли законнаго наслѣдника. За Екатерину иностранку и неродовитую по происхожденію женщину, высказывались неродовитые сотрудники Петра, стоявшіе за новый порядокъ, потому что, благодаря ему, они поднялись на такую общественную высоту. Въ воцареніи Екатерины они видѣли залогъ того, что уцѣлѣютъ установленный Петромъ порядокъ и ихъ личное положеніе. Въ царевичѣ же Петрѣ они видѣли сына того царевича Алексѣя, который былъ приговоренъ къ смерти и нѣкоторые изъ нихъ, съ воцареніемъ Петра, могли бояться и мести отъ него за отца и возвращенія къ старымъ общественнымъ порядкамъ, для нихъ непріятнымъ. Во главѣ этихъ новыхъ людей, приверженцевъ Екатерины, стояли Меньшиковъ, Ягужинскій и Толстой.

За Петра Алексѣевича были, напротивъ, остатки стараго боярства, удержавшіеся наверху общества и при Петрѣ. Реакціонныя стремленія къ старымъ московскимъ порядкамъ, жившія въ нихъ, заставляли ихъ чуждаться Екатерины, а въ Петрѣ—еще мальчикѣ—видѣть такого же представителя старыхъ началъ, каковъ былъ его отецъ. За внука Петра была и народная масса, лишенная, однако, возможности подать свой голосъ. За то, на сторонѣ Екатерины были гвардейскіе полки, любившіе Екатерину и Меньшикова.

Всю ночь шли разсужденія о наслѣдникѣ престола, предлагались и отвергались различныя комбинаціи. Толстой произнесъ блестящую рѣчь о заслугахъ Екатерины предъ государствомъ и указывалъ на ея торжественную коронацію, какъ свидѣтельство ея правъ на престолъ со стороны самого императора. Эта рѣчь была поддержана незамѣтно явившимися въ залу засѣданія гвардейскими офицерами, а мнѣніе офицеровъ (вѣроятно введенныхъ по желанію Екатерины) нашло поддержку въ неожиданномъ появленіи передъ дворцомъ обоихъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, пришедшихъ «по волѣ императрицы», какъ было объявлено знати. Вмѣшательство гвардіи, преданной и уже повиновавшейся императрицѣ, весьма повліяло на собраніе. Къ утру всѣ высказались въ пользу Екатерины, и она была объявлена императрицей и самодержицею со всѣми правами ея мужа—императора.

Избранная правящими лицами и гвардіей, которая, слѣдуетъ замѣтить, состояла изъ шляхетства, Екатерина неспокойно принимала власть, боясь движенія народныхъ массъ противъ воцаренія иноземм-

ки. Однако волненій не было: были отдѣльные случаи неудовольствія на господство женщины. (Были такіе люди, которые не хотѣли присягать Екатеринѣ, говоря: «если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины»). Всѣ войска присягнули спокойно. Гвардія же восторженно относилась къ императрицѣ и императрица платила ей полнымъ вниманіемъ и заботами, весьма замѣтными для современниковъ. Гвардейскіе полки были внѣшнею опорою для новаго правительства.

Такъ совершился небывалый фактъ воцаренія женщины на русскомъ царствѣ, такъ въ первый разъ новыя русскія войска выступили въ качествѣ не только боевой, но и политической силы. Екатерина правила помощью тѣхъ же людей и тѣхъ же учрежденій, какія дѣйствовали при Петрѣ. Чрезвычайно энергичная и умная жена Петра была въ высшей степени замѣчательная женщина въ узкой средѣ семейныхъ и частныхъ отношеній, но стала замѣтнымъ дѣятелемъ въ широкой сферѣ государственной жизни. Ей не хватало ни образованія, ни привычки къ дѣламъ, и поэтому она скрывалась за личностью талантливаго Меньшикова, который, пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ императрицы, сталъ полнымъ распорядителемъ дѣла,—временщикомъ. Но столкновенія Меньшикова съ сенатомъ, причемъ Меньшиковъ однажды позволилъ себѣ оскорбить сенаторовъ, уже вначалѣ 1726 г. и даже въ 1725 г. привели къ раздору среди правящихъ лицъ и тревожнымъ слухамъ о томъ, что обиженныя лица желаютъ возвести на престолъ Петра Алексѣевича. Слухи добавляли, что воцареніе Петра проектируется съ ограниченіемъ его власти. Благодаря разсказамъ современниковъ, мы съ вѣроятностью можемъ полагать, что въ данномъ случаѣ противъ Меньшикова стали тѣ родовитые люди, которые и раньше отдавали предпочтеніе кандидатурѣ Петра предъ кандидатурою императрицы Екатерины.

Предвидя смуты, Толстой явился посредникомъ между враждующими сторонами и успѣлъ потушить ссору. Однако она не прошла безслѣдно, а привела къ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такъ назывался новый органъ государственнаго управленія, поставленный выше сената и лишившій его всякаго значенія. У сената былъ отнятъ генералъ-прокуроръ; вмѣсто титула «правительствующій» сенатъ сталъ пользоваться титуломъ «высокій»; между верховной властью и сенатомъ не стало прямого общенія, и сенатъ долженъ былъ повиноваться указамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; сенатъ сошелъ на степень Коллегіи и считался равнымъ Военной, Иностранной и Морской коллегіямъ.

Верховный Тайный Совѣтъ, установленный въ Февралѣ 1726 года, состоялъ изъ 6 членовъ: Меньшикова, Апраксина, Головкина, Толстого, Дмитрія Михайловича Голицына и Остермана. Характеръ этого Совѣта не былъ точно опредѣленъ указомъ его учреждавшимъ,—было только сказано, что Совѣтъ устроенъ «для государственныхъ важныхъ дѣлъ». Но по собственному мнѣнію Совѣта кругъ его дѣятельности былъ широкій и Совѣту присваивалось значеніе законодательнаго учрежденія: предполагалось, что ни одинъ указъ не могъ быть изданъ

безъ обсужденія Совѣта. При такой постановкѣ дѣла не мудрено, что нѣкоторымъ показалось, что будто Верховный Совѣтъ есть шагъ къ ограниченію верховной власти, хотя этого и не было.

Учрежденіе Верховнаго Совѣта было съ одной стороны направлено къ тому, чтобы избавить Меньшикова, какъ главу военнаго управленія (онъ былъ президентомъ Военной Коллегіи) отъ контроля сената, а съ другой стороны къ тому, чтобы удовлетворить оскорбленное чувство знати, давъ ей возможность достигать высокаго государственнаго положенія путемъ участія въ Верховномъ Совѣтѣ. Виднѣйшій представитель этой знати Д. М. Голицынъ и былъ призванъ въ Совѣтъ на ряду съ самыми вліятельными административными лицами: Меньшиковымъ, Апраксинымъ, Толстымъ (см. Градовскаго «Высшая администрація Россіи» гл. 4-я). Такимъ образомъ, изъ столкновенія временщика съ другими вліятельными людьми родилось новое учрежденіе помирившее обѣ враждебныя стороны всего государственнаго управленія.

Однако, между Меньшиковымъ и его противниками съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не стало прочнаго мира. Люди недовольные временщикомъ, какъ допущенные въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и не попавшіе въ него, Ягужинскій и многіе другіе, попрежнему не могли помириться съ исключительнымъ значеніемъ Меньшикова. Дальновидный Меньшиковъ самъ понималъ, что у него много враговъ и что всѣ они возлагаютъ много надеждъ на царевича Петра. Чѣмъ старѣе становилась Екатерина, тѣмъ болѣе выросталъ Петръ, тѣмъ болѣе становилось вѣроятнымъ, что власть перейдетъ къ Петру. Меньшиковъ потеряетъ свое значеніе, и вліяніе пріобрѣтутъ родовитые люди, всегдашніе приверженцы Петра. Такая перспектива пугала временщика, заставляла его заранѣе обдумать мѣры, чтобы упрочить свое положеніе и на будущее время.

Въ началѣ 1727 г. Меньшиковъ уже зналъ что ему нужно было дѣлать. По совѣту Датскаго и Австрійскаго пословъ, онъ рѣшилъ сблизиться съ царевичемъ Петромъ и добиться того, чтобы Екатерина позволила женить Петра на дочери Меньшикова и признала его наслѣдникомъ престола. Дѣлаясь тестемъ будущаго государя, Меньшиковъ обезпечивалъ себѣ высокое положеніе на долго. Екатерина согласилась на просьбу Меньшикова о женитьбѣ Петра, не смотря на то, что обѣ дочери ея со слезами молили отказать Меньшикову. Придворные люди въ большинствѣ были противъ Меньшикова, но вопросъ о престолонаслѣдіи раздѣлилъ ихъ. Сближеніе всемогущаго временщика съ Петромъ для приверженцевъ Петра было какъ бы ручательствомъ въ томъ, что Петръ наслѣдуетъ престолъ. Поэтому многіе изъ нихъ примирились съ женитьбой царевича на Меньшиковой (Голицыны). Но тѣ, кто былъ и противъ Меньшикова и противъ Петра, забили тревогу. Толстой рискнулъ представить Екатеринѣ свои доводы противъ предполагаемой женитьбы. Однако Екатерина осталась при своемъ, хотя и заявляла, что никто не знаетъ ея воли о преемникѣ престола и что Меньшиковъ не можетъ измѣнить этой воли.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда императрица неожиданно

захворала горячкой. Во время ея болѣзни Меньшиковъ успѣлъ сослать главнаго свего врага Толстого въ Соловки и оставался распорядителемъ дѣлъ, довольный сочувствіемъ Голицыныхъ и молчаніемъ прочихъ. 6-го Мая 1727 г. Екатерина скончалась. На другой день царская фамилія, Сенатъ, Синодъ, Верховный Совѣтъ и всѣ высшіе чины слушали завѣщаніе *) Екатерины, про которое въ то же время пошли слухи, что оно подложное. Этимъ завѣщаніемъ наслѣдникомъ назначался Петръ; въ случаѣ его бездѣтной смерти престолъ переходилъ къ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ съ наслѣдниками, затѣмъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ съ наслѣдниками (этимъ пунктомъ завѣщанія нарушался законъ Петра Великаго о престолонаслѣдіи).

До совершеннолѣтія новаго императора утверждалось регенство изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта со включеніемъ въ него царевенъ Анны и Елизаветы.

Петру тогда было 11 лѣтъ. Меньшиковъ перевезъ государя изъ дворца въ свой домъ, черезъ двѣ недѣли обручилъ его съ своей дочерью Маріей и ввѣрилъ его воспитаніе вице-канцлеру и оберъ-гофмейстеру Остерману. Непріятныя Меншикову лица были понемногу удалены отъ двора, съ вліятельный же знатью Голицыными и Долгорукими Меньшиковъ дружилъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ на сторонѣ Петра. Однако эта дружба не была прочна. Самовластіе и заносчивость временщика раздражали придворную среду; много лицъ стремилось раздѣлить съ Меншиковымъ его вліяніе и власть.

Петръ II не любилъ ни Меньшикова, ни его дочери, своей невѣсты. Раньше другихъ придворныхъ лицъ этой антипатіей Петра воспользовались Долгорукіе. Дѣйствуя черезъ любимца Петра, молодого князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, они внушили государю мысль избавиться отъ опеки временщика и надоѣвшей невѣсты. Такъ какъ исключительное положеніе Меншикова во дворцѣ обусловливалось только благоволѣніемъ къ нему монарха, то Меншикова свергнуть было очень легко. По приказу императора онъ былъ подвергнутъ аресту и удаленъ въ свое Рязанское имѣніе, а затѣмъ въ Сибирь въ Березовъ, послѣ того, какъ четыре мѣсяца самовластно распоряжался государствомъ.

Ссылка Меншиковъ вызвала общую радость въ верхнихъ слояхъ Петербургскаго общества. Однако, при малолѣтнемъ монархѣ должны были явиться новыя лица съ сильнымъ вліяніемъ: самъ Петръ управлять еще не могъ, но его благоволеніе могло создавать фаворитовъ и вліятельныхъ лицъ. Любовью Петра завладѣли Долгорукіе, его уваженіемъ завладѣлъ Остерманъ. На первыя же вакантныя мѣста были

---

*) Для того, чтобы яснѣе понять завѣщаніе Екатерины I и дальнѣйшіе случаи престолонаслѣдія, прилагается родословная таблица.

Іоаннъ Алексѣевичъ. Петръ Алексѣевичъ.

Екатерина (Мекленбургская). Анна (Курляндская). Алексѣй. Анна Елизавета. (Голштинск.).

Анна Леопольдовна (Брауншвейгская). Іоаннъ Антонов. Петръ II Ал. Петръ III.

въ Верховный Тайный Совѣтъ назначены двое Долгорукихъ: Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Не смотря на это, Остерманъ сохранялъ пріобрѣтенное имъ послѣ Меншикова первенствующее вліяніе на дѣла, не уступая его и родовитѣйшему русскому человѣку Д. М. Голицыну.

Въ 1727 г. Петръ переѣхалъ для коронаціи въ Москву, гдѣ остался и послѣ коронаціи. Пребываніе двора въ Москвѣ однако не означало той общей реакціи противъ преобразованія, на которую надѣялись многіе приверженцы Петра. Въ управленіи государствомъ не было никакой опредѣленной тенденціи—ни къ возврату въ до-Петровскія формы жизни, ни къ продолженію преобразованій Петра Великаго. Государь не занимался ни наукою ни правленіемъ: придворное вліяніе Долгорукихъ очень дурно дѣйствовало на малолѣтняго Петра, направляя всѣ его интересы въ сторону забавъ и удовольствій. При такихъ условіяхъ все въ государствѣ жило день за день. Иностранцы послы находили, что «все въ Россіи въ страшномъ безпорядкѣ» и одинъ Остерманъ работаетъ усердно, но силъ его не хватаетъ на всѣ дѣла. Верховный Тайный Совѣтъ собирается рѣдко, администрація неудовлетворительна, финансы въ безпорядкѣ.

Но такое положеніе дѣла тянулось годы и не возбуждало неудовольствія внѣ дворца. Народъ, довольный облегченіемъ отъ податей послѣ Петра Великаго, видѣлъ въ Петрѣ II законнаго государя и не видѣлъ въ Долгорукихъ вредныхъ временщиковъ, не видѣлъ и особаго разстройства правленія. Во дворцѣ же вліяніе Долгорукихъ настолько выросло, что въ концѣ 1729 г. они достигли высокой чести: Петръ обручился съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой. Но и вторая помолвка государя не окончилась свадьбой: Петръ II захворалъ оспой и умеръ 14 лѣтъ въ ночь 18—19 Января 1730 года, не оставивъ завѣщанія.

За то было завѣщаніе Екатерины I, передававшей престолъ въ семью Анны Петровны въ случаѣ бездѣтной смерти Петра. Сильные люди теперь не считали его обязательнымъ; они считали престолъ вакантнымъ и не знали кому его предоставить. Ночью 18—19 Января Верховный Тайный Совѣтъ, нѣкоторые сенаторы и высшіе военные чины стали разсуждать о судьбѣ престола, и здѣсь обнаружилось какъ мало они были приготовлены къ предстоящему дѣлу. Долгорукіе рискнули предложить въ императрицы княжну Долгорукую, невѣсту Петра и конечно безо всякаго успѣха. Среди тревожныхъ и разнорѣчивыхъ толковъ раздался, наконецъ, голосъ князя Д. М. Голицына: не безъ задней мысли онъ назвалъ одинокую безсемейную особу царскаго дома—Анну Іоанновну, бездѣтную и лишенную политическаго вѣса, вдову герцога Курляндскаго. Предложеніе Голицына встрѣтило общее сочувствіе, на избраніе Анны согласился сразу главный дѣлецъ, того времени — Остерманъ. Дѣйствительно и личной сдержанностью, и своимъ одиночествомъ, Анна могла показаться прекраснымъ кандидатомъ на корону.

Когда вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ и предметъ сужденія сановниковъ, казалось, былъ исчерпанъ,—князь Дмитрій Голи-

цынъ неожиданно высказалъ въ собраніи свою затаенную мысль: «надо бы намъ себѣ полегчить, сказалъ онъ собранію—такъ полегчить, чтобы волю прибавить. Надобно, написавъ, послать къ ея Величеству пункты». Въ такихъ выраженіяхъ была выражена Голицынымъ мысль объ ограниченіи власти новой императрицы въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта. Еще въ 1725 г. въ минуту смерти Петра Великаго родовитый вельможа Голицынъ предлагалъ до совершеннолѣтія Петра II передать верховную власть въ руки сената и Екатерины. Теперь же онъ желалъ и при совершеннолѣтней государынѣ дать формальное участіе во власти первому учрежденію въ Имперіи. Пять лѣтъ, прошедшихъ со смерти Петра показали Голицыну, что при Петербургскомъ дворѣ возможны фавориты, что при такомъ условіи вліяніе принадлежитъ случайнымъ людямъ, а не достойнѣйшимъ представителямъ высшей администраціи и высшаго дворянства. Дѣйствительнымъ средствомъ противъ фаворитизма Голицынъ считалъ ограниченіе личной власти монарха Верх. Тайн. Совѣтомъ, который въ ту минуту имѣлъ характеръ аристократическаго по составу учрежденія. Во время воцаренія Анны въ Верх. Тайн. Совѣтѣ были четыре Долгорукихъ, двое Голицыныхъ, канцлеръ Головкинъ и Остерманъ, стало быть, изъ восьми лицъ—шесть принадлежало къ старой русской знати. Верх. Сов. взялъ на себя иниціативу въ дѣлѣ перемѣны и назвалъ, какъ кандидата на престолъ, Анну Іоанновну, отъ которой не ждалъ противодѣйствія своимъ планамъ: а когда ее избрали, то прямо поставилъ вопросъ объ ограниченіяхъ или «пунктахъ».

Предложеніе Голицына удивило собраніе: оно не вызвало рѣшительнаго протеста, но и не подвергнулось всестороннему обсужденіи». Трудно было, конечно, сразу рѣшать существеннѣйшій вопросъ государственнаго быта. Когда на утро 19 Января во дворцѣ собрались по приглашенію Верх. Тайн. Совѣта члены Сената, Синода и видныя лица администраціи, имъ было объявлено мнѣніе верховниковъ объ избраніи Анны и они отвѣтили полнымъ согласіемъ. Когда же имъ было сдѣлано предложеніе о пунктахъ, то собраніе смутилось. Послышались голоса неудовольствія, но робкіе,—вообще же собраніе пассивно отнеслось къ затѣѣ Голицына и стало расходиться, даже не интересуясь сущностью заявленныхъ пунктовъ. Въ этомъ верховники справедливо увидѣли несочувствіе; что бы оно не перешло со временемъ въ сопротивленіе, они спѣшили заручиться согласіемъ растерявшагося собранія, вернули уходившихъ и при нихъ составили письмо Герцогинѣ Курляндской. Ее извѣщали объ избраніи въ императрицы и перечисляли въ письмѣ условія ея избранія. Эти условія сводились къ слѣдующему:

Императрица должна обѣщать не выходить замужъ и не назначать себѣ наслѣдника, Верх. Тайн. Сов. содержать всегда въ восьми персонахъ и безъ его согласія не объявлять войны и не заключать мира; не налагать податей и не расходовать государственныхъ доходовъ, не жаловать вотчинъ и не отнимать имѣнія и чести у шляхетства, не жаловать никого въ придворные и генеральскіе чины, гвардіи

и всѣмъ прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верх. Тайн. Сов., а не императрицы.

«Всѣ гарантіи для 8-ми, а противъ восьми для остальныхъ, гдѣ гарантіи?» замѣчаетъ по поводу этихъ ограничительныхъ пунктовъ С. М. Соловьевъ. «Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя девяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій», боязливо замѣчаетъ талантливый современникъ Волынскій:—«такъ мы, шляхетство совсѣмъ пропадемъ». Волынскій былъ въ то время въ Рязани, но думалъ совершенно то же, что думало шляхетство, собранное во множествѣ въ Москвѣ по случаю пребыванія тамъ двора.

Когда по Москвѣ распространился слухъ объ ограниченіяхъ въ пользу Верх. Тайн. Сов., не только видное духовенство (Ѳеоѳанъ Прокоповичъ), не только государственные люди, не учавствовавшіе въ «затѣйкѣ» верховниковъ, но и все среднее и низшее дворянство пришло въ большое негодованіе на верховниковъ. Смѣлый и ловкій Ягужинскій успѣлъ тайно отправить изъ Москвы дворянина Сумарокова въ Митаву къ Аннѣ съ совѣтомъ: «не всему вѣрить, что станутъ представлять ей посланные отъ Верх. Тайн. Сов.». Ягужинскій, какъ говорятъ, дѣйствовалъ такъ по личнымъ видамъ: онъ хотѣлъ ограниченій, но не былъ принятъ въ Верх. Тайн. Сов., за что и мстилъ Верховникамъ. Его посланный, былъ схваченъ послѣ того, какъ исполнилъ порученіе въ Митавѣ. Анна подписала ограничительные пункты, несмотря на предостереженія Ягужинскаго, самъ же онъ былъ арестованъ въ Москвѣ. Однако ему удалось своимъ совѣтомъ возбудить въ Аннѣ подозрѣніе въ томъ, что пункты «отъ всего народу» привезли.

Ягужинскій дѣйствовалъ въ Митавѣ, шляхетство волновалось въ Москвѣ. Одни дворяне были противъ ограниченій и желали просто перебить Верховниковъ, другіе болѣе или менѣе охотно мирились съ совершившимся фактомъ отмѣны самодержавія, но возмущались новою формой власти—олигархической и желали измѣнить ограничительные пункты такъ, чтобы отдать и шляхетству участіе во власти. По отзывамъ современниковъ возбужденіе умовъ было чрезвычайное, сборища носили страстный характеръ. Верховники, напуганные такимъ движеніемъ дворянства, думали сдержать его угрозами простому дворянству и уступками людямъ замѣтнымъ, которыхъ они ласкали и успокаивали обѣщаніями, что какъ только будетъ получено согласіе Анны, немедленно будутъ призваны всѣ чины для обсужденія новаго государственнаго устройства.

Такъ прошло двѣ недѣли. 3 Февраля высшимъ чинамъ объявлено было, что Анна Іоановна приняла престолъ на предложенныхъ условіяхъ, которыя и были прочитаны собравшимся. Всѣ молчали: очевидно, что условія не нравились никому. Хотя затѣмъ и подписали «благодарственный» протоколъ собранія, однако, кѣмъ то изъ толпы было брошено въ лицо Верховникамъ недовольное замѣчаніе: «не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отчего пришло на мысль государынѣ такъ писать». А князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій настоятельно попросилъ позволенія, чтобы шляхетству позволили подать свои мнѣнія о государственномъ устройствѣ въ В. Т. С. Позволеніе было дано.

На основаніи его началось между шляхетствомъ составленіе политическихъ проектовъ, которыхъ различными кружками было составлено 12. Они были представлены Верховному Тайному Совѣту и сохранились до нашего времени. Наиболѣе выработанные изъ нихъ (самый обстоятельный принадлежитъ извѣстному историку Татищеву) требуютъ увеличенія числа членовъ В. Т. С. и назначеніе ихъ по выбору дворянства. Собственно этимъ участіемъ шляхетства въ назначеніи членовъ В. Т. С. и исчерпывалась политическая роль дворянскаго сословія, по проектамъ самаго дворянства. Помимо плановъ политическаго переустройства, проэкты содержали въ себѣ просьбы о льготахъ дворянству: просили ограничить государственную службу дворянъ 20-ю годами, уничтожить единонаслѣдіе въ дворянскихъ имѣніяхъ и учредить школы для дворянства.

Верховники, принявъ проэкты, не обнаружили желанія дѣлать уступки и не думали дѣлиться властью со шляхетствомъ; они обѣщали только доброжелательство и отеческое попеченіе всѣмъ сословіямъ одинаково. Понятно, что это не удовлетворило никого.

Съ 3 Февраля по 15, когда императрица пріѣхала въ Москву, страсти разгорѣлись еще больше, общее неудовольствіе на верховниковъ возросло до открытаго сопротивленія; до свѣдѣнія иностранныхъ пословъ дошло, что Преображенскій полкъ отказался присягать по той формѣ присяги, какая была всего удобнѣе для В. Т. С. Чрезъ приближенныхъ къ императрицѣ Аннѣ дамъ (между прочимъ чрезъ Салтыкову) противники ограниченій успѣли войти въ сношенія съ императрицей когда она пріѣхала въ Москву. Но и до этого сама императрица не разъ давала чувствовать верховникамъ, что ограниченія не настолько крѣпки, чтобы подавить ея волю совершенно. Когда же настроеніе московскаго общества ей стало извѣстно, Анна еще самостоятельнѣе повела себя по отношенію къ В. Т. С. Она упорно отказывалась быть въ засѣданіяхъ Совѣта, хотя въ то же время и не рѣшалась сбросить съ себя принятыя добровольно обязательства.

«Затѣйка» В. Т. С. была разрушена не Анною, а шляхетствомъ. Верховники задумали замѣнить самодержавіе аристократическимъ правленіемъ и не имѣли въ своихъ рукахъ никакихъ средствъ для того, чтобы силою поддержать свои планы. Шляхетство же, не имѣя опредѣленнаго плана государственнаго переустройства, и возставая противъ олигархіи, было единственной силой въ государствѣ, потому что имѣло военную организацію. Первое же открытое вмѣшательство этой силы въ отношенія верховной власти и В. Т. С. повело къ тому, что прерогативы первой были возстановлены и планы второго разрушены. Произошло это такимъ образомъ: 28 Февраля 1730 г. во дворецъ явилась толпа шляхетства, человѣкъ въ 800, и подала императрицѣ просьбу о томъ, чтобы она приказала разсмотрѣть тѣ проэкты, которые были поданы В. Т. С. отъ шляхетства и оставлены Совѣтомъ безъ всякаго движенія. Удивленные верховники просили императрицу объ обсужденіи поданной просьбы совмѣстно съ ними. Но Анна прямо написала на просьбѣ резолюцію о разсмотрѣніи проэктовъ. Тогда часть шляхетства, а именно гвардейскіе офицеры, неожиданно обратились къ Аннѣ

съ шумной и настойчивой просьбой принять самодержавіе. Боясь поднявшагося шума и желая прекратить безпорядокъ, Анна не дала рѣшительнаго отвѣта, но нарушила свои ограниченія тѣмъ, что отдала гвардію подъ начальство преданнаго ей генерала Салтыкова и тѣмъ самымъ отстранила отъ командованія В. Т. С. Въ тотъ же день гвардія и прочее шляхетство поднесли Аннѣ формальную общую просьбу о возстановленіи самодержавія и Анна разорвала свои ограничительные пункты и «учинилась въ суверенствѣ». Прежніе проэкты о новомъ государственномъ устройствѣ превратились въ этотъ день во всеподданнѣйшую просьбу шляхетства объ уничтоженіи В. Т. С., о реформѣ Сената «какъ при Петрѣ I было» и замѣщенія высшихъ административныхъ должностей выборными отъ шляхетства.

Верховники не имѣли никакой возможности помѣшать совершившемуся на ихъ глазахъ государственному перевороту, потому что гвардія была противъ нихъ и охотно ушла изъ подъ ихъ начальства, потому что все шляхетство было противъ олигархическаго Совѣта и Совѣтъ при такихъ условіяхъ сталъ дѣтски слабъ и безпомощенъ. При всемъ разногласіи шляхетскихъ взглядовъ и проэктовъ, при отсутствіи строго выработаннаго плана дѣйствій противъ Совѣта, дворянство легко побѣдило Совѣтъ, какъ только императрица пошла на встрѣчу желаніямъ дворянства. Неизвѣстно насколько союзъ верховной власти и дворянскаго сословія 25 Февраля былъ подготовленъ и условленъ заранѣе (ходили слухи, будто Анна знала о томъ, что готовится), во всякомъ случаѣ переворотъ совершенъ былъ шляхетствомъ, его силами, его авторитетомъ.

Естественно ожидать, что, ставъ самодержицею, Анна воздастъ сословію за его услугу должное. Но слѣдуетъ при этомъ помнить, что шляхетство, совершая переворотъ 25 Февраля, явилось во дворецъ не возстановить самодержавіе, а измѣнить содержаніе ограниченій въ свою пользу. Возстановило самодержавіе не шляхетство, а гвардія, т. е. одна часть шляхетства. Вотъ почему мы видимъ, что Анна лаская гвардію, учреждая новые гвардейскіе полки, (Измайловскій), въ то же время наблюдаетъ интересы всего дворянства не всегда и не совсѣмъ. Правда, она немедленно уничтожаетъ В. Т. С. и возстановляетъ прежнее значеніе Сената, какъ того просили дворяне, она уничтожаетъ ненавистный шляхетству законъ Петра о единонаслѣдіи 1714 г., учреждаетъ дворянское училище—Шляхетскій корпусъ и даетъ нѣкоторыя служебныя облегченія шляхетству. Но прошеніе дворянства объ участіи въ избраніи администраціи остается безъ выполненія и вся политика Анны не только не дворянская, но даже не національная. Боясь русской знати, поднесшей ей пункты, подвергая ее гоненіямъ и даже униженію, опасаясь съ другой стороны политическихъ движеній среди шляхетства и помня, что въ Голштиніи есть родной внукъ Петра Великаго (будущій Петръ III), котораго Анна въ гнѣвѣ звала «чертушкой въ Голштиніи», и который могъ стать знаменемъ движенія противъ нея,—Анна не нашла лучшаго для себя выхода, какъ организовать свое правительство изъ нѣмцевъ. Это обстоятельство, вызванное неумѣньемъ найти себѣ опору въ своемъ народѣ, въ той или другой

его части, привело къ печальнымъ результатамъ. Правленіе Анны—печальная эпоха въ русской жизни XVIII вѣка, время временщиковъ, чуждыхъ Россіи и тяжелымъ игомъ лежавшихъ на русскомъ народѣ. Находясь подъ вліяніемъ своихъ любимцевъ, Анна не оставила по себѣ доброй памяти ни государственной дѣятельностью, ни личной жизнью. Первая сводилась къ удовлетворенію эгоистическихъ стремленій нѣсколькихъ лицъ, вторая отмѣчена странностями, рядомъ расточительныхъ празднествъ, грубыми нравами при дворѣ, блестящими, но жестокими затѣями вродѣ ледяного дома.

Съ первыхъ же минутъ самодержавной власти началось возвышеніе иностранцевъ и опалы на русскую знать. Постепенно представители знати теряли свое придворное значеніе и служебныя мѣста, подвергались гоненію, ссылкѣ, или въ деревни, или въ Сибирь, даже казнямъ. Сперва пострадали Долгорукіе, нѣкоторымъ изъ нихъ,—Василію Лукичу, Ивану Алексѣевичу и др. были отсѣчены головы. Потомъ пришелъ чередъ и Голицыныхъ. Изъ членовъ бывшаго В. Т. С. уцѣлѣли только Головкинъ и Остерманъ, неродовитыя люди. Преслѣдованіе знати было возведено какъ бы въ систему: подвергались ссылкамъ и заключенію такіе представители старой аристократіи, которые не принимали никакого участія въ замыслѣ верховниковъ и не играли видной роли (Черкасскіе и Юсуповы). Въ то же время не менѣе систематически шло возвышеніе нѣмцевъ. Уже въ Маѣ 1790 г. замѣчали, что императрица находится вполнѣ подъ вліяніемъ Бирона (Курляндскаго камергера, любимца Анны) и Левенвольда (Лифляндскаго дворянина). Оба они были осыпаны милостями и взяли дѣла въ свои руки. Послѣдній изъ нихъ сформировалъ для Анны Измайловскій полкъ съ офицерами изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, самъ былъ сдѣланъ полковникомъ этого полка, а въ помощники получилъ шотландца Кейта. Биронъ же старался о замѣщеніи нѣмцами всѣхъ видныхъ мѣстъ въ администраціи. При Аннѣ въ придворной сферѣ первое мѣсто занимали нѣмцы, во главѣ текущаго управленія стоялъ нѣмецъ (Остерманъ), въ Коллегіяхъ президентами были нѣмцы, во главѣ арміи находились нѣмцы, (Минихъ и Ласси). Изъ нихъ главная сила принадлежала Бирону. Это былъ человѣкъ совершенно ничтожный по способностямъ и безнравственный по натурѣ. Будучи фаворитомъ Анны и пользуясь ея довѣріемъ, Биронъ вмѣшивался во всѣ дѣла управленія, но не имѣлъ никакихъ государственныхъ взглядовъ, никакой программы дѣятельности и ни малѣйшаго знакомства съ русскимъ бытомъ и народомъ. Это не мѣшало ему презирать русскихъ и сознательно гнать все русское. Единственною цѣлью его было собственное обогащеніе, единственною заботою – упроченіе его положенія при дворѣ и въ государствѣ. Дѣйствуя помощью массы нѣмцевъ и тѣхъ русскихъ, которые думали сдѣлать свою карьеру службою временщику, Биронъ не управлялъ государствомъ, а эксплоатировалъ страну въ своихъ личныхъ выгодахъ, презирая законъ и совѣсть и обманывая императрицу. Съ первыхъ минутъ своей власти въ Россіи онъ принялся за взысканіе податныхъ недоимокъ съ народа путемъ самымъ безжалостнымъ, раззоряя народъ, установляя невозможную круговую поруку въ платежѣ между крестья-

нами-плательщиками, ихъ владѣльцами-помѣщиками и мѣстною администраціею. Всѣ классы общества платились и благосостояніемъ и личною свободою: крестьяне за недоимку лишались имущества, помѣщики сидѣли въ тюрьмахъ за бѣдность ихъ крестьянъ, областная администрація подверглась позорнымъ наказаніямъ за неисправное поступленіе податей. Когда же поднялся ропотъ, Биронъ, для сохраненія собственной безопасности, прибѣгнулъ къ системѣ доносовъ, которые развились въ ужасающей степени. Тайная Канцелярія, преемница Преображенскаго Приказа Петровской эпохи, была завалена политическими доносами и дѣлами. Никакой человѣкъ не могъ считать себя безопаснымъ отъ «слова и дѣла» (восклицаніе, начинавшее обыкновенно процедуру доноса и слѣдствія). Мелкая житейская вражда, чувство мести, низкое корыстолюбіе могли привести всякаго человѣка къ слѣдствію, тюрьмѣ и пыткѣ. Въ обществѣ господствовалъ терроръ. И въ то же время одно за другимъ шли физическія бѣдствія: моръ, голодъ. Войны съ Польшей и Турціей истощали народныя силы. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ жизни, народъ не могъ быть спокоенъ, не смотря ни на какіе страхи Тайной Канцеляріи.

Въ 1734, въ 1738 годахъ, на югѣ-востокѣ и на югѣ—появились самозванцы, называвшіе себя сыновьями Петра. Они имѣли успѣхъ среди населенія и войскъ, но скоро были изловлены. И безъ нихъ народный ропотъ не смолкалъ. Въ народѣ хорошо знали, что «Биронъ взялъ силу и государыня безъ него ничего не сдѣлаетъ. Всѣмъ нынѣ овладѣли иностранцы. Вотъ какія фигуры дѣлаются у насъ». Такъ разсуждали русскіе люди. Они находили, что дѣла Россіи очень плохи: «нѣтъ у насъ никакого добраго порядка», раздавались голоса—«пропаще наше государство». Въ народной массѣ угадывали, что нѣмцы—правители не заботятся о странѣ, а «боготворятъ чрево», «слезные и кровавые сборы употребляютъ на потѣху». Нѣмцы пользуются тѣмъ, что на престолѣ слабая женщина: «гдѣ ей столько знать, какъ мужской полъ». Женской власти приписывали всѣ безпорядки, всѣ бѣды: были увѣрены, что даже «хлѣбъ не родится», потому что «женскій полъ царствомъ владѣетъ».

Неспокойно было и въ придворной средѣ, растлѣнной страхами передъ доносами и раболѣпствомъ предъ временщикомъ. Вокругъ себя Биронъ не видѣлъ ни одной самостоятельной личности. Всѣхъ замѣтныхъ русскихъ людей онъ губилъ исподволь и являлся полнымъ распорядителемъ дѣлъ. Такъ называемый Кабинетъ учрежденный въ Ноябрѣ 1731 г. изъ трехъ лицъ (Остермана, Головкина и Черкасскаго), долженъ былъ замѣнить собою упраздненный В. Т. С. и стать надъ Сенатомъ и даже Синодомъ во главѣ государственнаго управленія. Но Кабинетъ этотъ склонялся передъ Бирономъ и былъ ему послушенъ. Одинъ только хитрый и скрытный Остерманъ, переживщій Меншикова, Долгорукихъ и Верховниковъ, умѣлъ сохранить свое значеніе при Биронѣ. Онъ не стремился къ «фавору», оставался только дѣльцомъ, но такимъ вліятельнымъ, что сталъ казаться Бирону опаснымъ человѣкомъ. Думая кѣмъ замѣнить его, Биронъ пришелъ къ тому, что сдѣлалъ Кабинетъ-Министромъ способнаго дипломата и администра-

тора Волынскаго. Онъ надѣялся, что Волынскій останется ему преданнымъ человѣкомъ, какъ было до тѣхъ поръ, и своими способностями и привычкой къ дѣламъ замѣнитъ Остермана. Но Волынскій, хотя и сталъ мѣшать Остерману, явился въ то же время непріятнымъ и Бирону. Лишенный всякой нравственной поддержки, новый Кабинетъ-Министръ не соразмѣрилъ своихъ силъ и вліянія съ тѣми задачами, какія себѣ поставилъ. Онъ желалъ стать въ придворномъ мірѣ нетолько самостоятельнымъ, но выше прочихъ дѣятелей, онъ думалъ перестроить и придворную среду и направленіе. Понятно, что такіе планы вооружили противъ него Бирона, который сталъ бояться Волынскаго. При безтактности Волынскаго, Бирону легко было найти въ его поступкахъ предлогъ для обвиненія. Волынскій былъ отданъ подъ судъ, обвиненъ въ цѣломъ рядѣ дѣйствительныхъ и фиктивныхъ проступковъ и приговоренъ къ смертной казни въ 1740 г. На его мѣсто, въ противовѣсъ Остерману, Биронъ выдвинулъ Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Но Остерманъ сохранялъ свое положеніе, держась необыкновенно осторожно и не мѣшая Бирону въ его фаворѣ.

Десять лѣтъ продолжалось господство нѣмцевъ, десять лѣтъ русскіе были оскорбляемы въ лучшихъ своихъ симпатіяхъ и чувствахъ. Ропотъ не прекращался. Люди, пострадавшіе отъ нѣмцевъ, независимо отъ своихъ личныхъ качествъ, за то только, что они были русскіе и страдали, въ глазахъ народа превращались въ героевъ мучениковъ. Ссылка Вас. Вл. Долгорукова, казнь Волынскаго, сдѣлали этихъ страдальцевъ популярными въ народѣ. Но при всемъ томъ, народъ не поднимался противъ нѣмцевъ, а только ропталъ. Причины этого заключались въ томъ, что съ одной стороны страшный режимъ не давалъ народу возможности сплотиться (такъ объяснялъ народное безпокойство французскій посланникъ, маркизъ Шетарди), а съ другой стороны не было лица, во имя котораго могло произойти движеніе: родъ Петра въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся. Анна боялась Голштинскаго принца, но для народа онъ былъ тоже нѣмецъ и притомъ мало извѣстный.

Маркизъ Шетарди предсказывалъ, что нельзя надѣяться на движеніе народа противъ нѣмцевъ и въ случаѣ смерти Анны. Но онъ былъ въ этомъ не вполнѣ правъ. Въ концѣ 1740 г. Анна неожиданно занемогла и умерла послѣ 2-хъ недѣльной болѣзни. Передъ смертью она назначила своимъ преемникомъ только что родившагося принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Іоанна Антоновича (правнука царя Іоанна Алексѣевича). Но хотя у него въ Петербургѣ были и отецъ (Антонъ Ульрихъ) и мать (Анна Леопольдовна), императрица медлила назначеніемъ регента. Бирону хотѣлось получить регентство въ свои руки и соединить такимъ образомъ власть надъ Россіей съ Курляндской герцогской короной, которую Биронъ получилъ въ 1737 г. Преданный Бирону, Бестужевъ-Рюминъ особенно старался объ этомъ. Придворная знать желала того же: одни боялись пропасть безъ Бирона, ибо жили благодаря ему, другіе боялись идти противъ Бирона, потому что за это могли погибнуть, когда Биронъ станетъ регентомъ. Желаніе придворнаго круга было выдано императрицѣ за народное желаніе, и она

«по народному желанію» наканунѣ смерти отдала Россію въ руки Бирона.

Ненавистный народу фаворитъ сталъ формально распорядителемъ Россіи до совершеннолѣтія монарха, иначе говоря, на 17 лѣтъ. На лицахъ русскихъ бывшіе тогда иноземцы читали горе и стыдъ, такъ ужасно дѣйствовало на русскіе умы вступленіе во власть презрѣннаго нѣмца. Гвардія, обласканная Анною, ждала лишь той минуты когда прахъ императрицы преданъ будетъ землѣ, чтобы подняться на Бирона. Броженіе въ войскахъ было сильно, но гвардейцы не имѣли руководителя, незнали во имя кого слѣдуетъ подняться, дѣйствовать, не знали какъ отнесется къ ихъ движенію мать государя—Анна Леопольдовна. Но какъ только она призвала ихъ на Бирона, движеніе вспыхнуло сразу и Биронъ былъ сверженъ и захваченъ гвардейцами. Произошло это черезъ какой нибудь мѣсяцъ послѣ начала регенства Бирона такимъ образомъ:

Биронъ зналъ, что отецъ и мать императора недовольны его регентствомъ; что гвардія въ своемъ броженіи смотритъ на родителей государя какъ на законныхъ правителей и поэтому Биронъ тѣснилъ принца и принцессу, видя въ нихъ опасныхъ соперниковъ себѣ; онъ создалъ имъ такую невыносимую обстановку, что Анна Леопольдовна не могла удержаться и пожаловалась со слезами Миниху на притѣсненія регента. Честолюбивый Минихъ, недовольный на Бирона за свое второстепенное положеніе при дворѣ, отвѣтилъ на жалобы принцессы обѣщаніемъ освободить ее отъ Бирона. Разговоръ между ними происходилъ 7 Ноября, а въ ночь съ 8—9 Минихъ уже арестовалъ Бирона. Едва онъ объявилъ Преображенцамъ, караулившимъ во дворцѣ, что намѣренъ свергнуть правителя по желанію Анны Леопольдовны, какъ всѣ солдаты до одного выразили свою радость и готовность помогать Миниху. Сотня солдатъ легко совершила государственный переворотъ. Биронъ и ближайшіе къ нему люди, между прочимъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ были взяты: Биронъ особымъ судомъ былъ приговоренъ къ казни за многократное «оскорбленіе Величества», но помилованъ и только сосланъ на житье въ Сибирь (въ Пелымъ). Бестужевъ былъ также сосланъ. Анна Леопольдовна стала правительницей государства и приняла титулъ Великой Княгини. Остерманъ, пережившій и вліяніе Бирона, сохранилъ при правительницѣ все свое значеніе и пожалованъ въ генералъ-адмиралы. Но Минихъ, блестящій фельдмаршалъ, смѣло произведшій переворотъ и награжденный за него чиномъ «перваго министра», скоро былъ отставленъ отъ должности, потому что возбуждалъ опасенія правительницы своимъ честолюбіемъ.

Народъ ликовалъ, когда узналъ о паденіи Бирона: думали, что съ Бирономъ исчезнетъ и бироновщина. Но то, что называли этимъ именемъ, осталось: правительство по прежнему осталось нѣмецкимъ, по прежнему оно существовало для себя, а не для народа. «Много непорядковъ происходитъ», отзывались о дѣлахъ русскіе люди. Во главѣ дѣлъ и двора стояли частью прежнія лица: Остерманъ, уцѣлѣвшій Левенвольдъ, частью новые фавориты, иностранцы,—фрейлина

Менгденъ и ея женихъ, саксонскій посланникъ Линаръ, объ отношеніяхъ котораго къ правительницѣ шла вполнѣ основательно дурная молва. Не безъ претензій на вліяніе былъ и мужъ Анны Леопольдовны, принцъ Антонъ, генералисимусъ русскихъ войскъ. Изъ русскихъ пользовались высокимъ положеніемъ кабинетъ-министры, — канцлеръ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и вице-канцлеръ гр. Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Головкинъ умѣлъ даже вліять на правительницу, но не умѣлъ стать во главѣ дѣлъ. Сама Анна Леопольдовна была совершенно неспособна нетолько къ управленію, но и къ дѣятельности вообще. Дѣтски близорукая и неразвитая, она была избалована, любила роскошь и тѣсный кружокъ веселыхъ людей, желала жить для себя и подальше отъ дѣлъ. Не только къ государственнымъ дѣламъ, но и къ окружающимъ ее отношеніямъ придворнаго круга она не могла присмотрѣться сознательно, не могла примирить безчисленныхъ ссоръ и распрей, происходившихъ между людьми близкими къ власти. При такихъ условіяхъ правительство не могло быть сильнымъ. Его слабость была замѣтна для всѣхъ, его свойства никого не привлекали. Явилась возможность скораго и легкаго переворота.

Нетолько русскіе люди знали дурное положеніе дѣлъ въ Россіи— его знали и имъ пользовались иностранныя правительства. Традиціонная дружба Россіи и Австріи, отъ которой не рѣшилась отступить и Анна Леопольдовна, привела Россію при Аннѣ Леопольдовнѣ къ тому, что необходимо было подать Австріи вооруженную помощь. Но это шло противъ видовъ Франціи, которая старалась удержать Россію отъ вмѣшательства въ дѣла Австріи путемъ дипломатическихъ интригъ. Съ одной стороны Франція возбуждала Швецію къ войнѣ съ Россіей для возвращенія завоеваній Петра Великаго, и Швеція считала эту войну возможной въ виду внутреннихъ замѣшательствъ Россіи. Съ другой стороны Франція желала въ самой Россіи произвести государственный переворотъ и поставить на русскомъ престолѣ лицо съ болѣе удобными для Франціи взглядами, чѣмъ правительница Анна. Тотъ же самый маркизъ Шетарди, который при Аннѣ Іоанновнѣ не надѣялся на народное движеніе противъ нѣмцевъ въ Россіи, теперь вмѣстѣ съ французскимъ правительствомъ твердо вѣрилъ въ возможность такого движенія и самъ пытался его организовать. Онъ желалъ видѣть на русскомъ престолѣ дочь Петра I—Елизавету, съ которой вошелъ въ оживленныя сношенія, убѣждая ее дѣйствовать для достиженія престола.

Въ самомъ дѣлѣ, если русскую корону носитъ малолѣтній внукъ царя Іоанна, сынъ нѣмца и государыни, то отчего не вступить на престолъ дочери царя Петра, чисто русской женщинѣ, любимой народомъ и единственной чисто-русской представительницѣ царствующаго дома? Елизавета была всторонѣ отъ престола пока живы были виднѣйшіе представители семьи Петра Великаго, пока царствовала избранная народомъ Анна, но теперь, за недостаткомъ чисто-русскихъ потомковъ Московскихъ государей и при постыломъ господствѣ иноземщины, Елизавета становилась желанной государыней въ глазахъ русскихъ людей. Шетарди удачно обратился къ Елизаветѣ, потому,

что переворотъ могъ легко совершиться въ ея именно пользу при общемъ къ ней сочувствіи. Трудности дѣла заключались не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ самой Елизаветѣ.

Красавица собою, кроткаго, общительнаго характера, Елизавета не была дѣятельнымъ и энергичнымъ человѣкомъ. Не лишенная способностей, но отличавшаяся лѣнью, она не много знала, хотя и говорила по французски, по нѣмецки, даже по шведски.

Нужно замѣтить, что и учили ее вообще небрежно: мы знаемъ, что у нея были учителя (преимущественно французы), но знаемъ, что они были непостоянно. Любовь отца и матери скрасила годы дѣтства и отрочества Елизаветы. У нея только было одно большое горе: она потеряла любимаго жениха, принца Карла Голштинскаго, умершаго передъ свадьбой. При Петрѣ II 20 лѣтняя Елизавета имѣла сильнѣйшее вліяніе на племянника. Но она не пользовалась своимъ вліяніемъ, потому что по характеру и интересамъ была далека отъ придворной борьбы и интригъ. Со смертью Петра II кончились свѣтлые годы Елизаветы: императрица Анна боялась ея и поставила подъ строгій надзоръ. Дочь Петра Великаго, чтобы остаться цѣлой, должна была вести самый осторожный и скромный образъ жизни. Ее удалили отъ всѣхъ придворныхъ и политическихъ дѣлъ, стѣснили въ средствахъ къ жизни, наблюдали за каждымъ шагомъ, за каждымъ ея знакомствомъ. Всѣ выдающіеся нѣмцы времени Анны (Минихъ, Остерманъ и др.) были ей враждебны, потому что видѣли въ ней человѣка, способнаго стать (и не по своей волѣ) во главѣ народнаго движенія противъ нѣмцевъ. Но Биронъ, какъ это ни странно, былъ расположенъ къ Елизаветѣ; довольный тѣмъ, что она съ почтительностью относилась и къ нему и къ императрицѣ. Однако его личное расположеніе мало помогало Елизаветѣ; ей оставалось замкнуться въ тѣсной сферѣ своего частнаго хозяйства, въ узкомъ кружкѣ близкихъ къ ней, состоящихъ при ея дворѣ лицъ. Юношеская рѣзвость Елизаветы пропала. Отсутствіе широкой дѣятельности не тяготило ея бездѣятельную натуру: склонность къ веселью удовлетворялась скромными увеселеніями въ близкомъ кружкѣ. Въ этомъ кружкѣ Елизавета нашла крѣпкую сердечную привязанность въ лицѣ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, нашла преданныхъ лицъ въ своихъ камеръ-юнкерахъ, братьяхъ Шуваловыхъ и Воронцовѣ. Можно думать, что если бы Елизавету оставили въ покоѣ, она никогда не рѣшилась бы выйдти изъ узкой сферы своего быта, гдѣ главнымъ ея горемъ была не потеря придворнаго значенія, а недостатокъ денежныхъ средствъ. Однако ея въ покоѣ не оставили.

Въ регентство Бирона Елизавета могла ждать улучшенія своего положенія и дѣйствительно, ея содержаніе было увеличено, но Бирона свергли и на его мѣсто стала женщина, боявшаяся всего потомства Петра Великаго; для Анны Леопольдовны и ея сына были страшными соперниками и дочь Петра Елизавета, и внукъ его Петръ Ульрихъ Голштинскій, потому что они имѣли не менѣе права на престолъ чѣмъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ. За дворцомъ Елизаветы начали слѣдить внимательно, желая уничтожить ея планы на престолъ, думали

отдать ее замужъ; съ Елизаветой вообще обращались такъ, что сами наводили ее на мысль о политическихъ ея правахъ. О необходимости осуществить эти права и взять престолъ заговорилъ въ то же время съ Елизаветою и Шетарди черезъ ея доктора француза Лестока, который имѣлъ на Елизавету нѣкоторое вліяніе. Елизавета была далека отъ всякаго политическаго риска. Не смотря на то, Лестокъ и самъ Шетарди употребляли всю свою ловкость, чтобы склонить ее на переворотъ. И можно сказать, что ихъ старанія были бы напрасны, если-бы Елизавета не видѣла себѣ поддержки среди русскаго общества недовольнаго нѣмецкимъ правительствомъ: и народъ и гвардія стали высказывать Елизаветѣ свою обычную преданность все настойчивѣе и горячѣе. Въ гвардіи шло сильное броженіе въ пользу Елизаветы, о которомъ она знала. Но ни Шетарди, ни Лестокъ, ни другіе близкіе къ Елизаветѣ люди не могли, конечно, руководить движеніемъ гвардіи, потому что не имѣли къ ней отношенія. Не было такихъ лицъ и въ самой гвардіи. Поэтому во главѣ движенія должна была стать сама Елизавета, но этого то и трудно было достигнуть Шетарди по характеру Елизаветы. Между тѣмъ время шло; интрига Шетарди и гвардейское движеніе становилось все болѣе извѣстнымъ правительству. Остерманъ предостерегалъ правительницу, отъ австрійскаго двора шли такія же предостереженія, но Анна Леопольдовна ограничилась только тѣмъ, что наивно открыла Елизаветѣ существующія подозрѣнія. Это побудило Елизавету дѣйствовать рѣшительнѣе, тѣмъ болѣе, что гвардія должна была выступить въ походъ противъ Швеціи. Всѣ близкіе къ Елизаветѣ люди (Разумовскій, Воронцовъ, Шуваловъ и Лестокъ), составивъ какъ бы придворный совѣтъ 24 Ноября 1741 г., настояли на немедленномъ исполненіи давно задуманнаго переворота. Елизавета рѣшилась сама стать во главѣ преданныхъ ей солдатъ, побуждаемая опалою отъ правительницы.

Съ 24—25 ноября Елизавета пріѣхала въ казармы гренадерской роты Преображенскаго полка и съ помощью ея произвела съ чрезвычайной легкостью государственный переворотъ. Правительница со всей ея семьей была арестована въ Зимнемъ дворцѣ и перевезена во дворецъ Елизаветы. Въ своихъ домахъ были арестованы: Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Головкинъ и др. близкіе къ правительницѣ люди. Остальные немедленно явились поздравить новую императрицу и въ числѣ ихъ сразу сталъ на виду только что вернувшійся изъ ссылки А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

Не смотря на морозную ночь, улицы Петербурга были полны ликующимъ народомъ. Въ новой государынѣ видѣли чисто русскую государыню и праздновали паденіе нѣмецкаго режима. Вскорѣ увидѣли доказательства этого паденія. Всѣ видные дѣятели бывшихъ царствованій нѣмцы—были отданы подъ судъ. Остерманъ, пережившій пять царствованій и всѣхъ временщиковъ, нетолько благополучно, но и съ пользой для личной карьеры и вліянія, теперь не увернулся отъ опалы и паденія, какъ самый видный нѣмецъ въ правительствѣ. Елизавета не любила его, потому что боялась его болѣе, чѣмъ кого либо другого, потому что Остерманъ, при всей своей ловкости, не могъ

скрыть своего враждебнаго отношенія къ Елизаветѣ. Вмѣстѣ съ Остерманомъ попали подъ слѣдствіе и Минихъ, и Левенвольдъ, и Менгденъ, и русскій—графъ Головкинъ, близкіе къ бывшей правительницѣ. Обвиненные въ разнообразныхъ государственныхъ преступленіяхъ, они всѣ были приговорены къ смерти, возведены на эшафотъ, но помилованы и сосланы въ Сибирь. Вмѣстѣ съ ссылкою главныхъ иностранцевъ, исчезли изъ администраціи и второстепенные. Ясно, было, что императрица желаетъ править Россіей посредствомъ русскихъ людей. При дворѣ, въ управленіи, во внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи выступали впередъ чисто русскіе люди; все русское, что было поругано и унижено, получало свои права; награды сыпались на русскихъ людей. Гренадерская рота Преображенскаго полка произведшая переворотъ была переименована въ лейбъ-компанію. Всѣ ея чины были признаны потомственными дворянами и получили земли, изъ конфискованныхъ имѣній иностранцевъ. Вся гвардія съ восторгомъ поддержавшая Преображенцевъ, была щедро награждена «понеже, (говоря словами указа Елизаветы), ихъ службою успѣхъ воспріятія престола получили».

Сверженіе иноземцевъ и ласка къ русскимъ людямъ обусловили собою прочность и популярность новаго царствованія, объявившаго своимъ лозунгомъ вѣрность традиціямъ Петра Великаго.

Такъ закончился темный періодъ нашей исторіи XVIII вѣка. Мы сказали, что причины частыхъ переворотовъ послѣ Петра Великаго заключались въ состояніи царской семьи и въ особенностяхъ той среды, которая вліяла на государственныя дѣла.

Обозрѣніе событій при дворѣ за 1725—1741 годы достаточно показало намъ въ какомъ состояніи была семья Петра Великаго: мужское его потомство состояло изъ одного внука, умершаго до совершеннолѣтія; дочери его родились до его церковнаго брака съ Екатериной и это первоначально было препятствіемъ къ достиженію ими престола. Племянницы Петра и одна изъ его дочерей (Анна) были замужемъ за нѣмецкими владѣтельными принцами и ихъ дѣти были не русскими царевичами, а нѣмецкими принцами. При такихъ условіяхъ, трудно было, конечно, согласиться относительно законнаго порядка престолонаслѣдія и невозможно было избѣжать нѣмецкаго элемента при дворѣ. Неизбѣжны были замѣшательства при передачѣ престола отъ одного лица къ другому, и они еще поддерживались закономъ о престолонаслѣдіи Петра, узаконившимъ личный произволъ монарха вмѣсто народнаго обычая. Но этотъ законъ Петра ставя, при каждомъ царствованіи, трудный вопросъ о преемникѣ престола, въ то же время имѣлъ и хорошую сторону: онъ устранилъ возможность междуусобія претендентовъ на престолъ, санкціонируя самую прихотливую передачу престола. Какъ бы то ни было, состояніе царствующаго дома дѣлало престолонаслѣдіе случайнымъ и открывало широкую дорогу для всякаго рода постороннихъ вліяній на порядокъ преемства престола. Постороннія вліянія особенно процвѣтали благодаря тому, что на престолѣ была или женщина, или малолѣтніе государи, условія благопріятныя для развитія фаворитизма и личныхъ вліяній

при дворѣ и въ государствѣ. Уже тотчасъ послѣ смерти Петра видимъ фаворита Меньшикова, затѣмъ Долгорукихъ, Бирона. За ними тянется длинный рядъ замѣтныхъ и незамѣтныхъ, способныхъ и неспособныхъ личностей съ одною задачей—добиться фавора или вліянія на дѣла. Придворная жизнь полна интригами, столкновеніями лицъ и партій. Государство управляется «силою персонъ», вмѣсто твердыхъ учрежденій, о чемъ такъ заботился Петръ. Изученіе придворной жизни много объясняетъ въ государственной жизни послѣ Петра. Придворная среда получаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ нормальнѣе эпоха исторіи. Настроеніе этой среды объясняетъ намъ почему послѣ Петра его начинанія не продолжались, почему Россія жила день за день и многое, что насадилъ Петръ было заглушено послѣ него. Среда людей, стоявшихъ около престола и управлявшихъ Россіей послѣ Петра, составилась изъ самыхъ разнообразныхъ лицъ: въ ней были представители древней Московской аристократіи. (Голицыны, Долгорукіе, Трубецкіе и Черкасскіе); были люди—сами себѣ сдѣлавшіе карьеру (Меньшиковъ, Ягужинскій, Толстой, Бестужевъ), были, наконецъ, люди чуждые болѣе или менѣе Россіи и происхожденіемъ и интересами (Минихъ, Остерманъ и Биронъ). Понятно, что въ этой средѣ не могло быть общихъ интересовъ. Если даровитыхъ людей могла соединять забота объ утвержденіи положенія аристократіи, если иностранцы могли дѣйствовать сообща ради водворенія и обезпеченія своего режима, то русскихъ неродовитыхъ людей могла соединять только память объ общемъ ихъ учителѣ Петрѣ и дѣло реформы. Но мы знаемъ, что ученики и сотрудники Петра разно смотрѣли на реформу, не въ одинаковой мѣрѣ ей сочувствовали; мы знаемъ, что они не составляли тѣснаго круга внутренно-сплоченныхъ людей. При этомъ условіи они могли не дать хода реакціоннымъ стремленіямъ бывшимъ въ обществѣ, удерживали Россію на томъ пути на которомъ она была при Петрѣ; но они не могли ни продолжать дѣло Петра, ни сохранить его неприкосновеннымъ во всѣхъ частностяхъ. Среди нихъ большую роль играли личныя стремленія и заботы, разъединявшія ихъ на враждебныя партіи. Тоже господство личныхъ стремленій видимъ и среди старой знати и среди иноземцевъ. Отсюда масса мелкихъ интригъ и столкновеній. Меншиковъ ссылаетъ Толстого, Биронъ борется съ Остерманомъ и т. д. Однако при такомъ разъединеніи замѣчаемъ и попытки соединенныхъ дѣйствій той или другой стороны. Тотчасъ послѣ смерти Петра дѣлами правятъ неродовитые русскіе люди: они добиваются того, что престолъ переходитъ къ Екатеринѣ, они занимаютъ большинство мѣстъ въ Верховномъ Совѣтѣ видныя, административныя мѣста. Виднѣе ихъ всѣхъ временщикъ Меньшиковъ. Съ воцареніемъ Петра II первая роль достается, мало по малу, старой знати, впереди которой идутъ временщики Долгорукіе. Послѣ смерти Петра II, пользуясь удачнымъ моментомъ, старая знать желаетъ закономъ упрочить свое высокое государственное положеніе. Сознавая, что на это положеніе она имѣетъ нѣкоторое право, нетолько по личнымъ талантамъ и случайной выслугѣ, но и по происхожденію и исторической традиціи Москвы; знать подноситъ Аннѣ «пункты», но тер-

пить неудачу. При Аннѣ ни знатные, ни простые сотрудники Петра не пользуются прежнимъ значеніемъ: въ систему возводится управленіе посредствомъ иностранцевъ съ временщикомъ Бирономъ во главѣ. Національное неудовольствіе прекращаетъ эту систему: къ дѣламъ становятся снова русскіе люди, но это уже не сотрудники Петра, а люди болѣе поздней формаціи.

При такой смѣнѣ придворныхъ вліяній борьба разныхъ людей и направленій вліяетъ на порядокъ престолонаслѣдія. Современники увѣряли, что Петръ II вступилъ на престолъ отчасти благодаря вліянію Меншикова на Екатерину. Сама Екатерина взошла на престолъ по выбору придворной среды, Анна Іоанновна точно также. Завѣщаніе Екатерины, предрѣшавшее судьбу престола послѣ бездѣтной смерти Петра, было отвергнуто въ 1730 г. придворной знатью. Такимъ образомъ судьба престола часто зависѣла отъ вліянія временщиковъ.

Такой порядокъ вещей отражался конечно на общемъ ходѣ государственной жизни и имѣлъ такія послѣдствія, какія были чужды Петровскому времени. Прежде всего рядъ дворцовыхъ переворотовъ не совершался исключительно въ сферѣ дворцовой жизни, но выходилъ, такъ сказать, за предѣлы дворца, совершался съ участіемъ гвардіи и народа. Гвардейскіе полки не одинъ разъ являлись рѣшителями дворцовыхъ дѣлъ и отношеній. При воцареніи Екатерины голосъ гвардейскихъ офицеровъ и то обстоятельство, что гвардія повиновалась императрицѣ, рѣшили дѣло ея избранія. При Аннѣ гвардейскіе офицеры первые заговорили о возстановленіи самодержавія, и оно было возстановлено. Бирона свергли гвардейцы: гвардейцы же возвели Елизавету. Ни одинъ переворотъ во дворцѣ и государствѣ не совершался безъ участія гвардейскихъ полковъ. И это было естественнымъ, потому что, гвардія была военною силой, ближайшей къ правительству. Важность политической роли, какую могла играть гвардія, не была тайной ни для самихъ гвардейцевъ, ни для правительства, которое не бывало равнодушно къ настроенію гвардіи: оно или ласкало гвардейцевъ, (напр. имп. Екатерина и Анна), или не довѣряло имъ и боялось ихъ какъ при Биронѣ который думалъ даже реформировать гвардію, и при Аннѣ Леопольдовнѣ, когда гвардію хотѣли удалить изъ Петербурга отъ Елизаветы. Сами гвардейцы тоже понимали, что они составляютъ политическую силу: они очень сознательно относились ко всѣмъ политическимъ переворотамъ и не скрывали своего отношенія къ нимъ. Когда господство нѣмцевъ привело къ регенству Бирона, гвардія явилась первой выразительницей народнаго негодованія на то, что «отдали все государство регенту». Гвардейцы собирались «убрать регента и сообщниковъ его» и дѣйствительно убрали какъ только явился у нихъ руководитель. Толки о Биронѣ шли безъ особой опаски: на улицѣ одинъ офицеръ возбуждалъ солдатъ настолько явно, что это слышалъ кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ и долженъ былъ обнажить шпагу на офицера, чтобы заставить его замолчать. Другіе офицеры безбоязненно являлись къ вельможамъ (Черкасскому, Головкину) съ протестами противъ регента. Недовольная правительницей гвардія съ особенной настойчивостью показывала свою

преданность Елизаветѣ: офицеры и солдаты постоянно приходили къ ней, не боясь того, что за каждымъ шагомъ Елизаветы слѣдили: однажды гвардейцы толпою окружили царевну въ Лѣтнемъ саду со словами: «Матушка, мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, что наконецъ велишь намъ». На это царевна могла отвѣчать лишь усиленною просьбою молчать и не губить ни себя, ни ея. Въ такомъ поведеніи гвардіи сказывалось лучше всего сознаніе своей силы и значенія.

Однако, наблюдая такую роль гвардейскихъ полковъ, не слѣдуетъ думать, что Россія стала жертвою преторіанства. Чтобы понять смыслъ и значеніе того положенія, какое заняла гвардія послѣ Петра, слѣдуетъ помнить ея составъ. Гвардейскіе полки, въ большинствѣ своемъ, состояли изъ людей дворянскаго класса; преимущественно въ гвардіи дворянство отбывало свою обязательную службу и наполняло ея ряды нетолько въ качествѣ офицеровъ, но и рядовыхъ. Все что въ гвардіи было не дворянскаго дослуживалось до того же дворянства. Поэтому гвардія въ первой половинѣ XVIII вѣка была вполнѣ отраженіемъ дворянства, частью его; она носила въ себѣ интересы шляхетства и, стоя близко у дѣлъ, направляла самый классъ; передавала дворянству свои впечатлѣнія и изъ дворянской первоначальной среды переносила въ столицу всѣ желанія своего класса. Гвардія не была оторваннымъ отъ земства войскомъ, а «заключала въ себѣ» лучшихъ людей, которымъ дороги были интересы страны и народа. Доказательствомъ служитъ то, что всѣ перевороты имѣли цѣлью благо страны, «производились по національнымъ побужденіямъ». (Соловьевъ. 21 т.). Гвардія являлась въ переворотахъ не безтолковой военной вольницей, а частью русскаго общества, которая пріобрѣла силу, потому что владѣла военною организаціею.

Такія особенности состава и положенія гвардіи имѣли большія послѣдствія. Тѣмъ, что важное значеніе пріобрѣла часть шляхетства, гвардія, важное значеніе пріобрѣтало и все шляхетство. Награды, которыя получала гвардія, въ сущности были наградою всему шляхетству. Политическое значеніе гвардіи передавалось, словомъ, всему дворянскому классу. Это было одно послѣдствіе ненормальнаго хода дѣлъ въ центрѣ государства.

Другое послѣдствіе его заключалось въ томъ, что при частной смѣнѣ правительствъ и «силѣ различныхъ персонъ» не было твердой системы въ управленіи государствомъ, ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ. Это приводитъ насъ къ обзору управленія и политики Россіи послѣ Петра Великаго.

Управленіе Россіей въ 1725—41 гг.

Мы видѣли при обзорѣ дѣятельности Петра Великаго, что онъ создалъ стройную систему административныхъ органовъ съ раздѣленіемъ власти административной и судебной. Эта система учрежденій была объединена подъ контролемъ Сената и прокуратуры и въ областномъ управленіи допускала активное участіе сословныхъ представителей—дворян-

скихъ (земскихъ коммиссаровъ) и городскихъ (въ магистратахъ). Мы видѣли также, что одною изъ самыхъ важныхъ заботъ Петра были— народное хозяйство и государственныя финансы.

Тотчасъ послѣ смерти Петра начались и нѣкоторыя перемѣны управленія въ экономической политикѣ правительства, отчасти намъ уже знакомыя. Передъ памятью Петра благоговѣли, не желали отступать съ пути, по которому велъ Россію Петръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ берегли наслѣдіе Петра и замѣняли въ частяхъ его работу, причемъ измѣняли далеко не въ его духѣ. Прежде всего отступили отъ системы Петра въ устройствѣ центральнаго управленія: по мыслямъ Петра, высшимъ учрежденіемъ долженъ былъ быть Сенатъ, посредствомъ генералъ-прокурора, связаннный съ верховной властью. На мѣсто Сената, какъ мы уже знаемъ, поставили Верховный Тайный Совѣтъ (1726—1730); этимъ свели Сенатъ на степень Коллегіи, а должность генералъ-прокурора «око государево» лишили того значенія, какое придалъ ей Петръ. Съ теченіемъ времени должность эта совсѣмъ исчезла, какъ лишенная своего смысла. Возстановленный при Аннѣ Іоанновнѣ генералъ-прокуроръ не получилъ прежняго значенія, потому что не получилъ его и сенатъ. Анна въ 1730 г. уничтожила Верх. Тайн. Сов., возстановила яко-бы значеніе Сената, раздѣливъ его на три департамента, но вскорѣ надъ Сенатомъ поставила Кабинетъ (1731—1734) аналогичный по значенію Вер. Тайн. Совѣту и этимъ снова уронила значеніе Сената и генералъ прокурора. Должность послѣдняго была и вовсе уничтожена при Аннѣ Леопольдовнѣ. Такимъ образомъ верхній административный органъ въ системѣ Петра потерялъ свое мѣсто, уступивъ его другимъ учрежденіямъ. Но эти новыя учрежденія не отличались прочностью и жили недолго. Въ нихъ (въ Верх. Тайн. Сов. и Кабинетѣ) собиралась та чиновная знать, «Верховные господа министры», которая при Петрѣ часто распоряжалась Сенатомъ. Но при Петрѣ приближенныя къ нему высшія административныя лица не были организованы въ учрежденіе и не имѣли того вліянія, какое получили при слабыхъ представителяхъ власти послѣ Петра (женщинахъ и дѣтяхъ). Когда же у нихъ явилось это вліяніе, они стремились сомкнуться въ учрежденіе, не подчиненное общему правительственному контролю (Сенату и прокуратурѣ); напротивъ, сами взяли контроль въ свои руки и управляли страной собственными силами стоя надъ всей системой администраціи. Въ 1730 г. они даже покусились править нетолько страною, но и самой властью. Попытка не удалась и повела къ видоизмѣненіямъ того учрежденія, которое ее совершало; но и при самодержавіи члены Верх. Тайн. Сов. и Кабинета, ниспровергнувъ административную систему Петра, направленную противъ произвола лицъ, развили этотъ произволъ. Ясный умъ Н. Панина и тонкая наблюдательность его современницы Екатерины Второй подмѣтили и строго осудили это зло, назрѣвшее послѣ Петра.

Потерпѣвъ существенное измѣненіе въ одномъ изъ своихъ основаній, административный порядокъ Петра терпѣлъ измѣненія и во многихъ частностяхъ. Лица управлявшія Россіей послѣ Петра, должны

были считаться съ тѣмъ же самыми дѣлами, на которыя всегда направлялъ энергію Петръ—съ финансовыми и экономическими. Благосостояніе народа очень пострадало отъ войнъ Петровскаго времени, да и ранѣе не было блестяще. Петръ, какъ мы видѣли, не успѣлъ его поправить, хотя и достигъ финансоваго успѣха, но и самъ Петръ нуждался въ деньгахъ, послѣ же него нужда не прекращалась, а искусство съ ней справляться стало меньше. Предъ правительствомъ Екатерины I грозно сталъ вопросъ о финансахъ и еще грознѣе о разстройствѣ платежныхъ силъ народа. Многіе сотрудники Екатерины считали экономическое положеніе государства нетолько труднымъ, но и опаснымъ. Въ началѣ 1725 генералъ-прокуроръ Ягужинскій подалъ императрицѣ записку о положеніи дѣлъ и въ ней требовалъ немедленныхъ мѣропріятій, нетолько «поправленія нынѣшняго въ государствѣ состоянія», но и къ сохраненію «цѣлости», государства и народа. Въ 1726 г. Верх. Тайн. Сов. разсуждалъ о положеніи дѣлъ финансовыхъ и экономическихъ весьма серьезно и не скрывалъ отъ себя труднаго положенія главнаго плательщика—крестьянина. Сознавая что когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата, т. е. падетъ сила государства, В. Т. С. проэктировалъ рядъ мѣръ, для облегченія крестьянъ и другихъ податныхъ классовъ. Эти мѣры имѣли въ виду во первыхъ, непосредственное облегченіе плательщиковъ (подушный окладъ былъ прямо уменьшенъ), во вторыхъ—покрытія убытковъ отъ такого уменьшенія подушныхъ платежей иными средствами, въ третьихъ—сокращеніе правительственныхъ расходовъ.

Эти мѣры, будучи приведены въ исполненіе, внесли много новаго въ управленіе. Въ видахъ сокращенія расхода признали нужнымъ упростить сложную администрацію Петра: уничтожили много ненужныхъ «канцелярій» и конторъ (но оказалось, что многія изъ нихъ необходимо было возобновить). Въ областяхъ уничтожили много должностей и соединили административную и судебную власти въ лицѣ губернаторовъ и воеводъ: это далеко не было успѣхомъ (раздѣленіе властей было существенной заслугой Петровской системы); городовые магистраты подчинили какъ и судъ тѣмъ же губернаторамъ и воеводамъ; это шло въ разрѣзъ съ сознательными стремленіями Петра, желавшаго избавить горожанъ отъ административныхъ злоупотребленій. Эти мѣры приняты были при Екатеринѣ, а при Петрѣ II уничтоженъ былъ и главный магистратъ, вѣдавшій городское самоуправленіе. Такимъ образомъ, упрощеніе Петровской администраціи сдѣлано было съ нарушеніемъ началъ, руководившихъ Петромъ. Управленіе не развивалось и не улучшалось; измѣненіемъ разрушали его стройность, нарушали его начала, но не вносили, ни новой системы, ни новыхъ началъ. Мы не можемъ считать руководящимъ началомъ тотъ фактъ, что новыя мѣропріятія стѣсняли мѣстное самоуправленіе и создавали въ провинціи бюрократическое управленіе. О вредѣ самоуправленія вообще и о пользѣ бюрократическаго управленія тогда не думали. Существовалъ одинъ принципъ—экономія.

Уменьшая расходы, думали о новыхъ источникахъ дохода. Важнымъ источникомъ признавались, какъ и при Петрѣ, торговля и про-

мышленность, развитіе которыхъ должно было обогащать казну путемъ косвеннаго обложенія. Еще при Екатеринѣ I были убѣждены, что русскія торговля и промышленность находятся въ неудовлетворительномъ положеніи, и что мѣры Петра иногда нетолько не содѣйствовали, но даже мѣшали ихъ развитію. Указывали въ Верх. Тайн. Сов. напр., на такіе факты: Петръ Великій запретилъ ткать узкіе холсты, а велѣлъ ткать широкіе, какъ это было за границей; ткацкимъ промысломъ кормилось много крестьянъ; запрещеніе Петра уничтожило, а не подняло ткацкій промыселъ, потому что крестьяне не могли завести широкихъ ткацкихъ станковъ: «раззорились отъ этого крестьяне сѣверные, у которыхъ мало хлѣба родится». А между тѣмъ широкіе холсты за море мало потребны, больше узкіе требуются. Далѣе Петръ требовалъ, чтобы внѣшняя морская торговля шла отъ балтійскихъ береговъ, поэтому насильственно отвлекалъ товары отъ Архангельска къ Петербургскому порту. Послѣ Петра увидѣли что «къ Архангельску провозъ товаровъ дешевле былъ, чѣмъ къ Петербургу и поэтому нашли полезнымъ открыть портъ Архангельскій, закрытый Петромъ». Разсуждая о положеніи торговли и промысловъ, правительство Екатерины видѣло, что торгово-промышленный классъ тяготился тою правительственною опекою, какую наложилъ на него Петръ и «воли требуетъ». Для устройства этого дѣла была предложена при Екатеринѣ и открыта при Петрѣ II Коммиссія о коммерціи подъ предсѣдательствомъ Остермана; она должна была руководиться и тѣми заявленіями, какія было дозволено подавать въ коммиссію, какъ отдѣльнымъ купцамъ, такъ и цѣлымъ городскимъ обществамъ. Дѣйствуя продолжительное время, эта комиссія выработала рядъ торгово-промышленныхъ мѣропріятій освободительнаго характера, если можно такъ выразиться: она высказалась противъ откуповъ, отдавъ многіе предметы (табакъ, соль) «въ вольную торговлю», она отмѣнила рядъ стѣсненій, тормозившихъ развитіе таго или другого вида промышленности, сняла многія пошлины. Въ такомъ характерѣ дѣятельности комиссіи заключалось прямое отступленіе отъ направленія Петра, нарушеніе его покровительственной системы. Эта система была направлена болѣе всего къ тому, чтобы поставить на ноги національную торговлю и дать ей силы конкурировать съ иностранцами. Комиссія о коммерціи не отказывалась, конечно, отъ этой цѣли, но не всегда имѣла ее въ виду, напр. въ 1731 г. при водвореніи нѣмецкаго режима, она разрѣшила иноземцамъ свободную торговлю въ Россіи, что врядъ ли нашло бы одобреніе Петра Великаго.

Такъ и управленіе и экономическая политика Петра потерпѣли измѣненіе при его преемникахъ. Эти измѣненія бывали вызваны экономическими и финансовыми затрудненіями. Но всѣ эти перемѣны не привели ни къ какому успѣху. Экономическихъ затрудненій не стало меньше. Изъ многихъ источниковъ мы знаемъ, что ни финансы не могли быть приведены въ равновѣсіе, ни благосостояніе народа не становилось замѣтнѣе. При Аннѣ недоимки взыскивались съ рѣдкой настойчивостью. Оповѣщалось, что прощать ихъ не будутъ; но все-таки приходилось прощать и подушныя деньги и только въ 1730 и

1735 гг. было сложено съ народа 4 милліона рублей. У крестьянства не хватало средствъ нести податныя тягости: отъ податей и рекрутства крестьяне бѣжали даже заграницу (въ Польшу) и по словамъ Миниха «многія провинціи точно войною или моровымъ повѣтріемъ раззорены». Тяжелыя войны при Аннѣ способствовали этому раззоренію податныхъ классовъ и недобору прямой подати, которая составляла главную статью государственнаго дохода. Положеніе финансовъ при этихъ условіяхъ не могло быть хорошимъ. Они не достаточны были для нуждъ управленія и находились въ безпорядкѣ. Императрица Анна, въ одномъ изъ своихъ указовъ Сенату, выразилась весьма рѣзко, говоря: «что государственная казна растеряна и раскрадена», Правительство, не имѣя средствъ покрывать всѣ расходы, уменьшало жалованіе чиновниковъ, сокращало даже траты на войско и флотъ. Отъ этого армія пришла въ слабость, какъ сознавали въ Верх. Тайн. Сов., а относительно флота въ 1731 г. говорили, что «флотъ погибаетъ», едва 12 кораблей могутъ выйдти въ море. При общемъ неуспѣхѣ финансовой политики правительство, какъ мы уже замѣтили, не имѣло успѣха въ реформахъ правленія. Учрежденія Петра казались безполезными, сокращая ихъ, нарушали систему Петра, но упрощенія и улучшенія не достигали цѣли. Масса нерѣшенныхъ дѣлъ, недостатокъ административныхъ средствъ заставили возстановить уничтоженныя учрежденія и должности. Такъ, напримѣръ, было въ 1730 г., когда, при вступленіи на престолъ Анны, Сенатъ представлялъ ей о необходимости новыхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. Нарушая систему Петра, при учрежденіи новыхъ органовъ правленія, не держались никакой системы и это вносило хаосъ въ стройный порядокъ Петра: то возстоновляемыя, то уничтожаемыя учрежденія не могли окрѣпнуть и опредѣлиться, выработать опредѣленный порядокъ и сферу дѣйствій и уяснить свои отношенія къ другимъ учрежденіямъ. Управленіе принимало характеръ безпорядочный, при которомъ пользуясь словами Екатерины II,—государственныя мѣста не имѣли «своихъ предѣловъ и законовъ къ соблюденію добраго во всемъ порядка».

Внеся эти измѣненія, въ систему управленія, правительство, дѣйствовавшее послѣ Петра Великаго, внесло нѣчто новое, въ положеніе сословій.

Прежде измѣнилось положеніе дворянства. Петръ Великій крѣпко привязалъ дворянство къ безсрочной государственной службѣ и въ государственныхъ видахъ стѣснилъ дворянское землевладѣніе, условіями закона о единонаслѣдіи 1714 г. Послѣ Петра и особенно при императрицѣ Аннѣ, служебныя обязанности шляхетства были нѣсколько облегчены и земледѣльческія права увеличены. Такимъ образомъ положеніе шляхетства улучшилось. Причина такого улучшенія нами отчасти была уже указана: она заключалась, въ той роли, какую стали играть въ столицѣ гвардейскіе полки. Составляя военную силу, на которую должны были опираться правительства, смѣнявшіяся одно за другимъ, гвардія получала награду за вѣрную службу, но гвардія была дворянствомъ, поэтому и награды получаемыя ею, были въ сущности наградами дворянству, онѣ и давались не гвардіи, а всему шляхетству.

Награды заключались 1) въ уменьшеніи государственныхъ повинностей и во 2) въ увеличеніи земледѣльческихъ правъ; однако, когда мы связываемъ улучшеніе дворянскаго быта съ положеніемъ гвардіи, мы не должны забывать, что облегченіе государственной (военной) службы дворянства могло осуществиться только при тѣхъ условіяхъ продолжительнаго мира, которыя позволили Россіи отдохнуть послѣ войнъ Петра Великаго и не требовали усиленной службы войскъ. Только по этой причинѣ могло осуществиться облегченіе государственныхъ повинностей дворянства. Правда, оно совершилось какъ разъ во время войнъ времени Анны, но эти войны далеко не такъ напрягали народныя силы, какъ войны начала XVIII вѣка. Онѣ давали правительству смѣлость облегчить бремя дворянства даже до конца военныхъ дѣйствій.

Облегченіе дворянскихъ повинностей и увеличеніе правъ состояло въ слѣдующемъ: мы видѣли, что при вступленіи на престолъ Анны, дворянство подавало В. Т. С. проэкты реформъ; въ этихъ проэктахъ оно добивалось, между прочимъ, уничтоженія закона о единонаслѣдіи, открытія для дворянства школы, изъ которой дворянинъ могъ бы выходить прямо въ офицеры, минуя солдатство, и ограниченіе дворянской службы 20-ю годами. Получившая самодержавіе, отнятое аристократіей изъ рукъ простого шляхетства, императрица Анна скоро отблагодарила дворянство: она уничтожила законъ Петра о единонаслѣдіи и дала свободу дворянамъ въ завѣщаніи, какъ вотчинъ, такъ и помѣстій, причемъ закономъ уничтожила всякое различіе между помѣстьями и вотчинами (Указъ 17 Марта 1731 г.). Дворянство получило въ потомственную собственность массу земель, которыя законъ считалъ до тѣхъ поръ государственными. Анна начала раздачу государственныхъ земель дворянству прекращенную Петромъ. Теперь земля уже давалась прямо въ полную собственность. Такъ выросли земледѣльческія права дворянства, ниже увидимъ, что выростала и власть надъ крестьянами въ дворянскихъ имѣніяхъ. Облегченіе же государственной службы послѣдовало немногимъ позже. Уже въ Іюлѣ 1731 г. императрица Указомъ Сената учредила такъ называемый «Сухопутный Шляхетскій Корпусъ», военную школу для дворянъ въ Петербургѣ. Однимъ изъ правъ, какими пользовались воспитанники корпуса, было право производства въ офицеры, «не бывъ въ солдатахъ, матросахъ и другихъ нижнихъ чинахъ». Но, давая права дворянству, императрица не сразу рѣшилась установить какіе либо сроки для службы дворянъ взамѣнъ существовавшей безсрочной службы. Только манифестомъ 31 Декабря 1736 г. этотъ срокъ былъ установленъ. Было указано, что дворянинъ повиненъ служить государству 25 лѣтъ (сами дворяне просили 20 лѣтній срокъ); одинъ изъ братьевъ въ семьѣ, освобождался отъ службы для управленія семейнымъ хозяйствомъ; дворянинъ, выходившій въ отставку изъ службы, долженъ былъ за свою отставку «абшидъ», какъ тогда говорили,—поставить рекрута. Едва былъ обнародованъ этотъ желанный для дворянства манифестъ, какъ половина офицеровъ подала въ отставку. Этимъ оправдались опасенія правительства, что дворянство перестанетъ служить, и дѣйствіе манифеста тотчасъ поспѣшили пріостановить, не давая отставокъ.

Дѣйствительно, дворянство не желало служить. Строгости Петра Великаго, хотя и держали шляхетскую массу на службѣ, но не могли всетаки до конца пресѣчь укрывательство отъ службы отдѣльныхъ шляхтичей. Послѣ Петра это укрывательство растетъ благодаря упадку требовательности правительства. Всѣми мѣрами дворяне уходятъ изъ службы: или просто не являются служить, надѣясь на безнаказанность, или бѣгутъ со службы въ отпускъ, добывая его законными и незаконными путями. Вотъ почему правительство опасалось уменьшать служебное требованіе: оно боялось разстроить армію потерею офицерства и администрацію потерею чиновничества. Болѣе развитые дворяне, осуждали уклоненіе своей братіи отъ службы и признавали необходимость принудительныхъ мѣръ; безъ нихъ, думали они, «всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ», (слова А. Волынскаго»). Но масса дворянства желала стряхнуть съ себя бремя службы и добивалась законодательныхъ мѣръ, облегчавшихъ это бремя. Дворяне служебной карьерѣ предпочитали сельско-хозяйственную дѣятельность и неудержимо стремились изъ полковъ и канцелярій въ свои деревни. «Въ дворянинѣ—воинѣ и царскомъ слугѣ постепенно выросталъ дворянинъ-помѣщикъ и обыватель уѣзда», говоритъ одинъ изслѣдователь (Романовичъ-Словатинскій «Дворянство въ Россіи», 187). При Аннѣ дворянству удалось сдѣлать первые шаги отъ службы къ хозяйству, благодаря тѣмъ экстреннымъ заслугамъ, какія оно оказало престолу.

Нельзя не замѣтить, что само правительство послѣ Петра Великаго поощряло и возбуждало своими мѣрами такія стремленія въ дворянствѣ. Въ 1727 г. оно постановило взыскать недоимки не съ крестьянъ, а съ ихъ помѣщиковъ, или съ помѣщичьихъ прикащиковъ; а въ 1731 г. временная эта мѣра обращена въ постоянное правило: въ регламентѣ Камеръ-Коллегіи постановлялось: подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, недоимки взыскивались съ нихъ же. Въ царствованіе-же Анны помѣщиковъ за недоимки ихъ крестьянъ сажали въ тюрьмы и раззоряли. Такимъ образомъ на помѣщиковъ была возложена съ большою строгостью отвѣтственность за казенные платежи ихъ крестьянъ. Понятно, что при такомъ условіи помѣщикъ стремился жить и хозяйничать въ деревнѣ, чтобы слѣдить за податной и всякою исправностью нетолько своего, но и крестьянскаго хозяйства. Понятно, что и само правительство смотрѣло на помѣщика, какъ на свой административно-хозяйственный органъ областной жизни.

При такихъ взглядахъ и условіяхъ развивалось съ одной стороны стремленіе дворянъ въ деревню, а съ другой стороны большее подчиненіе крестьянъ помѣщикамъ, отвѣтственнымъ за нихъ передъ казной.

Экономическое положеніе крестьянства при Екатеринѣ и Петрѣ II очень заботило правительство. Понимая, что податная исправность крестьянства зависитъ отъ экономическаго благосостоянія его, заботились о подъемѣ этого благосостоянія, слѣдили за развитіемъ земледѣлія и промысловъ, охраняли крестьянъ отъ злоупотребленій администраціи и суда. При нѣмецкомъ режимѣ времени Анны такой заботливости было меньше: главное вниманіе обратилось на подати и недоимки. Но и въ видахъ финансовыхъ и въ видахъ экономическихъ во

всѣ царствованія шелъ рядъ мѣръ, подчинявшихъ крестьянъ помѣщикамъ и уменьшавшихъ личныя и имущественныя права крестьянъ. Развивавшійся фактъ крѣпостного права вліялъ на его законодательное признаніе. При Петрѣ Великомъ ревизія сравняла холоповъ съ крестьянами, признавъ первыхъ податнымъ классомъ. Но житейская практика пользовалась этимъ сравненіемъ для того, чтобы на крестьянъ перенести черты холопьей зависимости. Крестьянинъ въ жизни превращался въ холопа, хотя духъ Петровскаго законодательства желалъ холопа превратить въ крестьянина, и совершалось это потому, что въ законодательствѣ не было опредѣленій, предусматривавшихъ такое явленіе. Напротивъ, люди, стоявшіе у власти и сами имѣвшіе у себя крестьянъ, вносили въ законодательство частныя ограниченія крестьянскихъ правъ и этимъ создавали въ законѣ какъ бы противорѣчія. При малолѣтнемъ Петрѣ II запрещено было свободное вступленіе въ военную службу крестьянъ, а прежде это было дозволеннымъ выходомъ изъ крѣпостной зависимости.

Въ 1730 г. крестьянамъ было запрещено покупать недвижимыя имѣнія, а въ 1734 г. заводить суконныя фабрики. Въ 1736 г. крестьяне были лишены права безъ разрѣшенія помѣщика отправляться на промыселъ, а въ 1731 г. имъ было запрещено вступать въ откупа и подряды. Помѣщики получили право переселять своихъ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ, т. е. иначе говоря, отрывать ихъ отъ извѣстнаго мѣста, къ которому они были прикрѣплены по ревизіи. Наконецъ, въ податномъ отношеніи крестьяне были съ 1731 г. совершенно подчинены помѣщикамъ, и помѣщики имѣли право, въ случаѣ неповиновенія крестьянъ, требовать содѣйствія властей. Всѣ эти постановленія еще не установляли полнаго безправія крестьянъ, но были шагомъ къ потерѣ крестьянами гражданской личности. Они ограничивали и лично, и имущественно права крестьянъ, но въ нихъ еще не видно отрицанія гражданской личности крестьянина вообще.

Такое отрицаніе впервые мелькнуло въ манифестѣ по вступленіи на престолъ Елизаветы: въ немъ крестьяне были исключены изъ присяги на вѣрноподданство. Казалось, поэтому, что новое правительство уже не считаетъ ихъ гражданами государства. Дѣйствительно, при Елизаветѣ крѣпостное право развивалось очень быстро, но и при ней, какъ увидимъ, законъ еще не считалъ крестьянъ рабами. Манифестъ 25 Ноября 1741 г. поэтому есть скорѣе обмолвка, чѣмъ сознательное выраженіе извѣстнаго принципа.

Такъ измѣнилось положеніе главныхъ сословій послѣ Петра: дворянство облегчало свои служебныя тяжести и увеличивало землевладѣльческія права; словомъ, выигрывало; крестьянство, не измѣняя качества и размѣра своихъ повинностей, теряло свои права и передъ государствомъ и передъ помѣщикомъ; словомъ—проигрывало. И у дворянства, и у крестьянства терялось то равновѣсіе обязанностей, которое до нѣкоторой степени было установлено Петромъ Великимъ.

Внѣшняя политика Россіи въ 1725—1741 гг.

Международное положеніе Россіи, созданное Петромъ Великимъ, было очень хорошо. Преслѣдуя вѣковыя задачи Россіи съ рѣдкимъ историческимъ чутьемъ, Петръ достигъ важныхъ успѣховъ: 1) пріобрѣлъ Балтійское море на западѣ, 2) прочно поставилъ русское вліяніе въ Польшѣ на юго-западѣ, 3) явился грознымъ врагомъ Турціи на югѣ. При Петрѣ Россія стала первоклассной державой въ Европѣ, въ дѣлахъ западной Европы ея голосъ пользовался большимъ значеніемъ. Но Петръ не принялъ на себя никакихъ обязательствъ передъ западно-европейскими державами и мало вмѣшивался въ мѣстные и частные вопросы западно-европейской политической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ установилъ прекрасныя отношенія съ Австріей и Пруссіей, т. е. съ тѣми державами, съ которыми у Россіи были общіе интересы по отношенію къ Турціи, къ Польшѣ и къ Швеціи.

Послѣ Петра при Екатеринѣ и Петрѣ II продолжали дѣйствовать какъ дѣйствовалъ Петръ, потому что не хотѣли начинать ничего новаго. При Екатеринѣ борьба за Испанію продолжалась на западѣ Европы; противъ Австріи составился союзъ—Франція, Англія и Пруссія. Зная Россію, какъ давнишняго друга Австріи, эти три державы старались всѣми силами разъединить ее съ Австрійцами, и не успѣли. Русское правительство приступило къ формальному союзу съ Австріей, ибо желало ея помощи въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи. При Екатеринѣ боялись войны, но въ Европѣ ея не было — и русскимъ приходилось только вести вялую войну на Персидскихъ границахъ, потому что, миръ, заключенный Петромъ оказался непрочнымъ.

При Петрѣ II снова вышелъ на сцену вопросъ о раздѣлѣ Польши, который существовалъ уже при Петрѣ Великомъ. И Пруссія и Австрія хотѣли этого раздѣла. Но Россія и при первомъ и при второмъ императорѣ не относилась сочувственно къ этому плану.

Напротивъ, Россія вступила въ договоръ съ Пруссіей относительно того, чтобы дѣйствовать согласно при замѣщеніи польскаго престола послѣ смерти короля Августа II.

До вступленія на престолъ Анны, какъ мы видимъ, русская политика не выходила рѣзко изъ программы Петра Великаго. Если не было уже искусства, если и случались ошибки, если не всегда вспоминали о тактикѣ Петра, то не вносили ничего посторонняго и новаго, безсознательно шли по дорогѣ проторенной Петромъ и, не думая о подражаніи Петру, въ сущности подражали ему. Совершенно напротивъ, при императрицѣ Аннѣ заявляли, что желали слѣдовать примѣрамъ Великаго Петра и въ сущности сознательно отступали отъ его программы и безсознательно грѣшили противъ нея. Прежде всего отказались отъ плана Петра завести торговлю съ Азіей и отдали обратно Персіи (въ 1732 г.) всѣ тѣ земли, которыя были завоеваны у нея на берегахъ Каспійскаго моря. Эту мѣру приписывывали тому, что прикаспійскій климатъ губилъ понапрасну русскія войска; но все-таки неловкость потери того, что было завоевано Петромъ Великимъ, чув-

ствовалось всѣми. Въ 1733 г. умеръ польскій король и кандидатами на польскій престолъ выступили сынъ покойнаго Августа II, курфюрстъ Саксонскій и знакомый намъ въ эпоху Петра Станиславъ Лещинскій. Перваго поддерживали Австрія и Россія, второго враждебная Австріи Франція. Когда на выборахъ Лещинскій одержалъ верхъ, то Россія силою оружія рѣшила дѣйствовать противъ него. Лещинскій заперся въ Данцигѣ и былъ осажденъ русскими. Онъ держался 4 съ половиной мѣсяца сперва противъ генерала Ласси, потомъ и противъ Миниха. Осада Данцига тянулась благодаря ряду военныхъ ошибокъ русскихъ, въ которыхъ нельзя, конечно, видѣть подражаніе военнымъ пріемамъ Петра. Только рядомъ тяжелыхъ жертвъ добилась Россія того, что Лещинскій бѣжалъ и королемъ сталъ Августъ III. Немного спустя Россія приступила къ войнѣ съ Турціей (1735—39) по поводу набѣговъ Крымцевъ на русскія границы. Поводъ къ войнѣ ее не оправдывалъ. Сами современники близкіе къ дѣламъ свидѣтельствуютъ, что въ Петербургѣ желали легкой войны для того, чтобы армію и всю націю занять чѣмъ нибудь и доказать, что желаютъ слѣдовать правиламъ Петра. Въ самомъ же дѣлѣ война безъ достаточной необходимости была вопіющимъ противорѣчіемъ правиламъ Петра, а этой войны съ Турціей можно было избѣжать въ данномъ случаѣ. Эту войну вели въ союзѣ съ Австріей и въ то время, когда австрійцы терпѣли рядъ неудачъ, русскіе имѣли успѣхъ. Минихъ, честолюбію котораго приписываютъ эту войну, прямо изъ Польши перешелъ на Турецкія границы и, дѣйствуя вмѣстѣ съ Ласси, опустошилъ Крымъ взялъ Очаковъ и Хотинъ, перешелъ Прутъ, разбилъ Турокъ около Хотина при Ставучанахъ и хотѣлъ перейти Дунай. Ласси взялъ Азовъ. Но блестящіе походы и побѣды стоили Россіи 100,000 человѣкъ солдатъ. А Бѣлградскій миръ 1739 г. былъ невыгоденъ для Австріи и не далъ положительныхъ выгодъ и Россіи. Россія пріобрѣла часть степи между Донцомъ и Бугомъ и обязала Турокъ срыть Азовъ—результатъ ничтожный. Во время этой войны, въ 1737 г. русскія войска, послѣ прекращенія въ Курляндскомъ герцогствѣ династіи Кетлеровъ, силою возвели на Курляндскій престолъ фаворита Анны Бирона. Иными словами Курляндія, подчиненная русскому вліянію, была отдана человѣку, ничего общаго не имѣвшему съ интересами Россіи,—поступокъ совсѣмъ чуждый духу Петровской политики.

Такъ, желая подражать Петру, политика Анны далеко отошла отъ его пріемовъ и цѣлей. Причина этому лежитъ въ коренномъ фактѣ времени Анны, въ господствѣ иноземцевъ. Дипломатія русская, какъ основательно доказываютъ ея историки, перестала при Аннѣ быть чисто національной: ряды дипломатовъ пополняются иностранцами и, преимущественно, остзейцами (гр. Кайзерлингъ, Баронъ Корфъ и др.) людьми не знакомыми ни съ исторіей Россіи, ни съ ея потребностями. Иностранцы дипломаты были и при Петрѣ (Остерманъ, Брюсъ), но ихъ таланты служили русскимъ интересамъ, потому что направлялись самимъ Петромъ и русскими людьми, стоявшими во главѣ всей дипломатіи (Головинымъ и Головкинымъ). Во время же Анны всю внѣшнюю политику Россіи вели Остерманъ, Биронъ, Минихъ, руководясь

не всегда пользами государства и выбирая сотрудниковъ не изъ русскихъ людей.

Въ кратковременное царствованіе Іоанна Антоновича эта политика случайныхъ людей дала уже свои плоды, привела Россію къ ряду затрудненій, вышедшихъ не изъ обстоятельствъ существенныхъ для Россіи, а только изъ ошибокъ той близорукой политики случайностей, какая господствовала при Русскомъ дворѣ. Еще при императрицѣ Аннѣ Россія обязалась поддерживать прагматическую санкцію Карла VI, по которой всѣ владѣнія Габсбурговъ должны были перейти къ его дочери Маріи Терезіи, по мужу герцогинѣ Лотарингской. Это обязательство было навязано Россіи личнымъ вліяніемъ Бирона; но оно могло еще оправдываться постоянными мирными отношеніями Габсбурговъ и русскихъ государей и тѣми общими интересами, какіе были у Россіи и Австріи въ отношеніи Польши и Турціи.

Однако эти общіе интересы государствъ не зависѣли отъ судебъ австрійской династіи и Россія не имѣла непремѣнной надобности гарантировать династическіе интересы, чтобы сохранить Австріи политическую союзницу.

Но какъ бы то ни было, обязательства передъ Габсбургами были приняты и это поставило противъ Россіи Францію, врага Габсбурговъ. Чтобы отвлечь вниманіе Россіи отъ средне-европейскихъ дѣлъ, Франція агитировала въ Швеціи противъ Россіи. За обязательство передъ Габсбургами пришлось поплатиться страхомъ передъ Швеціей. Не смотря на то, что война съ слабой Швеціей не могла быть опасна для Россіи, въ Россіи боялись войны и, благодаря вліянію Миниха, сблизились съ другимъ врагомъ Габсбурговъ и Шведовъ—съ Фридрихомъ II Прусскимъ. Оборонительный союзъ съ Пруссіей противъ Шведовъ былъ близорукимъ шагомъ, потому что связалъ Россіи руки, когда Пруссія начала съ Австріей войну за Силезію. Этотъ союзъ принесъ пользу Фридриху и большой вредъ Россіи: она потеряла вліяніе на Австрійскія дѣла и не избавилась отъ шведской войны. Лѣтомъ 1741 г. Шведы объявили Россіи войну, во время которой Елизавета вступила на престолъ. Мы уже видѣли, что переворотъ въ Россіи совершился съ сильнымъ участіемъ французской дипломатіи. Такъ, рядъ ошибокъ, потеря вліянія въ Европѣ, ничѣмъ не вызванная война со Швеціей и внутренній переворотъ явились результатомъ близорукой политики русскихъ нѣмцевъ. Эта политика имѣла одно хорошее слѣдствіе: она ускорила паденіе этихъ нѣмцевъ.

Время Императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.).

Историческое значеніе времени Елизаветы, оцѣнивалось и до сихъ поръ оцѣнивается различно. Елизавета пользовалась большою популярностью, но были люди, и весьма умные люди, современники Елизаветы, которые съ осужденіемъ вспоминали ея время и ея порядки. Таковы, напримѣръ, Екатерина II и Н. И. Панинъ. Послѣдній про царствованіе Елизаветы писалъ: «сей эпокъ заслуживаетъ

особливое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ». Панинъ, очевидно, плохо понялъ то, что было до Елизаветы, потому что его характеристика можетъ относиться и къ эпохѣ временщиковъ, «припадочныхъ людей» 1725—41 гг. Если захотимъ вѣрить Панину, то мы должны отозваться о времени Елизаветы какъ о времени темномъ и одинаковомъ съ предъидущими временами. Такая точка зрѣнія и усвоена болѣе или менѣе въ нашей литературѣ. Въ трудѣ С. В. Ешевскаго («Очерки царствованія Елизаветы Петровны») находимъ, напр., такія слова: «Съ тѣхъ поръ, (съ Петра Великаго) до самой Екатерины Великой русская исторія сводится къ исторіи частныхъ лицъ, отважныхъ или хитрыхъ временьщиковъ, къ исторіи борьбы извѣстныхъ партій, придворныхъ интригъ и трагическихъ катастрофъ» (Соч. II, 366). Эта оцѣнка (несправедливая вообще) за царствованіемъ Елизаветы не признаетъ никакого историческаго значенія. По мнѣнію Ешевскаго время Елизаветы такое же время непониманія задачъ Россіи и реформы Петра, какъ и эпоха временщиковъ и нѣмецкаго режима. «Смыслъ реформы начинаетъ снова открываться только при Екатеринѣ II», говоритъ онъ (Соч. II, 373). Но иначе смотритъ на царствованіе Елизаветы авторъ самаго грандіознаго труда по исторіи — С. М. Соловьевъ. Главной заслугой Елизаветы считаетъ онъ сверженіе нѣмецкаго режима и систематическое покровительство всему національному; при такомъ направленіи правительства Елизаветы много полезныхъ частностей вошло въ русскую жизнь; новыя національныя «правила и привычки» воспитали, при Елизаветѣ, цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей, составившихъ славу Екатерины II. Время Елизаветы подготовило многое для блестящей дѣятельности Екатерины и внутри и внѣ Россіи. Такимъ образомъ историческое значеніе времени Елизаветы опредѣляется, по мнѣнію Соловьева, его подготовительной ролью по отношенію къ слѣдующей эпохѣ, а историческая заслуга Елизаветы состоитъ въ національности ея направленія. (Ист. Рос. XXIV т.).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣдняя точка зрѣнія болѣе справедлива, чѣмъ враждебные Елизаветѣ взгляды. Возвращеніе Елизаветы къ національной политикѣ и внутри и внѣ Россіи сдѣлало ее очень популярной государыней въ глазахъ современниковъ и дало ея царствованію иной историческій смыслъ въ сравненіи съ темнымъ временемъ предшествовавшихъ правленій. Мирныя наклонности правительства во внѣшней политикѣ, гуманное направленіе во внутренней, — симпатичными чертами обрисовали царствованіе Елизаветы и повліяли на нравы русскаго общества, «подготовивъ его къ дѣятельности Екатерининскаго времени».

Благоговѣя предъ памятью Петра Великаго и спѣша вернуть Россію къ его порядкамъ, Елизавета тѣмъ самымъ готовила почву для лучшаго пониманія и продолженія преобразовательной дѣятельности Петра и дѣйствительно являлась предшественницей Екатерины II. Но, признавая такое историческое значеніе за временемъ Елизаветы, мы не должны преувеличивать этого значенія. Мы увидимъ, что при

Елизаветѣ, какъ и раньше, много значили «припадочные люди», т. е. фавориты: дѣлами управляла «сила персонъ», къ порядкамъ Петра Великаго вернулись далеко не вполнѣ; въ управленіи государствомъ не было опредѣленной программы, а программа Петра Великаго не всегда соблюдалась и не развивалась. Идеи Елизаветы (національныя и гуманныя) вообще выше ея дѣятельности (несистематичной и мало содержательной) и историческое значеніе времени Елизаветы основывается именно на этихъ идеяхъ.

Причины всѣхъ особенностей правленія Елизаветы заключались во 1-хъ, въ той обстановкѣ, какую Елизавета получила отъ своихъ предшественниковъ, вступая на престолъ (эту обстановку мы уже знаемъ), а во 2-хъ, въ свойствахъ самой Елизаветы и ея сотрудниковъ. Ознакомимся съ главными дѣятелями времени Елизаветы.

Дѣятели времени Елизаветы.

Что касается до самой императрицы, то ея судьба и личность намъ уже нѣсколько извѣстны. На престолъ вступила она 32 лѣтней женщиной послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелой жизни. Характеръ ея сформировался окончательно, вкусы и взгляды опредѣлились. По своему образованію и характеру Елизавета не могла стать во главѣ государства активнымъ его управителемъ и нѣкоторая склонность къ лѣни заставляла ее управлять съ помощью довѣренныхъ лицъ. Современники иногда обвиняли Елизавету въ чудовищной лѣни и безпечности въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ. Позднѣйшіе изслѣдователи не всегда вѣрятъ этому обвиненію: медленность, съ которой императрица предпринимала свои рѣшенія, они объясняютъ не безпечностью и лѣнью, а той осторожностью и сдержанностью, съ какой Елизавета отъискивала наилучшій исходъ при разнорѣчивыхъ совѣтахъ и всевозможныхъ вліяніяхъ. Во всякомъ случаѣ въ государственныхъ дѣлахъ императрица, давая общій тонъ правительству, не вмѣшивалась дѣятельно въ частности управленія и представляла ихъ своимъ сотрудникамъ. Въ частномъ быту Елизавета была чисто-русскимъ человѣкомъ, любила повеселиться и хорошо покушать и распустила придворныхъ настолько, что хроника ея дворца была не бѣднѣе анекдотами, интригами и сплетнями, чѣмъ предъидущее время, не смотря на нѣкоторую крутость Елизаветы, способной сильно вспыхнуть и строго взыскать.

Вполнѣ понятно, что ближайшими сотрудниками Елизаветы и главными государственными дѣятелями стали въ большинствѣ тѣ люди, которыя окружали Елизавету до вступленія на престолъ и въ трудное для нея время Анны служили ей вѣрную службу. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость Елизаветѣ въ томъ, что устраняя нѣмцевъ, она не гнала тѣхъ русскихъ, которые играли видную роль при нѣмецкомъ. господствѣ. Такъ, рядомъ со старыми слугами Елизаветы, Разумовскими, Воронцовыми, Шуваловыми стали у дѣлъ и люди старыхъ правительствъ—Бестужевъ-Рюминъ, князья Черкасскій и Трубецкой. Въ рядахъ дипломатовъ даже остались нѣмцы: Кайзерлингъ пос-

ланникомъ въ Вѣнѣ и Варшавѣ, Корфъ въ Копенгагенѣ, Гроссъ въ— Гагѣ.

Изъ всѣхъ дѣятелей самымъ близкимъ къ императрицѣ былъ Ал. Гр. Разумовскій, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ былъ негласно обвѣнчанъ съ Елизаветой. Бѣдный малороссійскій казакъ, онъ пасъ деревенское стадо и имѣлъ прекрасный голосъ. Благодаря послѣднему обстоятельству попалъ въ придворные пѣвчіе и былъ взятъ ко двору цесаревны Елизаветы. Привязанность Елизаветы къ Разумовскому была очень крѣпка: она продолжалась до ея смерти и Разумовскій неизмѣнно оставался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ Россіи. Онъ сталъ кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ, генералъ-фельдмаршаломъ и былъ возведенъ въ графы Римской имперіи. Но отличаясь честнымъ, благодушнымъ и лѣнивымъ характеромъ, онъ мало вліялъ на государственное управленіе, дѣлалъ много добра въ Малороссіи и Россіи и по своимъ вкусамъ и привычкамъ оставался больше простымъ Малороссомъ, чѣмъ русскимъ вельможей. Въ исторіи русскаго двора—онъ замѣчательная личность, въ исторіи государства— вовсе незамѣтный дѣятель.

Высокое положеніе Алексѣя Разумовскаго подняло и его брата Кирилла. 15 лѣтъ отъ роду, въ 1743 г. Кириллъ былъ «инкогнито» отправленъ за границу учиться подъ присмотромъ адъюнкта Академіи Наукъ Г. Н. Теплова. 16 лѣтъ онъ былъ уже графомъ римской имперіи, 18—президентомъ Академіи Наукъ, 22—генералъ-фельдмаршаломъ и гетманомъ Малороссіи. Для него въ 1750 г., и было возстановлено гетманство, не существовавшее съ 1734 г. Характеромъ этотъ баловень счастья пошелъ въ старшаго брата и, если болѣе брата замѣтенъ былъ въ государственной дѣятельности, то благодаря лишь своему образованію.

Гораздо болѣе Разумовскихъ стремился къ вліянію на дѣла Петръ Ивановичъ Шуваловъ, сперва камеръ-юнкеръ Елизаветы, затѣмъ сенаторъ, конференцъ-министръ, генералъ-фельдцехмейстеръ, (т. е. начальникъ артиллеріи) и управитель многихъ иныхъ вѣдомствъ. Занимая массу должностей, П. Шуваловъ былъ въ то же время крупнымъ промышленникомъ и откупщикомъ. И въ сферѣ управленія и въ хозяйственныхъ дѣлахъ онъ проявилъ хорошія способности и въ то же время страшное стремленіе къ наживѣ и крайнее честолюбіе. Властолюбивый интриганъ и нечестный стяжатель закрывали въ немъ государственнаго дѣятеля. Своимъ государственнымъ вліяніемъ онъ пользовался для личныхъ цѣлей. Онъ выхлопоталъ себѣ вредную для русской промышленности монополію на рыбный промыселъ въ Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ, захватилъ на откупъ Горо-благодатскіе желѣзные заводы и массу иныхъ откупныхъ статей; являясь крупнѣйшимъ промышленникомъ и торговцемъ въ государствѣ, добился важной отмѣны внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ для личныхъ выгодъ; при дворѣ онъ крѣпко держался благодаря вліянію жены (Мавры Егоровны, рожд. Шепелевой, ближайшей фрейлины Елизаветы) и благодаря собственному уму и ловкости. Лицемѣрный и умѣвшій примѣниться ко всякимъ обстоятельствамъ, онъ являлся страшнымъ для всѣхъ чело-

вѣкомъ, и по своему вліянію, и по своей мстительности. Одинъ только Алексѣй Разумовскій, говорятъ, безбоязненно и безнаказанно сѣкъ его иногда батожьемъ подъ веселую руку на охотѣ.

Совершенную противоположность представлялъ Ив. Ив. Шуваловъ, замѣчательная личность въ исторіи русской образованности. Его всегда видѣли съ книгой въ рукахъ, онъ учился для знаній, потому что любилъ ихъ; наука выработала въ немъ высокое нравственное міровоззрѣніе и сдѣлало его однимъ изъ первыхъ піонеровъ просвѣщенія въ Россіи. Онъ поддерживалъ русскую науку какъ могъ, (вспомнимъ его переписку съ Ломоносовымъ), основалъ первый въ Россіи Московскій университетъ и при немъ двѣ гимназіи. Будучи камергеромъ при дворѣ и любимцемъ Елизаветы, И. И. Шуваловъ не стремился однако къ государственной и политической дѣятельности и оставался меценатомъ и кураторомъ Московскаго университета. На немъ не лежитъ ни одного пятна; напротивъ, это была личность замѣчательно чистая и свѣтлая, представитель гуманности и образованности, лучшій продуктъ Петровскихъ культурныхъ преобразованій и украшеніе Елизаветинской эпохи.

Кромѣ названныхъ Шуваловыхъ замѣтенъ былъ и третій, Александръ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ очень быстро сдѣлалъ свою карьеру но не проявилъ ни особеннаго ума, ни особыхъ способностей.

Внѣшней политикой при Елизаветѣ управляли три государственные канцлера: кн. Алексѣй Михаиловичъ Черкасскій, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ и графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. Первый былъ мало способный и недалекій человѣкъ, сдѣлавшій свою карьеру тою ролью, какую случайно съигралъ при возстановленіи самодержавія Анны. О его личности и неспособности ходили анекдоты; личное его значеніе было ничтожно и въ дѣлахъ и при дворѣ. Онъ умеръ въ началѣ царствованія Елизаветы (1742 г.), такъ что о немъ мало приходится упоминать въ обзорѣ ея царствованія.

Внѣшнюю политику Елизаветы опредѣлилъ своимъ направленіемъ преемникъ Черкасскаго А. П. Бестужевъ-Рюминъ, стоявшій во главѣ русской дипломатіи съ 1742 по 1757 г. Это былъ человѣкъ времени Петра Великаго, безспорно умный и способный. По натурѣ практическій дѣятель, по нравамъ не привлекательный, хитрый, мастеръ на интригу, не разбиравшій пути для достиженія цѣли. Въ 1708 г. онъ былъ отправленъ Петромъ учиться за границу и пріобрѣлъ тамъ солидное образованіе. Съ 1712 г. онъ былъ на дипломатической службѣ при разныхъ дворахъ, жилъ въ Германіи, Англіи, Даніи, Голландіи и хорошо ознакомился съ положеніемъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Сознательно относился онъ къ политической системѣ Петра Великаго и въ то же время усвоилъ и основной принципъ всѣхъ державъ той эпохи—стремленіе къ политическому равновѣсію. Его дипломатической программой и стало—съ одной стороны система Петра Великаго, съ другой—заботы о поддержаніи равновѣсія. Служебная карьера ему долго не удавалась. Послѣ Петра онъ былъ въ немилости и только приверженность къ Бирону выдвинула его, какъ мы видѣли,

въ 1740 г., на должность кабинетъ-министра. Онъ снова, однако палъ при сверженіи Бирона и выдвинулся вполнѣ только при Елизаветѣ.

На Бестужева, какъ на политическаго дѣятеля, смотрятъ различно. Одни въ немъ видятъ дѣятеля безъ программы, другіе напротивъ, находятъ въ Бестужевѣ удачнаго ученика Петра и здраваго политика. Соловьевъ—(исторіи Россіи т. XXI и XXIV) и Ѳеоктистовъ («Отношеніе Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны»), основательно признаютъ за Бестужевымъ крупныя дипломатическія достоинства и чуткость къ традиціямъ Петра. Бестужевъ самъ указывалъ, что онъ держится этой традиціи. «Союзниковъ не покидать», говорилъ онъ о своей системѣ, «а оные (союзники) суть: морскія державы—Англія и Голландія, которыхъ Петръ I всегда наблюдать старался; короля польскій яко курфюрстъ саксонскій; королева венгерская по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ Россіею союзъ имѣютъ; сія система—система Петра Великаго». Союзъ съ Австріей («съ королевой Венгерской»), который былъ съ Петра какъ бы традиціей всей русской дипломатіи, поддерживался усердно и Бестужевымъ и привелъ его къ враждѣ противъ Франціи (пока она была враждебна Австріи) и противъ Пруссіи.

Французское вліяніе было сначала сильно при дворѣ Елизаветы; Бестужевъ постарался его уничтожить и послѣ упорной интриги добился высылки изъ Россіи знакомаго намъ Шетарди и ссылки Лестока, его агента (1748). Прусскому королю Фридриху II онъ былъ ярымъ врагомъ и приготовилъ Семилѣтнюю войну, потому что считалъ его нетолько злымъ противникомъ Австріи, но и опаснымъ нарушителемъ европейскаго равновѣсія. Фридрихъ звалъ Бестужева «cet enragé chancelier», позднѣйшіе изслѣдователи называютъ его однимъ изъ наиболѣе мудрыхъ и энергическихъ представителей національной политики въ Россіи» и ставятъ ему въ большую заслугу именно то, что его трудами сокращены были силы «скоропостижнаго прусскаго короля». Заслуги Бестужева неоспоримы, вѣрность его традиціямъ Петра также; но при оцѣнкѣ Бестужева историкъ можетъ замѣтить, что традиціи Петра хранилъ онъ не во всемъ ихъ объемѣ. Петръ рѣшалъ исконныя задачи національной политики, побѣждалъ вѣковыхъ враговъ и бралъ у нихъ то, въ чемъ вѣками нуждалась Русь. Для достиженія вѣковыхъ задачъ онъ старался добыть себѣ вѣрныхъ друзей и союзниковъ въ Европѣ, но дѣла въ Европѣ сами по себѣ мало трогали его, про Европейскія державы онъ говаривалъ: «онѣ имѣютъ нужду во мнѣ, а не я въ нихъ», въ томъ смыслѣ, что счеты западныхъ державъ между собой не затрагивали русскихъ интересовъ и Россія могла не вступаться въ нихъ, тогда какъ въ Европѣ желали пользоваться силами Россіи—каждая страна въ своихъ интересахъ. Мы видѣли, что Петръ не успѣлъ рѣшить ни турецкаго ни польскаго вопроса и завѣщалъ ихъ преемникамъ: онъ не успѣлъ опредѣлить своихъ отношеній и къ нѣкоторымъ европейскимъ державамъ, напримѣръ, къ Англіи. Традиція завѣщанная Петромъ заключалась такимъ образомъ, въ завершеніи вѣковой борьбы съ національными врагами и въ созданіи прочныхъ союзовъ въ Западной Европѣ, которые спо-

собствовали бы этому завершенію. Политика Бестужева не вела Россію по стопамъ Петра въ первомъ отношеніи. Турецкій и Польскій вопросы рѣшены были позже Екатериною II. Бестужевъ заботился только объ установленіи должныхъ отношеній Россіи къ Западу и здѣсь—дѣйствительно, слѣдовалъ программѣ Петра хотя быть можетъ слишкомъ увлекался задачей общеевропейскаго политическаго равновѣсія, больше чѣмъ того требовалъ здравый эгоизмъ Россіи.

Послѣ Бестужева, попавшаго въ опалу въ 1757 г., его мѣсто занялъ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, бывшій ранѣе камеръ-юнкеромъ Елизаветы. Еще въ 1744 году онъ былъ сдѣланъ вице-канцлеромъ, но при Бестужевѣ имѣлъ мало значенія. Трудолюбивый и честный человѣкъ, онъ однако не обладалъ ни образованіемъ, ни характеромъ, ни опытностью Бестужева. Получивъ въ свои руки политику Россіи во время войны съ Пруссіей, онъ не внесъ въ нее ничего своего, былъ доступенъ вліяніямъ со стороны и не могъ такъ стойко какъ Бестужевъ держаться своихъ взглядовъ. При Елизаветѣ онъ велъ войну съ Пруссіей. При Петрѣ III готовъ былъ къ союзу съ ней и при Екатеринѣ снова былъ близокъ къ разрыву. Если мы еще помянемъ князя Никиту Юрьевича Трубецкого, бывшаго генералъ-прокуроромъ, человѣка двуличнаго и не безъ способностей, уже извѣстнаго намъ Лестока, служившаго проводникомъ французскаго вліянія при дворѣ Елисаветы въ первые годы царствованія, то перечень государственныхъ дѣятелей и вліятельныхъ лицъ Елизаветинскаго времени будетъ законченъ. Всматриваясь въ соціальный составъ и личныя особенности правящаго круга при Елизаветѣ, мы можемъ сдѣлать не лишенныя значенія выводы.

Кромѣ князя Черкасскаго, мало жившаго въ царствованіе Елизаветы и князя Трубецкого, пользовавшагося большимъ административнымъ значеніемъ, вліятельныя лица по большей части происходили изъ средняго, простого дворянскаго круга.

Въ придворную и государственную среды они принесли съ собой pia desideria дворянства и высказывали ихъ открыто. До насъ сохранилось, напримѣръ, извѣстіе о томъ, что Воронцовъ (Романъ, братъ Михаила Илларіоновича), твердилъ наслѣднику престола, Петру Ѳеодоровичу, о необходимости уничтожить обязательства дворянской службы. Естественно думать, что разъ у власти стали люди простого дворянства, они постараются не только высказать пожеланія своего круга, но и провести ихъ въ жизнь, тѣмъ болѣе, что сама Императрица взошла на тронъ при восторженномъ сочувствіи войска, состоявшаго изъ такихъ же дворянъ, и была склонна вознаграждать ихъ преданность. При разборѣ внутренней дѣятельности правительства Елизаветы мы увидимъ, что дѣйствительно въ законодательствѣ явился рядъ мѣръ прямо въ интересахъ дворянскаго класса.

Съ другой стороны, кругъ лицъ, дѣйствовавшихъ при Елизаветѣ чрезвычайно разнообразенъ по личнымъ качествамъ, способностямъ, даже по возрасту дѣятелей. Рядомъ съ Петровскимъ дѣльцомъ Бестужевымъ видимъ человѣка, воспитавшагося въ эпоху временщиковъ (Трубецкаго) и юношу, только при Елизаветѣ вступившаго въ жизнь

(Кириллъ Разумовскій). Понятно, какъ различны должны были быть у нихъ привычки, взгляды и пріемы. Различіе еще усиливалось личными особенностями: Бестужевъ былъ образованный практикъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ образованный теоретикъ, Петръ Ивановичъ Шуваловъ малообразованный и себялюбивый корыстный дѣлецъ, Александръ Разумовскій необразованный и безкорыстный человѣкъ. Нѣтъ ни одной внутренней черты, которая бы позволила характеризовать ихъ всѣхъ одинаково съ какой бы то ни было стороны. При этомъ и жили они очень несогласно: при Елизаветѣ было много интригъ. Петръ Великій умѣлъ объединить своихъ сотрудниковъ лично ими руководя. Елизавета же не могла это сдѣлать; женскимъ тактомъ она умѣла тушить ссоры и устранять столкновенія, но объединить не могла никого. Не было объединителя и среди ея помощниковъ. Понятно, что такая среда не могла внести въ управленіе государствомъ руководящей программы и единства дѣйствій; не могла подняться выше, быть можетъ прекрасныхъ, но по существу частныхъ государственныхъ мѣръ. Такъ и было. Историкъ можетъ отмѣтить при Елизаветѣ только національность общаго направленія и гуманность правительственныхъ мѣръ, (черты, внесенныя самой Елизаветой), а затѣмъ историку приходится изучать любопытные, но отдѣльные факты.

Внутренняя дѣятельность времени Елизаветы.

Первый любопытный фактъ—перемѣна въ положеніи сословій: дворянства и крестьянства.

Дворянство.

Вступая на престолъ съ желаніемъ возвратить Россію къ порядкамъ Петра Великаго, Елизавета не достигла этого, прежде всего, въ своемъ законодательствѣ о сословіяхъ. Мы видѣли, что послѣ Петра, ко времени Елизаветы, дворянство измѣнило къ лучшему условія своего быта: оно облегчило свои повинности государству; успѣло снять тѣ стѣсненія, какія лежали на его имущественныхъ правахъ и получило большую, чѣмъ прежде, власть надъ крестьянами. При Елизаветѣ успѣхи дворянства продолжались и въ сферѣ его имущественныхъ правъ, и въ отношеніи къ крестьянамъ. Только долгосрочная обязательная служба осталась неизмѣнною.

Въ 1746 г. послѣдовалъ замѣчательный указъ Елизаветы, запрещавшій кому бы то ни было кромѣ дворянъ, покупать «людей и крестьянъ безъ земель и съ землями». Межевой инструкціей 1754 г. и указомъ 1758 г. было подтверждено это запрещеніе и предписано, чтобы лица, неимѣющія права владѣть населенными землями, продали ихъ въ опредѣленный срокъ. Такимъ образомъ, одно дворянство могло имѣть крестьянъ и «недвижимыя имѣнія», (терминъ, смѣнившій въ законодательствѣ старыя слова — вотчина и помѣстье). Это старое право, будучи присвоено одному сословію, превращалось теперь въ сословную привиллегію, рѣзкой чертой отдѣляло привиллегированнаго дворянина отъ людей низшихъ классовъ.

Даровавъ эту первую привиллегію дворянству, правительство Елизаветы естественно стало заботиться, чтобы привеллигированнымъ положеніемъ пользовались лица только по праву и заслуженно. Отсюда рядъ правительственныхъ заботъ о томъ, чтобы опредѣлить яснѣе и замкнуть дворянскій классъ.

И въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII вѣка, когда дворянство отличалось отъ прочихъ классовъ только обязанностью службы и условнымъ правомъ личнаго землевладѣнія, дворяне не дорожили своимъ положеніемъ и скрывались отъ службы переходомъ въ низшій классъ, даже въ холопы. Въ свою очередь и правительство, нуждаясь въ служебныхъ силахъ, легко принимало, или, какъ тогда выражались, «верстало» различныхъ людей въ дворянство. Петръ своею табелью о рангахъ открылъ широкій доступъ въ ряды дворянъ всѣмъ людямъ, дослужившимся до оберъ-офицерскаго чина. Но только люди, дослужившіеся до первыхъ восьми ранговъ или чиновъ, причислялись къ «лучшему, старшему», т.-е. потомственному дворянству; прочіе состояли въ дворянствѣ личномъ. Съ теченіемъ времени, чѣмъ лучше становилось положеніе дворянства и чѣмъ болѣе знакомились дворяне съ западно-европейскими нравами и понятіями, тѣмъ болѣе въ дворянствѣ формировалось чувство сословной чести. Явилось понятіе о томъ, что прилично и что неприлично дворянину. Волынскій, извѣстный уже намъ, не хотѣлъ «связываться съ бездѣльниками» по одному дѣлу, потому что дѣлать это, по его словамъ, не было «и послѣднему дворянину прилично и честно». Бѣдные дворяне, служившіе рядовыми, плакались на то, что въ такомъ положеніи они «уже всѣ свои шляхетные поступки теряютъ». Это чувство шляхетской чести не было чувствомъ личнаго достоинства, а было чувствомъ сословнымъ и находило признаніе въ правительственныхъ кругахъ. Въ 1730 г. В. Т. С. обѣщалъ шляхетству «содержать его въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ». При Елизаветѣ это обѣщаніе до нѣкоторой степени переходило въ дѣло. Рядомъ съ созданіемъ сословной привиллегіи идетъ забота отдѣлить дворянство отъ остальныхъ низшихъ слоевъ населенія путемъ его обособленія, недопущеніемъ въ дворянство демократическихъ элементовъ.

Такимъ пришлымъ элементомъ было дворянство личное т. е. тѣ лица, которыя личной службой пріобрѣли личныя права дворянства. Указами Елизаветы это личное дворянство лишено было права покупать людей и земли. Сенатъ въ 1758—60 г. постановилъ о личныхъ дворянахъ: «такъ какъ дѣти ихъ не дворяне, то не могутъ имѣть и покупать деревни»; «не дворяне, произведенные по статской службѣ въ оберъ-офицеры, не могутъ считаться въ дворянствѣ и не могутъ имѣть за собою деревень». Такъ пресѣкалась возможность для личнаго дворянства пользоваться льготами потомственнаго дворянскаго класса. Дворяне по роду отдѣльно становились отъ дворянъ по службѣ. Но и изъ среды дворянства, пользовавшагося всѣми правами и льготами, правительство стремилось вывести всѣхъ тѣхъ людей, дворянское происхожденіе которыхъ сомнительно. Дворяниномъ стали считать

только того, кто могъ доказать свое дворянство. Съ 1756 года рядомъ постановленій Сенатъ опредѣлилъ, что въ дворянскіе списки могутъ быть вносимы только лица, доказавшія свое дворянское происхожденіе. При этомъ опредѣленъ былъ и самый порядокъ такого доказательства. Очищая этимъ путемъ дворянство отъ случайныхъ примѣсей, правительство желало вмѣстѣ съ тѣмъ удержать въ дворянствѣ тѣ обѣднѣвшіе дворянскіе роды, которые сошли въ разрядъ однодворцевъ, и не приказало смѣшивать ихъ съ прочей массой однодворцевъ.

Всѣми указанными мѣрами времени Елизаветы, дворянство изъ класса, отличительнымъ признакомъ котораго служили государственныя повинности, стало превращаться въ классъ, отличіемъ котораго дѣлались особыя исключительныя права: владѣнія землею и людьми. Иначе говоря, дворянство становилось привиллегированнымъ сословіемъ въ государствѣ, наслѣдственнымъ и замкнутымъ Это былъ очень важный шагъ въ историческомъ развитіи русскаго дворянства, это было введеніемъ къ знаменитымъ мѣрамъ о дворянствѣ Петра III и Екатерины II. Какъ мы уже видѣли, дворяне при Елизаветѣ получивъ имущественныя привиллегіи, стали мечтать объ особожденіи дворянства отъ служебной повинности.

Но для этого освобожденія не пришло еще время. Напротивъ, при Елизаветѣ службу съ дворянъ спрашивали очень строго. За укрывательство грозили строгими наказаніями, смотры недорослямъ, вновь вступающимъ на службу, производились по-прежнему, и за неявку на нихъ полагались суровыя кары. Однако стремленіе дворянства избѣгнуть службы, замѣтно и раньше, не уменьшалось. Оно и было причиной, почему правительство не могло рѣшиться нетолько снять съ дворянъ ихъ обязанность, но даже облегчить ее. Правительство боялось остаться безъ людей.

За то въ царствованіе Елизаветы много было сдѣлано, чтобы облегчить дворянству обязательное для него обученіе. Въ 1747 г. данъ былъ Регламентъ петербургской Академіи Наукъ, учрежденной для развитія науки въ Россіи, по мысли Петра Великаго, еще при Екатеринѣ I. Эта Академія въ первые годы жила исключительно силами и трудами ученыхъ нѣмцевъ. Между ними не было согласія. Съ теченіемъ времени въ Академіи появились и русскіе дѣятели: Нартовъ, Тредьяковскій, Ломоносовъ. Ломоносовъ началъ борьбу съ академическими нѣмцами и въ Академіи по прежнему не было мира и порядка. Назначеніе въ 1746 г. Кирилла Разумовскаго президентомъ Академіи еще разъ вывело наружу и прежде не скрытые безпорядки и повело къ регламенту 1747 г. Этимъ Регламентомъ Академія опредѣлялась какъ ученое и учебное учрежденіе. Она состояла собственно изъ Академіи (собраніе ученыхъ людей), Университета (собраніе учащихъ и учащихся людей) и подготовительной къ университету гимназіи. Десять академиковъ съ ихъ адъюнктами (помощниками) непремѣнно изъ русскихъ людей составляютъ Академію. Особые отъ Академіи профессора и ихъ ученики студенты составляютъ Университетъ. Гимназія изъ 20 молодыхъ людей готовитъ своихъ питомцевъ къ университет-

скому курсу. Учиться при Академіи могутъ люди всѣхъ званій, кромѣ податныхъ.

Однако первыми шагами Академическаго Университета правительство было не довольно. Явилась мысль выдѣлить Университетъ, какъ самостоятельное учрежденіе. Въ 1754 г. Ив. Ив. Шуваловъ выработалъ проэктъ университета въ Москвѣ, центральномъ городѣ Россіи, который болѣе Петербурга доступенъ былъ провинціальному дворянству и „разночинцамъ“ (допущеннымъ наравнѣ съ дворянствомъ въ университетъ). Въ 1755 г. университетъ въ Москвѣ былъ открытъ и Ив. Шуваловъ назначенъ былъ его кураторомъ. Въ университетѣ было 10 профессоровъ и три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. При университетѣ было двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ (но не для податныхъ классовъ).

Хотя оба университета назначались не для дворянства, но и для прочихъ классовъ, однако пользоваться ими могло дворянство шире другихъ лицъ, потому-что на немъ лежала повинность обученія и потому, что ко времени Елизаветы дворянство ранѣе другихъ классовъ сознало необходимость просвѣщенія и прибѣгало къ помощи домашнихъ учителей (весьма сомнительныхъ знаній и достоинствъ по свидѣтельству самаго правительства). Этому стремленію дворянъ учиться правительство Елизаветы сознательно шло на встрѣчу. Оно не ограничилось университетомъ, но заботилось о развитіи другихъ дворянскихъ учебныхъ заведеній. (Сухопутный Шляхетскій Корпусъ, Артиллерійская школа, школы при Коллегіяхъ и т. д.). Такимъ образомъ для дворянства путь къ образованію былъ хорошо обезпеченъ Елизаветой.

Изъ частныхъ мѣръ касательно дворянства при Елизаветѣ должно упомянуть объ учрежденіи Дворянскаго Банка въ Петербургѣ съ конторою его въ Москвѣ. Этотъ банкъ обезпечивалъ дворянству недорогой кредитъ 6% въ годъ) въ довольно крупныхъ суммахъ (до 10,000 рублей).

Крестьяне.

Въ исторіи XVII вѣка улучшеніе положенія дворянства постоянно связывалось съ ухудшеніемъ быта и уменьшеніемъ владѣльческаго права крестьянства. Мы видѣли, что въ самый моментъ вступленія Елизаветы на престолъ правительство, устранивъ крестьянъ отъ присяги новой государынѣ, тѣмъ самымъ взглянуло на нихъ, какъ на людей, лишенныхъ гражданской личности.

Хотя такой взглядъ не соотвѣтствовалъ ни фактическому положенію крестьянъ, ни общимъ взглядамъ на нихъ правительства, однако крестьяне, по закону стали при Елизаветѣ еще въ худшее положеніе чѣмъ были до нея. Уже самый фактъ передачи крестьянъ въ исключительно дворянское владѣніе тѣснѣе привязывалъ крестьянина къ опредѣленному кругу владѣльцевъ. А законъ все болѣе и болѣе давалъ власти надъ крестьянами его помѣщику. Право передачи крестьянъ было расширено: въ 1760 году помѣщику дано было право ссы-

лать неисправныхъ крестьянъ въ Сибирь, при чемъ правительство считало каждаго сосланнаго какъ бы за рекрута, даннаго помѣщикомъ въ казну; наконецъ крестьяне были лишены права входить въ денежныя обязательства безъ позволенія своихъ владѣльцевъ. Владѣльцы получили такимъ образомъ широкія права и надъ личностью и надъ имуществомъ своихъ крестьянъ. И мы знаемъ. что они часто пользовались этими правами; изслѣдователи исторіи крестьянскаго сословія указываютъ обыкновенно на краткія экономическія записки В. Н. Татищева (передового человѣка своего времени), которыя относятся къ 1742 г. и излагаютъ нормальныя, по мнѣнію автора, отношенія землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ. Опека надъ личностью, хозяйствомъ и имуществомъ крестьянина доведена въ этихъ запискахъ до того, что прямо свидѣтельствуетъ о самомъ полномъ подчиненіи крестьянъ помѣщику. Послѣдній смотритъ на крестьянъ какъ на свою полную собственность и распоряжается ими какъ одною изъ статей своего хозяйства. И само правительство какъ бы раздѣляло такой взглядъ: при Елизаветѣ оно, напр., не запрещало имѣть крестьянъ дворянамъ безземельнымъ, стало быть считало крестьянина крѣпкимъ не землѣ, а лицу дворянина, иначе считало его собственностью помѣщика. Эта крѣпкая связь между лицомъ владѣльца и крестьянина возлагала на помѣщиковъ и особыя обязанности въ отношеніи крестьянъ. Правительство требовало, чтобы помѣщики обезпечивали крестьянъ сѣменами въ неурожайные годы, чтобъ они наблюдали за порядочнымъ поведеніемъ своихъ людей и крестьянъ. Такія требованія еще шире раздвигали предѣлы помѣщичьей опеки. Дворянинъ являлся передъ правительствомъ нетолько владѣльцемъ земли, населенной крестьянами, но собственникомъ крестьянъ, податной и полицейской властью надъ ними. Дворянамъ правительство передало часть своихъ функцій и власти надъ крестьянами и это, конечно, создало прекрасныя условія для дальнѣйшаго развитія крѣпостного права.

И такъ, не трудно видѣть, что перемѣны, происшедшія при Елизаветѣ въ положеніи главныхъ государственныхъ сословій, были прямымъ продолженіемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли со времени Петра Великаго въ эпоху временщиковъ. Елизавета продолжала дѣло Анны и не возвратилась къ порядкамъ Петра Великаго. Дворянство продолжало свои успѣхи, крестьяне непрерывно теряли свои права. А между тѣмъ Елизавета вступила на престолъ съ яснымъ желаніемъ возвратиться къ правиламъ своего отца. Причина нѣкотораго разлада между этимъ желаніемъ и результатомъ дѣятельности Елизаветы лежала въ томъ, что императрица, какъ мы видѣли, правила помощью лицъ дворянскаго класса, уже достаточно упрочившаго свое положеніе. Обидѣть этотъ классъ было для Елизаветы и нежелательно и невозможно по общему положенію дѣлъ и отношеній.

За то вмѣстѣ съ этимъ классомъ Елизавета дружно и энергично стремилась возвратиться къ началамъ Петра въ устройствѣ государственнаго управленія.

Управленіе времени Елизаветы встрѣчало въ нашей литературѣ самыя разнообразныя оцѣнки. «Царствованіе Елизаветы Петровны не

принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память во внутреннемъ строѣ государства... Мы напрасно будемъ искать въ правительственныхъ распоряженіяхъ какой нибудь системы, какого нибудь плана. «Въ этомъ отношеніи царствованіе Елизаветы представляетъ продолженіе предъидущихъ правленій", говоритъ одинъ изслѣдователь (Ешевскій. Соч. II, 537). «Время Елизаветы Петровны представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ въ исторіи нашего права. Высшая законодательная часть бездѣйствуетъ, нѣтъ теоріи, творческой дѣятельности Петра, его систематическаго объединенія разныхъ государственныхъ вопросовъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно полное возвращеніе къ началамъ, внесеннымъ Петромъ въ русскія учрежденія... Можно прослѣдить дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ Петромъ въ нашу администрацію», такъ отзывается другой изслѣдователь (Градовскій. Высшая администрація Россіи, 166—167). Наконецъ третій историкъ (Соловьевъ—Исторія Россіи, XXII т. 1880, 252), такъ характеризуетъ управленіе Елизаветы: «возстановленіе учрежденій Петра Великаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ оставилъ, постоянное стремленіе дать силу его указамъ, поступать въ его духѣ— сообщали извѣстную твердость, правильность, систематичность дѣйствіямъ правительства, а поданнымъ увѣренность и спокойствіе».

Такіе отзывы, сдѣланные разновременно, противорѣчатъ одинъ другому и относительно направленія и относительно качества правительственной дѣятельности Елизаветы. Одни признаютъ въ ней сознательное стремленіе возвратиться къ началамъ Петра, другіе отрицаютъ въ ней всякое направленіе. Одни видятъ въ ней систему твердую, правильную, другіе не видятъ никакой систематичности. Однако можно и при такихъ разнорѣчіяхъ найти достаточное число фактовъ, чтобы признать извѣстное направленіе за правительствомъ Елизаветы, не отрицать у него присутствія общаго плана управленія. Направленіе заключалось въ стремленіи къ началамъ Петра и къ національной политикѣ; отсутствіе общихъ задачъ ясно доказывается тѣмъ, что время Елизаветы не оставило потомству ничего своего: оно не измѣнило въ старыхъ формахъ управленія ни одной существенной черты и не принесло никакой существенной новизны. Законодательная дѣятельность шла за указаніями жизни, развивалась путемъ практики и не возвышалась до созданія руководящихъ нормъ, потому что у власти не было потребности что либо передѣлывать и перестраивать. Идеаломъ былъ Петровскій порядокъ, но, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, его не всегда достигали и даже не всегда понимали.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Елизавета уничтожила Кабинетъ Министровъ, возстановила Сенатъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ и высказала желаніе возвратить всю администрацію въ тѣ формы, какія установилъ Петръ Великій. Это повело къ возстановленію многихъ упраздненныхъ коллегій (Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи), къ возстановленію Главнаго Магистрата и прежней подчиненности городского самоуправленія. (1743 г.). Но во всей точности возстановить формы петровскаго направленія, Елизаветѣ не удалось. Даже самъ Елизаветинскій сенатъ былъ далекъ отъ Сената Петров-

скаго времени. А мѣстное управленіе оставалось въ тѣхъ формахъ, какія оно приняло уже послѣ Петра.

Елизаветинскій Сенатъ представлялъ собою любопытное явленіе. Онъ сталъ снова послѣ уничтоженія Кабинета высшимъ органомъ Государства.

Елизавета повелѣла, чтобы Сенатъ имѣлъ прежнюю свою силу и власть, какъ было при Петрѣ Великомъ. По законамъ Петра Сенату не принадлежала законодательная функція; онъ былъ только административно судебнымъ органомъ, такимъ долженъ онъ стать и при Елизаветѣ. Однако Елизаветинскій Сенатъ перешелъ границу и сталъ даже законодательнымъ учрежденіемъ. По словамъ Екатерины II «Сенатъ установленъ для исполненія законовъ ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины и достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ». Это случилось при Елизаветѣ и причиною этого Екатерина считала: «неприлежаніе къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ (намекъ на Елизавету); а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіе». Отзывъ наблюдательной современницы Екатерины сходится съ выводами историковъ XIX вѣка. Градовскій о Елизаветинскомъ Сенатѣ отзывается такъ: «безъ преувеличенія Правленіе Елизаветы можно назвать управленіемъ важнѣйшихъ сановниковъ, собранныхъ въ Сенатѣ». Изслѣдованіе дѣятельности Сената въ 1741—61 г. дѣйствительно показываетъ необычайную власть и высокій правительственный авторитетъ Сената. Онъ управляетъ государствомъ и его указы часто по существу своему суть законодательные факты.

Гдѣ же причины того страннаго факта, что учрежденіе, поставленное въ точныя рамки петровскаго законодательства, могло такъ далеко и безнаказанно выйти изъ нихъ? Находимъ двѣ причины и обѣ онѣ указаны императрицей Екатериной. Во 1) упрекъ Екатерины по отношенію къ Елизаветѣ («неприлежаніе къ дѣламъ»), хотя несправедливо золъ, однако близокъ къ истинѣ. Личныя свойства и непривычка къ дѣламъ заставляли Елизавету управлять помощью приближенныхъ лицъ и лишали ее возможности дѣятельно контролировать административный организмъ, работавшій безъ ея непосредственнаго руководства. Въ личности императрицы Сенатъ, такимъ образомъ, не могъ встрѣтить систематической задержки своимъ притязаніямъ. Во 2) чрезвычайный авторитетъ Сената не встрѣчалъ противодѣйствій и въ приближенныхъ императрицѣ людяхъ, потому что они сами были въ Сенатѣ, потому, что они то сами и поднимали его значеніе. Это то и разумѣла Екатерина II подъ «пристрастіемъ» случайныхъ людей». Мы видѣли, что вліятельные при дворѣ и въ администраціи люди «верховные господа министры», «случайные и припадочные люди» еще при Петрѣ вліяли на Сенатъ; послѣ Петра они дѣйствовали надъ Сенатомъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и Кабинетѣ. Теперь, когда такого Верховнаго учрежденія не стало, вліятельные люди времени Елизаветы перешли въ Сенатъ, подняли авторитетъ Сената и значеніе сенаторскаго званія и усвоили сенату тѣ черты дѣятель-

ности, какими прежде отличались В. Т. С. и Кабинетъ. Ихъ громадное вліяніе на дѣла, пріобрѣтенное въ силу фавора къ нимъ императрицы, они передали тому учрежденію, въ которомъ сходились и дѣйствовали. Это и было главною причиной возвышенія Елизаветинскаго Сената. Когда съ теченіемъ времени была учреждена «для весьма важныхъ дѣлъ» Конференція при дворѣ Елизаветы, она не уменьшила значеніе Сената. Членами ея были тѣ же сенаторы; вниманіе ея было обращено на внѣшнія дѣла Россіи, внутри же Россіи по прежнему главенствовалъ Сенатъ. «Случайные люди» стали вѣдать одинъ родъ дѣлъ въ Конференціи, другой въ Сенатѣ; этимъ и ограничилось вліяніе Конференціи на общій ходъ дѣлъ.

«Важные сановники собранные въ Сенатъ», управляя дѣлами Россіи, прежде всего были озабочены состояніемъ государственныхъ финансовъ. Россія при Елизаветѣ не сводила концевъ съ концами въ своемъ государственномъ хозяйствѣ, и вопросы о бюджетѣ, увеличеніи доходовъ и сокращеніи расходовъ безпокоившіе одинаково всѣ правительства XVIII вѣка, тяжелымъ бременемъ лежали на Елизаветинскомъ Сенатѣ. Преимущественно изъ финансовыхъ соображеній вытекало постановленіе Сената о производствѣ ревизіи податнаго населенія послѣ каждыхъ 15 лѣтъ. Въ силу этого постановленія при Елизаветѣ было двѣ ревизіи. Одна началась въ 1743 г. и насчитала 6,643,335 человѣкъ податныхъ классовъ (мужеска пола); другая въ 1761 г. и насчитала 7,363,348 душъ.

Эти переписи должны были привести въ извѣстность число прямыхъ плательщиковъ государства и уяснить Сенату вопросъ о лучшемъ устройствѣ прямыхъ налоговъ. Но и о косвенныхъ налогахъ и объ общемъ развитіи торговъ и промысловъ заботились не меньше. Коммиссія о коммерціи, существовавшая при Елизаветѣ, создала рядъ проектовъ для развитія внѣшней русской торговли. Въ видахъ поощренія внутренней торговли уничтожены были внутреннія таможни и мелочные сборы съ товаровъ. Купечеству государство открыло, какъ и дворянамъ дешевый кредитъ, учредивъ вмѣстѣ съ дворянскимъ и купеческій заемный банкъ.

Забота о финансахъ не отвлекала Сената отъ другихъ дѣлъ. Въ дѣятельности Елизаветинскаго Сената находимъ много любопытныхъ чертъ. Поднятъ былъ важный вопросъ о размежеваніи земель въ государствѣ; усиленно призывались колонисты для заселенія южныхъ окраинъ и разумно призывались изъ за границы не инородцы и иновѣрцы, но славяне (Сербы) и православные; учреждена была рекрутская повинность, раздѣленіемъ Россіи на пять частей, съ которыхъ рекруты брались по очереди только черезъ 4 года въ 5-й. Вліяя на церковное управленіе, Сенатъ заботился и о распространеніи православія, объ обезпеченіи духовенства и монастырей, о благолѣпіи церковномъ и о распространеніи духовнаго образованія въ народной массѣ. Словомъ, Сенатъ проявилъ весьма почтенную заботливость объ интересахъ церкви и духовенства. Желая улучшенія нравовъ въ народѣ, Сенатъ самъ являлся по своей дѣятельности съ большой гуманностью взглядовъ и пріемовъ, чуждой предъидущему

правительству. Въ этомъ онъ слѣдовалъ за самой императрицей фактически отмѣнившей смертную казнь въ Россіи.

Вся дѣятельность Елизаветинскаго Сената свелась къ ряду частныхъ мѣропріятій въ родѣ указанныхъ. Перечислить ихъ всѣ нѣтъ возможности. Замѣчая подобный характеръ дѣятельности Сената, Градовскій замѣчаетъ о Сенатѣ временъ Елизаветы, «онъ не думалъ объ обще-государственныхъ преобразованіяхъ; строгій практикъ, онъ по частямъ удовлетворялъ возникавшимъ потребностямъ и изъ этихъ частныхъ его усилій, отдѣльныхъ мѣръ, создалась впослѣдствіи систематическая дѣятельность, носившая уже извѣстный, опредѣленный характеръ» (В. Адм. Россіи, 185). Но мы видѣли, что систематическимъ въ правительственной дѣятельности времени Елизаветы было только общее ея направленіе, по сравненію съ предшествовавшей эпохой болѣе гуманное и строго національное, причемъ эта національность направленія заключалась въ одномъ правилѣ: управлять русскимъ государствомъ русскими же людьми, и въ духѣ Петра Великаго.

Хотя Елизавета не во всемъ была вѣрна духу своего отца, хотя ея царствованіе и не внесло полнаго благоустройства въ жизнь народа, (сама Елизавета въ концѣ царствованія сознавалась, что зло съ которымъ она боролась, «пресѣченія не имѣетъ»), однако, народъ оцѣнилъ и гуманность и національность ея правленія. Отдохнувшее подъ властью русскихъ людей въ теченіи мирныхъ лѣтъ, народное чувство понимало кому оно обязано долгимъ спокойствіемъ и Елизавета царствовала спокойно и стала весьма популярной государыней. Можно сказать, что славою и популярностью своею въ народѣ она обязана много своему Сенату. Въ этомъ оправданіе правившихъ въ Сенатѣ «случайныхъ людей» Елизаветы, о которыхъ такъ незаслуженно зло отозвалась Екатерина.

Внѣшняя политика времени Елизаветы.

Главныхъ руководителей и общее направленіе Елизаветы мы уже видѣли. Мы знаемъ, что и во внѣшней политикѣ при Елизаветѣ старались слѣдовать традиціямъ Петра и слѣдовали не вполнѣ точно, какъ это было и въ политикѣ внутренней. Теперь намъ остается посмотрѣть на главные факты политическихъ отношеній и столкновеній, бывшихъ при Елизаветѣ.

Вступая на престолъ Елизавета застала Россію въ войнѣ съ Швеціей, находилась сама подъ сильныхъ вліяніемъ враждебныхъ Австріи Французовъ, Шетарди и Лестока. Мы знаемъ какъ это вліяніе и рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ русской дипломатіей, дурно отразились на международномъ положеніи Россіи; они связали Россіи руки и вынудили ее на бездѣйствіе въ борьбѣ Пруссіи съ Австріей. Елизаветѣ прежде всего слѣдовало окончить шведскую войну и затѣмъ занять независимое положеніе въ европейскихъ дѣлахъ. Это и выполнилъ съ успѣхомъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Война со Швеціей окончена была въ 1743 г. миромъ въ Або, по которому Швеція нетолько не получила всей желаемой ею Финляндіи, но должна была уступить

Россіи и новыя области финляндскія до рѣки Кюмени. Послѣ этого все вниманіе русской дипломатіи устремилось на западъ.

Но Бестужеву не сразу и даже не скоро пришлось добиться того, что его вліяніе окрѣпло и его политическая система была усвоена русскимъ правительствомъ. При Елизаветѣ въ первые ея годы имѣлъ большое значеніе Лестокъ, бывшій проводникомъ французскихъ интересовъ при русскомъ дворѣ. Все свое вліяніе на Елизавету Лестокъ употреблялъ для того, чтобы (вмѣстѣ съ Шетарди) втянуть Россію въ союзъ съ Пруссіей и Франціей противъ Австріи, иначе говоря, заставить Россію идти тѣмъ же путемъ въ политикѣ, котораго близоруко держались при Аннѣ Леопольдовнѣ. Не смотря на упорное противодѣйствіе Бестужева, Лестокъ былъ въ силѣ до 1748 г. Россія бездѣятельно смотрѣла на быстрый ростъ политическаго могущества Пруссіи, вышедшей съ полной побѣдой изъ своей войны съ Австріей за Силезію (1748 г.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Елизавета держалась внѣ союза съ Пруссіей и Франціей. Такимъ образомъ Франціи только удалось устранить русскую помощь Австріи, но не удалось распоряжаться русскими силами въ свою пользу.

Въ 1748 г. Бестужевъ, путемъ ловкой придворной интриги, избавился отъ Лестока и его вдохновителя Шетарди. Лестокъ былъ изобличенъ въ продажности и сосланъ въ Устюгъ, а перехваченныя письма Шетарди ясно показали Елизаветѣ, что онъ относится дурно лично къ ней, и Шетарди былъ высланъ изъ Россіи. Съ тѣхъ поръ Бестужевъ началъ безъ соперниковъ и помѣхи (если не считать соперничествомъ случайнаго вмѣшательства въ политику другихъ любимцевъ Елизаветы) проводить свою систему. Уже въ 1750 г. произошелъ дипломатическій разрывъ Россіи съ Пруссіей и вмѣстѣ съ тѣмъ росло сближеніе съ Австріей. Какъ извѣстно въ Европѣ возвышеніе Пруссіи вызвало послѣ 1748 г. боязнь за политическое равновѣсіе и эта боязнь повела къ составленію коалиціи противъ Фридриха II. Австрія сблизилась съ Франціей для мести Фридриху; и та и другая искали союза съ Россіей. За союзъ съ Австріей стоялъ, конечно, Бестужевъ; за союзъ съ Франціей—Шуваловы. Система Бестужева требовала, чтобы политическое равновѣсіе не нарушалось вблизи Россіи, чтобы интересы старой русской союзницы Австріи не страдали такъ явно, какъ они пострадали отъ Фридриха. Взгляды Бестужева были приняты императрицей, лично не любившей Фридриха, и Россія вступила въ коалицію противъ него.

Въ 1757 г. русскія войска, подъ начальствомъ Апраксина, вторглись въ Пруссію, разбили прусскій корпусъ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ но затѣмъ, будто разбитые, отступили за Нѣманъ въ Польшу. Это дало основаніе и своимъ и чужимъ взвести на Апраксина обвиненіе въ неспособности и недобросовѣстности. Современники и нѣкоторые историки винили Апраксина въ томъ, что онъ отступилъ вслѣдствіе слуховъ о болѣзни Елизаветы, ибо зналъ о нерасположеніи къ войнѣ ея преемника Петра III. Виновникомъ позорнаго отступленія считали Бестужева. Но въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ (Соловьевъ «Исторія Россіи» и особенно Масловскаго «Русская армія въ Семилѣтнюю

войну») такой взглядъ опровергнутъ. Апраксинъ отступилъ изъ Пруссіи, потому что у войскъ были потери, и не было продовольствія. Тѣмъ не менѣе Апраксинъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и умеръ подъ судомъ въ 1758 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ начато было слѣдствіе и надъ Бестужевымъ; за многія вины политическаго и придворнаго характера онъ былъ отставленъ отъ дѣлъ и сосланъ въ деревню. Въ сущности дѣло Апраксина и Бестужева не вполнѣ было слѣдствіемъ военныхъ дѣлъ: въ него вмѣшались сложныя придворныя интриги.

Команда надъ войсками была передана генералу Фермору, который въ 1758 г. вступилъ въ Пруссію и выдержалъ нерѣшительную битву при Цорндорфѣ съ Фридрихомъ. Въ 1759 г. войсками начальствовалъ графъ Салтыковъ и разбилъ Фридриха при Кунерсдорфѣ. Въ 1760 г. русскій корпусъ занялъ Берлинъ, столицу Фридриха, а въ 1761 г. Бутурлинъ удачно дѣйствовалъ въ восточной части Пруссіи. Смертью Елизаветы (25 Декабря 1761 г.) прекращено было пятилѣтнее участіе русскихъ въ Семилѣтней войнѣ. Оно прошло не безъ пользы для русскихъ войскъ, такъ какъ практически подготовило военныхъ людей для времени Екатерины II; прошло оно и не безъ пользы для государства, такъ какъ удачные походы показали Европѣ большія военныя силы Россіи. Наконецъ и Пруссія была ослаблена настолько, что Екатерина II могла не бояться ея завоевательнаго аппетита.

Петръ III и переворотъ 1762 года.

Въ 1742 г. Елизавета объявила наслѣдникомъ своего племянника, родного внука Петра Великаго (и внука сестры Карла XII Шведскаго) герцога Шлезвигъ - Голштинскаго Карла—Петра—Ульриха. Четырнадцати лѣтній осиротѣлый герцогъ былъ перевезенъ изъ Голштиніи въ Россію, нашелъ въ Елизаветѣ вторую мать, принялъ православіе и вмѣсто нѣмецкаго воспитанія сталъ получать русское. Въ 1745 г. его поспѣшили женить. Вопросъ о невѣстѣ очень долго обсуждался при дворѣ, потому что браку придавали политическое значеніе и боялись ошибиться. Наконецъ Елизавета остановилась на томъ лицѣ, на которое указала, въ противность Бестужеву, французско-прусская партія, на которое указывалъ и Фридрихъ прусскій, на принцессѣ Софіи—Августѣ—Фредерикѣ Ангальтъ Цербстъ. Ея отецъ былъ только генераломъ прусской службы, комендантомъ Штетина, а мать, въ заботахъ о довольно бѣдномъ хозяйствѣ, успѣла потерять чувство такта и хорошій характеръ, пріобрѣвъ наклонность къ стяжанію и пересудамъ. Невѣста съ матерью пріѣхала въ Россію, приняла православіе и была названа Екатериной Алексѣевной. 25-го Августа 1745 г. произошла свадьба 17 лѣтняго Петра съ 16 лѣтней Екатериной. Но всѣ замѣчали, что женихъ былъ холоденъ къ невѣстѣ и прямо ссорился съ будущей тещей. Впрочемъ, мать Екатерины проявила свой неуживчивый характеръ по отношенію ко всѣмъ и потому была отправлена изъ Россіи въ томъ же 1745 году. Молодая чета осталась какъ бы одинокой въ большомъ Елизаветинскомъ

дворцѣ, будучи оторвана отъ нѣмецкой среды, отъ обстановки своего дѣтства. И мужу и женѣ приходилось самимъ опредѣлять свою личность и свои отношенія при дворѣ.

Петръ Ѳеодоровичъ былъ человѣкомъ слабо одареннымъ и физическими силами и умственными. Воспитаніемъ его завѣдывалъ гофмаршалъ Брюммеръ, болѣе солдатъ, чѣмъ образованный человѣкъ, болѣе конюхъ, чѣмъ педагогъ.

Онъ установилъ такой порядокъ жизни для своего воспитанника который не могъ не разстраивать его здоровья и безъ того слабаго: напримѣръ, при продолжительныхъ занятіяхъ мальчикъ не имѣлъ моціона и не ѣлъ до двухъ часовъ дня. Нравственное воспитаніе было пренебрежено: стояніе на колѣняхъ на горохѣ, украшеніе ослиными ушами и удары хлыста были обыкновеннымъ средствомъ педагогическаго убѣжденія. Рядъ нравственныхъ униженій передъ придворными, грубыхъ окриковъ Брюммера и его наглыхъ выходокъ не могъ конечно выработать въ принцѣ, ни здравыхъ нравственныхъ понятій, ни чувства человѣческаго достоинства. Умственное воспитаніе тоже было плохо. Петръ изучалъ много языковъ, много предметовъ, но учили его черезъ силу, не сообразуясь съ его слабыми способностями и онъ мало усвоилъ и получилъ отвращеніе къ ученію. Латынь же ему надоѣла до того, что онъ запретилъ помѣщать въ библіотеку свою въ Петербургѣ латинскія книги. Когда онъ явился въ Россію и Елизавета познакомилась съ нимъ, она удивлялась скудости его познаній. Его принялись снова учить, уже на православный, русскій ладъ. Но наукѣ помѣшали болѣзни Петра (въ 1743—45 гг. онъ три раза былъ серьезно боленъ), а затѣмъ женитьба. Выучивъ православный катехизисъ наскоро, Петръ остался съ воззрѣніями нѣмца—протестанта. Знакомясь съ Россіей изъ уроковъ Академика Штелина, Петръ не интересовался ей, скучалъ уроками и оставался весьма невѣжественнымъ и неразвитымъ человѣкомъ съ нѣмецкими взглядами и привычками. Россію онъ не любилъ и думалъ суевѣрно, что ему въ ней не сдобровать. Его интересовали однѣ «увеселенія»; онъ любилъ танцовать, по-дѣтски шалить и играть въ солдаты. Военное дѣло его интересовало въ высшей стенени, но онъ не изучалъ его, а забавлялся имъ и, какъ нѣмецъ, благоговѣлъ передъ королемъ Фридрихомъ, которому хотѣлъ подражать всегда и во всемъ и не умѣлъ никогда ни въ чемъ.

Женитьба не образумила его и не могла образумить, потому что онъ не чувствовалъ своихъ странностей и былъ очень хорошаго мнѣнія о самомъ себѣ. На жену, которая была неизмѣримо выше его, онъ смотрѣлъ свысока. Такъ какъ учить его перестали, то онъ считалъ себя взрослымъ человѣкомъ и, разумѣется, не хотѣлъ поучиться у жены ни ея такту, ни ея сдержанности, ни, наконецъ, ея дѣловитости. Дѣлъ онъ не хотѣлъ знать, напротивъ, расширилъ репертуаръ забавъ и странныхъ выходокъ: то по цѣлымъ часамъ хлопалъ по комнатамъ кучерскимъ кнутомъ, то немилосердно упражнялся на скрипкѣ, то сбиралъ дворцовыхъ лакеевъ и игралъ съ ними въ солдаты, то производилъ смотры игрушечнымъ солдатикамъ; а разъ на

восьмомъ году своей женитьбы, судилъ по военнымъ законамъ и повѣсилъ крысу, съѣвшую его крахмальныхъ солдатиковъ. Жену свою онъ будилъ по ночамъ для того, чтобы она ѣла съ нимъ устрицы, или становилась на часы у его кабинета. Ей онъ подробно описывалъ красоту увлекшей его женщины и требовалъ вниманія къ такой оскорбительной для нея бесѣдѣ. Безтактно относясь къ Екатеринѣ и оскорбляя ее, онъ не имѣлъ такта и въ отношеніи постороннихъ лицъ; въ церкви велъ себя очень небрежно; фамильярничалъ съ простыми лакеями, которыхъ должны были удалять отъ него; сидя за столомъ, издѣвался надъ прислугой и обливалъ ей платья; наконецъ беззастѣнчиво напивался до-пьяна. Такъ велъ себя наслѣдникъ престола, взрослый человѣкъ и отецъ семейства (въ 1754 г. у него родился сынъ Павелъ). «Петръ обнаруживалъ всѣ признаки остановившагося духовнаго развитія», говоритъ С. М. Соловьевъ (XXIV, 49): «онъ являлся взрослымъ ребенкомъ». Императрица Елизавета понимала свойства Петра; она не могла провести съ нимъ четверти часа спокойно безъ досады или гнѣва; она даже плакала, безпокоясь за будущее, но измѣнить престолонаслѣдія она не могла, потому что Петръ III былъ послѣднимъ прямымъ потомкомъ Петра Великаго.

Не теряли, однако, надежды пріохотить и пріучить Петра къ дѣламъ. Штелинъ продолжалъ знакомить его съ государственными дѣлами теоретически, а въ 1756 г. Петра назначили членомъ Конференціи, учрежденной, какъ мы видѣли, для особо важныхъ дѣлъ. Въ то же время, въ качествѣ герцога Голштинскаго, Петръ каждую недѣлю «по понедѣльникамъ и пятницамъ съ своими голштинскими министрами совѣтъ держалъ и дѣлами своего герцогства управлялъ». Всѣ эти заботы имѣли кое какой результатъ. Петръ заинтересовался дѣлами, но не Россіи, а Голштиніи. Врядъ ли онъ хорошо ихъ узналъ, но онъ усвоилъ голштинскіе взгляды, желалъ отвоевать у Даніи Голштинскія земли и очень возился съ голштинскими солдатами и офицерами, которыхъ дозволено было съ 1755 г. привезти въ Россію. Съ ними лѣтомъ онъ жилъ въ лагеряхъ въ Ораніенбаумѣ, усвоилъ себѣ ихъ солдатскія манервы и фатовство, у нихъ выучился курить, пить по солдатски и мечтать о голштинскихъ завоеваніяхъ.

Опредѣлилось съ теченіемъ времени и отношеніе Петра къ Россіи и къ русскимъ дѣламъ. Онъ говорилъ своей женѣ, «что не рожденъ для Россіи, что непригоденъ русскимъ и русскіе ему непригодны и убѣжденъ онъ, что погибнетъ въ Россіи». Когда освободился шведскій престолъ, и Петръ не могъ его занять, хотя имѣлъ право, онъ со злобою говорилъ вслухъ: «затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ, если бы оставили меня на волѣ, то теперь бы сидѣлъ я на престолѣ цивилизованнаго народа». Когда Петръ присутствовалъ въ Конференціи, онъ подавалъ свои мнѣнія и въ нихъ обнаруживалъ полное незнакомство съ политическимъ положеніемъ Россіи и о русскихъ интересахъ разсуждалъ съ точки зрѣнія своей любви къ прускому королю. Такъ, незнаніе Россіи, презрѣніе къ ней, стремленіе

уйти изъ нея, голштинскія симпатіи и отсутствіе зрѣлой личности отличали будущаго русскаго императора. Канцлеръ Бестужевъ серьезно думалъ о томъ, чтобы или совсѣмъ устранить Петра отъ власти, или оградить инымъ путемъ отъ его вліянія интересы Россіи.

Совсѣмъ иного рода человѣкъ была жена Петра, великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Выросши въ скромной семьѣ незначительнаго принца, строгаго протестанта и отца, Екатерина получила нѣкоторое образованіе, увеличенное собственной ея наблюдательностью и воспріимчивостью. Въ дѣтствѣ она много путешествовала по Германіи, много видѣла и слышала. Уже тогда она своей живостью и способностями обращала на себя вниманіе наблюдательныхъ лицъ, въ Брауншвейгѣ одинъ каноникъ, занимавшійся предсказаніями, замѣтилъ ея матери,—«на лбу вашей дочери я вижу по крайней мѣрѣ три короны». Когда Екатерину съ матерью вызвали въ Россію, для нея не была секретомъ цѣль поѣздки и бойкая дѣвочка съумѣла съ большимъ тактомъ сдѣлать свои первые шаги при русскомъ дворѣ. Отецъ ея написалъ ей въ руководство рядъ правилъ благоразумной сдержанности и скромности. Екатерина къ этимъ правиламъ присоединила свой собственный тактъ, замѣчательное практическое чутье и обворожила Елизавету, завоевала симпатіи двора, а затѣмъ и народа. Не старше 15-ти лѣтъ она вела себя лучше и умнѣе, чѣмъ ея руководительница-мать. Когда мать ссорилась и сплетничала, дочь старалась пріобрѣсти общее расположеніе. Она усердно занялась русскимъ языкомъ и православнымъ вѣроученіемъ. Блестящія способности позволили ей оказать въ короткое время большіе успѣхи и при церемоніи крещенія она твердо прочла символъ вѣры.

Но сохранились извѣстія, что перемѣна религіи для Екатерины была не такъ легка и радостна, какъ она показывала императрицѣ и двору. Въ благочестивомъ смущеніи передъ этимъ шагомъ Екатерина много плакала и, говорятъ, искала утѣшенія у лютеранскаго пастора. Однако уроки православнаго законоучителя отъ этого смущенія не прекращались. «Честолюбіе беретъ свое» замѣчалъ по этому поводу одинъ дипломатъ. И сама Екатерина признавалась, что она была честолюбива.

Не любя ни мужа, ни Елизаветы, Екатерина тѣмъ не менѣе держала себя въ отношеніи ихъ очень хорошо, она старалась исправлять и покрывать всѣ выходки мужа и не жаловалась на него никому. Къ Елизаветѣ же она относилась почтительно и какъ бы искала ея одобренія. Въ придворной же средѣ она искала популярности, находя для каждаго ласковое слово, стараясь примѣниться къ нравамъ двора, стараясь казаться чисто-русской набожной женщиной. Въ то время когда ея мужъ оставался голштинцемъ и презиралъ русскихъ, Екатерина старалась перестать быть нѣмкой и отказалась послѣ смерти матери отъ всякихъ правъ на свой Ангальтъ-Цербстъ. Ея умъ и практическая осмотрительность заставляли окружающихъ видѣть въ ней большую силу, предугадывать за ней большое придворное вліяніе. И дѣйствительно, съ годами Екатерина заняла при дворѣ видное положеніе, ее знали съ хорошей стороны даже въ народной массѣ. Для

всѣхъ она стала виднѣе и симпатичнѣе своего мужа. Честолюбіе ея могло не страдать.

Но личная жизнь Екатерины была незавидна. Поставленная далеко отъ дѣлъ и оставляемая на цѣлые дни мужемъ, Екатерина не знала что дѣлать, потому что не имѣла общества, она не могла сближаться съ придворными своими женщинами, потому что, «смѣла видѣть передъ собой только горничныхъ», по ея собственнымъ словамъ; она не могла сближаться съ кругомъ придворныхъ мужчинъ, потому что это было неудобно. Оставалось читать и «чтеніе» Екатерины продолжалось восемь первыхъ лѣтъ ея супружеской жизни. Сперва она читала романы; случайный разговоръ съ знакомымъ ей еще въ Германіи шведскимъ графомъ Билленборгомъ, направилъ ея вниманіе на серьезныя книги. Она перечитала массу историческихъ сочиненій, путешествій, классиковъ и наконецъ замѣчательныхъ писателей французской философіи и публицистической литературы XVIII вѣка. Въ эти годы она и получила ту массу свѣдѣній, какой удивляла современныхъ людей, тотъ философскій либеральный образъ мыслей, какой принесла съ собою на престолъ. Она считала себя ученицей Вольтера, поклонялась Монтескье, изучала энциклопедію и, благодаря постоянному напряженію мысли, стала исключительнымъ человѣкомъ въ русскомъ обществѣ своего времени. Степень ея теоретическаго развитія и образованія напоминаетъ намъ силу практическаго развитія Петра Великаго. И оба они были самоучками.

Во второй половинѣ царствованія Елизаветы, великая княгиня Екатерина уже была вполнѣ сложившимся и очень замѣтнымъ человѣкомъ при дворѣ. На нее обращено большое вниманіе дипломатовъ, потому что, какъ они находятъ, «ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности»—качествъ, которыя ей даютъ много возможностей въ будущемъ. Екатерина независимѣе держится, явно не въ ладахъ со своимъ мужемъ, навлекаетъ на себя недовольство Елизаветы. Но самые видные «припадочные люди» Елизаветы, Бестужевъ, Шуваловы, Разумовскій, теперь не обходятъ великой княгини невниманіемъ, а стараются напротивъ, установить съ ней добрыя, но осторожныя отношенія. Сама Екатерина входитъ въ сношенія съ дипломатами и русскими государственными людьми, слѣдитъ за ходомъ дѣлъ и даже желаетъ на нихъ вліять. Причиною этого была болѣзненность Елизаветы: можно было ждать скорой перемѣны на престолѣ. Всѣ понимали, что Петръ не можетъ быть нормальнымъ правителемъ и что его жена должна играть при немъ большую роль. Понимала это и Елизавета: опасаясь со стороны Екатерины какого либо шага въ свою пользу противъ Петра, она стала къ ней относится дурно и даже прямо враждебно, съ теченіемъ времени также относится къ женѣ самъ Петръ. Окруженная подозрительностью и враждой и побуждаемая честолюбіемъ, Екатерина понимала и опасность своего положенія, и возможность громаднаго политическаго успѣха. Объ этой возможности говорили ей и другіе: одинъ изъ посланниковъ прусскій) ручался ей, что она будетъ императрицею; Шуваловы и Разумовскіе считали Екатерину претенденткой на престолъ; Бесту-

жевъ вмѣстѣ съ ней строилъ планы о перемѣнѣ престолонаслѣдія. Екатерина сама должна была готовиться дѣйствовать и для своей личной защиты, и для достиженія власти послѣ смерти Елизаветы. Она знала, что мужъ привязанъ къ другой женщинѣ (Ел. Ром. Воронцовой) и желаетъ замѣнить ею свою жену, въ которой онъ видѣлъ опаснаго для себя человѣка. И вотъ, чтобы смерть Елизаветы не застала ее врасплохъ, не отдала въ руки Петра беззащитною, Екатерина стремится пріобрѣсти себѣ политическихъ друзей, образовать свою партію. Она тайно вмѣшивается въ политическія и придворныя дѣла, ведетъ переписку съ очень многими видными лицами. Дѣло Бестужева и Апраксина (въ 1757—8 г.) показало Елизаветѣ какъ велико было при дворѣ значеніе великой княгини Екатерины. Бестужева обвиняли въ излишнемъ почтеніи передъ Екатериной, Апраксинъ былъ постоянно подъ вліяніемъ ея писемъ. Паденіе Бестужева было обусловлено его близостью къ Екатеринѣ и саму Екатерину постигла въ ту минуту опала императрицы. Она боялась, что ее вышлютъ изъ Россіи и съ замѣчательной ловкостью достигла примиренія съ Елизаветою. Но съ мужемъ примириться она не могла, она не могла его выносить; онъ же видѣлъ въ ней злую, слишкомъ независимую и враждебную ему женщину. «Нужно раздавить змѣю», говорили окружавшіе Петра голштинцы, передавая этимъ выраженіемъ мысли его о женѣ. Во время болѣзни Екатерины онъ даже прямо мечталъ о ея смерти.

Такъ въ послѣдніе годы Елизаветы обнаружилась полная неспособность ея наслѣдника и большое значеніе и умъ его жены. Вопросъ о судьбѣ престола очень занималъ Елизавету: по словамъ Екатерины государыня „съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что послѣ ея происходить можетъ“. Но она не рѣшалась отстранить племянника прямо. Придворная среда также понимала, что Петръ не можетъ быть правителемъ государства. Многіе задумывались какъ устранить Петра и приходили къ различнымъ комбинаціямъ. Устранить было можно, передавъ права малолѣтнему Павлу Петровичу, причемъ мать его Екатерина получила бы большую роль. Можно было бы поставить во власти и прямо Екатерину. Безъ нея вопросъ не могъ быть рѣшенъ во всякомъ случаѣ (о бывшемъ императорѣ Іоаннѣ никто и не думалъ).

Поэтому Екатерина и помимо своихъ личныхъ качествъ и заботъ получила большое значеніе и являлась центромъ политическихъ комбинацій съ знаменемъ движенія противъ Петра. Можно сказать, что еще до смерти Елизаветы Екатерина стала соперницей своему мужу и между ними начался споръ о русской коронѣ.

Болѣзнь и смерть Елизаветы, хотя не была неожиданной случайностью, тѣмъ не менѣе застала придворный кругъ не приготовленнымъ: противъ Петра не раздалось ни одного голоса и онъ воцарился спокойно при общемъ горѣ и уныніи двора и народа, потерявшихъ любимую царицу. При дворѣ не перемѣнилось ничего въ первыя минуты царствованія: остались Шуваловы и Воронцовы; старшій Разу-

мовскій вышелъ въ отставку, но не былъ опальнымъ, младшій остался у дѣлъ. Опалъ вообще не было, но явились мало по малу новые люди въ качествѣ любимцевъ. Изъ Германіи прибыли два дяди Петра, голштинскіе принцы; изъ нихъ принцъ Георгій (или Жоржъ) сталъ сразу русскимъ генералъ-фельдмаршаломъ и временщикомъ; второй принцъ Петръ былъ только фельдмаршаломъ и не былъ временщикомъ. Оба они были членами Совѣта, учрежденнаго Петромъ, вмѣсто Елизаветинской Конференціи, и состоявшаго изъ девяти человѣкъ. Въ этотъ Совѣтъ попалъ возвращенный изъ ссылки Минихъ, попали и люди времени Елизаветы Н. Ю. Трубецкой и М. И. Воронцовъ. Все это были вліятельные люди новаго правленія. Появились и придворные любимцы, вродѣ генерала Гудовича, шталмейстера Нарышкина и многихъ голштинцевъ.

Петръ III началъ свое правленіе довольно дѣятельно, рядомъ любопытныхъ мѣръ и предпріятій. Вступилъ онъ на престолъ 25-го Декабря 1761 г., а уже 17 Января 1762 г. въ Сенатѣ подписалъ указъ о возвращеніи опальныхъ людей прошедшаго царствованія и заявилъ свою волю относительно службы дворянъ: «дворянамъ службу продолжать по своей волѣ сколько и гдѣ пожелаютъ». Черезъ мѣсяцъ, 18 Февраля, явился и манифестъ о вольности дворянской. Въ немъ говорилось, что прежде необходимо было заставлять дворянъ служить и учиться, невольная служба и ученье принесли пользу ибо дали государству много свѣдущихъ и годныхъ къ дѣлу людей, а съ другой стороны, истребили въ дворянской средѣ «грубость и невѣжество» и вкоренили благородныя мысли; поэтому уже нѣтъ необходимости принуждать дворянъ служить. Всѣ служащіе могутъ, или оставаться на службѣ, или уйти въ отставку; только военные люди не могутъ брать отпусковъ и отставокъ во время кампаніи. Не служащій дворянинъ имѣетъ право даже ѣхать за границу и служить тамъ. Но обязанности образованія манифестъ 18 Февраля не снималъ: онъ требовалъ «чтобы никто не дерзалъ безъ обученія наукъ дѣтей своихъ воспитывать».

Такъ снята была съ дворянства его тяжелая государственная повинность. Мы видѣли, что уже при Елизаветѣ дворянство становилось привиллегированнымъ классомъ, получивъ имущественныя права, какихъ не имѣли другіе общественные классы. Освобождая его отъ личной государственной службы, Петръ III создаетъ ему этимъ личныя привиллегіи, также чуждыя другимъ классамъ. Ко времени Екатерины II, такимъ образомъ, дворянство дѣлается уже вполнѣ привиллегированнымъ сословіемъ. Но оно не имѣетъ внутреннней организаціи; до сихъ поръ ему организацію давала самая служба по полкамъ; его соединяли служебныя связи, эта организація должна была потерять свою прежнюю роль, ибо дворянство усиленно уходило изъ службы въ деревню и нуждалось въ новой организаціи,—сословной. Ее дала дворянству Екатерина II.

Вольность дворянства была самымъ крупнымъ дѣломъ Петра III, внушеннымъ ему, какъ мы уже говорили, со стороны дворянства, близкаго къ Елизаветѣ. По постороннимъ-же внушеніямъ, конечно, пришелъ онъ къ рѣшенію уничтожить нѣкогда страшную Тайную Кан-

целярію, вѣдавшую политическія преступленія. При Елизаветѣ ея дѣятельность не была замѣтна, потому что время Елизаветы было временемъ мира внутри государства. Уничтожить канцелярію, какъ мало дѣйствующее учрежденіе, было легко, а между тѣмъ это уничтоженіе могло содѣйствовать популярности новаго правительства въ народной массѣ, какъ манифестъ о дворянствѣ долженъ былъ сдѣлать его популярнымъ среди дворянъ.

Но правительство Петра не только не достигло народнаго расположенія, но возбудило общее неудовольствіе. Никакіе разумные совѣты осторожныхъ совѣтниковъ Петра не могли ему помочь и изгладить его безтактность, исправить его ошибки, скрыть его невозможныя выходки.

Онъ внутри государства обнаружилъ свои нерусскія симпатіи, окружилъ себя голштинцами, сталъ передѣлывать русскія войска на прусскій и голштинскій ладъ, смѣялся надъ всѣмъ русскимъ, даже надъ православною обрядностью. Онъ закрывалъ, напримѣръ, домовыя церкви, которыя были въ обычаѣ, требовалъ отъ духовенства уничтоженія иконъ въ церквахъ и хотѣлъ заставить его носить свѣтское платье; къ Синоду обращался съ оскорбительными указами; дѣло о церковныхъ имуществахъ онъ привелъ къ самому невыгодному для духовенства рѣшенію. Духовенство чувствовало себя оскорбленнымъ и даже подало императору энергичный протестъ, не измѣнившій ничего. Къ гвардіи, привыкшей къ высочайшему вниманію, Петръ относился такъ, что пошли слухи объ уничтоженіи ея. Онъ называлъ гвардейцевъ янычарами, томилъ ихъ ученьями по нѣмецкому образцу, перестраивалъ привычные военные обряды и отдавалъ предпочтеніе своимъ нѣмецкимъ войскамъ.

И гвардія чувствовала себя оскорбленной и питала «превеликое неудовольствіе». Волновались и крестьяне: въ нихъ ясно жило сознаніе того, что они обязаны государствомъ работать на помѣщиковъ, именно потому, что помѣщики обязаны служить государству, въ нихъ жило сознаніе, что исторически одна обязанность—обусловлена другой. Теперь снята дворянская обязанность—слѣдуетъ снять и крестьянскую. Но крестьяне видѣли, что правительство, разрѣшивъ дворянскій вопросъ, не замѣчаетъ связаннаго съ нимъ вопроса крестьянскаго. Начались поэтому крестьянскія волненія.

Въ то же время внѣшняя политика Петра не нравилась русскимъ людямъ и оскорбляла національное чувство. Россія со славой вела войну съ Пруссіей, теряла для нея массу людей, тратила много денегъ, но былъ успѣхъ и народъ былъ спокоенъ. Какъ только вступилъ на престолъ Петръ, война была прекращена; войска получили приказаніе сдать свои магазины Пруссакамъ и оставаться въ Помераніи для будущей помощи своимъ недавнимъ врагамъ. Петръ отказался отъ всѣхъ завоеваній въ Пруссіи и вступилъ съ Фридрихомъ въ тѣсный союзъ, условія котораго были продиктованы Прусскимъ посломъ въ Петербургѣ Гольцемъ. Этотъ Гольцъ былъ при Петрѣ III почти полнымъ распорядителемъ дѣйствій русской дипломатіи. Прусское вліяніе при русскомъ дворѣ было всемогуще. И все это вышло

изъ личныхъ наклонностей императора; благоговѣя передъ Фридрихомъ, Петръ жертвовалъ своему личному чувству всѣми интересами Россіи. Такое направленіе дѣлъ, безславное окончаніе славной войны, и господство въ Петербургѣ голштинцевъ и пруссаковъ давало право народу думать, что давно прошедшее господство нѣмцевъ наступаетъ снова съ Петромъ III. Понятно съ какимъ негодованіемъ относились ко всему этому русскіе люди. Въ одномъ только дѣлѣ Петръ III не шелъ на помочахъ своего кумира Фридриха: онъ упорно хотѣлъ воевать съ Даніей и отнять у нея Шлезвигъ для Голштиніи. Въ этомъ онъ дѣйствовалъ какъ голштинскій герцогъ, но дѣйствовалъ средствами и силами Россіи. Ясно, что эта затѣя могла только усилить негодованіе русскихъ, справедливо не желавшихъ знать интересовъ Голштиніи. Однако для этой Голштиніи вербовали солдатъ на русскія деньги; къ походу за Голштинію дѣлали приготовленія; голштинцамъ дали первенство и полную волю въ Россіи.

И личная жизнь Петра возбуждала общее неудовольствіе. Избавившись отъ опеки строгой тетки, Петръ наполнилъ ея дворецъ дымомъ солдатскаго кнастера и запахомъ портера, которымъ злоупотреблялъ почти ежедневно и еще съ утра. Поэтому за обѣдомъ онъ уже не владѣлъ собою, говорилъ завѣдомыя небылицы или обнаруживалъ такіе секреты политики и придворныхъ отношеній, какіе слѣдовало хранить строго.

День свой часто кончалъ онъ неприличными и шумными пирушками, которыя видѣлъ весь городъ, потому что онѣ происходили не въ одномъ дворцѣ, и о которыхъ писали даже иностранные послы своимъ дворамъ. У русскихъ людей обливалось сердце кровью отъ стыда за Петра III; имъ хотѣлось «бѣжать неоглядно» отъ его выходокъ. Елизаветинскіе вельможи не могли примириться съ казарменными нравами новаго двора: Ив. Шуваловъ на колѣняхъ просилъ Петра избавить его отъ всѣхъ знаковъ его милости; Кириллъ Разумовскій не могъ сдерживать гнѣвной судороги на лицѣ, бывая во дворцѣ и видя новые порядки. Петръ издѣвался надъ ними, заставлялъ ихъ маршировать по плацъ-парадамъ въ силу ихъ военнаго званія. Онъ даже смѣялся надъ пожилыми придворными женщинами и передразнивалъ ихъ. «Онъ не похожъ на государя»—таковъ былъ приговоръ придворной среды надъ Петромъ III.

Къ женѣ отношеніе Петра, и прежде враждебное, теперь перешло въ ненависть. Екатерина одна мѣшала ему жить. При ней онъ не могъ жениться на Воронцовой, въ Екатеринѣ мерещился ему иногда и политическій врагъ, каждую минуту онъ чувствовалъ, что она осуждаетъ его, стоитъ въ оппозиціи всему, что ему нравится, что онъ затѣваетъ. Онъ хотѣлъ обуздать ее, но на это не хватало умѣнья, да и Екатерина вела себя такъ, что не было предлога придраться къ ней. Однако чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе становился Петръ по отношенію къ Екатеринѣ. Онъ однажды оскорбилъ ее при всѣхъ на торжественномъ обѣдѣ и прямо показывалъ, что желаетъ избавиться отъ нея: то начиналъ говорить, что заточитъ жену въ монастырь, что разведется съ нею; то намѣренъ былъ заключить ее въ Шлиссель-

бургъ. Однажды онъ отдалъ даже приказъ арестовать ее, но отмѣнилъ его по настоянію своего дяди. Екатерина знала, что рано или поздно она погибнетъ отъ мужа, если онъ останется во власти. Знали это и въ обществѣ. А въ обществѣ Екатерину любили и ея горе было одною изъ причинъ дурнаго отношенія общества къ Петру.

Такъ. дѣятельность и личность Петра вызывали народное негодованіе. По свидѣтельству современниковъ, ропотъ на него былъ «всенароднымъ», всѣ, кромѣ десятка царедворцевъ, желали перемѣны на престолѣ и говорили объ этомъ открыто, «отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить и судить и рядить всѣ дѣла и поступки государевы». Ропотъ поэтому былъ извѣстенъ и при дворѣ Петра и даже дошелъ до Фридриха. Петра предостерегали и дома и изъ за границы. Фридрихъ совѣтывалъ ему скорѣе короноваться и быть осторожнымъ. Но Петръ ко всему этому относился легкомысленно; хотя, напримѣръ, и слѣдилъ за И. Шуваловымъ, хотя и вспомнилъ, что живъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ, но не принималъ серьезныхъ мѣръ общаго характера.

Это и повело къ развитію заговора, который, созрѣлъ, по обычаю XVIII вѣка при дворѣ и въ гвардіи. Руководилъ имъ не Шуваловъ, и направился онъ не въ пользу императора Іоанна, а въ пользу Екатерины. О существованіи заговора знали самыя высокопоставленныя лица при Петрѣ—(генералъ прокуроръ Глѣбовъ, дипломатъ и начальникъ полиціи Корфъ, Кириллъ Разумовскій, дипломатъ Н. И. Панинъ и др.), они не предавали заговорщиковъ, хотя и не приставали къ нимъ прямо. Знала о заговорѣ и Екатерина; она держалась очень осторожно, но въ сущности она то сама и руководила дѣломъ, только была закрыта своими ближайшими способниками. Это были: кн. Екатерина Романовна Дашкова (рожд. Воронцова) и братья Орловы, гвардейскіе офицеры, изъ которыхъ одинъ, Григорій Григорьевичъ, былъ лично близокъ Екатеринѣ. Эти лица организовали кружокъ гвардейскихъ офицеровъ съ цѣлью возведенія на престолъ Екатерины, во главѣ котораго кромѣ Орловыхъ—главныхъ руководителей, стояли преображенцы Пассекъ и Бредихинъ и измайловцы Рославлевы и Ласунскій. Эти лица подготовляли гвардейскихъ солдатъ къ перевороту и ручались за то, что Екатерина можетъ располагать 10,000 солдатъ. Безпорядочной жизнью и кутежами заговорщики отводили отъ себя всякія подозрѣнія. Но броженіе среди солдатъ не могло долго быть скрытымъ.

Лѣтомъ 1672 г. Петръ держалъ себя такъ, что Екатерина должна была со дня на день ждать погибели и поэтому заговорщики готовы были дѣйствовать, но не рѣшались начать сами. Приближалось время имянинъ Петра и этотъ день Петръ, жившій въ Ораніенбаумѣ, желалъ провести у Екатерины въ Петергофѣ. Ждали, что 29 Іюня онъ и рѣшитъ участь своей жены. Между тѣмъ 27 Іюня болтливый солдатъ, слышавшій, что Екатерина въ опасности, выдалъ тайну заговора постороннему офицеру. Это повело къ аресту Пассека; боясь открытія всего заговора, заговорщики рѣшились дѣйствовать не медля и 28 Іюня удачно совершили переворотъ. Разскажемъ о немъ словами Д. И. Иловайскаго (Сочиненія М. 1884 г. стр. 293—4).

«Екатерина въ послѣднее время жила уединенно въ Петергофѣ и проводила очень безпокойные дни, ожидая развязки задуманнаго предпріятія. Впрочемъ она регулярно получала извѣстія о положеніи дѣлъ въ лагерѣ союзниковъ и въ лагерѣ непріятелей.

Подъ предлогомъ очистить всѣ комнаты дворца для императора, который собрался пріѣхать сюда со всей свитой, императрица поселилась въ отдаленномъ углу Петергофскаго сада въ павильонѣ, носившемъ названіе Монъ-Плезиръ. Такимъ образомъ она избавилась отъ надзора часовыхъ, пріобрѣла больше свободы въ образѣ жизни и легко могла направить свой путь смотря по обстоятельствамъ: или въ Петербургъ, чтобы тамъ сѣсть на престолъ, или искать спасенія за границей.

Въ этомъ павильонѣ однажды рано по утру Екатерину будятъ слѣдующія слова: «Ваше величество, вставайте, нельзя терять ни одной минуты». Она открываетъ глаза и видитъ передъ собой рослаго гвардейца. На вопросъ ея Алексѣй Орловъ отвѣчалъ только многозначительной фразой: «Пассекъ арестованъ»—и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько минутъ спустя, онъ воротился; императрица уже успѣла кое какъ одѣться. Она сѣла въ экипажъ, приготовленный по распоряженію княгини Дашковой и рядомъ съ ней помѣстилась вѣрная камеръ-фрау Чернковская, назади сталъ камердинеръ Шкуринъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ). Орловъ взялъ въ руки возжи и погналъ лошадей во весь галопъ. На половинѣ дороги лошади падаютъ отъ усталости и путники очутились въ крайнемъ затрудненіи. Сначала ихъ выручаетъ изъ опасности проѣзжавшая мимо крестьянская телѣга, а потомъ они увидѣли карету, быстро приближавшуюся имъ на встрѣчу. Въ ней сидѣли Григорій Орловъ съ княземъ Барятинскимъ. «Все готово», кричитъ Орловъ. Барятинскій уступилъ свое мѣсто Екатеринѣ и въ седьмомъ часу утра она достигла гвардейскихъ казармъ, которыя составляли особый лагерь и служили предмѣстьемъ столицы.

Не смотря на торжественное объявленіе, что все готово, только десятка два—три рядовыхъ и одинъ барабанщикъ встрѣтили императрицу. Такое ничтожное число нѣсколько смутило ее. Но вотъ забили тревогу, измайловцы мало по малу собираются и окружаютъ Екатерину. Она обращается къ солдатамъ съ энергической рѣчью, прося у нихъ защиты отъ своихъ непріятелей, которые покушаются на ея собственную жизнь и на жизнь ея сына. Солдаты клянутся умереть за императрицу и бросаются цѣловать ея ноги, руки, платье. Въ это время офицеры приводятъ остальныхъ измайловцевъ, является полковой священникъ съ крестомъ и весь полкъ присягнулъ Екатеринѣ II. Она садится опять въ коляску и ѣдетъ въ казармы Семеновскаго полка. Вслѣдъ за своимъ премьеръ-маіоромъ гр. Брюссомъ, семеновцы кричатъ «ура» и пристаютъ къ Екатеринѣ. Съ такимъ же энтузіазмомъ примыкаетъ къ ней и преображенскій полкъ и конная гвардія.

Государыня посылаетъ отрядъ арестовать начальника конныхъ гвардейцевъ принца Жоржа и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить его отъ

оскорбленій, Григорій Орловъ спѣшитъ послѣ того къ артиллеристамъ, своимъ товарищамъ по службѣ и уговариваетъ ихъ послѣдовать примѣру гвардіи, но солдаты хотятъ узнать прежде мнѣніе своего начальника. Генералъ Вильбуа нѣсколько минутъ колеблется, однако уступаетъ торжественно-повелительному тону Екатерины и артиллерія также переходитъ на ея сторону.

Между тѣмъ на мѣсто дѣйствія прибываютъ: гетманъ Разумовскій, Панинъ, князь Волконскій, И. И. Шуваловъ, Строгановъ и другіе вельможи, которые присоединяются къ свитѣ императрицы. Окруженная войскомъ и стекавшимся отовсюду народомъ, она отправляется въ Казанскій соборъ; здѣсь ее встрѣчаютъ: архіепископъ Новгородскій и высшее духовенство. Пропѣли благодарственный молебенъ и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнѣйшей императрицей всея Россіи, а великаго князя Павла Петровича — наслѣдникомъ престола. Изъ собора государыня перешла въ новый зимній дворецъ, достроенный Петромъ III, гдѣ уже собирались для принесенія присяги Сенатъ и Синодъ. Немедленно приняты и необходимыя мѣры предосторожности: подступы къ дворцу защищены артиллеріей, на многихъ пунктахъ разставлены сильные отряды часовыхъ, а сообщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ совершенно прекращено. Императрица поспѣшила разослать курьеровъ въ провинцію гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, а также генераламъ войскъ, находившихся въ Пруссіи; дипломатическій корпусъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе о перемѣнѣ царствующей особы.

Вечеромъ въ тотъ же день 28 іюня Екатерина съ гвардіей выступила противъ Петра. Узнавъ о переворотѣ, Петръ потерялъ голову, бросился въ Кронштадтъ, чтобъ завладѣть имъ и флотомъ, но тамъ не былъ принятъ, хотѣлъ ѣхать въ Ревель и кончилъ тѣмъ, что сдался Екатеринѣ и подписалъ отреченіе. Онъ былъ отправленъ въ Ропшу и тамъ очень скоро нашелъ случайную смерть, въ которой совершенно несправедливо винили Екатерину.

Такъ началось самодержавіе Екатерины II. Не всѣ, кто хотѣлъ ея власти, думали о самодержавіи, былъ возможенъ и другой исходъ переворота—воцареніе Павла и регентство его матери. Но Екатерина въ церкви была провозглашена императрицею.

Время императрицы Екатерины II.

(1762—1796 гг.).

Новый переворотъ былъ совершенъ, какъ и прежніе, гвардейскими дворянскими полками; онъ былъ направленъ противъ императора, заявившаго очень рѣзко свои національныя симпатіи и личныя странности дѣтски-капризнаго характера. Въ такихъ обстоятельствахъ вступленіе на престолъ Екатерины имѣетъ много общаго съ вступленіемъ на престолъ Елизаветы. И въ 1741 г. переворотъ совершился силами дворянской гвардіи и противъ національнаго правительства Анны, полнаго случайностей и произвола нерусскихъ временщиковъ.

Мы знаемъ, что переворотъ 1741 г. имѣлъ слѣдствіемъ національное направленіе Елизаветинскаго правительства и улучшеніе государственнаго положенія дворянства. Такихъ же слѣдствій въ правѣ мы ожидать и отъ обстоятельствъ переворота 1762 г. и, дѣйствительно, какъ увидимъ, политика Екатерины II была національной и благопріятной дворянству. Эти черты были усвоены самой императрицей, самими обстоятельствами ея воцаренія. Въ этомъ она неизбѣжно должна была слѣдовать Елизаветѣ, хотя и относилась съ ироніей къ порядкамъ своей предшественницы.

Но переворотъ 1741 г. поставилъ во главѣ правленія Елизавету, женщину умную, но необразованную, которая принесла на престолъ только женскій тактъ, любовь къ своему отцу и симпатичную гуманность. Поэтому правительство Елизаветы отличалось умомъ, гуманностью и благоговѣніемъ къ памяти Петра Великаго. Но оно не имѣло своей программы и поэтому стремилось дѣйствовать по началамъ Петра. Переворотъ 1762 г. напротивъ, поставилъ во власть женщину нетолько умную и съ тактомъ, но и чрезвычайно талантливую, на рѣдкость образованную, развитую и дѣятельную по своему характеру. Поэтому правительство Екатерины нетолько возвращалось къ хорошимъ старымъ образцамъ, но вело государство впередъ по собственной программѣ, которую пріобрѣло мало по малу по указаніямъ практики и отвлеченныхъ теорій, усвоенныхъ Императрицею. Въ этомъ Екатерина была противоположна своей предшественницѣ. При ней была система управленія и поэтому случайныя лица, фавориты, менѣе отражались на ходѣ государственныхъ дѣлъ, чѣмъ это было при Елизаветѣ. Хотя фавориты Екатерины и были очень замѣтны яркимъ блескомъ лицъ и дѣятельности, силою вліянія и даже капризовъ и злоупотребленій.

Такъ, обстановка воцаренія и личныя качества Екатерины опредѣляютъ заранѣе особенности ея правленія. Нельзя не замѣтить, однако, что личные взгляды императрицы, съ которыми она взошла на престолъ, не вполнѣ соотвѣтствовали обстоятельствамъ русской жизни и теоретическіе планы Екатерины не могли перейти въ дѣло вслѣдствіе того, что не имѣли почвы въ русской практикѣ. Екатерина образовалась на либеральной французской философіи XVIII в. усвоила и даже высказывала открыто ея «вольнодумные принципы» но не могла провести ихъ въ жизнь, или по неприложимости ихъ, или вслѣдствіе противодѣйствія окружавшей ее среды. Поэтому появилось нѣкоторое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, между либеральнымъ направленіемъ Екатерины и результатомъ ея практической дѣятельности, которая была довольно вѣрна историческимъ русскимъ традиціямъ. Вотъ почему иногда обвиняютъ Екатерину въ несоотвѣтствіи ея словъ и дѣлъ. Мы увидимъ какъ произошло это несоотвѣтствіе; увидимъ, что въ практической дѣятельности Екатерина жертвовала идеями практикѣ; увидимъ, что идеи, выведенныя Екатериной въ русскій общественный оборотъ не прошли однако безслѣдно, но отразились на развитіи русскаго общества и на нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ.

Первое время правленія Екатерины II.

Первые годы правленія Екатерины были для нея труднымъ временемъ. Сама она не знала государственныхъ дѣлъ и не имѣла помощниковъ: главный дѣлецъ времени Елизаветы, Шуваловъ, умеръ; способностямъ другихъ старыхъ вельможъ довѣряла она мало. Одинъ графъ Никита Ив. Панинъ пользовался ея довѣріемъ. Панинъ былъ дипломатомъ при Елизаветѣ (посломъ въ Швеціи); ею же былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя Павла и оставленъ въ этой должности и Екатериной. При Екатеринѣ, хотя канцлеромъ оставался Воронцовъ, Панинъ сталъ завѣдывать внѣшними дѣлами Россіи. Екатерина пользовалась совѣтами старика Бестужево-Рюмина, возвращеннаго ею изъ ссылки и другихъ лицъ прежнихъ правленій. Но это были не ея люди: ни вѣрить въ нихъ, ни довѣряться имъ она не могла. Тѣ же лица, которыя возвели ее на тронъ не имѣли ни знаній, ни способностей къ управленію. Это была гвардейская молодежь, мало знающая и мало воспитанная. Екатерина осыпала ихъ наградами, допустила къ дѣламъ, но чувствовала, что поставить ихъ во главѣ дѣлъ нельзя.

Такъ Екатерина не имѣла надежныхъ людей, не могла ни на кого опереться. Она была одинока и это замѣчали даже иностранные послы. Они видѣли и то, что Екатерина переживала вообще трудныя минуты. Придворная среда относилась къ ней съ нѣкоторой требовательностью; какъ люди возвышенные ею, такъ и люди, имѣвшіе силу ранѣе, осаждали ее своими мнѣніями и просьбами, потому что видѣли ея слабость и одиночество и думали, что она имъ обязана престоломъ. Французскій посолъ Бретейль писалъ: «въ большихъ собраніяхъ при дворѣ любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какой императрица старается понравиться всѣмъ, свободу и надоѣдливость, съ какими всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и о своихъ мнѣніяхъ... Значитъ сильно же чувствуетъ она свою зависимость, чтобы переносить это».

Это свободное обращеніе придворной среды было очень тяжело Екатеринѣ, но пресѣчь его она не могла, потому что не имѣла вѣрныхъ друзей, боялась за свою власть и чувствовала, что сохранить ее она можетъ только любовью двора и подданныхъ. Она употребляла всѣ средства чтобы по выраженію англійскаго посла Букингама, пріобрѣсти довѣріе и любовь подданныхъ.

Были у Екатерины дѣйствительныя основанія опасаться за свою власть. Въ первые дни ея правленія среди армейскихъ офицеровъ, собранныхъ на коронацію въ Москву, шли толки о состояніи престола, объ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ и великомъ князѣ Павлѣ. Нѣкоторые находили, что эти лица имѣютъ больше правъ на власть, чѣмъ императрица. Всѣ эти толки не выросли въ заговоръ, но очень тревожили Екатерину. Значительно позднѣе, въ 1754 г. обнаружился и заговоръ для освобожденія императора Іоанна. Іоаннъ Антоновичъ со времени Елизаветы содержался въ Шлиссельбургѣ. Армейскій офицеръ Мировичъ сговорился со своимъ товарищемъ Ушаковымъ освободить его, и его именемъ совершить переворотъ. Оба они не знали, что

бывшій императоръ въ заключеніи лишился ума. Хотя Ушаковъ утонулъ, Мировичъ и одинъ не отказался отъ дѣла и возмутилъ часть гарнизона. Однако, при первомъ же движеніи солдатъ, согласно инструкціи, Іоаннъ былъ заколотъ своими надсмотрщиками, и Мировичъ добровольно отдался въ руки коменданта. Онъ былъ казненъ и его казнь страшно подѣйствовала на народъ, при Елизаветѣ отвыкшій отъ казней. И внѣ войска Екатерина могла ловить признаки броженія и неудовольствія: не вѣрили смерти Петра III, говорили съ неодобреніемъ о близости Г. Г. Орлова къ императрицѣ. Словомъ, въ первые годы власти Екатерина не могла похвалиться, что имѣетъ подъ ногами твердую почву.

При подобныхъ условіяхъ Екатерина, понятно, не могла сразу выработать опредѣленную программу правительственной дѣятельности. Ей предстоялъ тяжелый трудъ сладить съ окружающей средой, примѣниться къ ней и овладѣть ею, присмотрѣться къ дѣламъ и главнымъ потребностямъ управленія, выбрать помощниковъ и узнать ближе способности окружающихъ ее лицъ. Понятно, какъ мало могли помочь ей въ этомъ дѣлѣ принципы ея отвлеченной философіи, но, понятно, какъ много помогли ей природныя способности, наблюдательность, практичность и та степень умственнаго развитія, какой она владѣла вслѣдствіе широкаго образованія и привычки къ отвлеченному философскому мышленію. Упорно трудясь, Екатерина провела первые годы своего царствованія въ томъ, что знакомилась съ Россіей и съ положеніемъ дѣлъ, подбирала совѣтниковъ и укрѣпляла свое личное положеніе во власти.

Тѣмъ положеніемъ дѣлъ, какое она застала вступая на престолъ она не могла быть довольна. Главная забота правительства—финансы, были далеко не блестящи. Сенатъ не зналъ точно цифры доходовъ и расходовъ, отъ военныхъ расходовъ происходили дефициты, войска не получали жалованья, а безпорядки финансоваго управленія страшно запутывали и безъ того плохія дѣла. Знакомясь съ этими непріятностями въ Сенатѣ, Екатерина получала понятіе о самомъ Сенатѣ и съ ироніей относилась къ его дѣятельности. По ея мнѣнію, Сенатъ и всѣ прочія учрежденія вышли изъ своихъ основаній; Сенатъ присвоилъ себѣ слишкомъ много власти и подавилъ всякую самостоятельность подчиненныхъ ему учрежденій. Напротивъ, Екатерина, въ извѣстномъ своемъ манифестѣ 5 Іюля 1762 г. (въ которомъ она объясняла мотивы переворота) желала, чтобы «каждое государственное мѣсто имѣло свои законы и предѣлы». Поэтому она постаралась устранить неправильности въ положеніи Сената и, мало по малу, свела его на степень центральнаго административно-судебнаго учрежденія, воспретивъ ему законодательную дѣятельность. Это было сдѣлано ею очень осторожно: для скорѣйшаго производства дѣлъ она раздѣлила Сенатъ на 6 Департаментовъ, какъ это было при Аннѣ, придавъ каждому изъ нихъ спеціальный характеръ; (1763 г.) съ Сенатомъ стала сноситься черезъ генералъ-прокурора А. А. Вяземскаго и дала ему секретную инструкцію не поощрять Сената на законодательную функцію; наконецъ, повела всѣ свои важнѣйшія мѣропріятія помимо Сената своею личною

иниціативой и авторитетомъ. Въ результатѣ была существенная перемѣна въ центрѣ управленія: умаленіе Сената, усиленіе единоличныхъ властей, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ, оживленіе коллегій. И все это достигнуто исподволь, безъ шума, крайне осторожно.

Обезпечивая свою самостоятельность отъ неудобныхъ старыхъ порядковъ управленія, Екатерина, съ помощью того же Сената, дѣятельно занималась дѣлами: искала средствъ поправить финансовое положеніе, рѣшала текущія дѣла управленія, присматривалась къ состоянію сословій, озабочена была дѣломъ составленія законодательнаго кодекса. Во всемъ этомъ не было еще видно опредѣленной системы, императрица просто отвѣчала на потребности минуты и изучала положеніе дѣлъ. Волновались крестьяне, смущенные слухомъ освобожденія отъ помѣщиковъ. Екатерина занималась крестьянскимъ вопросомъ. Волненія достигали большихъ размѣровъ, противъ крестьянъ употреблялись пушки; помѣщики просили защиты отъ крестьянскихъ насилій. Екатерина, принимая рядъ мѣръ для водворенія порядка, заявляла: «намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать». Рядомъ съ этимъ дѣломъ шло другое: грамота Петра III о дворянствѣ вызвала нѣкоторыя недоумѣнія недостатками своей редакціи и, между тѣмъ, сильное движеніе дворянъ изъ службы; Екатерина, пріостановивъ ея дѣйствія, въ 1763 г. учредила коммиссію для ея пересмотра. Однако эта коммиссія не пришла ни къ чему, и дѣло было отложено до 1785 года. Изучая положеніе дѣлъ, Екатерина увидѣла необходимость составить законодательный кодексъ, Уложеніе царя Алексѣя устарѣло; уже Петръ Великій заботился о новомъ кодексѣ, но безуспѣшно, законодательныя коммиссіи, бывшія при немъ, не выработали ничего. Почти всѣ преемники Петра были заняты мыслью составить кодексъ: при императрицѣ Аннѣ въ 1730 году и при императрицѣ Елизаветѣ въ 1761 году требовались даже депутаты отъ сословій для участія въ законодательныхъ работахъ. Но трудное дѣло кодификаціи не удавалось. Екатерина II серьезно остановилась на мысли обработать русское законодательство въ стройную систему.

Изучая положеніе дѣлъ, Екатерина желала познакомиться и съ самой Россіей. Она предприняла рядъ поѣздокъ по государству: въ 1763 году ѣздила изъ Москвы въ Ростовъ и Ярославль, въ 1764 году— въ Остзейскій край, въ 1767 г. проѣхала по Волгѣ до Симбирска. «Послѣ Петра Великаго,—говоритъ Соловьевъ,—Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествія по Россіи съ правительственными цѣлями». (XXVI, 8).

Такъ прошли первые пять лѣтъ внутренняго правленія молодой государыни. Она привыкла къ своей обстановкѣ, присмотрѣлась къ дѣламъ, выработала практическіе пріемы дѣятельности, подобрала желаемый кругъ помощниковъ. Положеніе ея окрѣпло и ей не грозили никакія опасности. Хотя въ эти пять лѣтъ не обнаружилось никакихъ широкихъ мѣропріятій, Екатерина, однако, уже строила широкіе планы реформаціонной дѣятельности.

Законодательная дѣятельность Екатерины II.

Съ самаго начала Екатерининскаго царствованія, какъ мы уже видѣли, Екатерина выразила желаніе привести всѣ правительственныя мѣста въ должный порядокъ, дать имъ точные «предѣлы и законы». Исполненіе этой мысли явилось только въ осторожномъ преобразованіи Сената. Сама Екатерина пока не шла далѣе. Но пошелъ далѣе ея виднѣйшій совѣтникъ Н. И. Панинъ. Онъ подалъ императрицѣ обстоятельно мотивированный проэктъ учрежденія императорскаго совѣта (1762 г.); доказывая съ ѣдкой ироніей несовершенства прежняго управленія, допускавшаго широкое вліяніе на дѣла фаворитизма, Панинъ настаивалъ на учрежденіи «верховнаго мѣста», совѣта изъ немногихъ лицъ съ законодательнымъ характеромъ дѣятельности. Это законодательное «верховное мѣсто», стоя у верховной власти въ качествѣ ея ближайшаго помощника, одно было бы въ состояніи, по словамъ Панина, «оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя», т. е. временщиковъ. Совѣтъ при императрицѣ, въ то же время, былъ бы лучшимъ средствомъ противъ безпорядка и произвола въ управленіи. Такъ Панинъ отвѣчалъ на заявленное Екатериной намѣреніе внести въ управленіе законность и порядокъ. Но онъ предлагалъ старое средство,—въ Россіи существовали «верховныя мѣста» (Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ), но не предохранялъ отъ фаворитовъ и не сохранялъ законности. Съ другой стороны «верховное мѣсто», усвоивъ законодательную функцію, стѣсняло бы верховную власть, для защиты которой предназначалъ ее Панинъ. Современники замѣтили недостатки и даже неискренность проэкта Панина. Когда Екатерина, подписавъ было поданный ей проэктъ, стала затѣмъ колебаться и собрала мнѣнія государственныхъ людей о проэктѣ, то не увидѣла большого сочувствія къ нему. Ей даже высказали (Вильбоа), что Панинъ «тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный, и государственнымъ закономъ установленный, императорскій совѣтъ и вліятельные, его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей». Такимъ образомъ Екатеринѣ указали, что крупная административная реформа, на которую она было согласилась, можетъ превратить Россію изъ самодержавной монархіи въ монархію, управляемую олигархическимъ совѣтомъ чиновной аристократіи. Понятно, что Екатерина не могла утвердить такого проэкта и Панинъ, думавшій пересадить въ Россію знакомыя ему формы шведскаго управленія, потерпѣлъ неудачу.

Но, отклоняя реформу, предлагаемую Панинымъ, Екатерина вскорѣ сама остановилась на весьма оригинальномъ законодательномъ планѣ, болѣе обширномъ, чѣмъ Панинскій проэктъ. Это былъ планъ перестройки законодательства. Императрица желала законности и порядка въ управленіи; знакомство съ дѣлами показало ей, что безпорядокъ господствуетъ не только въ частностяхъ управленія, но и въ законахъ: ея предшественники непрерывно заботились о приведеніи въ систе-

матическій кодексъ всей громады отдѣльныхъ законоположеній, накопившихся со времени Уложенія 1649 года, и не могли сладить съ этимъ дѣломъ. Екатерина также поняла настоятельность этого дѣла, но поняла иначе суть предстоящей ей здѣсь задачи. Она не только хотѣла упорядочить законодательный матеріалъ, но хотѣла создать новыя законодательныя нормы, которыя содѣйствовали бы установленію порядка и законности въ государствѣ. Въ существующихъ же законахъ она находила недостатки и думала, что эти законы не соотвѣтствуютъ вообще состоянію народа.

Поэтому устраненія существовавшихъ на дѣлѣ недостатковъ Екатерина искала нетолько въ практической правительственной дѣятельности, но и въ теоретической перестройкѣ дѣйствовавшаго права. Эта мысль о выработкѣ новаго законодательства очень заняла Екатерину и повела къ знаменитой Коммиссіи для составленія проэкта новаго Уложенія, по поводу которой императрица впервые заявила о своихъ широкихъ реформаціонныхъ планахъ.

Когда въ 1648 г. при царѣ Алексѣѣ пожелали составить кодексъ, то особой коммиссіи поручили собрать весь пригодный для кодекса матеріалъ изъ стараго русскаго, византійскаго и литовскаго законодательства, а къ слушанію собранныхъ статей созвали земскій соборъ, который путемъ челобитій доводилъ до свѣдѣнія правительства свои желанія и такимъ образомъ своими челобитьями давалъ новый матеріалъ для законодательства. «Общимъ совѣтомъ» создано было, такимъ путемъ, Уложеніе и отвѣтившее вполнѣ удовлетворительно на потребности своего времени. И въ XVIII вѣкѣ до Екатерины II, хотя законодательныя работы и не привели къ результату, ясно замѣчаемъ тотъ же пріемъ, какъ въ 1648 г.: подготовительная редакціонная работа поручается коммиссіямъ бюрократическаго состава, а къ «слушанію» составляемаго кодекса призываются земскіе люди.

Екатерина не пошла такимъ путемъ, Она желала создать новое законодательство, а не приводить старое въ систему. О старыхъ русскихъ законахъ, дѣйствовавшихъ при ней, она отзывалась рѣзко, считала ихъ прямо вредными и, понятно, систематизировать ихъ не желала. Она желала прямо установить отвлеченныя «общія правила», принципы законодательства и думала, что это ей удастся. «Можно легко найти общія правила», писала она Вольтеру въ 1767 г.,—но подробности?... Это почти все равно, что создать цѣлый міръ». Кто же будетъ опредѣлять принципы законодательства и кто обсуждать подробности? Ни въ опредѣленіи принциповъ, ни въ выработкѣ подробностей Екатерина не нашла возможнымъ воспользоваться силами бюрократіи. Чиновничество выросло на старыхъ законахъ и знало лишь правительственную практику, но не народныя нужды; стало быть ни поставить правильныхъ принциповъ, ни согласовать ихъ съ народными нуждами, въ частностяхъ новаго законодательства, оно не могло. Екатерина поэтому обошлась безъ него. «Легкое»,—какъ думала она,—дѣло установленія принциповъ будущаго кодекса Екатерина приняла

на себя. Трудности установленія подробностей она нашла всего приличнѣе возложить на земскихъ представителей, нужды которыхъ должны были лечить новые законы.

Уже съ 1765 г. Екатерина усидчиво принялась за изложеніе законодательныхъ принциповъ и работала, не говоря никому о содержаніи своего труда. «Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова», сообщаетъ сама императрица. «Преуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ». Статьи заготовленныя Екатериной, были ея знаменитымъ Наказомъ, въ его первоначальной редакціи. Хотя содержаніе Наказа не изслѣдовано еще научно, но уже и теперь можно указать его главнѣйшіе литературные источники: это «l'Esprit des Lois» Монтескье и вышедшее въ 1764 сочиненіе итальянца Беккаріа—«О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Главнымъ вдохновителемъ Екатерины былъ однако Монтескье; она сама писала Д'Аламберу, что въ Наказѣ «обобрала президента Монтескье, не называя его; добрая половина статей Наказа есть пересказъ общихъ положеній Духа Законовъ». Такимъ образомъ свои принципы новаго, русскаго законодательства, Екатерина установила на почвѣ философско-публицистическихъ умствованій современной ей европейской литературы. Ясно, что эти принципы съ одной стороны были въ высшей степени либеральны, потому что взяты изъ либеральнаго источника, а съ другой стороны—совершенно чужды русской жизни, потому что слишкомъ либеральны и выросли изъ условій нерусской общественной жизни. Они должны были удивить русское общество и либерализмомъ и несоотвѣтствіемъ русскому быту. Екатерина чувствовала это; она рядомъ съ общимъ либерализмомъ поставила и мотивировала въ Наказѣ ясное утвержденіе, что единственной, возможной для Россіи, формой власти находитъ самодержавіе, какъ по обширности страны, такъ и потому, что одной власти лучше повиноваться, чѣмъ многимъ господамъ. Постаралась она оправдать и отвлеченность своихъ принциповъ и ихъ несоотвѣтствіе русскимъ порядкамъ, она писала въ Наказѣ,—«Россія есть европейская держава. Доказательство сему слѣдующее. Перемѣны, которыя предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніями разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ I, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ» (Наказъ, гл. 1, 6, 7). Итакъ, по мнѣнію Екатерины, древняя Россія жила съ чуждыми нравами, которые слѣдовало передѣлать на европейскій ладъ, потому что Россія—страна Европейская. Петръ началъ эту передѣлку, вводя европейскіе обычаи, и это ему удалось. Теперь Екатерина продолжаетъ это дѣло и вноситъ въ русскіе законы обще-европейскія начала. Именно потому что онѣ европейскія, онѣ не могутъ быть чуждыми Россіи, хотя и могутъ показаться чуждыми по своей новизнѣ. Такъ Екатерина старалась оправдать либеральность и отвлеченность своихъ принциповъ. Если она оставалась вѣрна народнымъ

воззрѣніямъ въ томъ, что предпочитала самодержавіе «угожденію многимъ господамъ», то она впадала въ большую неточность въ другомъ отношеніи,—за начала обще-европейской жизни она приняла принципы европейской философіи, которые не переходили въ жизнь нигдѣ въ Европѣ и не были началами дѣйствительнаго быта. Являясь съ этими принципами въ русскую жизнь, Екатерина ни мало не слѣдовала Петру, который перенималъ европейскую дѣятельность, а не европейскія мечты.

Когда «Наказъ» былъ выработанъ и показанъ Екатериною многимъ лицамъ, то возбудилъ массу возраженій съ ихъ стороны. Сначала Екатерина показывала его по частямъ приближеннымъ лицамъ, и Панинъ на либеральные принципы Наказа тонко отозвался: «ce sont des axiomes à renverser des murailles». Подобное же отношеніе къ либерализму Наказа и другихъ лицъ, заставило Екатерину, по ея собственнымъ словамъ «зачеркнуть, разорвать и сжечь больше половины» написаннаго. Передъ изданіемъ въ свѣтъ уже сокращенной редакціи, Екатерина созвала въ село Коломенское, гдѣ тогда находилась, разныхъ „вельми — разномыслящихъ людей“, отдала имъ Наказъ и позволила имъ „чернить и вымарать все, что хотѣли“. При всемъ разномысліи позванныхъ лицъ и при большомъ страхѣ, эти лица однако «болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали—и остался наказъ, яко оный напечатанъ»; если вѣрить точности словъ Екатерины, напечатано было, стало быть, менѣе четверти того, что она составила. По сохранившимся рукописямъ императрицы видимъ, что возраженія избранныхъ ею цензоровъ направлены были противъ того, что либерально, и противъ того, что не соотвѣтствовало русскимъ нравамъ. Цензура окружающихъ заставила Екатерину отказаться отъ напечатанія весьма существенныхъ для нея частностей Наказа и скрыть многое изъ своихъ существенныхъ взглядовъ.

Уступчивость Екатерины въ дѣлѣ составленія Наказа показываетъ намъ, во первыхъ, до какой степени доходила зависимость императрицы отъ окружавшей ее придворной среды, въ первые годы ея правленія, а во вторыхъ, до какой степени рознились ея личныя, отвлеченныя воззрѣнія отъ тѣхъ взглядовъ, какіе Екатерина высказывала офиціально. Для примѣра возьмемъ одинъ важный вопросъ общественной жизни, который при Екатеринѣ сталъ на очереди въ правительственной практикѣ, вопросъ крестьянскій; мы видѣли, что еще съ XVII вѣка жизнь и правительственная практика неудержимо шли къ тому, что болѣе и болѣе подчиняли личность и трудъ крестьянина власти помѣщика. Съ освобожденіемъ дворянства отъ государственныхъ повинностей, по логикѣ исторіи, съ крестьянъ должна была быть снята ихъ частная зависимость, потому что исторически эта зависимость была обусловлена дворянскими повинностями: крестьянинъ долженъ былъ служить дворянину, чтобы дворянинъ могъ исправно служить государству. Съ освобожденіемъ дворянства выступалъ вопросъ и объ освобожденіи крестьянъ: они волновались уже съ манифеста о вольности дворянства, потому что смутно помнили ходъ закрѣпощенія. (При Петрѣ Великомъ крестьянинъ Посошковъ весьма

опредѣленно заявилъ: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы... а прямой ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Соч. I, 183). Но освобожденіе крестьянъ казалось въ половинѣ XVIII в. вещью невозможной, оно затрагивало и привиллегіи дворянъ, только что установленныя, и хозяйственные интересы, потому что лишило бы ихъ дарового труда. Дворянство, составлявшее правительственный и административный классъ XVIII вѣка и ставшее привиллегированнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, хотя и задумывалось надъ крестьянскимъ вопросомъ, но было далеко отъ его разрѣшенія. Крѣпостное право продолжало не только существовать, но и развиваться.

Екатерина, воспитавшаяся на освободительныхъ теоріяхъ XVIII вѣка, не могла сочувствовать крѣпостному праву и мечтала объ освобожденіи крестьянъ. Въ ея личныхъ бумагахъ находили любопытные проэкты постепеннаго уничтоженія крѣпостной зависимости путемъ освобожденія крестьянъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ при ихъ куплѣ-продажѣ. Общее единовременное освобожденіе крѣпостныхъ ее, однако, пугало и она искренно была убѣждена, что «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать большое число освобожденныхъ» (Наказъ 260). Но въ то же время она искренно желала облегчить положеніе «рабовъ», т. е. крестьянъ и уничтожить „рабство“ въ своей имперіи. И вотъ въ первоначальной редакціи Наказа разсѣяно много замѣчаній и размышленій о крестьянахъ и о необходимости улучшить ихъ положеніе и уничтожить крѣпостное право. Но въ окончательной печатной редакціи многія изъ этихъ либеральныхъ размышленій о крестьянахъ были выпущены, очевидно подъ вліяніемъ «разномыслящихъ персонъ», читавшихъ и корректировавшихъ Наказъ (Соловьевъ, т. XXVII, 80).

Мало того, сама Екатерина была какъ бы вынуждена измѣнить свои взгляды, сдѣлавъ уступки консервативнымъ взглядамъ своихъ совѣтниковъ. Такъ, напримѣръ, въ первоначальномъ Наказѣ она писала: «Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т. е. крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашнія рукодѣлія и проч. и далѣе ихъ рабство не простиралось... Личная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежатъ больше къ лицу. Великое злоупотребленіе есть, когда оно личное и существенное». Здѣсь Екатерина обнаружила довольно точныя представленія о существѣ крестьянской и холопской зависимости и справедливо осудила ихъ смѣшеніе, которое вредно отразилось на судьбахъ крестьянства. Но въ окончательной редакціи Наказа это разсужденіе выпущено и мало того, Екатерина обнаружила даже взглядъ совершенно противоположный, внушенный ей со стороны. Когда Сумароковъ, читавшій Наказъ до его напечатанія и уже не нашедшій выписаннаго нами мѣста, замѣтилъ Екатеринѣ: „Между крѣпостнаго и невольника разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а

другой къ помѣщику", то Екатерина отвѣтила ему съ сердцемъ: «какъ это сказать можно? Отверзите очи». Между тѣмъ Сумароковъ говорилъ совсѣмъ тоже, что раньше говорила сама Екатерина. Ясно, такимъ образомъ, что она, такъ сказать, подчинилась факту русской жизни, полному смѣшенію крестьянъ и холоповъ, и отступилась отъ своихъ теоретическихъ взглядовъ, не находя уже, „великаго злоупотребленія" въ этомъ смѣшеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣйствовало вліяніе окружающихъ людей, «помаравшихъ ея Наказъ». Отступничество отъ высказанныхъ взглядовъ у Екатерины не было искреннимъ. Когда большинство земскихъ представителей, собранныхъ Екатериною въ коммиссію, оказались поборниками крѣпостного права, Екатерина была очень недовольна. Ясно что «Екатерина не считала крестьянина рабомъ и желала освобожденія его изъ той зависимости холопа, какая развилась въ XVIII вѣкѣ»; но она должна была скрывать свои мнѣнія и желанія, отказаться отъ нихъ по внѣшности, не отказываясь, однако, внутренно.

Взятый нами примѣръ свидѣтельствуетъ, какъ мы сказали, о зависимости Екатерины отъ ея среды и о разницѣ ея дѣйствительныхъ взглядовъ отъ тѣхъ, какіе она высказывала офиціально. Она считала, что установить общіе принципы новаго законодательства будетъ дѣломъ легкимъ. На самомъ же дѣлѣ это легкое дѣло оказалось тяжелымъ и до нѣкоторой степени потерпѣло неудачу. Устанавливая новые принципы, Екатерина въ нихъ дѣлала уступки той самой средѣ, которую хотѣла исправлять новыми законами, и потому ея новые принципы, не были развиты такъ полно, какъ бы ей хотѣлось. Еще до окончательной редакціи Наказа Екатерина въ немъ какъ будто разочаровалась и писала Д'Аламберу, что Наказъ вовсе не похожъ на то, что она хотѣла сдѣлать. Однако и въ окончательной, т. е. сокращенной редакціи Наказа, Екатерина успѣла сохранить цѣльность своего либеральнаго направленія и высказать, хотя и не вполнѣ, но съ достаточной опредѣленностью, тѣ отвлеченныя начала, какими должно было руководиться предполагаемое ею земское законодательное собраніе въ своей практической дѣятельности.

Наказъ, сокращенный и выдержавшій цензуру сотрудниковъ Екатерины, будучи напечатанъ, произвелъ все-таки сильное впечатлѣніе и въ Россіи и за границей. Во Франціи онъ былъ даже запрещенъ. Дѣйствительно, въ качествѣ офиціальнаго документа, онъ не могъ не производить впечатлѣнія, потому что былъ исключительнымъ правительственнымъ актомъ, какъ по своему общему характеру отвлеченнаго философскаго разсужденія, такъ и по либеральности своего внутренняго направленія.

Читая печатный Наказъ, мы видимъ, что онъ содержитъ въ себѣ 20 главъ (2 главы: 21 и 22, о полиціи и о государственномъ хозяйствѣ, Екатерина приписала къ Наказу уже въ 1768 г.) и около 500 параграфовъ, или краткихъ статей. Содержаніе этихъ статей касается всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ законодательства. Кромѣ общихъ разсужденій объ особенностяхъ Россіи какъ государства, и о русскомъ государственномъ правленіи, въ частности, обсуждается положеніе

сословій, задачи законодательства, вопросъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, судопроизводство, предметы гражданскаго права, кодификація и цѣлый рядъ вопросовъ государственной жизни и политики (есть даже разсужденіе о признакахъ, по которымъ можно узнать паденіе и разрушеніе государства). Своимъ содержаніемъ Наказъ дѣйствительно довольно полно охватываетъ сферу тѣхъ вопросовъ, какіе представляются законодателю, но онъ только намѣчаетъ эти вопросы, трактуетъ очень отвлеченно и не служитъ практическимъ руководствомъ для законодателя. Наказъ, какъ того и хотѣла Екатерина, есть только изложеніе принциповъ, какими долженъ руководиться пишущій законъ.

Такъ была исполнена первая часть задуманнаго императрицей плана: найдены «общія правила» новаго законодательства. Въ исполненіи этой первой части, какъ мы уже видѣли, Екатерину постигла нѣкоторая неудача. Она не могла полно и откровенно высказывать свои принципы, потому что кругомъ себя встрѣтила противодѣйствіе. Неудача постигла ее и во второй части плана—въ разработкѣ подробностей новаго законодательства. Эти подробности не были выработаны.

Для составленія новаго кодекса, манифестомъ 14 Декабря 1766 г. были созваны въ Москву представители земства и присутственныхъ мѣстъ. Ихъ собраніе получило названіе «коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія». Въ эту коммиссію дворянство каждаго уѣзда должно было послать одного депутата; низшіе, разныхъ службъ служилые люди (пѣхотные солдаты и пр.); отъ провинціи также одного депутата; государственные крестьяне изъ каждой провинціи по одному депутату; не кочующіе инородцы. отъ каждой провинціи, отъ каждаго народа, по одному депутату. Сенатъ, Синодъ, Коллегіи и др. присутственныя мѣста должны были также прислать по депутату. Такимъ образомъ, основанія представительства были различны: однѣ части населенія посылали представителей отъ уѣзда, другія отъ провинціи, третьи отъ отдѣльнаго племени, четвертыя отъ присутственнаго мѣста; одни избиратели по-сословно (дворяне, крестьяне), другіе по мѣсту жительства (горожане, домовладѣльцы, инородцы). Частно-владѣльческіе крестьяне и совсѣмъ были лишены права представительства. Не было и прямыхъ представителей духовенства. Такимъ образомъ, собравъ въ Москву лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ состояній и племенъ, представительство, установленное Екатериной, тѣмъ не менѣе было далеко не полно.

Депутатъ обезпечивался, на все время пребыванія въ коммиссіи, казеннымъ жалованіемъ и долженъ былъ привезти въ Москву инструкцію отъ своихъ избирателей съ изображеніемъ ихъ нуждъ и пожеланій. Эти инструкціи получили названіе депутатскихъ наказовъ, а Наказъ Екатерины, въ отличіе отъ нихъ, сталъ называться «большимъ Наказомъ». Званіе депутата Екатерина старалась сдѣлать весьма почетнымъ въ глазахъ общества: депутаты навсегда освобождались отъ

казни, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; за обиду депутата виновный несъ двойное наказаніе.

30 Іюля 1767 г. съ торжествомъ были открыты засѣданія коммиссіи въ Грановитой Палатѣ въ Москвѣ. Всѣхъ представителей въ коммиссію было выбрано 565. Одна треть изъ нихъ были дворяне, другая треть—горожане; число лицъ отъ податныхъ сельскихъ классовъ не доходило и до 100; депутатовъ отъ присутственныхъ мѣстъ было 28. Понятно, что такое многородное собраніе могло съ удобствомъ обсуждать принципы законодательства, но не могло удобно заниматься редакціей законовъ въ полномъ своемъ составѣ. Оно могло ихъ только слушать, обсуждать и принимать въ готовой редакціи. Поэтому общее собраніе коммиссіи должно было выдѣлить изъ себя особыя коммиссіи, которыя бы сдѣлали для общаго собранія всѣ вспомогательныя и подготовительныя работы. Эти коммиссіи и были выдѣлены: однѣ изъ нихъ занимались тѣмъ, что вырабатывали отдѣльныя части будущаго кодекса послѣ обсужденія сихъ послѣднихъ общимъ собраніемъ, другія же приготовляли предварительно матеріалъ для занятій общаго собранія. Одна изъ этихъ коммиссій, дирекціонная—руководила занятіями какъ частныхъ коммиссій, такъ и общаго собранія, была главной пружиной всего дѣла. Въ ней были поэтому членами генералъ-прокуроръ и предсѣдатель общаго собранія коммиссіи (А. И. Бибиковъ). Масса частныхъ коммиссій вносила большую сложность въ дѣлопроизводство: каждый частный вопросъ проходилъ черезъ нѣсколько коммиссій и по нѣсколько разъ черезъ одну и ту же. Это вызывало необходимую медленность законодательныхъ работъ. А такъ какъ отношенія частныхъ коммиссій и общаго собранія не были точно опредѣлены, то неизбѣжны были безпорядки и путаница въ ихъ дѣятельности. Такъ, несовершенство внѣшней организаціи дѣла, ея сложность и неопредѣленность, создавали первое препятствіе для успѣшнаго веденія дѣла.

Въ ходѣ занятій коммиссіи найдемъ и другія препятствія. Общее собраніе прежде всего прочитало Наказъ императрицы и узнало изъ него тѣ отвлеченные принципы дѣятельности, которые ему ставила Екатерина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены собранія привезли съ собой болѣе 10,000 депутатскихъ наказовъ, должны были ознакомиться съ ними и уяснить себѣ тѣ нужды и желанія русскаго земства, какія въ нихъ находились. Эти нужды и желанія депутаты должны были примирить съ теоретическими желаніями Наказа и слить ихъ въ гармонически-стройный законодательный кодексъ. Для такой цѣли необходимо было разработать массу депутатскихъ наказовъ и привести въ систему все ихъ содержаніе. Этотъ кропотливый трудъ могъ быть совершенъ только спеціальной коммиссіей, потому что былъ неудобенъ для собранія въ 500 человѣкъ и былъ въ сущности черновой приготовительной работой. Далѣе, желанія сословій были часто противоположны и непримиримы: для должнаго къ нимъ отношенія мало было знать отвлеченные принципы, а слѣдовало изучить исторически положеніе того или другого вопроса, т. е., иначе говоря, разобраться въ старомъ законодательствѣ, которое состояло изъ массы (болѣе 10,000) отдѣльныхъ законоположеній, весьма неупорядоченныхъ. Поэтому вмѣстѣ съ си-

стематизаціей депутатскихъ наказовъ являлась другая подготовительная работа, недоступная общему собранію—систематизація или простое собраніе старыхъ законовъ.

Пока обѣ эти работы не были исполнены, общему собранію нечего было дѣлать, оно должно было ждать ихъ исполненія и затѣмъ уже обсуждать приготовленные матеріалы и примирять ихъ съ теоретическими началами. Но этихъ работъ не думали исполнять предварительно и ожидали ихъ отъ общаго собранія.

Въ инструкціи, данной Екатериной коммиссіи и опредѣлявшей порядокъ ея дѣйствій, видимъ, что Екатерина на общее собраніе возлагаетъ обязанность «читать наказы», «разобравъ по матеріямъ и сдѣлавъ выписку». Въ этомъ скрывается отсутствіе яснаго представленія о томъ, что подготовительныя законодательныя работы недоступны для обширнаго собранія, не имѣющаго къ нимъ подготовки. Такъ, рядомъ съ несовершенствами внѣшней организаціи, и неумѣлая постановка самыхъ задачъ, смѣшеніе подготовительныхъ работъ съ самой обязанностью коммиссіи, служили вторымъ препятствіемъ къ успѣху дѣла.

Коммиссія сначала вѣрно поняла, что ей необходимо было дѣлать въ ея обстановкѣ. Прочтя Наказъ Екатерины, она приступила къ чтенію наказовъ депутатскихъ и прослушала нѣсколько крестьянскихъ наказовъ. Но затѣмъ, не окончивъ этого дѣла, по предложенію маршала коммиссіи Бибикова, коммиссія перешла къ чтенію законовъ о купечествѣ. Потративъ на это около 60 засѣданій, коммиссія занялась вопросомъ о правахъ Остзейскихъ дворянъ и не окончила этого дѣла, какъ не кончала прежнихъ. Въ концѣ 1767 г. коммиссію перевели въ Петербургъ, гдѣ она также переходила отъ предмета къ предмету и ничего не достигла. Въ концѣ 1768 года члены общаго собранія были распущены въ виду войны съ Турціей. Частныя коммиссіи работали немногимъ лучше. Виною такого безпорядка въ занятіяхъ было, по мнѣнію изслѣдователей, неумѣніе Бибикова и другихъ направляющихъ лицъ. Сама Екатерина чувствовала неуспѣхъ дѣла, старалась ему помочь, посылала наставленія Бибикову и не добилась ничего. Такъ, рядомъ съ другими препятствіями неумѣніе ближайшихъ руководителей дѣла мѣшало успѣху дѣла. Болѣе опытный предсѣдатель и болѣе опытная дирекціонная коммиссія скорѣе поняли бы, что нужно дѣлать. Это поняла, кажется, только сама Екатерина. Распустивъ общее собраніе, она оставила нѣкоторыя частныя коммиссіи, которыя и работали до 1774, кажется, года. Общее собраніе въ то же самое время не считалось уничтоженнымъ, а было распущено на время. Такимъ образомъ, подготовительныя работы не прекратились, но ихъ обсужденіе въ общемъ собраніи было отсрочено. Въ этомъ было бы можно, пожалуй, видѣть правильный шагъ въ ходѣ законодательныхъ работъ. Но съ 1775 г. Екатерина стала забывать о своей коммиссіи и рѣшилась повести свою законодательную дѣятельность безъ ея участія. Коммиссія не была создана вторично. Блестящіе и широкіе планы не совершились,—затѣя новаго законодательства не удалась.

Припомнимъ вкратцѣ весь ходъ дѣла: Екатерина убѣдилась въ

необходимости исправить недостатки русскаго общественнаго быта путемъ созданія новаго законодательства. Въ этомъ, въ сущности, неисполнимомъ, предпріятіи ее пугали не общіе принципы законовъ, а ихъ подробности. Она думала, что общіе принципы уже твердо поставлены въ трудахъ французскихъ либеральныхъ философовъ и сама взялась истолковать ихъ въ своемъ Наказѣ. Но ей не удалось этого сдѣлать съ желаемой полнотой и цѣлостностью направленія. Подробности, которыя должны были нарости на общихъ началахъ Наказа, по мысли Екатерины, опредѣлялись нуждами и желаніями русскаго общества. Оно и было призвано высказать то, что думало, въ депутатскихъ наказахъ и было обязано прислать своихъ депутатовъ для законодательныхъ работъ. Вся трудность, всѣ частности этихъ работъ были возложены именно на депутатовъ. Для нихъ не были сдѣланы самыя необходимыя подготовительныя работы—собираніе и систематизація какъ стараго, такъ и новаго законодательнаго матеріала, старыхъ и новыхъ законовъ. Въ то же время депутаты были подавлены сложностью, какая была внесена въ организацію ихъ собранія, и неясностью, съ какой были опредѣлены ихъ задачи и ихъ положеніе въ общемъ собраніи и частныхъ коммиссіяхъ. Практическая неопытность маршала и распорядительной дирекціонной коммиссіи окончательно связала руки депутатамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, т. е. во 1) отсутствія подготовительныхъ работъ, 2) непрактичности и неопредѣленности внѣшней организаціи дѣла и 3) практическаго неумѣнья руководителей,—коммиссія не только не свершила всего своего дѣла, не только не обработала вполнѣ какой-нибудь части будущаго кодекса, но даже въ полтора года и 200 своихъ засѣданіяхъ не прочла всѣхъ депутатскихъ Наказовъ. «При роспускѣ коммиссіи 18 Декабря 1768 г. были совершенно въ томъ же положеніи—говоритъ В. И. Сергѣевичъ,—какъ и въ день открытія ея засѣданій» (Лекціи, 814).

Нѣтъ основанія винить въ этомъ самихъ депутатовъ: они не могли сдѣлать большаго и дѣлали то, что съ нихъ спрашивали. У нихъ спрашивали мнѣній по различнымъ вопросамъ — они давали ихъ; у нихъ требовали работы въ частныхъ коммиссіяхъ—они работали. Не они, а несовершенства организаціи коммиссіи лишили ее всякаго прямого результата. Если бы, впрочемъ, дѣло устроено было и лучше съ внѣшней стороны, все-таки можно было предсказать, что изъ работъ коммиссіи ничего не выйдетъ. Грандіозный проэктъ новаго законодательства былъ недостижимой утопіей, прежде всего по количеству необходимаго для сего труда. Кромѣ того нельзя было примирить либеральные принципы французской философіи съ противорѣчивыми желаніями русскихъ сословій. Депутаты стояли въ этомъ отношеніи среди многихъ исключающихъ другъ друга противоположностей, и можно ручаться, что они никогда не вышли бы изъ нихъ, какъ не могла выйти изъ нихъ и сама Екатерина.

Однако, не смотря на полную свободу коммиссіи, не смотря на ясный отказъ Екатерины отъ общей реформы законодательства, Екатерининская коммиссія имѣла важныя послѣдствія для послѣдующей

дѣятельности императрицы. Въ этомъ вліяніи коммиссіи на правительственную дѣятельность Екатерины заключается историческое значеніе знаменитаго собранія депутатовъ 1767—68 гг. Депутаты не сдѣлали ничего осязательнаго, но они привезли съ собою массу наказовъ и оставили ихъ въ рукахъ Екатерины. Они много говорили и отъ лица своихъ избирателей, и лично отъ себя о самыхъ разнообразныхъ предметахъ государственной жизни и рѣчи ихъ остались въ бумагахъ коммиссіи. Такимъ образомъ мнѣнія всего земства и отдѣльныхъ избранныхъ имъ лицъ о предметахъ, интересовавшихъ Екатерину, были высказаны и Екатерина могла ихъ узнать изъ архива коммиссіи. Сохраняя свои принципы, она овладѣла теперь мнѣніями и желаніями русскаго общества и могла ихъ изучить обстоятельно. Она и изучила ихъ. По ея собственному признанію, коммиссія подала «свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Ясно, что при такомъ взглядѣ на значеніе коммиссіи Екатерина должна была въ своей дальнѣйшей дѣятельности обращать большое вниманіе на сословныя заявленія. Она сама взяла на себя задачу примирять разнорѣчивыя и противорѣчивыя желанія депутатовъ къ общей пользѣ сословій и согласовать практическія стремленія сословій съ теоретическими взглядами своей философіи. На почвѣ отвлеченной философіи и ясно высказанныхъ земскихъ желаній ей предстояла возможность строить законодательныя реформы, либеральныя, потому что онѣ могли быть отвѣтомъ на земскія желанія. Съ неудачей коммиссіи не умирало ея дѣло. Если оно не удалось депутатамъ, то могло удасться самой императрицѣ.

Такъ, съ распущеніемъ коммиссіи не только не падала мысль Екатерины путемъ передѣлки законодательства передѣлать формы общественной жизни къ лучшему, но эта мысль становилась какъ будто ближе къ осуществленію. Созывая коммиссію, Екатерина имѣла только принципы; коммиссія показала, что именно надо исправить, къ чему нужно приложить эти принципы, о чемъ прежде всего «пещись нужно». Этотъ результатъ коммиссіи и не позволилъ Екатеринѣ разочароваться въ коммиссіи и въ своемъ планѣ. Она принялась по частямъ выполнять свой планъ, давала рядъ отдѣльныхъ законоположеній, изъ которыхъ замѣчательны губернскія учрежденія 1775 г. и грамоты сословіямъ 1785 г. Мы увидимъ при ихъ разборѣ какъ совмѣщались въ нихъ и принципы Екатерины, и стремленія сословій.

Губернскія учрежденія Екатерины II составили эпоху мѣстнаго управленія Россіи. Мы видѣли, что въ управленіи центральномъ Екатерина произвела нѣкоторую перемѣну еще въ первое время своего царствованія; она отняла у Сената его полномочія, какими онъ пользовался при Елизаветѣ. Сенатъ получилъ эти полномочія какъ бы въ наслѣдство отъ кабинета Анны, но Екатерина не возстановила Кабинета, не удержала при себѣ того совѣта изъ 9 членовъ, какой сформировался-было при Петрѣ III. Она вообще не поставила въ государственномъ управленіи ничего выше Сената. Только съ 1768 г. по случаю начавшейся войны съ Турками, у нея явилась мысль устроить при себѣ совѣтъ, на манеръ конференціи Елизаветы. Этотъ совѣтъ и

существовалъ, но не имѣлъ опредѣленной организаціи и не вліялъ замѣтно на управленіе. Собственно этимъ и ограничивалась реформаціонная дѣятельность Екатерины относительно центральныхъ учрежденій.

За то въ 1775 г. были изданы знаменитыя «Учрежденія для управленія губерній». Вмѣсто прежнихъ 20 губерній, существовавшихъ въ 1766 г., по этимъ учрежденіямъ о губерніяхъ явилось къ 1795 г. уже пятьдесятъ одна губернія. Прежде губерніи дѣлились на провинціи, а провинціи на уѣзды. Прежде областное дѣленіе производилось случайно, почему и выходило такъ, что напр. Московская губ. имѣла 2,230,000 жителей, а Архангельская только 438,000; а между тѣмъ численный штатъ администраціи былъ приблизительно одинаковъ и въ той и въ другой губерніи. Теперь же, при новомъ административномъ раздѣленіи, было принято за правило, чтобы въ каждой губерніи было отъ 300 до 400 тысячъ жителей, а въ уѣздѣ— отъ 20—30 тысячъ.

Въ основу новаго дѣленія было, такимъ образомъ положено начало статистическое. При большей дробности новыхъ административныхъ округовъ, нужно было и болѣе административныхъ центровъ; поэтому возникло много новыхъ городовъ, созданныхъ совершенно искусственно.

Измѣнивъ областныя границы, Учрежденія о губерніяхъ измѣнили и устройство областнаго управленія. До 1775 г. главнымъ органомъ управленія въ губерніяхъ, провинціяхъ и уѣздахъ были губернаторы и воеводы со своими канцеляріями. Земскій элементъ, введенный въ областное управленіе Петромъ, удержался только въ городскомъ самоуправленіи и исчезъ изъ губернскаго управленія, почему мѣстная администрація стала бюрократической. Судъ, отдѣленный при Петрѣ отъ администраціи, послѣ Петра снова слился съ нею. Такимъ образомъ бюрократизмъ и смѣшеніе вѣдомствъ стали отличительными признаками мѣстнаго управленія. При этомъ составъ администраціи былъ малочисленъ и администрація была слаба. Эта слабость ясно сказалась во время московскаго бунта 1771 г., происшедшаго подъ впечатлѣніемъ чумы. Московскіе сенаторы (въ Москвѣ было два департамента Сената) и прочія власти растерялись при первомъ движеніи народа. Противъ мятежной толпы, убившей архіепископа Амвросія, не могли собрать и 500 солдатъ. Московскій главнокомандующій графъ Салтыковъ горько жаловался Екатеринѣ на недостаточность своихъ средствъ для борьбы съ чернью: «я одинъ въ городѣ и Сенатъ», писалъ онъ, «помощниковъ нѣтъ, команды военной недостаетъ... помочь мнѣ некому». Еще сильнѣе казалась слабость администраціи во время извѣстнаго Пугачевскаго пункта 1773—74 г. Этотъ бунтъ возникъ среди казачества на Уралѣ и былъ послѣдней попыткой его борьбы съ режимомъ государства. Не страшное само по себѣ движеніе казаковъ стало опаснымъ, потому что сообщилось крестьянству всего Поволжья. По случаю турецкой войны у правительства было мало войскъ, а администрація не могла ни во время сдержать крестьянскихъ волненій, ни принять должныхъ мѣръ, чтобы обезопасить

нетолько общество, но и самихъ себя отъ всякихъ случайностей и опасностей. При такихъ условіяхъ Пугачевъ, подъ именемъ Петра III могъ овладѣть громадными пространствами отъ Оренбурга до Казани и борьба съ нимъ обратилась въ упорную войну. Только послѣ ряда битвъ Пугачевъ былъ пойманъ и казненъ въ 1774 г. Шайки его разсѣялись, но волненіе утихало не сразу и Екатерина выработала свои учрежденія о губерніяхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ необыкновеннаго погрома.

Она стремилась увеличить силы администраціи, разграничить вѣдомства и привлечь къ участію въ управленіи земскіе элементы; въ этомъ ея стремленіе напоминаетъ стремленіе Петра Великаго, но формы Екатерининской администраціи далеко разошлись съ формами Петровскаго времени, да и основанія ихъ были мало, въ сущности, сходны: учрежденія Екатерины прежде всего были гораздо сложнѣе учрежденій Петра.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ Екатерина установляла: 1) Губернское правленіе—главное губернское учрежденіе съ губернаторомъ во главѣ. Оно имѣло административный характеръ, являлось ревизоромъ всего управленія, представляло собою правительственную власть губерніи. 2) Палаты уголовная и гражданская, высшіе органы суда въ губерніи. 3) Палата казенная—органъ финансоваго управленія. Всѣ эти учрежденія имѣли коллегіальный характеръ и, бюрократическій составъ и вѣдали всѣ сословія губерніи. Затѣмъ въ губернскомъ городѣ были: 4) Верхній земскій судъ—судебное мѣсто для дворянскихъ тяжбъ и для суда надъ дворянами. 5) Губернскій магистратъ—судебное мѣсто для лицъ городскаго сословія по искамъ и тяжбамъ на нихъ. 6) Верхняя расправа—судебное мѣсто для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Эти суды имѣли коллегіальный характеръ, состояли изъ предсѣдателей—коронныхъ судей, и засѣдателей—выборныхъ того сословія, дѣлами котораго занималось учрежденіе. По кругу дѣла и по составу эти учрежденія были, стало быть сословными, но дѣйствовали подъ руководствомъ коронныхъ чиновниковъ. Наконецъ, въ губернскомъ городѣ были: 7) Совѣстный судъ для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ и для суда надъ невмѣняемыми преступниками и непреднамѣренными преступленіями, и 3) Приказъ общественнаго призрѣнія — для устройства школъ, богадѣленъ и пріютовъ. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ предсѣдательствовали коронные чиновники, засѣдали представители всѣхъ сословій и вѣдались лица всѣхъ сословій. Такъ, не будучи сословными, эти учрежденія не были и бюрократическими.

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ находились: 1) Нижній земскій судъ—вѣдавшій уѣздную полицію и администрацію и состоявшій изъ исправника (капитана-исправника) и засѣдателей; и тотъ и другіе избирались изъ дворянъ уѣзда. (Въ нижній земскій судъ допускались и представители отъ государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ).

Исправникъ считался начальникомъ уѣзда и былъ исполнительнымъ органомъ губернскаго управленія. 2) Уѣздный судъ для дворянъ, подчиненный верховному земскому суду. 3) Городской магистратъ—судебное мѣсто для горожанъ, подчиненное губернскому магистрату

(городская полиція была ввѣрена коронному чиновнику городничему). 4) Нижняя расправа—судъ для государственныхъ крестьянъ, подчиненный Верховной расправѣ. Всѣ три уѣздные суда по своему составу были коллегіальными и сословными мѣстами (изъ лицъ того сословія, дѣла котораго вѣдали): только предсѣдатель Нижней расправы (Расправный судъ) былъ назначаемъ отъ правительства.

Кромѣ перечисленныхъ учрежденій слѣдуетъ замѣтить еще два: для попеченія о вдовахъ и дѣтяхъ дворянъ была установлена Дворянская Опека (при каждомъ Верхнемъ земскомъ судѣ), а для призрѣнія вдовъ и сиротъ горожанъ—Сиротскій Судъ при каждомъ городовомъ магистратѣ. И въ томъ и въ другомъ учрежденіи членами были сословные представители. Въ дворянской опекѣ предсѣдательствовалъ предводитель уѣзднаго дворянства (они стали существовать со времени Екатерининской комиссіи). А въ Сиротскомъ судѣ—городской голова.

Такова была система мѣстныхъ учрежденій Екатерины II. Мы видимъ, что вмѣсто довольно простыхъ формъ прежняго времени, теперь раскинута въ каждой губерніи цѣлая сѣть учрежденій съ многочисленнымъ составомъ и эта многочисленная администрація сосредоточена теперь въ меньшихъ административныхъ округахъ. При обиліи новыхъ учрежденій замѣчаемъ, что они строго выдерживаютъ модный въ XVIII вѣкѣ принципъ раздѣленія вѣдомствъ и властей; администрація отдѣлена отъ суда, судъ отъ финансовъ. Мѣстныя общества получили широкое участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія: и дворянство и горожане, и даже люди низшихъ классовъ пополняли своими представителями большинство новыхъ учрежденій. Мѣстная администрація приняла видъ земскаго самоуправленія, дѣйствовавшаго съ контролемъ немногихъ правительственныхъ лицъ и бюрократическихъ органовъ. Такъ Екатерина достигла своихъ цѣлей: усилила составъ администраціи, правильно распредѣлила вѣдомства между органами управленія и дала широкое участіе земству въ новыхъ учрежденіяхъ. Мѣстное управленіе вышло и очень симпатично и либерально Оно отвѣчало до нѣкоторой степени и отвлеченнымъ теоріямъ Екатерины, потому что отразило на себѣ либеральныя ученія европейскихъ публицистовъ, и желаніямъ сословій, потому что имѣло несомнѣнную связь съ депутатскими желаніями. О самоуправленіи говорили въ коммиссіи 1767—68 г.

Однако, будучи очень симпатичны сами по себѣ, мѣстныя учрежденія 1775 г. не привели въ систему всего государственнаго управленія. Онѣ не затронули формъ центральнаго управленія, но имѣли на него косвенное вліяніе. Центръ тяжести всего управленія былъ перенесенъ: въ области и въ центрѣ оставалась лишь обязанность руководства и общаго наблюденія. Екатерина и сознавала это. Но она не тронула первоначально ничего въ центральномъ управленіи, а между тѣмъ перемѣны въ немъ должны были произойти, потому что Петръ именно на петербургскія коллегіи возложилъ главную тяжесть управленія. Перемѣны и произошли скоро: за неимѣніемъ дѣлъ, Коллегіи мало по малу стали уничтожаться. За водвореніемъ стройной

системы въ мѣстномъ управленіи слѣдовало разстройство прежней системы въ управленіи центральномъ. Оно въ свою очередь стало требовать реформы и получило ее уже при императорѣ Александрѣ I.

Таковы были главныя мѣры Екатерины относительно управленія. Новыя учрежденія, притягивая къ себѣ силы мѣстныхъ обществъ, вносили нѣчто новое въ жизнь и отношенія сословій. Легко замѣтить, что за исключеніемъ 2-хъ учрежденій (Совѣстнаго Суда и Приказа Общественнаго Призрѣнія) всѣ остальныя были органами какого нибудь одного сословія. Самоуправленіе получило строго-сословный характеръ и не было обще-земскимъ. По отношенію къ городамъ это самоуправленіе не было новостью; за то громадною новостью было оно для дворянства.

Мы видѣли, что становясь привиллегированнымъ и обособленнымъ сословіемъ, дворянство не имѣло еще сословной организаціи а съ уничтоженіемъ обязательной службы могло потерять и служебную организацію.

Учрежденія 1775 г., давая дворянству самоуправленіе, этимъ самымъ давали ему внутреннюю организацію. Для избранія должностныхъ лицъ дворяне должны были съѣзжаться всѣмъ уѣздомъ черезъ каждые три года и выбирали себѣ уѣзднаго предводителя, капитана-исправника и засѣдателей въ различныя учрежденія. Дворянство каждаго уѣзда становилось цѣлымъ сплоченнымъ обществомъ и черезъ своихъ представителей управляло всѣми дѣлами уѣзда; и полиція и администрація находились въ рукахъ дворянскаго учрежденія (Нижній земскій судъ). По своему сословному положенію дворяне становились съ 1775 г. не только землевладѣльцами уѣзда, но и его администраторами. Въ то же время, въ тѣхъ учрежденіяхъ 1775 г. составъ которыхъ былъ бюрократическимъ, или наполовину или совсѣмъ, громадное число чиновниковъ принадлежало къ дворянству; поэтому можно сказать, что нетолько уѣздное, но и губернское управленіе вообще сосредоточилось въ дворянскихъ рукахъ. Дворянство же изъ своихъ рядовъ давно уже поставляло, какъ мы видѣли, главныхъ дѣятелей и въ центральныя учрежденія. Съ упадкомъ старой аристократіи, дворяне стали ближайшими помощниками верховной власти въ дѣлѣ управленія и наполняли всѣ высшія учрежденія въ качествѣ коронныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, съ 1775 г. вся Россія отъ высшихъ до низшихъ ступеней управленія (кромѣ развѣ городовыхъ магистратовъ) стала управляться дворянствомъ: вверху они дѣйствовали въ видѣ бюрократіи, внизу—въ качествѣ представителей дворянскихъ самоуправляющихся обществъ.

Такое значеніе для дворянства имѣли реформы 1775 г.; онѣ дали ему сословную организацію и первенствующее административное значеніе въ странѣ. Въ «Учрежденіяхъ для управленія губерній» однако и организація, данная дворянству, и ея вліяніе на мѣстное управленіе, разсматриваются какъ факты, созданные въ интересахъ государственнаго управленія а не сословій. Позднѣе Екатерина, тѣ же факты, ею установленные и прежніе права и преимущества дворянъ изложила въ извѣстной Жалованной Грамотѣ дворянству 21 Апрѣля

1785 г. Здѣсь уже начала сословнаго самоуправленія разсматриваются какъ сословныя привиллегіи наряду со всѣми тѣми правами и льготами, какія дворяне имѣли раньше. Жалованная грамота 1785 г. явилась, такимъ образомъ не новымъ по существу закономъ о дворянствѣ, но систематическимъ изложеніемъ ранѣе существовавшихъ правъ и преимуществахъ дворянъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, прибавленіями. Эти прибавленія составляли дальнѣйшее развитіи того, что уже существовало. Главною новостью было признаніе дворянства не одного уѣзда, а цѣлой губерніи за отдѣльное общество съ чертами юридическаго лица.

Грамотою 1785 г. завершенъ былъ тотъ процессъ сложенія и возвышенія дворянскаго сословія, какой мы наблюдали на пространствѣ всего XVIII вѣка. При Петрѣ Великомъ дворянинъ опредѣлялся обязанностью безсрочной службы и правомъ личнаго землевладѣнія, при чемъ это право принадлежало ему не исключительно и не вполнѣ. При императрицѣ Аннѣ дворянинъ облегчилъ свою государственную службу и увеличилъ землевладѣльческія права. При Елизаветѣ онъ достигъ первыхъ сословныхъ привиллегій въ сферѣ имущественныхъ правъ и положилъ начало сословной замкнутости. При Петрѣ III снялъ съ себя служебную повинность и получилъ нѣкоторыя исключительныя личныя права. Наконецъ, при Екатеринѣ II, дворянинъ сталъ членомъ губернской дворянской корпораціи, привиллегированной и державшей въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе. Грамота 1785 г. постановила, что дворянинъ не можетъ иначе, какъ по суду, лишиться своего званія, передаетъ его женѣ и дѣтямъ; судится только съ равными себѣ, свободенъ отъ податей и тѣлесныхъ наказаній, владѣетъ какъ неотъемлемой собственностью всѣмъ, что находится въ его имѣніи; свободенъ отъ государственной службы, но не можетъ принимать участія въ выборахъ на дворянскія должности, если не имѣетъ «офицерскаго чина». Таковы главнѣйшія права всякаго дворянина. Участіе дворянскихъ обществъ въ мѣстномъ управленіи намъ уже извѣстно. Помимо этого участія дворянскія общества имѣли всѣ права юридическихъ лицъ и пользовались широкимъ просторомъ въ устройствѣ своихъ общественныхъ дѣлъ. Къ такимъ результатамъ дворянство пришло къ концу XVIII в.; исключительныя личныя права, широкое право сословнаго самоуправленія и сильное вліяніе на мѣстное управленіе—вотъ результаты, къ какимъ привела дворянское сословіе политика императрицы.

Къ этимъ результатамъ слѣдуетъ причислить и прогрессъ крѣпостного права. Мы видѣли, что положеніе крестьянъ ухудшалось непрерывно въ XVIII вѣкѣ. Столкновеніе интересовъ помѣщика, строившаго все свое хозяйство на даровомъ трудѣ крестьянина, сознававшаго себя не рабомъ, а гражданиномъ, столкновеніе было непримиримо и разрѣшалось, закономъ и жизнью, въ пользу помѣщика. Екатерина питала мысли о крестьянскомъ освобожденіи, строила его проекты, но она взошла на престолъ и правила съ помощью дворянства и не могла нарушить союзъ свой съ господствующимъ сословіемъ. Поэтому не отступаясь отъ своихъ воззрѣній, она въ то же

время поступала вопреки имъ. При Екатеринѣ крѣпостное право росло и въ смыслѣ его силы и въ смыслѣ широты его распространенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ росли и думы о его уничтоженіи и въ самой императрицѣ, и въ людяхъ шедшихъ за теченіемъ вѣка. И чѣмъ дальше тѣмъ больше становилось такихъ людей.

Законодательство о крестьянахъ времени Екатерины по прежнему направлялось къ дальнѣйшему ограниченію крестьянскихъ правъ и усиленію власти надъ ними помѣщика. Во время крестьянскихъ волненій въ 1765—66 г. помѣщики получили право ссылать своихъ крестьянъ нетолько на поселеніе въ Сибирь, (это ужъ было ранѣе), но и на каторгу «за дерзости» помѣщику. Помѣщикъ во всякое время могъ отдать крестьянина въ солдаты, не дожидаясь времени рекрутскаго набора. Когда же эти мѣры не привели къ подавленію крестьянскихъ волненій, и крестьяне продолжали волноваться и жаловаться на помѣщиковъ, то указомъ 1767 г. крестьянамъ было запрещено подавать, какія бы то ни было, жалобы на помѣщиковъ. Въ Коммиссіи 1767—8 г. были собраны представители всѣхъ классовъ общества, но не было ни одного владѣльческаго крестьянина. Учрежденія 1775 г. давали право самоуправленія всѣмъ классамъ мѣстнаго общества, кромѣ владѣльческихъ крестьянъ. Всѣ эти указы и мѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что на крестьянъ смотрѣли не какъ на гражданъ, а какъ на помѣщичью собственность. Грамота дворянству 1785 г., не говоря прямо о существѣ помѣщичьей власти надъ крестьянами, признавала ихъ косвенно частной собственностью дворянина вмѣстѣ съ прочимъ его имѣніемъ.

Но такой взглядъ на крестьянство не повелъ къ полному уничтоженію гражданской личности крестьянъ: они продолжали считаться податнымъ классомъ общества, имѣли право искать въ судахъ и быть свидѣтелями на судѣ, могли вступать въ гражданскія обязательства и даже записываться въ купцы съ согласія помѣщика. Казна даже допускала ихъ къ откупамъ за поручительствомъ помѣщика. Въ глазахъ закона, такимъ образомъ, крестьянинъ одновременно былъ и частнымъ рабомъ и гражданиномъ. И даже касаясь частныхъ отношеній крестьянина и его владѣльца законъ не доходилъ до признанія полнаго его рабства и считалъ возможнымъ и должнымъ ограничивать право распоряженія крестьяниномъ. Помѣщикъ могъ продавать и отпускать на волю крестьянъ, но законъ запрещалъ ему торгъ крестьянами во время рекрутскихъ наборовъ (а равно запрещалъ и торгъ отдѣльными людьми съ молотка) и отпускъ на волю такихъ крѣпостныхъ, которые не могли прокормить себя по болѣзни или старости.

Такая двойственность, законодательства въ отношеніи крестьянъ указывала на отсутствіе твердаго взгляда на нихъ правительства. Это отсутствіе и было причиною того, что въ то самое время, какъ Екатерина грамотами 1785 г. опредѣлила государственное положеніе дворянъ и горожанъ, положеніе крестьянъ осталось неопредѣленнымъ и крѣпостное право не получило законодательной формулы и общихъ опредѣленій. Въ правительствѣ было уже два извѣстныхъ намъ направ-

ленія въ вопросѣ о крестьянахъ: императрица хотѣла ихъ освобожденія, окружающіе ее—дальнѣйшаго развитія помѣщичьихъ правъ. Смотря по тому чьи взгляды брали перевѣсъ, отдѣльныя мѣры о крестьянахъ принимали тотъ или другой характеръ. Вотъ почему въ положеніи крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ наблюдаемъ рядъ замѣчательныхъ противорѣчій. Для примѣра возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Рядомъ указовъ Екатерина старалась ограничить распространеніе крепосного права и прямо запрещала свободнымъ людямъ и вольноотпущеннымъ вновь вступать въ крѣпостную зависимость. Учреждая новые города изъ селъ, населенныхъ крѣпостными, правительство выкупало крестьянъ и обращало ихъ въ горожанъ. Вся масса, около милліона,—крестьянъ, принадлежащихъ духовенству, была окончательно изъята изъ частнаго владѣнія и превращена въ особый разрядъ государственныхъ крестьянъ подъ именемъ экономическихъ (1763). Но рядомъ съ этимъ Екатерина щедро раздавала приближеннымъ людямъ имѣнія и число новыхъ крѣпостныхъ въ этихъ имѣніяхъ достигало громадной цифры. Далѣе во все свое царствованіе, Екатерина искренно строила проэкты освобожденія крестьянъ: уже во вторую половину ея царствованія видѣли проэктъ закона о томъ, чтобы объявить свободными всѣхъ дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ, рожденныхъ послѣ Жаловаемой грамоты 1785 г. Но рядомъ съ этимъ указомъ 3-го Мая 1783 г. Екатерина воспретила свободный переходъ малорусскихъ крестьянъ и тѣмъ водворила въ Малороссіи крѣпостное право.

Результатомъ такихъ противорѣчій было не прекращеніе или ограниченіе крѣпостного права, а его еще большій расцвѣтъ. Изслѣдователи, исторіи крѣпостного права, замѣчаютъ, что вѣкъ Екатерины былъ временемъ наибольшаго развитія крестьянской зависимости. И какъ разъ въ это же самое время общественная мысль обратилась къ теоретическому обсужденію крѣпостного права. Не одна императрица задумывалась надъ ненормальнымъ явленіемъ рабства. Послѣ манифеста о вольности дворянской и у крестьянъ и у дворянъ явилась мысль о томъ, что съ уничтоженіемъ повинности дворянъ естественнымъ стало уничтоженіе и крестьянской зависимости. Въ обществѣ явился такъ называемый крестьянскій вопросъ и два взгляда на него: одинъ въ пользу освобожденія крестьянъ, другой противъ освобожденія. Екатерина допустила обсужденіе этого вопроса нетолько въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ судьба крестьянства давно составляла вопросъ, но и въ сферѣ общественной жизни. Въ Петербургскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, устроенномъ въ 1765 г. для поощренія полезныхъ знаній въ области сельскаго хозяйства, съ первыхъ же минутъ его дѣятельности былъ возбужденъ вопросъ о бытѣ крестьянъ. Близкій къ императрицѣ человѣкъ, Гр. Гр. Орловъ предложилъ (въ 1766 г.), чтобы Общество поставило на публичное обсужденіе вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи. Тема дѣйствительно была дана Обществомъ и вызвала массу трактатовъ о крестьянскомъ вопросѣ, присланныхъ въ Общество и изъ Россіи, и изъ-за границы. Премія была присуждена Обществомъ сочиненію Ахенскаго ученаго Беарда-Делабея, который высказался за освобожденіе крестьянъ. Далѣе,

въ комиссіи 1767 г. допущено было широкое обсужденіе крестьянскаго вопроса.

Таковы были главнѣйшіе факты законодательной дѣятельности императрицы Екатерины. Въ противуположность Петру Великому, Екатерина выступила на дѣятельность съ широкимъ преобразовательнымъ планомъ, въ основаніе котораго легли отвлеченные принципы. Она не успѣла выполнить своего плана цѣликомъ и не провела послѣдовательно своихъ идей. Мысли Наказа не перешли въ практику, законодательство не было перестроено на новыхъ основаніяхъ, отношенія сословій остались по существу прежними и развивались въ томъ направленіи, какое дано было въ предшествующее время. Развитіе крѣпостного права, сословность самоуправленія прямо противорѣчили тѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ, какимъ поклонялась императрица, но за то прямо соотвѣтствовали желаніямъ самаго вліятельнаго сословія— дворянскаго. Коллизія личныхъ взглядовъ Екатерины и русской дѣйствительности всегда приводила Екатерину къ уступкамъ дѣйствительности во всѣхъ важныхъ ея мѣропріятіяхъ. На Екатеринѣ оправдалась справедливость историческаго положенія о безсиліи личности измѣнить общій ходъ событій. Какъ историческій дѣятель, Екатерина осталась вѣрна тѣмъ началамъ русской жизни, какія были завѣщаны ея времени временами предъидущими, она продолжала свою дѣятельность въ томъ же направленіи, въ какомъ работали ея предшественники, хотя иногда и не сочувствовала имъ и не желала дѣйствовать такъ, какъ они. Сила событій и отношеній была сильнѣе ея личной силы и воли.

Однако, не слѣдуетъ думать, что личность Екатерины и ея личные взгляды прошли безслѣдно въ ея правительственной дѣятельности. Они сказывались, съ одной стороны въ общихъ пріемахъ, просвѣщенныхъ и либеральныхъ, всей государственной дѣятельности Екатерины, и во многихъ отдѣльныхъ ея мѣропріятіяхъ; съ другой стороны они отразились на самомъ русскомъ обществѣ и много содѣйствовали распространенію образованія вообще и гуманно-либеральныхъ идей XVIII вѣка въ частности.

Изъ отдѣльныхъ мѣропріятій, просвѣщеннаго правительства Екатерины, особенно замѣчательны мѣры народнаго образованія и заботы о народной гигіенѣ. Съ Петра I образованіе въ Россіи носило практическій характеръ—усвоенія знаній для потребности службы и жизни. Екатерина II, въ своемъ Наказѣ, первая заговорила о воспитательномъ значеніи образованія и стала затѣмъ заботиться объ учрежденіи воспитательныхъ заведеній. «Одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина»,— такъ говорила Екатерина (въ своихъ «Учрежденіяхъ, касающихся до воспитанія»), «но во многихъ случаяхъ вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ не на добродѣтеляхъ воспитанъ и твердо оныя въ сердце не вкоренены... Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе». Для того же чтобы воспитать русское общество, Екатерина лучшимъ средствомъ считала «произвести сперва

способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей» нравственно совершенныхъ. Эта новая порода людей должна была вырости въ воспитательныхъ училищахъ подъ надзоромъ опытныхъ педагоговъ, въ полномъ разобщеніи съ семьей и обществомъ. Такими воспитательными училищами явились: Воспитательные дома въ Москвѣ (1763) и Петербургѣ (1767), закрытые институты отдѣльно, для дѣвицъ—дворянокъ и для дѣвицъ—горожанокъ (съ 1764) и кадетскіе корпуса. Кромѣ заведеній воспитательныхъ, Екатерина заботилась также и о распространеніи открытыхъ училищъ: въ каждомъ уѣздномъ городѣ должны были явиться Малыя народныя училища, въ каждомъ губернскомъ городѣ—Главныя народныя училища, наконецъ въ Екатеринославлѣ, Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ предполагалось учредить университеты. Хотя этотъ планъ по недостатку средствъ и не осуществился вполнѣ, однако для народнаго образованія при Екатеринѣ сдѣлано было очень много. Энергія въ этомъ дѣлѣ Екатерины и ея помощника И. И. Бецкаго заслуживаютъ благодарнаго воспоминанія, хотя современная намъ педагогія и строится на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ основанія педагогической системы Бецкаго.

Заботы о народномъ здоровьи и гигіенѣ вызвали при Екатеринѣ попытку правильно организовать врачебную помощь во всей странѣ. Медицинская Коммиссія, учрежденная въ 1763 г. и Приказы общественнаго призрѣнія, должны были блюсти медицинскую часть въ имперіи. Каждый городъ обязанъ былъ имѣть врачей не только для города, но и для уѣзда; обязанъ также былъ устраивать госпитали и больницы, заводить пріюты для неизлечимо больныхъ, сумасшедшихъ (богоугодныя заведенія). Такъ какъ не доставало врачей, ихъ выписывали изъ за границы и заботились объ образованіи русскихъ лекарей и хирурговъ. Въ то же время основывали аптеки и фабрики для хирургическихъ инструментовъ.

Весь этотъ рядъ заботъ объ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи народа и его физическомъ здоровьѣ сильно отражалъ на себѣ идеи вѣка, усвоенныя Екатериной. Та же зависимость отъ западно-европейскихъ идей сказалась и въ отношеніи Екатерины къ русской торговлѣ и промышленности. Она стремилась покровительствовать имъ: дала въ 1785 г. Жалованную грамоту городамъ, подтверждая ею права городскаго самоуправленія; желала лучше организовать кредитъ и учредила Государственный Заемный Банкъ съ большимъ капиталомъ; изыскивала средства увеличить вывозъ. Но ея экономическая политика отличалась существенно отъ политики предъидущихъ царствованій. Съ Петра Великаго у насъ установилась надъ торговлей и промышленностью система строгаго правительственнаго надзора и, дѣятельность торгово-промышленнаго класса была стѣснена регламентаціей. Екатерина сняла эти стѣсненія, уничтожила самые органы контроля Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи и стала держаться въ отношеніи торговли и промышленности извѣстнаго принципа: «laisser faire, laisser passer». Этотъ принципъ въ ея время былъ уже высказанъ и англійскими и французскими экономистами и сочувственно принимался корифеями французской философіи. Екатерина усвоила

его: она содѣйствовала развитію промышленности и торговли, но она не направляла его въ ту или другую сторону.

Такъ отражались взгляды и образованіе Екатерины въ правительственной практикѣ. Не безслѣдно проходила ея личность и въ общественной жизни. Изученіе литературы XVIII вѣка покажетъ намъ какою широкою струей при Екатеринѣ вливались въ русскую общественную жизнь идеи, выработанныя на западѣ, какъ оживилась и быстро шла впередъ общественная мысль, какъ развивалась наша литература и журналистика. Однимъ изъ дѣятелей этой литературы и однимъ изъ наиболѣе крайнихъ проводниковъ, въ русское общество, европейскихъ идей была сама Екатерина. Такимъ образомъ, подчиняясь практической необходимости, Екатерина отступала иногда отъ своихъ теорій, но не оставляла ихъ совсѣмъ и, если жизнь разбивала ея философскія мечты и заставляла Екатерину противорѣчить слову дѣломъ, то въ другихъ случаяхъ, мечты Екатерины дѣйствовали на русскую жизнь и влекли ее за собою.

Внѣшняя политика императрицы Екатерины II.

Не трудно замѣтить, что внутренняя политика Екатерины II не стремилась возвратить русское общество къ формамъ быта, существовавшимъ при Петрѣ. Екатерина не подражала въ этомъ Елизаветѣ. Она желала, широкой законодательной реформой, поставить общественную жизнь Россіи на обще-европейскія основанія и не могла осуществить своего плана: вмѣсто общей реформы, въ русской жизни продолжали развиваться тѣ явленія, какія мы наблюдали въ первой половинѣ XVIII вѣка. Однако, не подражая ни Петру, ни Елизаветѣ, Екатерина еще менѣе подражала нѣмецкимъ правительствамъ, бывшимъ на Руси: при ней у дѣлъ стояли русскіе люди и интересы Россіи понимались чисто по русски. Екатерина была національной государыней, не менѣе, чѣмъ Елизавета.

И во внѣшнихъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ Екатерина не стремилась подражать кому бы то ни было изъ своихъ предшественниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣла понять исконныя задачи русской политики и потому была прямою подражательницею Петра. Мы видѣли, что изъ трехъ вопросовъ русской внѣшней политики, стоявшихъ на очереди при Петрѣ, шведскаго, польскаго и турецкаго, Петръ разрѣшилъ только первый. Его ближайшіе преемники не разрѣшили ни второго, ни третьяго. Ихъ разрѣшила Екатерина II и, хотя нѣкоторые и думаютъ, что ихъ рѣшеніе произведено съ ошибками, тѣмъ не менѣе у Екатерины нельзя отнять той чести, что она поняла и счастливо закончила то, что не успѣлъ закончить Петръ. Ко времени Екатерины задачи Россіи состояли въ томъ, чтобы отнять у Турціи Крымъ и сѣверные берега Чернаго моря, иначе говоря, достигнуть на югѣ естественныхъ географическихъ границъ имперіи. По отношенію къ Польшѣ задачи Россіи состояли въ томъ, чтобы освободить православно-русское населеніе Польши отъ католическо-польскаго владычества, т. е. отнять у Польши старо-русскія земли и достигнуть съ

этой стороны этнографическихъ границъ русской народности. Екатерина счастливо исполнила все это: Россія при ней завоевала Крымъ и берега Чернаго моря и присоединила отъ Польши всѣ русскія области, кромѣ Галиціи. Въ этомъ заключались важнѣшіе результаты внѣшней политики Екатерины, увеличившей народонаселеніе имперіи на 12 милліоновъ душъ: но этимъ не исчерпывалось ея содержаніе.

Вступая на престолъ, Екатерина застала конецъ семилѣтней войны въ Европѣ, охлажденіе къ Австріи и сближеніе съ Пруссіей, наконецъ приготовленія къ войнѣ съ Даніей, сдѣланныя Петромъ III. Прекративъ ихъ и сохранивъ нейтралитетъ въ семилѣтней войнѣ, Екатерина уничтожила прусское вліяніе при русскомъ дворѣ и постаралась поставить себя внѣ всякихъ союзовъ и дипломатическихъ обязательствъ. Она хотѣла мира, чтобъ упрочить свое положеніе и избѣгала обязательствъ, чтобы развязать себѣ руки относительно Польши, гдѣ ожидали смерти Августа III и гдѣ слѣдовало посадить удобнаго для Россіи короля. А между тѣмъ европейскіе дворы искали союза съ Россіей, чтобы съ ея помощью получить выгодныя условія мира при окончаніи семилѣтней войны, и потому Екатеринѣ нужно было большое искусство и немало труда, чтобы отъ всѣхъ отдѣлаться и никого не обидѣть. «Со всѣми государями Европы я веду себя какъ искусная кокетка», говорила сама о себѣ Екатерина. Въ сущности ей не удалось достигнуть своей цѣли. Положеніе дѣлъ заставило Екатерину связать себя союзомъ съ Пруссіей, воевать въ Польшѣ и принять войну съ Турціей, объявленную вслѣдствіе интригъ Франціи. Это были главнѣйшія внѣшнія событія первой половины царствованія Екатерины. Всѣ онѣ находились въ зависимости одно отъ другого и отъ внѣшняго положенія дѣлъ въ Европѣ. На первый взглядъ въ нихъ много случайнаго. Но Екатерина не руководилась только случайностями и мимолетными соображеніями. Съ первыхъ же лѣтъ ея политики у нея явилась извѣстная политическая система и, отзываясь на ту или другую политическую случайность, она сообразовалась съ требованіями своей системы. Эта система родилась въ головѣ русскаго дипломата нѣмца Корфа, была разработана Панинымъ и принята Екатериной. Система была извѣстна подъ своеобразнымъ названіемъ «Сѣвернаго аккорда» и по содержанію была большою утопіей. Корфъ и Панинъ желали, «на сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ» изъ Россіи, Пруссіи, Польши, Англіи и др. сѣверныхъ государствъ и съ цѣлями мира противопоставить его французско-австрійскому союзу. Невозможно было ждать, чтобы всѣ сѣверныя государства, имѣвшія между собой много счетовъ и неудовольствій, могли сблизиться въ прочный и долгій союзъ. Однако идея «Сѣвернаго аккорда» была причиной разрыва традиціоннаго союза Россіи съ Австріей, державшагося со времени Петра Великаго. Въ 1764 г. Россія вступила въ союзъ съ врагомъ Австріи, Фридрихомъ Прусскимъ для совмѣстныхъ дѣйствій въ Польшѣ.

Мы не станемъ останавливаться на внѣшнихъ подробностяхъ военныхъ и политическихъ событій времени Екатерины, весьма извѣстныхъ. Относительно перваго раздѣла Польши замѣтимъ лишь, что въ

тѣхъ религіозныхъ и политическихъ смутахъ, какія начались въ Польшѣ со смертью Августа III и вступленіемъ на престолъ Августа IV (Понятовскаго), Россія была заинтересована болѣе другихъ сосѣдей Польши, потому что ей приходилось одновременно защищать двоякаго рода интересы: политическіе и религіозно-національные. Какъ европейская держава, сосѣдняя съ Польшей, Россія не желала никакихъ перемѣнъ въ Польшѣ и договоромъ 1768 г. гарантировала польскому королю неизмѣняемость политическаго строя Польши. Но какъ государство православное, Россія годомъ раньше добилась важной реформы въ польскомъ государственномъ строѣ: всѣхъ политическихъ правъ для лицъ не исповѣдующихъ католицизмъ. Двойственность интересовъ создавала такимъ образомъ двойственность политики: давая свободу польскимъ православнымъ, Россія въ то же время гарантировала неприкосновенность правъ польскихъ пановъ на православныхъ крестьянъ. Одновременно съ этимъ настойчивое вмѣшательство Россіи въ польскую жизнь создавало другое неудобство—боязнь чрезмѣрнаго усиленія Россіи. Франція дѣйствовавшая противъ Россіи прямо въ самой Польшѣ, дѣйствовала и посредствомъ Турціи: она подбила Турцію на войну и съ 1769 г. силы Россіи подѣлились между двумя врагами.

Обѣ войны затянулись, но окончились успѣшно для Россіи не смотря на то, что польскимъ конфедератамъ помогали Франція и Саксонія, а Турціи хотѣла помочь Австрія. Силы конфедераціи были уничтожены, движеніе затихло и, пользуясь удобной минутой, Фридрихъ Прусскій пустилъ въ ходъ излюбленную свою мысль о раздѣлѣ Польши между ея сосѣдями: Россіей, Пруссіей и Австріей. Мысль эта была стара: съ планами раздѣла былъ знакомъ еще Петръ I и не сочувствовалъ имъ. Но Екатерина согласилась на раздѣлъ потому, что была подъ сильнымъ давленіемъ Пруссіи и Австріи, и не могла имъ дать отпора, находясь въ войнѣ съ Турціей.

Получивъ въ 1772—3 г.г. Бѣлоруссію, Екатерина не была однако довольна исходомъ дѣла, потому что чувствовала всю горечь невольныхъ, вынужденныхъ уступокъ и союзницѣ своей Пруссіи и явно враждебной Австріи. Не могъ быть доволенъ и Панинъ, система котораго нарушалась раздѣломъ Польши и участіемъ въ немъ Австріи.

За то императрицу могли радовать успѣхи противъ Турокъ. Не смотря на рядъ политическихъ затрудненій, война со стороны Россіи была ведена энергично. Русскій флотъ обошелъ всю Европу, явился въ Архипелагѣ, возмутилъ Морею противъ Турокъ и одерживалъ побѣды надъ Турками. Правда, онъ не могъ, какъ было предположено, пройти въ Черное море, ибо Турки укрѣпили Дарданеллы; но эффектъ отъ блестящаго морскаго предпріятія, получился полный и въ Турціи и въ Европѣ. Не менѣе блестящими были и побѣды Румянцева, перешедшаго даже Дунай, и Долгорукаго, занявшаго весь Крымъ. Миръ 1774 г. далъ Россіи берега Чернаго и Азовскаго морей и сдѣлалъ Крымскаго хана независимымъ отъ Турціи. Результатомъ этихъ условій явилось присоединеніе въ 1783 г. Крыма. Такимъ образомъ цѣль была достигнута: на югѣ пріобрѣтены естественныя границы.

1774 годомъ окончился первый, трудный и тревожный періодъ Екатерининскихъ войнъ. Сложныя дипломатическія комбинаціи, направленныя противъ Россіи во время этихъ войнъ, потеряли свою остроту и опасность. Военное могущество Россіи было доказано и давало русской дипломатіи весьма увѣренный тонъ, высокое чувство собственнаго достоинства и сознаніе силы представляемаго ими государства. У Екатерины и ея помощниковъ (особенно у Г. А. Потемкина) росли грандіозные планы завоеваній, зрѣлъ, такъ называемый греческій вопросъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы завоевать Турцію, которая казалась уже очень слабымъ государствомъ и на ея мѣстѣ возстановить греческую имперію съ русскимъ правительствомъ. Исторія этого проэкта, быть можетъ, находится въ связи съ древне-русскими мечтами о взятіи Царьграда и съ планомъ турецкой войны Петра въ 1711 г. Взятый же отдѣльно, греческій проектъ представляется блестящей мечтой, но невыполнимымъ дѣломъ; однако къ этому дѣлу шли приготовленія; былъ занятъ Крымъ, колонизовался и устраивался Черноморскій край (Новая Россія), заводился Черноморскій флотъ. Для дѣйствій противъ Турціи Екатерина вступила даже въ союзъ съ Австріей и оставила союзъ съ Пруссіей.

Эта перемѣна союза въ 1787 г. и воинственные замыслы Россіи послужили причиною новыхъ войнъ, упавшихъ на Россію во вторую половину царствованія Екатерины. Пруссія и Англія—ея союзницы, подняли Турцію на новую войну съ Россіей (1787—1791) и вызвали на то же самое Швецію (1788—1790 г.). Шведская война кончилась, и отъ Турціи Россія получила Очаковъ. Еще не окончились эти войны, какъ Екатерина должна была вмѣшаться въ польскія дѣла. 3-го Мая 1791 г. въ Польшѣ было провозглашено новое государственное устройство, съ тайнымъ сочувствіемъ и участіемъ Пруссіи въ этомъ переворотѣ. Но Россія, гарантировавшая неприкосновенность стараго польскаго устройства, немедленно послала въ Польшу войска. Въ 1793 г. къ русскимъ войскамъ присоединились прусскія и произведенъ былъ второй раздѣлъ Польши, давшій Россіи 4500 квадратныхъ миль. Когда же въ Польшѣ явилась попытка возстановить прежнія границы, то въ 1795 г. послѣдовало и окончательное уничтоженіе Польскаго государства. По третьему раздѣлу Россія получила Литву и Курляндію. Этимъ закончилась вторая серія Екатерининскихъ войнъ, доставившая Россіи новыя завоеванія. Русскія земли, въ теченіи многихъ вѣковъ бывшія подъ властью Литвы и Польши, возвратились къ Россіи; взято было много и лишняго. Но Червонная Русь или Галиція отдана была Австріи и остается за ней донынѣ.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе внѣшней политики Екатерины и результаты, ею достигнутые. При постоянномъ воздѣйствіи западныхъ державъ, при очень сложныхъ политическихъ затрудненіяхъ, дипломатія Екатерины не всегда могла достигнуть того, къ чему стремилась, не всегда ясно сознавала къ чему ей слѣдуетъ стремиться, словомъ, терпѣла неудачи и дѣлала ошибки. Но она завершила успѣшнымъ концомъ вѣковыя стремленія нашего племени и, оканчивая рѣшеніе старыхъ задачъ, спѣшила ставить новыя, вродѣ «аккорда» и грече-

скаго проэкта, не всегда вытекавшія изъ реальныхъ потребностей времени и народа, но иногда близкія народному духу. Дипломатія XIX в. тоже намѣчала новыя политическія задачи и тоже не всегда отличалась пониманіемъ своихъ цѣлей. Поэтому недостатки Екатерининской дипломатіи мы не должны считать свойственными только той эпохѣ и только той дипломатіи.

Историческое значеніе дѣятельности Екатерины II.

Историческое значеніе дѣятельности Екатерины Второй опредѣляется довольно легко на основаніи того, что было сказано нами объ отдѣльныхъ сторонахъ Екатерининской политики.

Мы видѣли, что Екатерина, по вступленіи на престолъ мечтала о широкихъ внутреннихъ преобразованіяхъ, а въ политикѣ внѣшней отказалась слѣдовать за своими предшественниками, Елизаветой и Петромъ III. Она сознательно отступала отъ традицій, сложившихся при Петербургскомъ дворѣ, а между тѣмъ результаты ея дѣятельности, по своему существу были таковы, что завершили собою именно традиціонныя стремленія русскаго общества и правительства.

Въ дѣлахъ внутреннихъ законодательство Екатерины II завершило собой тотъ историческій процессъ, который начался при временщикахъ. Равновѣсіе въ положеніи главныхъ сословій, во всей силѣ существовавшее при Петрѣ Великомъ, начало разрушаться именно въ эпоху временщиковъ (1725—1741), когда дворянство, облегчая свои государственныя повинности, стало достигать нѣкоторыхъ имущественныхъ привиллегій и большей власти надъ крестьянами по закону. Нарощеніе дворянскихъ правъ наблюдали мы и во время Елизаветы и Петра III. При Екатеринѣ же II дворянство становится нетолько привиллегированнымъ классомъ, имѣющимъ правильную внутреннюю организацію, но и классомъ, господствующимъ въ уѣздѣ (въ качествѣ землевладѣльческаго класса) и въ общемъ управленіи (какъ бюрократія). Паралельно росту дворянскихъ правъ и въ зависимости отъ него падаютъ гражданскія права владѣльческихъ крестьянъ. Расцвѣтъ дворянскихъ привиллегій въ XVIII вѣкѣ необходимо соединялся съ расцвѣтомъ крѣпостного права. Поэтому время Екатерины II было тѣмъ историческимъ моментомъ, когда крѣпостное право достигло полнаго и наибольшаго своего развитія. Такимъ образомъ дѣятельность Екатерины II въ отношеніи сословій (не забудемъ, что и административныя мѣры Екатерины II носили характеръ сословныхъ мѣръ) была прямымъ продолженіемъ и завершеніемъ тѣхъ уклоненій отъ древне-русскаго строя, какія развивались въ XVIII в., Екатерина въ своей внутренней политикѣ дѣйствовала по традиціямъ, завѣщаннымъ ей отъ ряда ближайшихъ ея предшественниковъ, и довела до конца то, что они начали.

Напротивъ въ Политикѣ внѣшней, Екатерина, какъ мы видѣли, была прямою представительницей Петра Великаго, а не мелкихъ политиковъ XVIII вѣка. Она съумѣла, какъ Петръ Великій, понять коренныя задачи внѣшней русской политики и умѣла завершить то, къ чему стремились вѣками Московскіе государи. И здѣсь, какъ въ политикѣ внутренней, она довела до конца свое дѣло, и послѣ нея

русская дипломатія должна была ставить себѣ новыя задачи, потому что старыя были исчерпаны и упразднены. И такъ Екатерина—традиціонный дѣятель, не смотря на отрицательное ея отношеніе къ русскому прошлому, не смотря на отвлеченный характеръ ея личнаго образованія, не смотря, наконецъ, на то, что она внесла новые пріемы въ управленіе, новыя идеи въ общественный оборотъ. Двойственность тѣхъ традицій, которымъ она слѣдовала, опредѣляетъ и двоякое отношеніе къ ней потомковъ. Если одни не безъ основанія указываютъ на то, что внутренняя ядѣятельность Екатерины узаконяла ненормальныя послѣдствія темныхъ эпохъ XVIII вѣка, то другіе преклоняются передъ величіемъ результатовъ ея внѣшней политики. Какъ бы то нибыло, историческое значеніе Екатерининской эпохи чрезвычайно велико именно потому, что въ эту эпоху были подведены итоги предыдущей исторіи, завершились историческіе процессы, раньше развивавшіеся. Эта способность Екатерины доводить до конца, до полнаго разрѣшенія тѣ вопросы, какіе ей ставила исторія, заставляетъ всѣхъ признать въ ней первостепеннаго историческаго дѣятеля, независимо отъ ея личныхъ ошибокъ и слабостей.

Время императора Павла 1796—1801.

Наслѣдовавшій императрицѣ Екатеринѣ, ея сынъ Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ 6 Ноября 1796 года уже 42 лѣтъ отъ роду, переживъ много тяжелыхъ минутъ въ своей жизни и испортивъ свой характеръ подъ вліяніемъ холодныхъ, неискреннихъ и даже враждебныхъ отношеній, существовавшихъ между нимъ и его матерью. Императрица Екатерина нетолько не любила своего сына, но даже подозрительно относилась къ нему, такъ какъ не могла не видѣть въ немъ претендента на власть, перешедшую къ ней помимо Павла отъ его отца, Петра III. Конечно благодаря этой подозрительности она держала Павла вдали отъ дѣлъ, не допуская его къ участію, ни въ своемъ Совѣтѣ, ни въ администраціи, ни къ командованію войсками. Отсутствіе любви къ сыну вызывало въ Екатеринѣ небрежность въ обращеніи съ нимъ и такая небрежность усвоена была и всѣми любимцами императрицы. Павелъ былъ въ открытой опалѣ при дворѣ и не былъ гарантированъ даже отъ дерзостей со стороны придворныхъ его матери.

Понятно, какъ должно было все это угнетать и раздражать самолюбиваго Павла, который, при всей своей политической сдержанности, не могъ не понимать, что право на его сторонѣ, что униженія и оскорбленія, которымъ онъ подвергался, составляютъ не просто дерзость, невѣжливость, а преступленіе. Чувство личной обиды соединялось у Павла и съ чувствомъ обиды за своего отца Петра III, судьба котораго была ему въ точности неизвѣстна до самой смерти Екатерины, какъ не могъ быть извѣстенъ ему и характеръ Петра III. Отношеніе Павла къ матери было очень сложно и не могло быть безпристрастно.

Находясь въ сторонѣ отъ двора и политики, Павелъ искуственно ограничивалъ свои интересы семьею, личнымъ хозяйствомъ и командой надъ тѣми немногочисленными войсками, которыя составляли

гарнизонъ вновь устроеннаго Павломъ городка Гатчины. На государственное управленіе и на придворную жизнь смотрѣлъ онъ со стороны, какъ чуждый зритель, и поэтому оцѣнивалъ факты государственной жизни съ полной свободой критики. Несовпаданіе его личныхъ идеаловъ съ тѣмъ, что совершалось на его глазахъ, вызвало въ немъ чувство глубокаго недовольства ходомъ дѣлъ, осужденіе и правящихъ лицъ и самой системы управленія. Онъ рвался къ дѣятельности, а возможности дѣйствовать у него не было никакой. Силы ума поневолѣ растрачивались на мелочи и не обогащались необходимымъ опытомъ государственной дѣятельности.

При такихъ условіяхъ императоръ Павелъ, вступая во власть, обнаружилъ явную вражду къ порядкамъ, существовавшимъ при дворѣ его матери и къ людямъ, имѣвшимъ вліяніе на дѣла при Екатеринѣ Съ первыхъ минутъ его царствованія стало ясно, что новый государь будетъ дѣйствовать съ помощью новыхъ людей и совершенно въ новомъ направленіи. Властные фавориты Екатерины потеряли всякое значеніе; раньше унижаемый ими Павелъ теперь высказывалъ самое высокое представленіе о существѣ своей власти. Исполненный самыхъ лучшихъ намѣреній, онъ стремился всей душой къ благу государства, но отсутствіе правительственныхъ навыковъ мѣшало ему дѣйствовать удачно,—недовольный системою управленія, онъ не могъ найти вокругъ себя талантливыхъ людей на смѣну имъ. Желая водворить порядокъ при дворѣ и въ администраціи, онъ осуждалъ громко и искоренялъ старое, новое же насаждалъ съ такою строгостью, что оно всѣмъ казалось горше стараго. Неподготовленность къ дѣламъ сказывалась на всемъ, что дѣлалъ Павелъ и, соединяясь съ неровностью его характера, сообщала всѣмъ его мѣрамъ колоритъ чего то случайнаго, болѣзненнаго и капризнаго. Съ годами горячность и впечатлительность Павла перешли въ тяжелую способность терять самообладаніе изъ за пустяковъ; любовь къ порядку и законности замѣнялась пристрастіемъ къ внѣшнимъ формамъ подчиненія и благочинія; вспыльчивость обратилась въ припадки жестокости. Если бы всѣ эти черты Павла оставались въ узкихъ рамкахъ его личной жизни, онѣ были бы едва замѣтны для историка, но Павелъ свои случайныя настроенія переносилъ въ законодательство и политику и они стали неизбѣжнымъ матеріаломъ для характеристики его какъ правителя.

А между тѣмъ какую симпатію будитъ въ насъ личность Павла въ его дѣтскіе годы; онъ росъ подъ руководствомъ умнаго Н. И. Панина. Ни Панинъ, ни Порошинъ, одинъ изъ младшихъ наставниковъ Павла, день за днемъ отмѣчавшій въ своемъ дневникѣ всѣ поступки маленькаго Павла, рѣшительно никто не замѣчалъ въ мальчикѣ ненормальныхъ психическихъ чертъ или несимпатичныхъ сторонъ характера. И отъ болѣе поздняго времени до насъ дошло много хорошихъ даже восторженныхъ отзывовъ о Павлѣ, какъ человѣкѣ, семьянинѣ и общественномъ дѣятелѣ.

Важнѣйшіе факты внутренней дѣятельности императора Павла не могутъ быть изложены въ видѣ стройной и правильной сис-

темы управленія, именно потому, что въ основѣ дѣятельности Павла лежали его личныя чувства и взгляды, не всегда постоянные и опредѣленные. Первымъ правительственнымъ актомъ большой важности во времена Павла былъ актъ о престолонаслѣдіи, обнародованный при коронованіи императора 5 Апрѣля 1797 г. Порядокъ наслѣдованія опредѣлялся «учрежденіемъ объ императорской фамиліи» очень подробно, по праву «естественному». Вмѣсто прежняго, установленнаго Петромъ Великимъ въ 1721 г. порядка произвольнаго назначенія наслѣдника престола лицемъ царствующимъ, установлялся неизмѣнный порядокъ перехода престола по прямой нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну, «дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія кому наслѣдовать». Учрежденіе императора Павла, какъ не трудно замѣтить, возстановляло и узаконило старый до-Петровскій обычай перехода власти. Нарушеніе этого обычая Петромъ I дало горькіе плоды въ XVIII в. и на самомъ Павлѣ отразилось тяжелымъ образомъ, отнимая у него увѣренность въ томъ, что холодность матери не лишитъ его престола. Эта мысль о возможности лишиться своего законнаго права угнетала Павла задолго до смерти Екатерины, самый актъ о престолонаслѣдіи составленъ былъ имъ и его супругой Маріей Ѳеодоровной (урожденная Софія Доротея Вюртембергская, внучка сестры Фридриха II Прусскаго) задолго до обнародованія его еще въ 1788 году, въ тѣ дни, когда Павелъ думалъ ѣхать изъ Петербурга на театръ турецкой войны.

Менѣе важны были мѣропріятія императора Павла въ сферѣ управленія и относительно сословій. Недовольный пріемами Екатерининской администраціи и безпорядкомъ въ дѣлахъ, Павелъ перенесъ свое недовольство отъ злоупотребленій на административную систему, при которой эти злоупотребленія существовали. Онъ можно сказать, пытался даже отмѣнить эту систему, возстановилъ упраздненныя при Екатеринѣ Коллегіи измѣнилъ административное дѣленіе Россіи (вмѣсто 50 Екатерининскихъ губерній образовалъ 41 губернію); возвратилъ прежнія формы управленія окраинамъ государства, тѣмъ областямъ, которыя отошли къ Россіи отъ Швеціи и Польши, отмѣнилъ многое въ томъ мѣстномъ самоуправленіи, на которомъ была построена при Екатеринѣ мѣстная администрація. Всѣ эти мѣры императора Павла нарушая стройность прежней системы, ничего новаго, однако не создавали взамѣнъ: онѣ мало приносили пользы, иногда же клонились и ко вреду. Общія формы управленія, дѣйствовавшія во всемъ государствѣ, были распространены Екатериной на недавно пріобрѣтенныя провинціи, западныя и юго-западныя, конечно съ цѣлями скорѣйшаго сліянія ихъ населенія съ основнымъ населеніемъ государства; реформы Павла испортили это благое дѣло. Возстановленіе коллегій не вдохнуло новой жизни въ отжившія учрежденія и преемникъ Павла, императоръ Александръ, замѣнилъ коллегіи министерствами.

Въ отношеніи сословій политика императора Павла проникнута была тѣмъ же духомъ противорѣчія политикѣ Екатерины, какой за-

мѣтенъ и въ его административныхъ мѣрахъ. Рядъ привиллегій, данныхъ Екатериной дворянству и въ меньшей степени горожанамъ, не согласовался съ личными взглядами Павла на государственное положѣніе русскихъ сословій. Императоръ не допускалъ возможности существованія въ государствѣ привиллегированныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе цѣлыхъ группъ и высказывалъ это въ очень рѣзкихъ фразахъ. «Въ Россіи великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и только пока я съ нимъ говорю», такъ высказался однажды Павелъ въ бесѣдѣ о русской аристократіи. Ясно, что нетолько закрѣпленія, но и соблюденія сословныхъ правъ, созданныхъ Екатериною, отъ Павла ожидать было трудно. И дѣйствительно Павелъ уничтожилъ нѣкоторыя привиллегіи высшихъ классовъ (при немъ дворяне и горожане снова подпали тѣлеснымъ наказаніямъ за уголовныя преступленія); Павелъ ограничилъ во многомъ дѣйствіе Жалованныхъ грамотъ 1785 г., стѣснилъ мѣстное самоуправленіе, установилъ закономъ 1797 г. высшую норму крестьянскаго труда въ пользу помѣщиковъ (три дня барщины въ недѣлю) и такимъ образомъ положилъ первое ограниченіе помѣщичьей власти. Къ такому же ограниченію вело и запрещеніе продавать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли съ молотка. Такое направленіе мѣръ Павла въ защиту низшаго класса и въ ущербъ интересамъ высшихъ классовъ понималось и понимается иногда какъ начало того переворота въ правительственной дѣятельности, какой наступилъ яснѣе въ эпоху Александра I и позднѣе повелъ къ уничтоженію крѣпостного права и исключительныхъ сословныхъ привиллегій. Подъ вліяніемъ распоряженій Павла, крестьянство заговорило о свободѣ отъ помѣщиковъ, и уже въ 1797 г. начались крестьянскія волненія во внутреннихъ губерніяхъ. Однако императоръ Павелъ далекъ былъ отъ строгой послѣдовательности и въ своей сословной политикѣ. Нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы считать его сознательнымъ противникомъ крѣпостного права—главной дворянской привиллегіи. При Павлѣ въ Новороссіи былъ воспрещенъ существовавшій тамъ свободный переходъ крестьянъ, а въ центральныхъ мѣстахъ масса казенныхъ населенныхъ земель была пожалована въ частное владѣніе и тѣмъ самымъ крестьяне государственные обращались въ частновладѣльческихъ, т. е. крѣпостныхъ. Въ 4 года царствованія Павелъ роздалъ 265,000 крестьянъ мужскаго пола, тогда какъ Екатерина на всемъ своемъ вѣку раздала ихъ всего 400,000.

Внѣшняя политика императора Павла.

Въ моментъ смерти Екатерины II Россія находилась въ формальномъ союзѣ съ Австріей, Англіей и Пруссіей противъ Франціи.

Суворовъ получилъ приказаніе сформировать армію въ 60,000 чел. для совмѣстнаго дѣйствія съ Австрійцами. Императрица Екатерина считала такимъ образомъ, необходимымъ противодѣйствовать французской революціи и возстановить французскую монархію. Императоръ Павелъ сначала не признавалъ этой необходимости. Вступая на пре-

столъ, онъ заявилъ, что «остается въ твердой связи съ своими союзниками», но отказывается отъ прямой войны съ Франціей, ибо Россія, будучи въ «непрерывной» войнѣ съ 1756 г., нынѣ нуждается въ отдохновеніи. Итакъ, вопреки своей матери, Павелъ желалъ держаться политики невмѣшательства. Но это желаніе онъ не могъ исполнить и почти все свое царствованіе провелъ или въ войнѣ съ Франціей, или въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Англіей, довольно случайно мѣняя свой политическій фронтъ.

Сперва рядъ произвольныхъ дѣйствій французскаго правительства на западѣ обнаружилъ передъ императоромъ Павломъ полное неуваженіе директоріи къ международному праву и приличію. Загадочныя приготовленія Франціи къ какой то войнѣ (это была Египетская экспедиція), арестъ русскаго консула на Іоническихъ островахъ, покровительство польскимъ эмигрантамъ, слухи о намѣреніи французовъ напасть на сѣверный берегъ Чернаго моря—все это заставило императора Павла примкнуть къ коалиціи, образовавшейся въ 1799 г. противъ Франціи изъ Англіи, Австріи, Турціи и Неаполя. Русскій флотъ дѣйствовалъ противъ французовъ на Средиземномъ морѣ и посылалъ дессанты въ Италію на помощь Неаполитанскому королю Фердинанду VI. Русская армія, въ соединеніи съ австрійскими войсками подъ начальствомъ Суворова, дѣйствовала противъ Французовъ, въ сѣверной Италіи. Суворовъ, нетолько опытный и отважный боевой генералъ, но и самостоятельный тактикъ, одаренный крупнымъ талантомъ военнаго творчества,—быстро, всего въ полтора мѣсяца, очистилъ всю сѣверную Италію отъ французскихъ войскъ, разбивъ Французовъ на рѣкѣ Аддѣ. Когда же французскія арміи Моро и Макдональда устремились на Суворова съ цѣлью лишить его завоеваній и вытѣснить изъ Италіи, Суворовъ заставилъ Моро отступить безъ боя, а Макдональда разбилъ въ трехдневной битвѣ на берегахъ Требіи. Назначеніе новаго французскаго главнокомандующаго (вмѣсто Моро) Жубера не поправило дѣла: Жуберъ былъ разбитъ и убитъ въ битвѣ при городѣ Нови. Съ паденіемъ крѣпости Мантуи сѣверная Италія окончательно перешла во власть Суворова, но въ это время Суворовъ былъ оттуда отозванъ для дѣйствій въ Швейцаріи. Вступивъ въ Швейцарію послѣ упорныхъ битвъ съ французами у С. Готарда, русскія войска не были во время поддержаны австрійцами и попали въ отчаянное положеніе, такъ какъ были лишены припасовъ и снарядовъ и окружены превосходными силами непріятеля въ Мутенской долинѣ. Съ громадными усиліями удалось однако Суворову, одержавъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ, пробиться къ Гларису, а оттуда уйти въ южную Германію. Другой же русскій корпусъ Римскаго-Корсакова, дѣйствовавшій въ Швейцаріи, былъ разбитъ французами при Цюрихѣ. Не безъ основанія Суворовъ приписывалъ неудачи компаніи плохимъ распоряженіямъ австрійскаго военнаго совѣта (Гофкригсрата), желавшаго изъ Вѣны руководить всѣми движеніями на театрѣ войны. Императоръ Павелъ раздѣлялъ мнѣніе Суворова и обвиняя австрійцевъ въ пораженіи отряда Римскаго-Корсакова, отозвалъ свои войска въ Россію и разорвалъ союзъ съ Австріей, отозвавъ своего посла изъ Вѣны въ

1880 году. Въ томъ же году отозванъ былъ русскій посолъ изъ Лондона, вслѣдствіе совершенно аналогичныхъ причинъ: императоръ Павелъ былъ недоволенъ отношеніемъ англичанъ къ вспомогательному русскому корпусу дѣйствовавшему противъ французовъ въ Голландіи.

Такъ совершился разрывъ Павла съ его союзниками. Въ 1800 г. вслѣдствіе этого разрыва Россія заключаетъ миръ съ Франціей и готовится къ войнѣ съ прежними союзниками. Императоръ Павелъ заключаетъ союзъ съ Пруссіей противъ Австріи и союзъ съ Пруссіей же, Швеціей и Даніей противъ Англіи. Особенно дѣятельно идутъ приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Англіи: Донское казачье войско уже выступило въ походъ къ Оренбургу съ цѣлью нападенія на Индію. Но смерть императора Павла (11 Марта 1801 г.) прекратила эти приготовленія.

Итакъ, принципъ невмѣшательства не былъ выдержанъ императоромъ Павломъ. Отвлеченное чувство законности и страхъ подвергнуться нападеніямъ со стороны Франціи заставили Павла воевать съ французами, личное чувство обиды заставило его отступить отъ этой войны и готовиться къ другой. Элементъ случайности такъ же силенъ былъ въ политикѣ внѣшней, какъ и въ политикѣ внутренней: и тамъ и здѣсь императоръ Павелъ руководился скорѣе чувствомъ, чѣмъ идеей.

Ошибки и опечатки въ III выпускѣ.

Страница:	*Строчка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	39	философское	философское
6	4	содерженіе	содержаніе
6	11	прашлаго	прошлаго
10	24	понимаемь	понимаемъ
10	33	считають	считають
10	39	дороформенный	дореформенный
15	7	создавало	создало
24	37	безъ соомнѣнія	безъ сомнѣнія
34	43	qu'ilne	qu'il ne
49	15	экскурскій	экскурсій
62	1	Молдавія	Молдавіи
73	9	и	и
79	13	времени	времени
82	13	управлеія	управленія
84	36	отразилось	отразилась
85	10	единиголичнаго	единоличнаго
90	24	обывательные	обязательные
92	6	Голицынъ	Голицыны
94	45	усратнить	устранить
95	4	взвѣстна	извѣстна
95	45	напряженное	наряженное
96	4	открылися	открылся
103	42	Меньшиковъ	Меншикова
108	11	замѣщенія	замѣщеніи
122	29	таго	того
138	23	смо ры	смотры
170	46	создана	созвана
192	1	1880	1800

Примѣчаніе къ стр. 179 строчка 21: Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи производилось постепенно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЫПУСКЪ I.

	СТРАН.
Введеніе	1
Исторіографическія замѣчанія	5
Обзоръ источниковъ	19
Древнѣйшая исторія нашей страны	44
Общественный бытъ древнихъ славянъ	47
Образованіе Кіевскаго Княжества	51
Замѣчанія о первыхъ временахъ Кіевскаго Княжества	57
Кіевская Русь въ XI—XII в.в.	64
Колонизація Суздальской Руси	79
Вліяніе татарской власти на Удѣльную Русь	83
Удѣльный бытъ Владимірской Руси	86
Новгородъ	93
Ходъ обособленія Новгорода и условія, создавшія особенности Новгородской жизни	95
Устройство и управленіе	96
Сословія Великаго Новгорода	99
Псковъ	100
Литва	101
Возвышеніе Московскаго Княжества	105
Усиленіе Литовскаго Княжества	113
Московское Княжество въ XV и въ началѣ XVI вѣка	117

ВЫПУСКЪ II.

СТРАН.

Иванъ Грозный 1533—1584 1

Понятіе о власти Московскихъ государей. — Бояре.— Опричнина и ея послѣдствія.—Развитіе частнаго землевладѣнія.—Крестьяне и ограниченіе права перехода.— Холопы.

Смутное время 35

Причины смуты.—Прекращеніе династіи.—Избраніе Бориса царемъ и его государственная дѣятельность.—Внѣшняя политика Бориса.—Лже-Дмитрій (Гришка Отрепьевъ).— Избраніе Шуйскаго.—Тушинскій Воръ.—Иноземное вмѣшательство въ Московскія дѣла.—Удаленіе Шуйскаго.— Владиславъ.—Смерть Вора.—Соборъ 30-го іюня 1611-го г.— Жолкѣвскій.—Мининъ и Пожарскій.—Соборъ 1613-го г.— Избраніе Михаила Ѳедоровича Романова.—Общій обзоръ смутнаго времени.

Михаилъ Ѳеодоровичъ 1613—1645. 109

Путешествіе Михаила въ Москву.—Вопросъ объ ограниченіяхъ царской власти. — Постоянные земскіе соборы.— Положеніе государства.—Патріархъ Филаретъ.—Мѣстное управленіе.—Сословія.—Соборъ 1642 г.

Литературные памятники, оставшіеся отъ смутной эпохи и времени Михаила Ѳеодоровича. 133

Алексѣй Михайловичъ 1645—1676. 136

Внутренняя дѣятельность правительства при Алексѣѣ Михайловичѣ.—Морозовъ.—Милославскіе.—Волненія въ Москвѣ и другихъ городахъ.—Земскій соборъ 1648—49 гг.— Уложеніе. — Финансы. — Разинскій бунтъ. — Церковныя дѣла.—Исправленіе книгъ.—Никонъ и его паденіе.—Культурныя вліянія.—Личность царя Алексѣя Михайловича.

Главные моменты въ исторіи Южной и Западной Руси въ XVI—XVII в.в. 184

Унія Литвы съ Польшей.—Церковная Унія.—Казаки.— Богданъ Хмѣльницкій.—Присоединеніе Малороссіи.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ 1676—1682 г. 194

Личность царя Ѳеодора.—Проектъ учрежденія академіи.— Военная и податная Коммиссіи. — Уничтоженіе мѣстничества.

ВЫПУСКЪ III.

СТРАН.

Петръ Великій (введеніе) 1

Время Петра Великаго. (Дѣтство и отрочество Петра 1672—1676—1682—1689). 25

Годы 1689—1698 43

Дѣятельность Петра съ 1700 г. 54

I. Внѣшняя дѣятельность Петра. 54

II. Внутренняя дѣятельность Петра Великаго . . 65
1) Мѣры относительно сословій. 2) Мѣры относительно управленія.

III. Военное устройство 77

IV. Мѣры для развитія народнаго хозяйства . . . 78

V. Мѣры относительно церковнаго управленія. . 82

Отношеніе народа къ дѣятельности Петра 88

Семейныя отношенія Петра 94

Значеніе исторической дѣятельности Петра Великаго. 96

Событія XVIII-го ст. Время отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы (1725—1741 гг.) . 99

Дворцовыя событія съ 1725 по 1741 г.г. 99
Меншиковъ. — Петръ II. — Избраніе Анны. — Биронъ регентъ.—Переворотъ въ пользу Елизаветы.

Управленіе Россіей съ 1725—1741 г.г. 119
Верховный Тайный Совѣтъ.—Кабинетъ.—Коммиссія о коммерціи.—Измѣненіе въ положеніи сословій.

Внѣшняя политика Россіи 1725—1741 г.г. 128

Время императрицы Елизаветы Петровны 1741—1761 г.г. 129
Дѣятели времени Елизаветы.—Внутренняя дѣятельность.—Дворяне.—Крестьяне.—Внѣшняя политика.

Петръ III-ій и переворотъ 1762 г. 146
Личность Петра III-го.—Льготы дворянамъ.—Отношеніе Петра III-го къ Екатеринѣ.

Время императрицы Екатерины II-ой 1762—1796 г.г. 157
Первое время правленія Екатерины II-ой.—Законодательная дѣятельность.—Коммиссія для составленія проекта новаго Уложенія.—Учрежденія о губерніяхъ.—Внѣшняя политика Екатерины II-ой.—Историческое значеніе дѣятельности императрицы Екатерины II.

Время императора Павла 1796—1801 г.г. 186
Внутренняя дѣятельность императора Павла.—Внѣшняя политика Павла.

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАЯ
В.О. 5 лин. 54
СКЛ.ВЛАДИМИРСК.ПР.4

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 27 '64 H
408 469

HALL USE

593157

374823

MAY 2 1973 H

CANCELLED

MAR 1 1973

BOOK DUE
JUL 1984

1180500

SEP 10 1993
BOOK DUE